

3423 E

Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи.

Лаврентьевский список летописи 1377 г. является одним из памятников, наилучше отражающих особенности древнерусского языка. Это произведение не переводное; в нем обыкновенно приходилось излагать события простым языком. Правда, этот язык был литературный своего времени и во многом подражал языку священных текстов, переписанных с югославянских оригиналов, особенно, если приходилось вводить рассуждения на религиозные темы, или слагать похвалу какому-либо лицу; но и стихия русская народная здесь очень заметно сказывается. По чистоте народного языка летописец превосходят только грамоты, но в лексическом отношении они уступают летописям. Нельзя конечно думать, чтобы летописец особенно старался выдерживать народную речь. Воспитанный на чтении церковных и святоотеческих книг, он старался подражать их языку; однако не всегда он мог это сделать: часто описываемый материал требовал особого выражения, для которого можно было найти соответствующие запасы только в народной речи. Несомненно, более заметно живое народное влияние сказывается в синтаксисе. Менять формы склонений и спряжений, встречающиеся на каждой странице книг св. писания и богослужебных, к которым уже привыкли читатели и слушатели, было менее естественно. То же отчасти следует сказать и относительно фонетики.

Однако и к синтаксическим фактам следует относиться в большей или меньшей степени также с осторожностью. Следует иметь в виду, что перед нами сложный памятник. «Повесть временных лет» уже была готова в самом начале XII в., а продолжение делалось постепенно до

998/50.

XIV в. «Лаврентий мних» переписал (или под его руководством другое лицо) и начальную летопись, возникшую на юге, может быть в другой лингвистической обстановке, и продолжение ее на северо-востоке, в Суздальской области. Теперь трудно решить, какие факты синтаксиса следует отнести к древнейшей эпохе, а какие к XIV в. Сопоставление их показывает, что они очень сходны и наводят на мысль, что уже в начале XII в. они так же существовали, как живое явление, как и в XIV в. Мог конечно составитель летописного свода, переписывавший начало его, подражать в своем стиле приемам древнейшего летописца, а мог и древний текст несколько поправлять применительно к своей речи.

Фонетика и морфология «Повести временных лет» уже давно исследована довольно удовлетворительно профессором Н. П. Некрасовым (ИОРЯС, I [1896]). Редактируя и издавая I² т. «Полного Собрания Русских Летописей» (Ленинград, 1926 и 1927 гг.), заключающий в себе «Лаврентьевский список летописи» полностью, я имел возможность непосредственно из оригинала извлечь синтаксические явления этого списка и в настоящей работе хочу поделиться своими наблюдениями с читателями. Синтаксический материал располагается применительно к формально-грамматическим рубрикам, каких автор держался при изложении синтаксиса белорусского языка (ср. Белорусы, т. II, вып. 3). Ссылки везде делаются на листы оригинала, отмеченные и в издании.¹

Разные теоретические вопросы здесь не рассматриваются, а дается только материал для суждения о них, так как правильное заключение можно сделать лишь по изучении синтаксиса и других др.-русских памятников.

Начнем с особенностей в употреблении рода.

Можно отметить целый ряд случаев, когда грамматический род уступает место роду естественному — полу: род определяется по значению. Сюда принадлежит, напр., употребление слов собирательных по форме женского рода в значении множеств. числа муж. рода: аще

¹ При цитатах в скобках иногда делаются ссылки на другие списки: Р = Радзивилловский, А = Академический (рукопись б. Моск. Духовной Академии), Т = Троицкий (ср. Предисловие к т. I² П. С. Р. Л.).

кнаже брата наша иссѣчена суть 48, рѣша старѣшина фараоша 6 об., иде Ярославъ на Чюдь и побѣди на 51, Мстиславъ . . . биса с Угрою и побѣди на 152 об., была суть Г. братья 7 об.

Грамматический род у слов, принадлежавших к основам на -й- (теперь -ъ), отчасти сохраняется вопреки теперешнему употреблению: наслажаешь твои гортань 25 об., плѣть Дѣдвъ 62. «Рязань» муж. р. и вдобавок склоняется как слово с основой на -jo-: ѣха Рязаню 129 об., иде на Глѣба к Рязаню ив., вышелъ из Рязана 146 об., поплѣнивше Рязань весь 159 об.; кетати отметим: ѡвоощь розноличнѣи — возити по городу 43 об., где мужеский род не подлежит никакому сомнению. В выражениях, подобных следующему: «хочю жити с (въ) Переяславци: тако то есть середя в земли меси» 20—20 об., местоимение то передает более древнее тз, и отступлений в роде не представляет.

Числительные от 5 до 10 в древнюю пору языка считались именами существительными и поэтому были женского рода. Но значение числительных, как собирательных слов, было причиной того, что при тех же словах сказуемое, изменяемое по родам, ставилось в среднем роде ед. ч.: кыпань ѡдинѣ изгѣбло на полку тѠ Г. тѣсачь 153 об. Есть даже случаи, когда числительное 20 рассматривается как слово ед. ч.: рѣ имъ Стославъ есть насъ К. тѣсачь 21—21 об., хотя здесь такое употребление зависело от слова «есть», поставленного перед подлежащим.

Имена прилагательные, а также местоимения, изменяемые по родам, и причастия в роде согласуются с именами существительными, к которым относятся. Однако в причастиях, которые, уже начали терять свое склонение, обращаясь в деепричастие, естественно согласование в роде начало нарушаться: повелѣ Ѡльга . . . рькуше сше 15 об., въ единѣ стѣи дѣхъ исходаще 38 об., се же видѣвше дружина его ив., братья глѣще 63, заутрени суще годинѣ 75 об., и раздѣлишася на двою ѡдина сташа оу града рать борюще 73 об., и т. д.

Интересны для нас случаи, когда прилагательное, изменяемое по родам, местоимение или числительное употреблено без имени существительного и последнего даже подразумевать нельзя. Тут обыкновенно

ставился средний род прилагательного: елико ихъ крѣщѣе приази суть. . . и елико ихъ есть не хрѣщно 11 об., съ маломъ же дружинѣ възвратиса 14 об., луче ѿ праведнику малое 78 об.

Есть случаи среднего рода даже при существительных других родов: быша оусобицѣ много (РА многы) 55 об., звѣрье различнии и птици и рыбы оукрашено 79 об. Сюда же принадлежат выражения, соответствующие теперешним — во-первых, во-вторых и т. д.; да буди блѣгнѣе на васъ перво ѿ Ба̄ а второе ѿ стѣна Горы 53 об., се перьвѣе възалъ нси зракъ ѡчью мою 94, ходи. . . на Итъвагѣе второе 96, но уже замечаем и стремление к множественному числу: Володимерко — не стерпѣвъ вdrugъ побѣже передъ нѣ в Перемьшль 113. Если встречаем рядом с единственным числом и множественное среднего рода, как: ту вса блѣга сходатса 20 об., пакы ветхата мимо идоша. и се быша новата 41 об., тѣмъ краснѣе всѣхъ наслѣдоваста 47 об., аще вы послѣдната не люба. а передната приимайте 78, сказа нму вса приключышаса нму 107, мы та вса ѡставыше възвратиса вспать. ѡ нѣ же почали бахѣ прѣ глѣти 144 об., — то в таких случаях это, несомненно, грецизм, зашедший к нам с югославянскими переводами. Средний род единств. числа местоимения «иже», да и прилагательных, употребляется еще тогда, когда хотят обозначить ими вообще целую, довольно неопределенную, совокупность предметов: на горѣ еже са ныне зоветь Оугорское 8, возми дань еже хочещи 22, разграбиша. . . и порты первѣе князи еже баху повѣшали в црквахъ стѣхъ 142, ѡ тмами любве нже к намъ 74 об.; Суздаль буди нама ѡбче. да кого всхотать. то имъ буди князь 128 об.; может быть сюда относится и выражение: тако бо баше любви в браты тои 63 об.; хотя здесь «такое» можно рассматривать и как наречие. В фразе: бѣи грѣи страшень. зарази двое чади 137 об. — «двое» такой же средний род. В фразе: мѣтвою родителю свою 111 — определить род невозможно, так как в родит. п. двойственного числа наблюдается совпадение того и другого родов.

Утратили различие по родам в косвенных падежах сравнительная степень прилагательных и причастия, обратившись в несклоняемые слова:

между путем идущим на Берестово. и другымъ в монастырь идуще 77, мнѣство народа изидоша противу нму. жалостныа слезы испущающа 163 и под. Неуменье использовать церковнославянизм следует усматривать в отсутствии согласования в выражениях: въ .а̄. е лѣ̄. во н же бѣи епѣпомъ 159 (вм. въ не же), иже пасеть словесныа ѡвца. . . бда за нъ дѣи и ноць 132 об. (вм. за на, как в Радзив. и Акад. списках).

Кроме рода, каждая именная часть речи содержит и себе еще указание числа. Эта особенность принадлежит к чисто формальным, но здесь на употребление того или другого числа иногда оказывает влияние и материальная сторона слова. Так слова с собирательным значением в древнерусском языке и в данном случае в Лавр. летописи обыкновенно употребляются вместо множ. числа. Сказуемое, глагол или определение прилагательное при таких словах может стоять во множественном числе. Такими собирательными словами являются «братия, братья»: рекъ не та почать. избивати браю. но ѡнъ 48, аще княже брага наша, исѣчена суть 48, совѣкупленѣ же братья. рѣ имъ Антонии 53, оумножившимса братья в пещере 53 об., идоша брага ко Антонию 53 об., братья же оуда(ри)вше в било. и собрашаса вси 62 об., начаша брага просити 63, братья глѣще ив., тако бо баше любви в браты тои 63 об., перенесоша брага вса 96 об., ѿ братья не бѣи нму (Андрьѣви) помощи 101 об., приде Изаславъ из Новагорода. бѣвъ оу братья своее 103 об., почаша просити братьѣ своее. ихже баху изымали Берендѣи 115 об., послалъ нсмъ к братьѣ свои в Русь. какова ми вѣсть будѣ ѿ нѣ 124, срѣтоша. . . вса брага нго 145 и т. д. Таково же слово «князья — князья»: послани ѿ Игора. великого княза Рускаго. и ѿ всакого князья 11 об., не ходили со всею князью 134 об., Стослав. . . възвратиса г Кънѣву со всею князью 135. Таково же «старѣшина»: рѣша старѣшина фараѡна 6 об. Таково же «дружина»: рекоша дружина Игоревы 14 об., кдѣ суть дружина наша. ихъ же послахомъ по та 16, се же видѣвше дружина его. мнози крѣтишаса 38 об., Андрьѣва же дружина при-

ѣздаче к нему жаловаху глѣще 108, не крѣпко бьются дружина-ни Половци 113, ѡради сна... с нѣколикѡ дружины своєа 113 об., вса дружина ѡ мала до велика стѣхашаса к Володимерю 125 об., дружина Всеволожа начаша князю жаловатиса 130 об.; есть впрочем случаи когда это слово употребляется и во множественном числе: поиду в Русь приведу боле дружинъ 22. В таком же смысле употребляется «земля», но сказуемое и определение при нем обыкновенно ставится в единств. числе: се присласа ко мнѣ Словѣнска земля просащи оучителя... сего бо желаютъ 9, посла нѣ Дервьска земля 15, иже възлюби новѣша люди Русьскую землю 41, се веде на нѣ Ладьскую землю 58 об., приде Половечскаа земля вса 102 об.; в таком же смысле употребляются названия народов: приходиша Русь 5 об., ѡбидоша Русь ѡколо 10, исполшиша Русь 21 об., иже суть подо мною Русь 22 об.; иде Ярославъ на Чюдъ и побѣди на 51, Мстиславъ... биса с Угрою и побѣди на 152 об., побѣдиша Зимѣгола 95, воєваша Литва 154.

Собирательное значение имеют и слова отвлеченные: ѡполоненѣа ѡпусти в роженье своє 113 об. (к родным), Гѣ твоимъ промѣслѡ звѣрье различнии и птица и рыбы оукрашено 79 об., ѡгородиша а съ столпьемъ (РА огородиша столпеемъ) 53 об., бѣи буре велика и много пакости бѣи по селомъ дубье подрало 172 об., влачиша трупье изъ гробли 23 об., налѣзоша и ѡльга высподи трупья ив., не ѡбрѣтоша тѣла сего въ трупи 46, ѡбрѣтошаса трупья мртѣвы вса... трупья мртѣвѣхъ своєхъ наметаша корабла 169 об., а трупья богаръ тѣ повелѣ по деревью извѣшати 170. В последних случаях уже имеем и множ. ч. от «трупье». В конечной фразе и «деревье» в собирательном смысле. Повидимому и «полуночь» (копахом до полуночѣа 70) употреблено в таком же смысле. Отвлеченные слова на -ство также имеют собирательный характер: выдоша противу ему мнѡство народа и игумени с черноризци 104 об., тогда же все множество Половецъ ѣхаша к городу битѣса 113, придоша на княж дворъ многое мнѡжество 130 об., мнѡство народа изидоша противу ему жалостнѣа слезы испущающа 163, ѡн же жалуга комоньства єго повелѣ

и погresti надъ Стыремъ 108 об.; здесь под «комоньством» также резумеется собрание хороших качеств коня. Собирательный характер могут иметь слова средн. рода местоимений, как: елико ихъ крѣнѣе пригали суть... и елико ихъ есть не хрѣнѡ 11 об., и раздѣлишаса на двоє ѡдина (Р едини) стапа оу града рать борюще 73 об. Такое же значение имеет и муж. р. «кождо»: повѣдаху кождо своимъ ѡ бѣвшемъ 10 об., кождо своа норovy приша 30, крѣтившим же са людемъ идоша кождо в дома своа 41. Собирательный смысл имеет средний род и в следующих примерах: бѣи грѡ страшенъ зарази двоє чади 137 об., на горѣ еже са нѣне заветъ Оугорское 8. Заменяют множественное число единственным и некоторые другие слова, не имеющие значения множественности; ѡ тѣ чина (в это время) бо почиваетъ и звѣрь и птици и члѣвци 81, ѡстатокъ бѣенѣ тѣ бѣжаша 134 об. То же относится к прокъ «избыток» (ср. Е. С. Истрина. Синтакс. явления Синодального списка I Новг. летописи, 70).

Есть немало и других случаев, где употреблены в единств. числе вм. множественного глаголы и др. слова: ѡ ниѣе есть Полане в Киевѣ 4, придоша Грьци хулаше вси законѣ свои же хвалаше и много глѣша сказающе 36 об. (возможно и описка вм. ще, как на это наводит конец предложения?), носаше в приполѣ цвѣткѣ иже глѣтса лѣпокъ 64, кладази иже суть за тобою ѡ вѣстока ис того вода идеть по трубѣ 37 об., баше ѡколо града (л)ѣсъ и боръ великъ 4. О несогласовании причастий, теряющих склонение, уже была речь, напр.: стрѣ имѣите Бѣи в срѣдци своємъ и мѣтнѡ твора неѡскудну 78, принесъ положиша и в рацѣ мороморанѣ 54 об.

Но вообще говоря в древнем языке собирательных слов было не особенно много; поэтому всякая совокупность предметов выражалась *множественным* числом. Некоторые слова, по разнообразию состава своих частей или действий всегда употребляются только во множ. числе. Таковы, напр., «постриги»: быша постригѣ оу великаго княза 138 об., ср. 139, 149, 172 об.; «мошѣ»: азъ в то чинъ прокопѣ на мошѣ Ѳеодосьевы 70; «мяса»: вѣна кожую съ масѣ 42 об., повелѣ пристроити кола (и) вѣскладше хлѣбѣ маса рыбы... возити

по городу 43 об., почта оучити не ѣсти масъ 118, многажды бра-
нашетъ ѣсти масъ въ гдѣскѣхъ праздниѣхъ 119. Pluralia tantum
употребляется и книги: написаѣ книги си лѣтописецъ 96, иже чететь
книгы сиѣ (летопись) то буди ми въ мѣтвахъ 96.

Очень обычно обозначение стран по именам народов, населяющих
их: прилежащия ко Индомъ (= к Индии) 1 об., по Двинѣ (ити)
въ Вараги 3, не ходи княже оубыють та побѣгни в Печенѣги
24 об., да посылають в Греки—корабли 11 об., иде Ольга въ Греки
17 об., приде Олегъ из Грекъ 68 об., оумре Болеславъ в Ласѣхъ
и бѣи матежъ в земли ладскѣ 51, възвратиса в Лахы Боле-
славъ в землю свою 58 об., чага помощи в Ласѣхъ 90 об., в пус-
тыню межю Лахы и Чехы 49 об., есть могила его оу Искорь-
стѣна гра в Деревѣхъ 14 об., са бѣжа в Ватичѣ 104 об.,
ходи... на Итъвагы второе 96, ведена Передьслава в Угры
за королевичъ 94 об., идоша... Половци такоже в Половцѣ
111 об., Половци же възвратиса шпачь в Половцѣ 120 об.,
конѣ и скоты и швцѣ погнаша в Половцѣ 120 об., Ярославъ
поѣха в Татары к Батыеву 165.

Часто употребляется множ. число для обозначения времени: мѣа
авгу въ гѣ в нѣ по шбѣдѣ бѣи видѣти всѣ акы мѣць четыре
дѣи 159 об., Половци... присунушася в борзѣ 98, гаже оустроихъ
въ службѣ то держи 63. Сюда принадлежит и раньше приведенное
«постриги», происходившие в известном возрасте.

Особый случай употребления множественного числа вм. единствен-
ного для обозначения состояния лица или предмета: азъ пришедь
есмь въ сторожѣхъ 19, посла Олегъ Ярослава брата своего
в сторожѣ 85, внукъ Юргевъ ѣздаше напереду в сторожѣ
с Переяславци 153 об., на гнѣвѣхъ замысли таготу Кианомъ
123 об., идуць на лѣстѣ к нему 145 об., оружыя не снимайте
с себе вборзѣ не розгладавше лѣнощами 80 об., шскверниса
кровьми земля Руска 25, любве ради мѣнци прользаша крови
своа 68 об., многы крови проливахуться межю ими 116 об.

Не русская особенность, а ц.-славянская, развившаяся под влиянием
греч. оригиналов, — употребление множ. ч. средн. рода прилагат. и

местоимений, когда они употреблены неопределенно вместо существи-
тельных: что ти въздамъ ш всѣ гаже въздасть нѣ 41 и под.

Можно отметить несколько случаев непоследовательного употребле-
ния множ. числа вместо единственного: шн же изиде изъ града
с уздою и ристаша сквозѣ печенѣги 19 об., Аврамъ же бѣша
лѣ .с. и .е. 30 об., жену свою любите но не дайте имъ надъ
собою власти 80 об. Множ. число вм. ожидаемого двойственного:
приступиша ту шбои 42 об.

В древнейшую пору русского языка в нем употреблялось *двойствен-*
ное число, поддерживаемое и знакомством писателей с др.-церковно-
славянскими текстами. Как и в других родственных языках, знающих
это число, оно употреблялось: 1) для обозначения парных предметов,
напр., Шверзостася шчи има и разумѣста тако нага еста 29, да
оузрите своима шчима 44 об., се перьвѣе взалъ нси зракъ шчью
моею 91, Шверзлъ башеть ему Бѣ шчи срдѣнѣи 163; червье
въкънахуса подъ бедру кму 65 об., согрѣшиша Ш главы и до
ногу 48, падъ на колѣну прѣ штарѣ 168 об., мѣтвою родителю
свою 111; 2) двойственное употреблялось в сочетании с числитель-
ными два — две, оба — обе, напр., баста оу него .в. мужа 7 об.,
.в. мужа... поидоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста
7 об., .в. брата... пришедъша сѣдоста 5, Ламехъ оуби два
брата Енохова и пога собѣ женѣ ею 49 об., ш се чинъ же
сѣдоста .в. брата в монастыри 70, тура ма .в. метала на розѣ
и с конемъ 82 об., посла два Варага прикончатъ нго 46, створи
двѣ главѣ златѣ 33, в Ватичи ходихо по двѣ зимѣ 81 об., .в.
части дани идета Киеву... 17, по дву же лѣту Синеоушъ
оумре 7, имѣныя не мало шбою страну взаша 159 об., Глѣбу же
оубьену бывшю и повержену на брезѣ межю двѣма колодама
47, Стополкъ стояше межю двѣма шзерома 48 об., Игорь съ двѣма
снѣма 134 об.; 3) двойственное число употребляется и тогда, когда
вообще идет речь о двух лицах или предметах: А(с)кольдо же и Диръ
шстаста въ градѣ семь 75, глѣ... да придѣта к намъ 8, почто
не гаста Ш древа суцаго посредѣ раа 29, рекъ се ба твоа
Изрлю 33, радуитаса (Борис и Глѣб) свѣтлѣи звѣздѣ заоутра

въсходати 47 об., въ послевѣ к брату своему 58 об., Иа же испытавъ чья еста смерда 59, она же (два волхва) в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ вынимаста любо жито· любо рыбу· и оубивашета многы жены 59, въ есвѣ аѣгла· а се идетъ к тебѣ Хс̄ 65, се слышавъ Давыдъ и Олегъ· печална быста вельми 88 об., слышавъ князь Андрѣи· гата брата своа... посла сѣна свокго 123, она же звѣдаста почаста городъ твердити... она же затвористаса в градѣ 135 об., Всеволодъ же с братѣ своимъ Стославомъ· посласта... он же посла к нима... и рада быста 136, сама княза оутекоста 147 об., рекъ има (двум сыновьям) возлюбленѣи мои чадѣ· будита межи собою в любви· боитаса... восприимѣте... не презрита 151 об., Всеволдъ же и Мстиславъ· сжалистаси брата свокго дѣла Володимера 160 об., по смрти совкуши Бѣ телеси (два тела) кю 163, не давѣ бо погубити града ѡца своего 58 об., възвысила бо есть ваю (Бориса и Глѣба) свѣтоноснати любви нбнати 47 об., зане без винъ прольа кровь Борисову· и Глѣбову праведною (двух праведных) 48, аще не имате волхву сею не иду ѡ вас и за лѣто (двух волхвов) 59 об., аще ли наю погубиши многѣ печаль приимеши и зло 60, пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ не изгнанъ ли бѣхъ ѡ ваю брату своею 67, един же ѡ дѣтскою тою оубенъ бѣи ту с нѣ бывшею 108 об., Летскую божницу· стю мѣнку зажгоша 115, слушаху Дѣдилца и Бориса Рязаньскою послу 125 об., ворочю все что ксмъ поималъ оу шюрину своею 128, князь Всеволодъ приа ею в любовь 131, ты бра наю старѣишии 131, на Всеволода· и Стослава· на меншею брату 135 об., нонѣ хочете брату своею оубити 136, иже (дьявол) ею (их двоих) прельсти... в помыслѣ има вложъ рекшема има како избевѣ сѣ· а сами приимевѣ едина всю власть 150 об., вполчитаса ративше-маса полкома 23, самѣма аѣглѣ повѣда имана 29, вѣси како нама жалъ ѡтна стола 58 об., пославше к нима звахуть ею к собѣ на свѣтъ лестью· абы како гати ею 135 об. и т. д.

Как выдающуюся особенность в употреблении двойственного числа в русском языке составляло, как в свое время отметил А. И. Соболев-

ский (Лекции⁴, 205), то, что в двойственном числе ставились не только определение-прилагательное, местоимение, относящееся к двум предметам, но и названия самих предметов: пронесошаса стѣа стрѣца Бориса и Глѣба 61, въ стю мѣнку Бориса и Глѣба 74, положиша и брага оу стю мѣнку... Бориса и Глѣба 117, сѣна бѣи пркы стю мѣнку Бориса и Глѣба 151, имѣаше же вѣру велику· к тѣм мѣнка Бориса и Глѣба 169. В некоторых подобных фразах «Бориса и Глѣба» можно рассматривать и просто как род. пад. ед. ч., но это выражение уже стало стереотипным. Отражение подобных оборотов и в следующем: на памѣ стго аѣгла Петру и Павла 172, заложена бѣи пркы... Кузму Демьяну 170 об. Из приведенных примеров можно видеть, как последовательно употребляются формы двойственного: можно было видеть только два отступления — «восприимѣте», «сами», так как «идуче», «прорѣзавше» уже не склоняемые формы; вообще же в двойственном стоят не только имена, но и глаголы. Двойственное при числительных не успело еще распространиться на 3 и 4, при которых правильно употребляется множественное: имаху же по двѣ и по три жены 5, быша ·Г· братья 36, быша ·Г· братья... сѣдаше Кии на горѣ... 4, была суть ·Г· братья 7 об., быша ·Г· сѣнца сѣгающа межи собою· а столпи ·Г· ѡ земля до нбсе 103, поима въ вѣлости ихъ ·Д· городы· и слышавше ѡидоша ѡ Перетаслава 103, ѡ мужа по ·Д· куны 49.

Переходя к рассмотрению предложения, выделим в особую группу бессубъектные предложения, в которых нет грамматического подлежащего, стоящего в именительном падеже и подразумевать нельзя, или в которых связь между подлежащим и сказуемым очень ослаблена и неясна. Примеры: не бѣ лзѣ изъ града вѣлѣсти 19 об., не бѣ лзѣ внити в Киевъ 19 об., не бѣ лзѣ Володимеру помочи· не бѣ бо вои оу него 44, не баше лзѣ кона напоити 20, иного не лзѣ казати срама ради 55 об., посемъ же начаша в дне гавлатиса на конихъ и не бѣ их видѣти самѣхъ 71 об., пружи покрѣша землю· и бѣ видѣти страшно 76 об., аще ли вѣи будѣ кртъ цѣловати к братьи... 80, реци баше стоаще над нѣ 83 об., не буди ему

Ѡ Ба̄ мира оузрѣти на ѡнѡ свѣтѣ 84 об., есть не разумѣти ꙗзыку ихъ 85, бѣ видѣти всѣ 159 об. Во всех приведенных случаях бессубъектно употреблены те или другие формы глагола ꙗкъ — быти и при них инфинитив дополнение другого глагола.

Не менее часто к подобному соединению, как и выше при лъзѣ, прибавляется отрицание: рѣша не ли кого иже бы могъ на ѡну страну дойти 19 об., не бѣ никого же вслѣдъ гонащаго 49 об., вса земля наша велика и ѡбилна. а нарада в ней нѣтъ 7, нѣту ли быка велика и силна 42 об., глѧ. нѣту ли такого мужа 42 об., в се же время оувѣдѣша Печенѣзи ꙗко княза нѣту 44, а Ѡ княза помочи нѣту иб., нѣту бо ти мужа никоемже 80, тако ли мнѣ нѣту причастыа в земли Русскѣи 107, князь нашъ оубьенъ. а дѣтеи оу него нѣту 125 об., нѣ мужьства. ни ѣ думы противу Бѣи 134, рѣ сего не бывало ѣ в русьскѣи земли 88 об.

Бессубъектно могут употребляться и другие глаголы в 3 л. ед. числа: тѣм же из Руси может ити в Болгары 3, крѣмъ бо князѣ в бранѣ пособить 58, тѣм же прѣркъмъ глѣтъ нѧ. разумѣхъ рѣ... 130 об., тобѣ княже достойтъ блюсти головы своеѣ 87 об.; особенно в соединении с ꙗ: Хамови же ꙗса (выпало) 1 об., ꙗкоже пишется в лѣтописаньи гречьстѣмъ 6 об., рекоша ꙗму ѡчѣ оумножилоса братьѣ 53 об., случиса... ꙗвлатиса на въздушѣ. на конихъ рищюшимъ. въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ 55 об., приключиса нѣкоему Новгородцю прити в Чюдъ 60, бѣ пожаръ в Володимери... в полъночи зажжеса. и горѣ мало не до вечера 138 об., бѣ пожаръ великъ въ градѣ... Загориса. и горѣ до вечера 140 об.

Выражением бессубъектных предложений служит инфинитив: ꙗкоже рещи (= так сказать) 1 об., да кленутса... храни ти ѡ всемъ ꙗже суть написана на харатыи сеи 14, рѣ Стѡславъ во емъ своимъ. оуже намъ сде пасти 21, симъ дани намъ не дати (им не давать нам дани) 27, Бохмитъ ны оучитъ глѧ. ѡбрѣзати оуды таинчѣи и свининѣи не ꙗсти 27, изби ꙗ. ꙗко ма[ло] и Ѡ тако-вѣна бѣды избѣгнути 7 об., знаменье ꙗвиса на нѣси. ꙗко видѣти всей земли 50 об., повѣдага людемъ. ꙗко на пятое лѣто. Днѣпру

потещи вспать. и землямъ преступати на ина мѣста 59, в се же лѣто. (бѣсть) знаменье в слнци. ꙗко погыбнути ꙗму. и мало са ꙗго ѡста 71 об.; как видно из последних четырех примеров, инфинитив часто бывает при ꙗко (ѡсте); рѣ... бодру быти на шѣнне цркв-ное 62, тѣмже рѣ... блюстиса Ѡ лѣности 62, повелѣша оустроити мѣсто. идѣже положити мощѣ ꙗго 70, наоучиса... быти блго-чѣно дѣлатель 79, поидѣ к Переяславлю. ту ти ꙗму прити. да негли ту покоритса 107, рѣша брату твоѣму Кълева не оудержати. да не будѣ ꙗго тобѣ ни тому 108 об.

Бессубъектность предложения выражается сказуемым в среднем роде прилагательного: се не добро еже малъ городъ ѡколо Клева (РА мало городовъ) 42, зло есть нашѣи головамъ. да намъ ꙗсти дереванчѣи лъжицами. а не сребранчѣи 43 об., чюдно слышати и 36 об., да луче ли ны померети 44, лучи бо ми сде оумрети 38, съ слезами глѧ. оувѣ мнѣ Гѣи. луче бы ми оумрети съ братомъ 46 об., не любо ми есть в Клевѣ быти 20, положиша и (въ церкви). оуже (бѣ) самъ заложилъ. бѣ бо въздано ꙗ при немъ. възвѣше ꙗко на кони стояще досащи 51, дивно има (РА ми) дружино... 93 об., по селомъ дубье подрало 172 об.¹

В роли сказуемого бессубъективного предложения может являться «жаль»: аще ти не жаль ѡчинчѣи своеѣ. ни мѣре стары суца 20, то лошади жаль. а самого не жаль ли 93 об. В таком же смысле утратившего значение субъекта может явиться «неволя»: неволѣ ми своеѣ головы блюсти 88.

Сказуемое стоит в 3 л. мн. ч., подлежащее можно бы подразумевать, но для этого нет надобности: ꙗкоже рѣша 3 об., их же емше ѡвѣхъ растинаху. другия аки странъ поставлаще. и стрѣлаху въ на 10, начаша скоть сбирати. Ѡ мужа по дѣ куны 49, да не клати вѧ начнутъ 80 об., не ходи княже хотать та ꙗсти 87 об.;² да творать куплю. ꙗкоже имъ надобѣ 12.

В роли сказуемых здесь могут выступать и некоторые наречные выражения: ѡже ти брате не досыти всю землю Русскую дер-

¹ Ср. Е. С. Истрина, оп. с., 32.

² Гб., 45.

жаще· а хочешъ и сеѣ волости 102, лютѣ бо граду тому в немъ же князь оунѣ 48, а что дружины Всеволожи повазаша всѣ 136 об., рѣша Нооугородьци Стославу· въдаи ны Володимира· онъ же рѣ имъ вото вы есть 21.

В некоторых грамматически полных предложениях связь подлежащего со сказуемым сильно ослаблена вследствие отсутствия полного согласования: ѿ них^те есть Полане в Киевѣ 4, была оусобицѣ много 55 об., поручено же бѣи ему стража морьская 169, в Торжку туча на оиднѣ часу ровъ оучинило хоромовъ нѣсколько снесло изъ основаныа 171 об.

Грамматическая связь между подлежащим и сказуемым ослаблена до того, что подлежащее, обозначая количество, стоит в винительном падеже или даже в падеже с предлогом: раздѣлишася на двое полуvinу ихъ иде к погребу· а половина ихъ иде по мосту 57 об., того же лѣ· Киевъ погорѣ половину Подольа 104, прѣкви згорѣ ·ѣи· а города мало не половину 140 об. Рядом с этим возможно и правильное употребление: города половина погорѣ 138 об. В приведенных примерах вопрос «сколько?» переводит подлежащее с формальной стороны в область пояснительных слов (вин. п.).¹ Подлежащее заменилось падежом с предлогом или другим сложным выражением: ѣхали бо баху по повелѣнью Ростовець противу князема· с полторы тысячѣ 126, истопоша боле тысячи ихъ· бяжимъ гнѣвомъ гоними 132. Формальная связь подлежащего и сказуемого есть, но ослаблено логическое соотношение их: рѣ имъ Стославъ есть насъ ·к· тысящъ 21 — 21 об., бѣ бо рече оу Соломана женъ ѿ 25 об. Здесь, кроме того, «рече» вводное слово имеет форму бессубъектного предложения. В выражении: по мнѣ идетъ полкъ со княземъ· бе-щисла множество 20, вследствие разобщения глагола (идеть) с подлежащим (множество), получается впечатление бессубъектности.

Отметим еще ряд случаев, где нет одного члена, обыкновенно сказуемого, на лицо, да и подразумевать его нет надобности, это предложения неполные: срамославѣ в нѣ предѣ оутици 5, рѣша вой

¹ Ср. нашу заметку в Сборнике в честь А. И. Соболевского, 39.

идеже глава твога· ту и свои главъи сложимъ 21 об., бѣда аки в Роднѣ 24 об., оцима оуправленье· изыку оудержанье· оуму смѣренье· тѣлу порабощенье· гнѣву погубленье 79. Смешанный пропуск: днѣ живи а заоутра в гробѣ 80 об., тое же весны болестъ кнѣзю силна 171 об.

Обращаясь к рассмотрению двучленных предложений, начнем с выражения подлежащего. Оно обозначает действующий предмет и поэтому обыкновенно выражается именем существительным, стоящим в именительном падеже, напр.: велика бо бываетъ полза ѿ оученыа книжного 51 об., великаа црѣкы· стоѣ Бѣѣ... сгорѣ 117 об., стръип ти оумерлъ Вячеславъ 114 об., в то же лѣ престависа Глѣбовата Гюргевица Суждали 114; об отсутствии согласования в некоторых случаях подлежащего со сказуемым, напр.: придоша на княжь дворъ многое множество 130 об., рече у нас уже была. Не представляет синтаксического явления, а морфологическое: А(с)кольдо же· и Диръ остана в градѣ семь 76.

Кроме именительного падежа, в роли подлежащего иногда выступает *звательная* форма, как это также изредка наблюдается и в народной речи: и тогда въздвигнувьса Йрополкъ· въторгну изъ себе саблю· и возпи великѣи глѣмъ охъ тот ма враже оулови 69; то же в Радзивиловском списке: охъ тот ма враже погуби 120;¹ повидимому тоже звательная форма в фразе: иде на ма... ѿсюда Гюрге (РА Гургии) съ Ѡлговичи 109.

Вообще же звательная форма (а иногда и именительная) обозначает лицо, к которому обращена речь: не добра дань княже 6, переключала ма еси Ѡльга (А олго) 17 об., потагнемъ мужьски братья и дружино (Р братье) 21, аще бо быхъ брате мой видѣлъ лице твое англѣое· оумерлъ бѣи с тобою 46 об., что придосте с хромьцемъ симъ· о вы плотници· суще 48 об.

В значении подлежащего может выступать часть речи изменяемая по родам — прилагательное, причастие, при чем, несомненно, подразумевается существительное, которому приводимая часть речи служила

¹ Ср. еще нашу заметку в Сборнике в честь А. И. Соболевского, 39.

определением: не даша ему ту блізъ живущи 4, послани Ѡ Игоря... 11 об.; в средн. роде мн. ч. будет ц.-славянизм, подражающий греч. обороту: ту вса бл҃га сходитса 20 об., пакы ветхы мимо идоша и се быша новага 41 об., аще вы послѣднѣи не любя а передныи приймаите 78.

Может заменять подлежащее и простое указание на имя или его качество, что достигается местоимениями разного рода: не хочю га заробичича 99 об., иногда опускается местоимение: не хочю розути робичича но Ярополка хочю 99 об., рекъ не га почыхъ избивати брѣю но онь 48, то ти брате велико добро створиши землѣ Русскѣи 93 об., гл҃а не видѣ ли коня никтоже 196. При къждо сказуемое обыкновенно ставится во множ. числе: живаху кождо 2 об., имаху бо обычаи свои... кождо свои нравъ 5, повѣдаху кождо своимъ ѡ бѣвшемъ 10 об., оучаще та ктоже (Соф. кождо) вѣрѣ свои 27 об., ѡбѣдаша братья... кождо с братьи своими 61 об. В роли подлежащего являются и другие местоимения: ѡвца и волове все тоще нонѣ 74 об., хочю жити с (въ) Переяславци ꙗко то есть середя в земли моеи 20 — 20 об., сѧ творить что было надобѣ 83. Местоимение «тъ» выступает и в значении члена: ѡскверниса кровьюи земля Руска и холмо-тъ 25, тако бо баше любы в братьи тои 63 об.

Неопределенные числительные также выступают в роли подлежащих: елико ихъ крѣпче пригали суть... и елико ихъ есть не хрѣсно 11 об., ни на власть Корсунскую и елико есть городовъ ихъ 22 об., видиши колько воин у брѣ твоего нама ихъ не перебороти 24 об., видиши ли колико са мнѣ склучи 67, дружингы много избѣено 135.

Нельзя не отметить случая выражения подлежащего наречием «зауотра», употребленным в смысле «утро»: ꙗко бѣи зауотра всѣдыше в лодью противу свѣту и вѣструбина вельми 20. То же в 1 Новг. лет. (Е. С. Истрина, 63).

Сказуемое обозначает признак, возникающий от подлежащего. Поэтому в славянских языках, как и в других родственных, носителем предикативности является глагол, как единственная часть речи, которая

может выразить время возникновения признака. Хотя в ином предложении и нет на лицо глагола, но последний или подразумевается, или по крайней мере чувствуется присутствие глагольности. Сказуемые бывают двух родов: сказуемое простое и сказуемое составное. Первое выражается одною глагольною формою: видите ли горы сѧ 3 об., Пищаницы волчьы хвоста бѣгають 27, рѣ Мьстиславъ тако буди 50, Андрѣви рѣ иди Курску 102, да входить в городъ ѡдинѣи вороты 12, не даите пакости дѣяти ѡтрокомъ ни своимъ ни чюжимъ 80 об., иде на Деревьску землю 16, собра писцѣ многы и прекладаше Ѡ грекъ на словѣньское письмо 51 об., сожыжаху — вложяху 5, да что оума придасте что Ѡвѣщае 36 об., аще ѡбращють Русь кубару 13, се же рѣ княже не вѣдѣ могу ли са 42 об.

О согласовании сказуемого с подлежащим в числе уже была речь.

В *составном* сказуемом, признак приписываемый подлежащему, дан в имени, поэтому на долю глагола остается только чисто формальная роль — обозначить отношение такого признака к подлежащему. Вследствие этого глаголы, входящие в состав сложного сказуемого, или не имеют никакого материального содержания или очень незначительное. Они поэтому являются предикативной *связкою*. Такою связкою обыкновенно являются формы глагола *късмь* — *быти*: рѣша Нооугородьци Стославу. вѣдай ны Володимира. онь же рѣ имъ вотю вы есть 21, но се ему бѣ нелюбо... рька Руси есть веселье питье 27 об., есть служба и паче всѣхъ странъ 37, бѣи сѣча зла ꙗко же не была в Руси 49, бѣи ему болость зла 123 об. В теперешнем русском языке в настоящем времени связка обыкновенно опускается. Начало этому можно отметить уже в древнейших памятниках русского языка: а коньць вѣсѣмъ книгамъ оже ти собѣ не лжбо то того и друугоу не твори Сборн. Святослава 1073 г.: ты на кнѣзъ 231 I Новг. л., сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, кнѣзи позвани ив. 232; ср. Акад. сп. летописи (л. 237): сватба прѣстроена бѣ. меды посычены... (Ср. еще Истрина, § 11). То же встречаем и в Лавр. летописи: вса земля наша велика и ѡбилна 7,

бѣда аки в Роднѣ 24 об., оувидѣ тако ис Корсуна близь оустье Днѣпрское 3 об., гдѣ же ныне оувозъ Боричевъ 4, не трее Бѣи единъ Бѣ 39, на лицѣ ему срамни оудове 55 об., аще ли не хочета то нѣ невола 58. Связка может опускаться и в бесубъектных предложениях, когда признак сказуемого выражается инфинитивом: волок до Ловоти [и] по Ловоти внити в Ълмеръ ѡзеро 3, и по тому морю ити до Рима а Ѡ Рима прити... ко Црѣюгороду 3, рѣ Стославъ оуже намъ нѣкамо са дѣти волею и неволею стати противу 21 об. Однако, в аналогичных же примерах связка может быть и налицо: гдѣ есть ныне Оугорьска земля 2 об., Кии есть перевозникъ былъ 4, ихже градъ есть Смоленскъ 4, иже суть подо мною Русь 22 об.

Но глагол *късмь* — *быти* может иметь и некоторое реальное значение «существовать, находиться, бывать, иметься», тогда он всегда налицо: Ѡ сихъ же ·б· и ·в· языку бѣи языкъ словѣнскъ 2 об., быша ·г· братья 36, была суть ·г· братья 7 об., есть притѣча в Руси 4 об., кдѣ суть дружина наша 16, есть оу мене кдинъ снѣ меншей дома а с четырьми късмь вышелъ 42 об., заложѣ Ярославъ городъ великѣи оу него же града суть златаи врата 51 об., бѣяху Киевѣ мужи Ярославѣ 50 об.

Прошедшее совершенное в древнем языке также имело при себе глагол *късмь* и могло быть рассматриваемо, как составное сказуемое: во множѣхъ же времанѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаевѣ 2 об., възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы нбнана 47 об., переключала ма еси Ѡльга 17 об., есть оу мене кдинъ снѣ меншей дома а с четырьми късмь вышелъ 42 об., Гѣ нашъ показалъ ны есть на врагы побѣду 79 об., се перьвѣе взалъ еси зракъ ѡчюю моею 91, тамо в Новѣгородѣ ѣхалъ късмь здоровъ и сѣмо приѣхалъ късмь твою мѣтвою здоровъ 167, правъ газъ аже есмь тако 8чинилъ 170 об. Но уже встречаются случаи и когда связка в этом времени опускается — обыкновенно в 3 л. ед. и множ. чисел, напр.: по нему же оучилъ стѣи Ѡндрѣи 3 об., блгвенъе...могю игумена иже ма постригалъ 53, юже прѣквѣ оучинилъ ѡцѣ его кнѣ Андрѣи 123, не ходили со всею князькю 134 об.

Что касается частей речи, входящих в составное сказуемое, то таковыми могут быть только имя существительное, прилагательное, местоимение, числительное и причастные формы, таким образом, части речи склоняемые или склонявшиеся прежде, а теперь утратившие свою изменяемость. Все эти части речи, входя в составное сказуемое, согласуются с подлежащим в падеже, т.-е. стоят в именительном падеже. Со временем, с усилением в составном сказуемом глагольности, связка стала приобретать постепенно реальное значение, а имя вследствие этого понемногу утрачивает свой предикативный характер и обращается в дополнение или обстоятельственное слово, и уже стоит не в именительном, а творительном падеже. В Лаврентьевской летописи кое-где можно видеть только зачатки этого явления. Итак в составное сказуемое входит имя *существительное*: Нарци еже суть Словѣне 2 об., они же не свѣдуше рекоша тако Кии есть перевозникъ былъ 4, ты князь ли еси 20, како вы инѣ оучители сами Ѡвержени Ѡ Бѣи и расточени 28, бѣ Кайнъ ратаи а Авель пастухъ 29 об., аще имъ есть земля мѣи то ѡцѣ имъ есть нѣбо 39 об., бѣи самовластецъ Русстѣи земли 51, вашь старѣшина антихрестъ ксть а вы бѣси есте 66, иже бѣша свѣтъници 68 об., тако и прѣнѣсмъ ти ворожбитъ ни мѣстникъ 84 об., Югра же людѣи языкъ нѣмъ 85, съ бѣ агна а не волкъ не бѣ бо хитага Ѡ чюжѣи домовъ бѣтства 150, бѣ тѣло его гадъ псѣи и воронѣ 168, то бо сѣ мои ворози 170 об.

Именительный падеж бывает и тогда, когда употребляется в роли связки другой глагол с ослабленным материальным значением: баху мужи мудри и смыслени (и) нарицахуса Полане 4, на горѣ еже са ныне зоветь Оугорское 8, Ѡтолѣ прослу Перунаана Рѣнь 40 об., наоучиса... быти блгочтѣно дѣлатель 79.

Как пример творительного в составном сказуемом отметим: жена грекини бѣ и баше была черницею 75, понеже бѣ была мѣи его черницею 78, въ ·а· е лѣ во н же бѣи епшомъ 159, ср. I Новг лет.: да не боудеть Новѣи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ 165, поставленъ бѣи пѣмъ въ сыропою нѣ ив. стр. 249¹

¹ Примеры из Синодального списка 1-й Новгородской летописи берутся из работы Е. С. Истриной (Пгр. 1924, отт. из ИОРЯС, тт. XXIV и XXVI).

Кроме имени существительного, в составное сказуемое входит *прилагательное*, обыкновенно в краткой форме, которое согласуется с подлежащим в роде, числе и имен. падеже: совлекутса и будутъ назн 3 об., азъ погана есмь 17 об., бѣ несѣтъ блуда 25 об., се же бѣ невѣголось 25 об., Володимеръ же рѣ послушаю рѣ 28 об., бѣ мѣрѣ но наконецъ поползеса 32 об., на зло слемн скорн сутъ 46 об., бѣ бо Болеславъ великъ и тажекъ тако и на конн не могъ сѣдѣти 48 об., бѣ матежъ великъ и голодъ по всеи тои странѣ 50, бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна 50 об., бѣ тишина велика в земли ив., не годно бѣ людемъ 104, Изаслав же перебрѣде на Каневъ толико сѣ третии 107 об., имѣны бо бѣ несѣтъ акы адъ 119 об., бѣ кму болестъ зла 123 об., Суздаль буди нама ѡбче 128 об., бѣ блжннн съ кнѣ правдивъ 151 об., бѣ же Василко лицѣ красенъ ѡчима свѣтель и грозенъ 163, бѣ бо всему хѣтрѣ ив.

Бывает в сказуемом и сравн. степень несклоняемая: естѣ служба и паче всѣхъ странъ 37.

Глагол связка иногда и опускается: мѣ недужи противу вамъ стати 21, правъ изъ аже есмь тако ѡчинилъ 170 об., оумъ молодъ не дошелъ 173.

Такое же положение, как прилагательное, в составном сказуемом занимает *причастие* страдательное настоящего и прошедшего времени: да держимъ будеть створивши оубиство 13, Ярославъ . . . любимъ бѣ книгамъ 52, аще кто ѡмреть ѡ вашн людии то възносимъ естъ на нбо 60 об., согрѣшихѡ и казними есмъ 74 об., едина казнъ . . . ѡвы важемъ и патами пханми и на зимѣ держими и оуранамн 74 об., бѣ бо любн ѡцю своему повелику 89; Семешн иде на Храваты и побѣженъ бѣ Храваты 106., бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою 25 об., аще кнаже брѣна наша исѣчена сутъ 48, спанье естѣ ѡ баприсужено полудне 81. Иногда при причастии отсутствует связка: дружина ихъ вса изымана и всѣ вельможи ихъ 130 об.

Из других частей речи в составном сказуемом выступают *местоимения* и *местоименные числительные*: бѣси . . . глѣху нашъ еси 66,

Изаслав же выправиса весь из города и ста на болонн и с товары 107, до твоего живота твои Кыевъ 114 об., не створи ми пакости а се твои Кыевъ 115.

В роли составного сказуемого выступает *наречное* выражение: елико ему будетъ требѣ 13.

Особенно интересны случаи выражения составного сказуемого *причастием действительного залога* настоящего и прошедшего времени: баху ловаща звѣрь 4, первое быша работающе имъ 6 об., бѣна бо ходаще акн се Половци 8 об., бѣ вода текущи въздолъ горы Киевскихн 15, бѣ ловы дѣи Олегъ 23, бѣ володѣи единъ в Руси 23 об., бѣ . . . привода к собѣ мужьски жены и дѣцѣ растлята 25 об., бѣ бо самъ люба жены 27 об., будещи стена и траса до живота своего 29 об., естѣ црѣки та стоищи въ Корсунѣ градѣ 38 об., бѣ воюгаса с ними и ѡдолага имъ 42, бѣ бо люба словеса книжнага 43, бѣ бо Володимеръ люба дружину 43 об., Володимеръ . . . бѣ жива с князи ѡколними миромъ ив., бѣ Ярославъ люба црѣвннн оуставы 51 об., Бѣ естѣ на нбси сѣда 59 об., грѣшници въ адѣ сѣ ждуще мѣны вѣчннн 60 об., Феодосия бо бѣ люба н 70 об., бѣ же и самъ въздержаса ѡ пы(нь)ства и ѡ похоти 72, послѣ ѡтрокъ свои в Печеру люди наже сутъ данъ дающе 85, бахуть бо борци стоище горѣ во бронѣ и стрѣлающе 110 об., бѣ блжннн съ кнѣ правдивъ . . . всѣ милумъ всѣ набда 151 об., бѣ бо всему хѣтрѣ и гораздо ѡмѣн 163. Сюда же принадлежит и следующий случай: бѣста руцѣ держаста (= -аще?) на рамѣ 169. Глагол есмь может и отсутствовать: прозвашаса имены своими гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ 2 об., велику честь приимъ ѡ црѣ при которомъ приходивъ црѣ 4, рѣ има Ианъ какъи то Бѣ сѣда в безднѣ 59 об. Особенно любимы такие обороты в придаточных предложениях: а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса; не вѣдяху камо бѣжаще; оумькаху жены собѣ съ нею же кто свѣщавса (Т.); его же оумьючи того не забываете доброго а кгоже не оумьючи а томуса оучите 80 об.; да приходачи Рѣ слюбное емлю елико хотачи Радз. 15 об. В переводах с греческого в подобных оборотах можно бы усматривать грецизм,

но в летописи на такие обороты можно смотреть и как на живое явление, тем более, что они отчасти известны и теперешней живой речи. Эти обороты имели в виду выдвинуть самый признак, обозначаемый глаголом в ущерб его развитию благодаря деятельности подлежащего.

В роли связки в подобных предложениях могут выступать и другие глаголы с ослабленным значением, при чем причастие дополняет их. Первоначально наше причастие согласовывалось с подлежащим: аще ли обращются Русь работающе оу Грекъ· аще ли суть плѣньници 13, сѣде княжа ту· въ Перемаславци· емла дань на Грьць^x 19 об., сѣде прамо из раа плачаса 29, како сконча зижка· оукрашию иконами 42, ѡче ѣда ѣдинъ мнишиса хода 100. Если причастие употреблено при глаголе с полным реальным значением, то оно конечно в составное сказуемое уже не входит, а просто поясняет подлежащее: идаста видуче зарю велику 70 об., ступиша Половци воюючи 72 об.

Если в составное сказуемое входят глаголы страдательного залога, то в старом языке стоящее при них имя ставилось в именительном падеже, так как оно согласовалось с подлежащим: како пришедше сѣдоша· на рѣць иманемъ Марава и прозвашася Морава 2 об., прозвашася Лахове 3, нарекошася Полане 3, ѿ сем прозвашася Полочане ив., тѣм же и грамота прозваса словѣньска ив., прозовется (има его) велика свѣта англъ 34. Очень редко в подобном положении допускается творительный падеж, как в теперешней живой речи: прочи прозвашася Русью (Т. русь) 8.

То же бывает, когда употребляется действительный оборот; второе дополнение обыкновенно стоит в винительном падеже и реже в творительном: рѣку Гѣѡну зовемую Ниль 2, сдѣлаша градъ· и нарекоша и Новъгородъ 3, наидоша (= наидоша?) га козарѣ сѣдашага на горѣ сихъ в лѣсѣхъ 6, жраху имъ наричюще га бѣи 25. Причастие в подобном положении принимает форму деепричастия: ѡца налѣзохъ· с полку пришедше 81 об., оузрѣ Василко Торчина остра ножь 88. Пример на творительный падеж: ибо локтемъ сажень зовуть 30.

Возможность составного сказуемого основывается на том принципе, что некоторые глаголы сами по себе не в состоянии выразить тот при-

знак, который необходимо приписать предмету, как возникающий от него. Этот признак выражается именем и местоимением, иногда даже неизменяемой частью речи. Но иногда и таких способов выражения сказуемого оказывается недостаточным: чтобы вполне обозначить деятельность подлежащего, приходится к личной глагольной форме еще прибавлять инфинитив. Получается таким образом как бы сложное сказуемое. Тут на первом плане следует поставить такое употребление когда личным глаголом являются «иметь, хотеть, начать», которые в древнейшую эпоху языка служили с инфинитивом для образования будущего времени: они были в роде связки с слишком ослабленным значением: ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочети дати 85 об., нача слатиса мира прѡса 113 об., въсхотѣ пойти въ Римъ и проиде въ вустѣ Днѣпрское 3 об., не хочю розути робичича· но Ярополка хочю 23 об., не вѣдыи како близъ погыбель хоташе быти ему 26 об., еда ли топерво хощ(ет)ъ быти се 34 об., и рѣша се оуже хочемъ померети ѿ глада· вдимыи са Печенѣгомъ 44, ѡтро хотат са людѣ передати Печенѣгѡ 44, цркви многи Бѣ въздвигнути имать 3 об., аще саду... то имѣ рать съ Стополкѡ взати 72 об., к этим глаголам приближается по значению мочь: тѣм же из Руси можетъ ити в Болгары 3; так же употребляется «начать»: кто нача княжїи ѿкуду рускага земла стала есть 1 об., воевати почаша сами на са 7, почаша володѣти 7, егда са начаху казати· и помиловашеть ѿ 32 об., рекъ не га почяхъ· избивати браю· но ѡнь 48, пославъ нача поимати оу нарочитое чади· дѣти и дати нача на оученье книжное 41, при семъ нача вѣра хѣланьска плодитиса· и раширати 51 об., и не лѣнитиса начеть· такоже и тружатиса 78, плакатиса нача попадыа 88, почаша просити братьѣ своее 115 об., почата бѣи писати цркы в Володимери 117 об., дружина Всеволожа начаша князю жаловатиса 130 об., почата бѣи здати мѣа... 138 об. Понятно, что при глаголах с полным материальным значением инфинитив является просто дополнением: еда намъ то же мыслите приати 28, повелѣ изнестиса на дворъ 62 об., нарѣ ѡба Изаслава ѡставити дома 104, многажды бранашеть ѣсти масъ въ гдѣскыѣ прздѣ-

никы 119, оумыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ 93; присла Романъ и Костантинъ и Стефанъ слы къ Игореву построи мира первого 11; посемь сѣдоша Деревлане пити 16, подобна еси прѣтвти въ гра с нами 17 об.

Обращаясь к рассмотрению особенностей глагольного сказуемого, припомним, что некоторых особенностей в употреблении *ми* и *чисел* мы уже касались раньше во вводных статьях. Здесь разве отметим, что иногда сказуемое согласуется с ближайшим подлежащим в един. числе, хотя их дается несколько: плакаса по ней снѣ ея и внуци ея и людье вси 20 об.; при склонности правильно проводить двойственное число в глагольных личных формах причастие может стоять во множественном числе, потому конечно, что оно обратилось в деепричастие: ·в· мужа . . . пойдоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста 7 об.

Формы *настоящего времени* употребляются так же, как и в теперешнем языке, напр., для обозначения действия постоянного: аягль бо чѣвку зла не створаетъ 46, чѣвкъ золь ни крта са боить 46 об., или происходящего в данный момент: исходить же ѿ неа смрадъ золь 49 об., Полочане же рекше лишається насъ и выгнаша Стополка 100, Печенѣзи ѡстоятъ Кыевъ 51, стѣни к ней же вси хрыане съ страхѡ пририцють 119.

Настоящее иногда употребляется для обозначения будущего, особенно когда оно бывает соединено с приставкой: ци аще ключитса 13, ци аще оударить мечемъ 13 об., да что оума придасте что ѡвѣщаете 36 об., в малѣ придетъ дружинѣ 58 об., оубьенъ кго послѣди скажѣ 124. Интересно употребление времен при обозначении направления рек; тут и настоящее и будущее и одно из прошедших: Волга· иже идетъ на востокъ 2, ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ и вѣтечь семьюдесатъ жерель в море 3, Двина ис того же лѣса потечѣ а идетъ на полунощѣ ив., того ѡзера видеть оустѣе в море Варажское 3, из него же ѡзера потечеть Волховъ и вѣтечь в ѡзеро великое Ново ив.

Что касается *прошедших времен*, то в летописи встречаются все те времена, которые известны и старославянскому языку, но не всегда в этих формах можно усматривать живое явление др.-русского языка.

Так, напр., имперфект мог быть живым явлением при составлении Начальной летописи, но в XIV в. он мог употребляться лишь по памяти о старине, поддерживаемой в летописце чтением церковных книг: си бо съаше аки луна в ноци 20 об., собра писцѣ многы. и прекладаше ѿ грекъ на Словѣнское писмо 51 об., Андрѣва же дружина приѣздаче к нему жаловаху глѣце 108. Иногда продолжительная повторяемость действия выражается имперфектом, образованным от глагола вида многократного: оумыкиваху оу воды двѣа 5, ту оумыкаху жены собѣ с нею же кто съвѣщашеса ив., и разгнѣваса Бѣ предашеть та иноплемьникомъ на расхищенье 32 об. Как бывало и в старославянском языке, и в языке летописи попадаются случаи образования имперфектов от глаголов вида совершенного: сожьжаху . . . вложуху 5, вину створь каку любо изидаше ис цркви· шедъ в кѣлю и оуснаше 64, червьѣ вѣкынахуса подъ бедру кму 65 об., многы крови проливахутьса межи ими 116 об.

Аорист встречается еще чаще, чем имперфект и обозначает действие, либо начавшееся в прошедшем, либо закончившееся в прошедшем. Аорист одинаково встречается во всей летописи: Днѣпръ потече из Оковьскаго лѣ(са) 3, приходиша Русь 5 об., кдѣ суть дружина наша ихъ же послахомъ по та 16, плакаса по ней снѣ ея и внуци ея 20 об., и разгнѣваса Бѣ (если это не вместо разгнѣваваса) предашеть та иноплемьникомъ на расхищенье 32 об., ста Володимеръ ѡб онъ полъ города в Лимени 37 об., собра писцѣ многы 51 об., идоша брѣа ко Антонью 53 об.; сниде Гѣ видѣти градъ и столпъ и рѣ Гѣ . . . 2 об. (все из библии), приша снѣе Симви вѣсточныа страны 2 об., приде и ста подъ горами на березѣ 3 об., ест притьча в Руси· погибоша аки ѡбрѣ 4 об., рѣша старѣишина фараѡна 6 об., ·в· мужа . . . пойдоста . . . и оузрѣста 7 об., ѡбидоша Русь ѡколо 10, рекоша дружина Игореву 14 об., се княза оубихомъ Рускаго 15, иже възлюби новыа люди Русьскую землю 41, Всеславъ Смолнескъ ѡжьже 81 об., Половци . . . присунушаса в борзѣ 98, Полочане выгнаша Стополка 100, в то же лѣ· поточи Мстиславъ Полотьскыѣ 100,

выдоша противу кму мнѣство народа 104 об. (глагол образованный с приставкой *вы* чисто по-русски), сѧ бѣжа в Ватичѣ 104 об., Ѡради сѧ . . . с нѣколикѣ дружинѣ своеѣ 113 об., срѣтоша . . . вса брѧи кго 145, приходиша половци к Переяславлю и повоеваша многа села возвратишася и много зла створише иноплеменици 148 (повидимому уже смешивается аорист с причастием), мнѣство народа изидоша противу кму. жалостнѣи слезы испущающа 163.

Прошедшее совершенное (*perfectum*) встречается параллельно с аористом, больше в прямой речи, хотя и несколько реже:¹ на той могилѣ поставилъ црѣвь стго Николу 8, рѣ има. се прислалася ко мнѣ словѣнска земля 9, тѣмже словѣнску языку. оучитель естъ Андронигъ айль. в Моравы бо ходилъ и айль Павелъ оучилъ ту 9 об., возми дань юже ималъ Олегъ 10 об., мы же елико насъ хрѣлиса есмь. клахомъса црѣвью стго Ильѣ 13 об., Игорь призва слъ. рѣ имъ глѣте что вы казалъ црѣ 14, рекоша дружина Игоревѣ. отроци Свѣнльжи. изодѣлиса суть оружьемъ и поргы. а мы нази 14 об., рѣ князь печенѣжский. а ты князь ли еси. ѡнъ же рѣ. азъ есмь мужъ его. и пришелъ есмь въ сторожѣ 20 и т. д. Встречается даже старинная форма «вѣдѣ»: се же рѣ княже не вѣдѣ могу ли са 42 об.

Давнопрошедшее (*plusquamperfectum*) для обозначения действия давнопрошедшего и притом раньше другого, выражается по-старославянски, при чем глагол бѣахъ встречается, как вообще в русском, в станутом виде и притом с *я*: жена Грекини бѣ. и баше была черницею. бѣ бо привелъ (ю) ѡцѣ его 23 об., си бо не бѣша преди слышали словесе книжного 41, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику 46, в се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу ѡ ѡтни смрти 46 об., пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ не изгнанъ ли бѣхъ Ѡ ваю брату своею 67, иде пакы (И)заславлю . . . вода с собою и Брачислава зата свонго. иже баше пошелъ къ ѡцю своему 99, почаша просити братьѣ своеѣ. ихже

¹ Ср. Д. Н. Кудрявский, К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи, ИОРЯС, 1909 г., кн. 2; Е. С. Истрина, о. с., § 22.

баху изымали Берендѣи 115 об., потъче къ плоту. кдѣ баху пѣши вышли из города 132, и поступиша мало к водѣ. по гдѣни бо не пустили баху ихъ к водѣ 135, Ѡверзль башеть ему Бѣ ѡчи срѣчѣи 163. Иногда давнопрошедшее перемещается без видимой причины с аористами: Изаслава же Мстиславича извиша в руку. и свергли и бахуть с коня. и хотѣша и оубити 111 об.

Качество отношения признака к субъекту выражается, как и вообще, *наклонениями*, кроме изъявительного, на которое было проведено не мало примеров, еще повелительным и сослагательным. В летописи они образуются и употребляются так же, как и в других др.-русских памятниках: брате и свате пошли грамоты 140; во множественном числе может прибавляться и «да»: да не зазрите ми дѣти мои 83, да не посраим землѣ Рускѣи 21 об., и се да скажемъ что ради прозваса Печерскѣи монастырь 52 об., да не посмѣются приходаци к ва. и дому вашему. ни ѡбѣду вашему 80 об., глѧ . . . да придѣта к намъ 8.

Самостоятельное наклонение образуется с формой глагола бѣхъ: да и азъ блвльнѣ подалъ бѣи кму 62 об. Примеры приводятся ниже — при предложениях цели и условных.

Из материалов, касающихся *залоговых* отношений, отметим — а) случаи употребления глаголов с *ся*, где в теперешней речи этого не бывает: се прислася ко мнѣ словѣнска земля. просаци оучителя . . . сего бо желаютъ 9, Всеволодъ послася по Половцѣ 98 об., не годно бѣи людемъ. и послашася Переяславлю 104, Ростиславъ выслася к стрънви своѣму 115, по друзи послашася 134 об., плакаса по ней сѣи еи 20 об., Всеволодъ же и Мстиславъ. сжалистаси брата свонго дѣла 160 об., изъ сѧ вѣдаюса в своѣ дѣлѣ 170 об. Во всех приведенных случаях *ся* придает глаголам значение действия для себя, в свою пользу, что в греческом языке обозначалось общим залогом; б) случаи, где с частицей *-ся* ясно выступает значение возвратного действия: пережъгутъ е (бани) рамано. (и) совлекутьса и будутъ нази. и ѡблѣютса квасомъ оусниганѣи. и возмутъ на са прутьѣ младое. (и) и бьютъса сами 36, бѣи мдръ по накопецъ поползеса 32 об.; в) значение страдательного залога имеем:

многы крови проливахуться межн ими 116 об. тут же и оттенок взаимного действия; г) глагол средний в соединении с приставкой имеет значение действительного: ѡсѣде Ярополка в Роднѣ 24 об., Печенѣзи ѡстоить Кыевь 51.

К словообразовательным особенностям глагола, не флексивным, принадлежат *виды* глагола. Тут прежде всего отметим, что кратность действия часто обозначается суффиксом имперфекта, несмотря на то, что глагол бывает предложный: вину створь каку либо изидаше ис цркви. шедь в кѣлю и оуснаше 64. Есть зарождение выражения многократности действия: оумыкиваху оу воды двѣца 5. Вообще же виды выражаются примерно так же, как и в современной речи, хотя и не так последовательно и отчетливо. Функции видов еще в значительной степени выражались оттенками времен, особенно прошедших.

Рассмотрев подлежащее и сказуемое, следовало бы перейти к пояснительным словам, относящимся к подлежащему и сказуемому, какими бы формами они ни выражались, но тут произошли бы у нас некоторые повторения, для избежания которых обратимся просто к рассмотрению употребления тех или других падежей.

Именительный падеж нами рассмотрен при определении подлежащего и сказуемого-имени. Тут разве добавим несколько случаев, когда к подлежащему прибавляется приложение более уточняющее его: ѡбѣдаше братья наскупь (= вместе) каждо с бояры своими 61 об. Подобное приложение может быть и при винительном падеже дополнения: сновѣ распусти своѣ каждо ѿ в свою власть 154 об. Именительный падеж в тех случаях, где теперь родительный и предложение бессубъектное: ино помышленье въ серѣци моѣ не было 89 об.

В *родительном падеже* рассмотрим случаи употребления собственно родительного (*genitivus*) и родительного-аблятивного (*ablativus*); в том и другом случае отдельно употребление при глаголе и имени. Тут прежде всего отметим случаи употребления родительного части: почерпоша сыгы 44 об., тѣмь краснѣ всѣхъ (ср. род) наслѣдоваста. въ нбѣмь житиы славу и райскую пищу 47 об., исполниса

блѣоханьн цркви вонѣ блгѣ 61, пощюца сорочки 88, посѣти винограда свогго 43.

Сюда же принадлежит и родительный при глаголах, означающих пользование предметом, временное или его частью: вижь сего ты еже еси хотѣль 23 об., иже ма сихъ днѣвь грѣшнаго допровода 78, назираеть грѣшныи праведнаго 78 об., ми своее головы блюсти 88 об., блюсти землѣ Русьскѣ 89, пожаловатиса своєю ѡбиды 92, слышаша блжнаго Бориса поюща заутреню 45 об., Стослав же слышавъ ихъ бѣжавши 135, Половци же оуслышавше ихъ ѡшедши гнаша отаи к Переяславлю 135. В последних трех примерах, может быть, заимствованный из ц.-слав. грецизм.

Отметим родит. пад. при супине, очень обычном в летописи: послани суть губить нго 45 об.

При глаголе ставится и родительный времени, но связь его с глаголом незначительна, так что его можно считать родительным независимым: въгна Торкы въ городъ тоѣ ноци 98, тоѣ же ѡсени да кму ѡцѣ волость 109 об., поиди на нь ѡдином с нами (наречие имеет форму род. пад.) 129 об., престависа... пороздноѣ недѣ 131, тоѣ же ѡсени придоша Новгородци 141, тоѣ же весны болеть кнзю силна 171 об.

Родительный при именах: сберѣте аче и по горсти ѡвса или пшеницѣ ли ѡтрубъ 44, да будетъ ѡместьникъ Бѣ крове браа моего 48, съ маломъ же дружины возвратиса 14 об., видѣвъ же мало дружины своєю 22, придоша Болгары в(ѣ)ры Бохъмичѣ 27, мѣре же чадъ сихъ плакаху по нихъ 41.

Сюда относится и родит. части, где в современном языке еще имеется предлог *из*: пославъ испытай кождо ѿ службу 36 об., ѡму же любо дѣтии моихъ а приметъ е в срѣце своѣ 78, а кто на будетъ живъ 113 об.

Не мало случаев встречается родительного принадлежности (*g. possessivus*), который чередуется с прилагательными притяжательными:¹ Иворь солъ Игоревъ великаго княза рускаго 11, повѣдаша ему

¹ Ср. Е. С. Истрина, о. с., § 30.

всю рѣчь Рогънѣдину и дѣчерь Рогъволожою княза полотьскаго 24, токмо ѡстаса дворъ манастырскыи печерьскаго манастыра 86, в то же лѣ престависа Глѣбова Гюргевича Суждали 114, начаста воквати волость Всеволожою великаго княза 147 об., ѡжени сѣа своего Ярославъ и приведоша за нь Юргевну Кончаковича 143 об., Ярославль сѣбъ Володимерича 145, престависа Всеволодъ сѣбъ Гюргевъ блѣгочтваго княза внуку Володимера 148 об., сѣбъ Всеволожь великаго княза 155, ѡжени Гюрги... сѣовца своего... и помять за нь Михайловну Черниговска княза 155.

Случаи употребления родительного удалительного аблятивного. Здесь в родительном ставятся слова, показывающие исходный пункт действия, удаление, отделение от него. После глаголов: своего (земли) са ѡхавивъ 20 (пренебрегаешь), сотона же грѣшивъ помысла своего 28 об., ста подь мостѣ ѡдва оукрыса противнѣи 43, бывши ноци оутаивъса Кыланъ бѣжа 58 об., оутаивъса всѣ мужии 137, се азъ ѡхожоу свѣта сего сѣве мои 54 об., кого же прошенъа не лиши кого блѣни Бѣ 69 об., избуду сумтнаго сего свѣта 69 об., не лишать та Русьскыѣ земли 86 об., то бо башеть кого ѡсталоса переднѣи волости кого 100 об., Пищанъци волгыча хвоста бѣгають 27, Якунъ ту ѡбѣже луды златѣ 50 об., бѣгоша людѣ ѡгна 90, ѡже кого ѡступилиса князи черниговстыи 105, ѡбишаса ѡ Новгородци 155 об., Ярославъ оусумнѣса брата своего Юрга слушаа нѣкыихъ лъсти 156.

Родительный-аблятивный употребляется после сравнительной степени: хотя створити вышнии сего манастыра 54, тѣмъ же почтенъ есть манастыръ Печерьскыи старѣе всего 54.

Родительный-аблятивный обыкновенно видят при глаголах действительного залога, соединенных с отрицанием: своего никтоже не хулить но хвалить 36 об., да аще еѣ не вдаста за ма створю граду вашему такоже и сему створи 37 об. — 38, мы не можемъ забыти красоты тоа 37 об., си бо не бѣша преди слышали словесе книжного 41, нѣту ли быка велика и силна 42 об., немощнии и болнии не могутъ долѣсти двора моего 43 об., Ярославу

не вѣдушо ѡтнѣи смѣрти 48, своеѣ пагубы не вѣдуче 60, и замало бою не бѣи промежи ими 171 об.

Дательный падеж употребляется для означения лица или предмета, к которому направляется действие, выраженное глаголом. Чаще он употребляется для обозначения предмета, в пользу или во вред которого происходит действие: дайте (РА дадите) ми Ѡ двора по гѣ голуби 16 об.; постави намъ игумена 54; ни бѣда ми котораа 84 об., сказа кму вса приключышася кму 107, послѣте ны оучителя 9, честь... пуци ны Игоревы смѣрти 15 об., повѣжьте ны колько васъ 21, кто ны поможетъ 22, покажи ны путь въ Греки 25, сего ны (=нам) вдал 63, Бѣ ны поможе 82 об., призови ны Бѣ 99, брата луче ны ѣ оумрети 160 об., се идетъ вы (для вас) Стѣславъ в Русь 23,¹ людѣ вси рекоша се намъ пришелъ 69 об., высѣкоша врата манастырю 77, Афету же гаша полунощныи страны 2, творихъ трызну мужеву своему 16 об., судите сиротѣ 79, просаще Роману Ростиславичю Кыева 123 об., быша постригы оу Всеволода... сѣу кого Гюргеви въ градѣ Суждали 138 об., родиса Гюргю князю дщи 155 об.

К дательному пользы или вреда примыкает падеж дательный, обозначающий предмет, к которому направлено известное душевное движение: хотя ѡмьстити сѣу своему (за сына) 23, еже есть разумѣти добру и злу 29, покоривъти (Р покорить) вы противныи подь вы 54 об., начаша кму стужати 72, Гѣ же посмѣтса ему 78 об., Добрына поноси кму и дщери кого 99 об., нача еи негодовати 99 об., ѡдолѣ Стѣславъ Козаромъ 19, ѡдолѣ Стѣславъ Болгаромъ иб., друзии же и закыханью вѣрують еже бываеть на (з)дравье главѣ 57 об., ѡбѣшася пешиса манастыремъ 63, вѣчнѣи жизни и покою сподобиса 69 об., се бо Бѣ на ны попусти поганѣи 74 (не описка ли вы поганѣи?), и рѣхъ аще вы са и гнѣва(е)те не могу вы та ити 78, ни питью ни ѣденью не лагодите ни спанью 80 об., надѣшася бѣтствѣ 54, да... тобѣ са надѣе 84 об., надѣшася силѣ своей 102, того вы братъ мои не приказа 105 об., мы поидѣ к брату акоже ны велитъ иб.

¹ Ср. еще Сборник в честь А. И. Соболевского, 40.

К рассматриваемому дательному примыкает и dat. ethicus, состоящий из дательного некоторых местоимений, мало поясняющего глагол и почти независимого от него. Он обозначает лицо, для которого важно исполнение его требования или желания, которое интересует известное состояние: рѣште ему. Володимеръ ти иде(ть) на та 23 об., ѿѣти оумерль 46 об., а братъ ти оубьенъ ѿ Стополка ів., Все-славъ ти бѣжалъ а не воді Лаховъ Къеву 58 об., Стополкъ сѣдять ти Къевѣ оубивъ Бориса 48, поистинѣ дѣти моя разу-мѣита. како ти нсть члѣколюбець Бѣ. милостивъ 79, голову си розбѣ дважды 83.

Близок к рассматриваемым дательным и дательный лица, участника или производителя при страдательном залоге: вниде Игорь в Къевъ и не годно бѣи людемъ 104.

Из представления движения к предмету вытекает и dat. цели: ротѣ заходиша межю себѣ 27, заходилъ ротѣ с Володимерѣ 88 об., заходилъ бо бѣ ротѣ Стша к Дѣдвѣ 91 об.; вы чему претребуете 26 об., чему к намъ идеши 129 об., мои люди чему выдаешъ 136 об.; елико ему будетъ требѣ 13, не бѣ лъзѣ внити в Къевъ 19 об., не бѣ лъзѣ проити порогъ 23, не бѣ лъзѣ ѿзеромъ Печенѣгомъ помагати 48 об., не бѣ лъзѣ вкрастиса в градъ 73 об., хоцю та поити собѣ женѣ 17 об., хочю поити тѣчерь твою собѣ женѣ 23 об., дѣчерь его пога женѣ 24, саму пога женѣ 99 об., иза-слав же створив свадьбу пога ю (собѣ) женѣ 114.

Вообще пространственное значение имеет дательный, когда он обозначает предмет, в который или к которому происходит движение в пространстве, на вопрос «куда?» Примеры: ѿстатокъ бьенѣ тѣ бѣжаша дружинѣ свои 134 об., придоста дну (РА во дно) в печеру 70 об. Особенно обычно «домови»: пусти дружинну свою домови 14 об., рѣ дружинѣ свои. идѣте съ данью домови 14 об., ѿна же хотащи домови. приде къ патрарху 17 об., Иневи же идущю домови 60. Обыкновенно сюда присоединяют и домовъ: Половци идоша домовъ 117 об., възвратишася домовъ 134, в чем однако лучше видеть местный падеж, к какому выводу я пришел еще в 1896 г. (ср. Русские наречия: «домой, домой». XV т. Известий Ист.-Филолог. Института

в Нежине). В Лавр. летописи дат. места особенно употребителен от названий городов: на ту ночь ведоша и Бѣлугороду 88, ѿда дчерь свою Верхуславу Бѣлугороду 138, Всеволод посла сѣна свокго. Стослава Володимерю 103, възвратишася Володимерю 136, приде Волгню 48 об., приде ночью Вышегороду 45 об., иде Звенигороду 69, придоша Киеву 16 об., възратиса къ сѣу своему Киеву 17, си же ѿльга приде Киеву 18, иде въ свою землю. и приде Киеву 18, иде Киеву 26, и приде Володимеръ Киеву 27, възвращаешеться Къеву на Оуспенъе 43, Антонии же приде Къеву 53, възвратишася Къеву 58 об., Стополкъ приде Киеву самъ третии 73 об., вземше принесоша и Киеву 73 об., на ту ночь приде Киеву ів., несоша и Володимерю. а ѿтуда Къеву 69, приведе Къеву ів., приде Стша Лучьску. а Путата Къеву 91 об., послаша к нему зова к собѣ Къеву 106, посла Андрей кнѣа Къеву 123, Андрѣви рѣ иди Курску 102, Ярославъ иде ѿпять Мурому 99, иде Волга Новугороду 17, приде Володимиръ съ Вараги Нооугороду 28 об., Ярославъ же приде Новугороду 50 об., Новгородѣ врати Новугороду 50, иде к другому брату. своему Стополку Новугороду 103 об., бѣжа Новугороду 104 об., посла кнѣа сѣна Новугороду 147 об., изиде ис Торжку. Новугороду 148, бѣжа Нерадець Перемышлю 69, иде из града на столъ ѿтень Переяславлю 75, приведе брата своего. . . Переяславлю 101, (но — придоша к Переяславлю ів.), посла ко Рогъволоду Полотьску гѣа 23 об., поиде Полотьску ѿпять 49 об., Брачиславъ бѣжа Полотьску 50, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску 58 об., посла сѣна свѣго Ростову на столъ. а Всеволода на Ярославъ на столъ 151 об., самъ иде Разаню 86 об., (но — поиде к Разаню ів.), иде Дѣдъ из Новагорода Смолинську 76, тои пакъ ѿиде к Берестию. . . а мене посла Смолинську 81, поворотиса Новугороду. и иде Смолинську 106 об., прибѣгъ с полку Смолинську 115, Ярославъ иде Смолинську на Литву 164 об., Ярославъ приде Суздалю 50, посла Изаславъ по всѣ Суздалю 85 об., иди Суждалю 111 об., иде Суждалю 113 об., пришедъ Тьмутороканю. заложѣ цркъвь 50, бѣжа Ростѣ

славъ Тмутороканю 55, посла по Стополка Турову 72 об., иде шпаты Турову а Всеволодъ вниде в Къевъ 102, приде Црюграду 17 об., поидемъ Црюгороду 22, приведоша га Црюграду 52 об., поточиша и за море Црюграду 68 об., в то же лѣ поточи Мстиславъ Полотскыѣ Црюгороду с женами и с дѣтьми 100, пои (взял) Антонья Чернигову 65, иде Володимеръ вспать Чернигову 69, Ѡдалъ дчерь свою Всеславу Чернигову 137, бѣжа ко тьсти своему Чернигову 146. Из приведенных примеров можно видеть, что и употребление названий городов с предлогом для означения направления «куда» также возможно.¹

Очень характерную особенность др.-русского, как и ст.-славянского языков составлял дательный принадлежности. Он развился из местного значения дательного падежа на вопрос «где». Употреблялся он и при глаголах и при именах: копые летѣ сквозѣ оуши коневу 16, Ѡпусти ю нарекъ ю дщерью собѣ 17 об., домъ мой домъ молитвѣ прозоветса всѣмъ языкомъ 33 об., положиша и оу стго Феодора въ шти кму монастыри 114, гаша Мстислава Ярослава сновца кму 131, свать кму тать 140, Гѣ защититель животу моему 147, в канунъ Ржѣтву стѣна Бѣа 156. Сюда же принадлежит целый ряд образований с дат. падежом личных местоимений, как обычное в летописи «въ свои си».

К области дательного падежа принадлежит и дательный самостоятельный, напр.: бившемъса шбоймъ шдоле Стославъ Болгаромъ 19, Володимеру же пришедшю Лучьску и вдашаса Лучане 69 и т. п. Но подробнее этот вопрос рассмотрим в сложном предложении.

В выражении: ш неиздреченному члѣвколюбю 74 об. — ц.-слав. оборот, взятый из греческого.

Винительный падеж употребляется для означения прямого объекта, на который переходит действие: иде Вольга . . . оуставляюци оуставы и оуроки 17, вѣдасть печенѣжский князь Прѣтичу конь саблю стрѣлы шнъ же дасть ему бронѣ щитъ мечъ 20, повѣдаша ему всю речъ Рогыѣдину 24, нача дагати швѣмъ корзна

48, горѣе всѣ сдѣихѣ грѣхы 75, сказа кму вса приключышася кму 107, оубыеные кго послѣди скажѣ 124, на неже пусти Гѣ камень горюще 28.

Есть случаи употребления винительного даже после глагола, соединенного с отрицанием: не преступите Ѡ него ничтоже 13 об., не выдаше ничтоже 38, аще кто мѣрѣ не послушаетъ 18 об., но тут же: аще кто шѣа ли мѣре не послушаетъ. Иногда смешиваются во множ. п. по окончанию винительный и именительный падежи: пошпаху сли печати злати а гостые сребрени 12.

Некоторые средние глаголы, соединяясь с предлогами-приставками, также могут требовать винительного падежа: коли можете престояти нѣ. 44 об.

Трудно сказать, древнерусская ли особенность, или заимствование из ц.-слав., а может быть и греч. языка употребление винительного после глаголов sentiendi и declarandi: Ламехъ вѣдѣи казнь бывши на прародителю кго 49 об., Половци же оузрѣвше полкъ Володимеръ крѣпко идущъ на нѣ побѣгоша 134, тогда же слышавъ Володимерко идуча в Русь поиде г Къеву 113, Половци же оуслышавше всю землю Русскую идуще бѣжаша за Донъ 135, слышаша идуща (ихъ) из Володимера бѣжаша 136, услышав же Всеволодъ полонену жену . . . и имѣнѣе взято печалень бѣи велими 136 об., слышавъ бѣду створшююса на градѣ и ѣха скоро Ростову 148 об., почютиша Ярополка идуча; слышавъ насилье отъ князь. Во многих из приведенных примеров два винительных падежа: один прямого дополнения, а другой определение к нему.

Если пояснением глагола должен быть одушевленный предмет, то здесь в единственном числе название предмета в старом винительном ставится редко: посади мужъ свои 8, поиди за князь нашъ за Малъ 15, княгини хоче за вашъ князь 15 об., выпусти ты свои мужъ а га свои да са борета 42 об.; во множ. числе чаще: видѣ ту люди сушца 3 об., тако мучаху Дулѣбы 4 об., изгнаша Варагы за море 7, посла ны Дервьска земля 15, пустиша га к собѣ (друг на друга) 42 об., позва к собѣ нарочитыѣ мужи иже баху иссѣкли Варагы 48, приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ

¹ Ср. Сборник в честь А. И. Соболевского, 39—40.

48 об., постави Барагы посредѣ 51, и распуца Лахы на по-
кормь (и) избиваху Лахы штаи 58 об., исѣче Козары иже
бѣша свѣтници на оубье(нѣе) брата его 68 об., грабли попы
117, конѣ и скоты и швцѣ погнаша въ Половцѣ 120 об. Рядом
с подобными оборотами встречаются и смешанные: посла Володимеръ
снѣ свои Романа 97; особенно местоимения в таких конструкциях
склонны к родительному падежу: повелѣ сѣчи Деревлане (имен. вм.
винительного) и исѣкоша ихъ 16, ихже еше швѣхъ растинаху
други аки странъ поставляюще и стрѣлаху въ на 10, сама
кназа оутекоста а люди швѣ избива. а инѣ извазаша 147 об.
Но обыкновенно в подобных случаях в единственном числе ставится
родительный падеж: иже находица на Хоздрога црѣа 4 об., оуби-
ваху другъ друга 5, приде носѣ Игорѣ дѣтска 8, вынесоша
Игорѣ ив., оубива Аскольда и Дира ив., послѣ к намъ въскорѣ...
Методия и Константина 9, Семешнѣ... оумре оставивъ Петра
кназа снѣ своего Болъгаромъ 10 об., но шбаче любаше Ольга
снѣ своего 19, се княза оубихомъ Руского 15, хотѣ похватити
брата своего и мало не оутопе самъ 73 об., вода с собою Брачи-
слава зата своего 99, слышавъ князь Андрѣи ита брата
свога... посла снѣ своего 123.

Есть двойной винительный и в том смысле, в каком он употребляется
в греч. и лат. языках: Коцель князь постави Мефедѣа епѣа
в Пании 9 об., повелѣ засыпати га живы 15 об., видѣвъ ю добру
суццю зѣло лицемъ и смыслену... бесѣдова к ней 17 об., мна-
хуть и своего 19 об., видиши ма болное суццю 20 об., наки же
и землю глѣт мѣтри (РА мать) 39 об., нарѣ и Перенаславль-
зане перета славу штрокотъ 42 об., понеже видать члѣвка
Бѣмъ почиена 46 об., поставлю оуношо княза имѣ и ругателя
шбладающа ими 48, видѣ шсла стоѣща на игумени мѣстѣ
64 об., видѣ шбиходаща бѣса въ шобразѣ Лаха в лудѣ 64,
оутомивше и оставива и живного (РА оле жива) 65, на заоутрѣе
же налѣзоша Тугоркана мертвого 77, толко Семцю гаша шди-
ного живого 81 об., шбрѣтоша мужа стоѣща с колы и воз-
ложыше и на кола везоша 106, видѣша Игорѣ лежаща 106,

зовуть га татары 153, видѣ... посредѣ насада стоѣща мѣнку
Бориса и Глѣба 169.

Несколько более редких случаев дополнений: причина — мѣщю
Русскую землю 89 об. (за русскую землю); Рогволоду держащю
и владѣющю и княжащю Полотъскѣю землю 99 об.; при «ради»
обыкновенно ставится родит. п., но в летописи несколько раз встретился
винительный: впраша что ради вече было 44, нѣинѣ же что ради
шстахъ азъ единъ 46 об., что ради губивѣ дружину межи собою
но сындевѣ са сама 50, что ради богатса игоже се носимъ на
собѣ крѣта 60 об., повѣдаша что ради пришелъ естѣ 60 об.

Винительный употребляется для обозначения места и времени:
верхъ Днѣпра волокъ 3, стаща шбаполъ (из вин. дв. ч. «обаполы»)
рѣкы Буга 48 об., свершена любы вонѣ измещеть богазнь 68,
ту оубива и конецъ всходѣ (в конце ступенек) 106, сѣдоста шба-
полы Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ 88, Оулѣбъ же внида
Черниговъ (РА въ Черниговъ)¹ приде изъ Црѣаграда к великому
князю Константину Володимеръ (= в В — рѣ) 151. Винительный
времени: си первое вниде в црѣтво нѣное ш Руси 20 об., шпадъ
славы первое 28 об., почаша гати сами первое 44 об., второе
Володимеръ залеже ю не по браку 25, побѣди е второе 26,
се оуже третѣе наведе поганыи на землю Русскую 75 об.,
топерво оувидѣхъ Бѣ истиннаго 38 об., поистинѣ гавлакт-
теса топерво въ шобразѣ звѣринѣмъ 66 об., рѣша топерво
великыи полкъ итеть 121, азъ оутро послю по вы 15, шсень
оумре полоческыи князь 68 об., другоица (в другой раз)
в домы ихъ прихода 70 об., и ночь швсюду нарадивше школо
вои тоже лазите 80 об., сѣ кмѣ створилъ дѣла на воинѣ и на
ловѣхъ ночь и днѣ на зноу и на зимѣ 83, ту сѣдѣ лѣ шдино
101, Новгородци держа зиму и лѣто 102 об., перестоавъ ту шв
днѣи 131 об., стоѣше промежи собою двѣ недѣли 131 об., зимусъ
кши ночи на свободу розбоѣ оударилъ 170 об.

¹ Ср. Сборник в честь А. И. Соболевского, 40, где приведены подобные при-
меры из былинной речи (Идет он княжеченской двор. Рыбн. I, 185) и теперешнего
языка (иди вон!, ступай прочь! ср. Супр. р. гради князь, др.-русск. иди проче).

К винительному падежу, обозначающему пространственные отношения, примыкает и винительный цели, выражающейся особой глагольной формой — достигательного (*supinum*): *изйша противу· и съступиша битъ 19, пристра(и)ваиса противу битъса 23 об., пакы ходихомъ... со шѣмъ и со Изаславомъ битъса Чернигову 81 об., поити же хочѣ битъса за своего князя 105 об., ѿтолѣ же приѣздаху к городу битъса 111 об., тогда же все множество Половецъ· ѣхаша к городу битъса 113, сступишася битъ и бѣи сѣча зла 113 об., они же кликнувше поидоша оубитъ Игоря 105 об., (но тут же: *идяхуть людѣ по мосту· оубити Игоря*), съидевѣ са сама боротъ 50, придоша Половци первое на Русьскую землю воевать 55, ѣхаша за Къякъвъ воевать 120 об., пришли кьсьмы воевать Болгаръ 132, поганьна распустиша воевать 145 об., насъ послаша ротѣ водить тебе 14, посла искать брата своего 23 об., поидемъ искать лапотниковъ 27, да поидѣте княжить и володѣти нами 7, посла сѣи свои другыи Андрѣи· княжить Володимерю 97, посла в Володимеръ княжить ив., приведе брата своего... Переяславлю княжить 101, поимша Ростислава княжить оу себе 101 об., посла к нѣи Стослава княжить 102 об., посла Андрѣи кня Къяеву княжить Романа Ростиславича 123, просаще Роману Ростиславичю Къяева· княжить князю Андрѣю 123 об., Ростислава Мстиславича введоша во Смольнескъ княжить 126 об., роздѣливше волость Ростовьскую сѣдоста княжить 126 об., поимша к собѣ княжить 135 об., просимъ оу тебе сѣа княжить Новугороду 141, Новгородци поимша к собѣ Ярослава... княжить 153, посла два Варага прикончатъ кого 46, сниде дъщи Фарашинова купатса 31 об., азъ пошлю молитса з дружиною своею къ шѣю своему 86, приходиша ѿ Рима поучить васъ к вѣрѣ свѣи 28, по Велицѣ дѣи ис Переяславля та Володимерю· па Сутейску мира творить 81, мѣи не цѣловати ихъ приѣхали 130 об.*

Творительный п. места: Михаилъ изиде свои берегомъ и моремъ на Болгары 7, идоша Угри мимо Къяевъ горою 8 об., да входатъ в городъ шдинѣми вороты 12, шконцемъ малѣи бесѣдоваше 62 об., подаваше кму шконцемъ 65.

Наиболее распространен творительный падеж орудия (*ablativus instrumenti*). Он всегда бывает при глаголах: *мы са доискахомъ шружьемъ шдиною стороною (остромъ)· рекоша саблами· а сихъ шружье шбоиду (А обоюду) шстро рекше мечъ 6, Бѣ наводитъ по грѣхомъ· на куюждо землю гладѣ· или моромъ· ли ведромъ 50, сего же Котопана побиша каменѣемъ корсуньстии людѣ 56, но сими дьяволъ лстить· и дрѣгими нравѣи всачьскыи 57 об., крѣтмъ бо князѣ в бранѣи пособить 58, волхвуютъ· женѣи чародѣиство и штравою 60 об., шдра мѣхомъ козелъ· и шблече на власаницю 64 об., бѣ шбладаи ѿлегъ поланы 8 об., тако и си владѣша а послѣже самѣмъ владѣютъ (вм. самѣи) 6 об., сольстиль еси нами 25, нача дамати... другѣи кунами 48, да тобою крѣпѣиса и тобѣ са надѣе 84 об., (и они) даютъ скорою противу 85, в се время разболѣ Володимеръ шчима и не видаше ничтоже 38, постомъ· Самоила мѣи роди 62, тѣмъ же прѣркмъ глѣтъ на 130 об., сиротами добрѣи пекыиса 150, твои мужъ оударить мопимъ 42 об., оудари имъ ш землю 42 об., ѿ дѣтства бо кого нѣи кто имъ оударилъ 42 об., се рекъ оудари имъ ш землю 50, начаша имъ (Исакием) играти 65, бившеся шдолѣша имъ 121, паче же женами бѣсовьскаи волѣшвенѣи бѣвають 60 об., очень интересны обороты при «ожениться»: *шви бо попове шдиною женою· шженѣвѣса служить 40, Всеволодъ шжени сѣа своего Стослава· Василковною Полотскаго князя 103 об., великыи кня шжени сѣа своего Георгия Всеволожною къяевьскаго князя 148, шжениса Володимеръ Глѣбовною Черниговьскаго князя 149 об., шжени сѣа своего... Володимерною Рюриковѣи 157.**

К творительному орудия примыкает и творит. при страдательном залогѣ: *видать члѣвка Бѣмъ почьщена 46 об., оувѣданъ бѣи всѣми великыи Антонии и чтимъ 53, да хоженѣемъ поганѣи· и мучими ими Вѣку познаемъ· кого же мѣи прогнѣвахѣ 74 об., создана бѣи прѣкы... князѣ Андрѣемъ 117 об., истопоша боле тысащи ихъ· Бѣжымъ гнѣвомъ гоними 132.* Страдательное значение иногда имеют некоторые прилагательные, особенно с суффиксом *-нѣи*, напоминающим

суффикс страд. причастия -ень: повинни бѣдѣть то створиши прежереченною епитимьею Радз. 17 об.—18.

Близок к творительному орудия творительный отношения. Он употребляется при именах прилагательных и изредка при существительных для означения отношения в каком известное качество приписывается предмету: быша Обърѣ тѣломъ велици· и оумомъ горди 4 об., видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену... бесѣдова к ней 17 об., бѣ бо середни тѣломъ 42 об., бѣ же Мьстиславъ· дебель тѣломъ· черменъ лицѣ· великыма оучима· храборъ на рати 51, бѣси... суть немощни и худи взоромъ 60, суть образѣ черни· крилаты хвосты имуще 60 об., бѣ же Василко лицѣ красенъ· оучима свѣтелъ и грозенъ 163.

Исключительно при глаголе бывает творительный причины (abl. causae): будетъ достоинъ своимъ оружьемъ оумрети 14, вы хочете изъмерети гладомъ· не имучеса по дань 16 об., изнемогаху людѣ гладомъ и водою 19 об., ср. 55, гражены (из-за горожан) же не бѣ лзѣ оубити Ярополка 24 об., людѣ изнемогаша водною жажею и предаша 37 об., не бѣ лзѣ озеромъ· Печенѣгомъ помагати 48 об., не бѣ лзѣ вкрастиса в градъ· множествомъ вои ратны 73 об., оружыа не снимайте с себе· борзѣ не розгладавише лѣнощами 80 об., есть же путь до горъ тѣхъ непроходѣ пропастьми, снѣгѣ и лѣсѣ 85, се же еѣ пособьѣ· Бѣжимъ 104 об., оучала бѣ рушитиса старостью 153. К творительному причины принадлежит и союз «тѣмъ»: да тѣмъ и не твердѣ бѣ кому бродѣ· зане не баше ту княза 110 об., тѣмъ глѣху: на перевозѣ на Киевѣ 4.

Особую группу составляет творительный образа действия (abl. modi), стоящий при глаголе и отвечающий на вопросъ «какъ»: бе бо оумѣа печенѣжски 19 об. (наречие по форме твор. п. множ. числа), малты бо насъ не вшаа печенѣзи 20, ихъже вѣра маломъ с нами развращена 28, лажемъ костыми (ту) мертвы 24 об., живаху скотыски члѣвци 29 об., реци баше Давыдскы 83 об., поча вѣти волчьскы и волкъ Ѡвыса кому 91, мужьскы створи 108 об., зависа ему Бѣ в купинѣ оугнемъ 31 об., возни великы глѣмъ 69,

влѣзохѣ и (видѣхѣ) (и) лежащѣ мощыма 70 об., азъ поиду к вамъ старостью лукавою 74, наворопиша изгонѣ 98, ѣха нанъ изѣздомъ 123 об., они же словомъ сущѣ по нѣ· а дѣломъ далече сущѣ 126 об., даи мою дружину добрѣ 136 об., Володимеръ... бѣ жива с князи околными миромъ 43 об.

Творительный предикативный: поставиша Оеодосыа игуменѣ 54, моласа кому да бы и створилъ черноризцемъ 64 об., поставленъ бѣи епномъ... Суждалю и Володимерю 154 об.

Творительный при междометии: о тмами любве кже к намъ· понеже хоташе оуклонихѣса Ѡ заповѣди юго 74 об.

Местный надеж без предлога в летописи довольно распространен. Кроме места он показывает и время совершения действия. Примеры для означения места действия: собрашася на мѣстѣ· Сенаръ поли здати столпъ 2 об., налѣзоша и Ольга высподи трупыа 23 об., прославшиа и средѣ двора княжа 58, долу оучи имѣти· а дшю горѣ 79, Бѣлѣгородѣ затворилса Мстиславъ Романовѣ 145, посади Ярополка· Володимери 69, Изаслава привезыше положишиа и оу стѣе Бѣи Володимери 132, ообновлена бѣи цркы стѣе Бѣи Володимери 139 об., Сватополкъ же сѣде Кыевѣ по ошѣ своемъ 45, поиди сади Кыевѣ 45 об., Стополкъ нача княжити Кыевѣ 48, ошѣ мои оумерль· а Стополкъ седи(тъ) Кыевѣ 48, Ярославъ же сѣде Кыевѣ 49 об., бѣяху Кыевѣ мужи Яро-славли 50 об., Изаславъ сѣде Кыевѣ· Стославъ Черниговѣ· Всеволодъ Перетаславли 55, бѣи пожаръ великъ Кыевѣ городѣ 97 об., смета с себе чернечьскыѣ порты· и сѣде Кыевѣ 143 об., снашася Любачи 86 об., престависа Володимеръ сѣи Ярославль· старъ Новѣгородѣ 54 об., в се же лѣ Новѣгородѣ иде Волховъ вспать 55, Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде 76, престависа Новѣгородѣ 131, престависа Ростиславъ... Перетаславли· свитающи величѣи патницѣ 110, послаша к Гюргеви рекуше· иди Суждалю а снѣа посади Перетаславли· не можѣ с тобою быти здѣ 111 об., бѣ бо Рогъволодъ пришель и-за-морыа· имаше власть свою в Полотьскѣ а Туры Туровѣ 23 об., тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи 138, снѣна бѣи

цр̑кы ст̑ю мч̑нку Бориса и Гл̑ба· Ростовѣ 151, в то же лѣ пре-
стависа Гл̑бовалъ Гюргевица Суждали 114, сѣде Костантинъ
в Володимери на столѣ· а Юрги Суждали 150 об., посади Ива-
слава Полотскѣ· а Стополка Туровѣ· а Ярослава Ростовѣ...
Стослава Деревѣхъ 42, ср. 104 об., таже стоитъ и до сего днѣ
Тмуторокани 50, Мьстиславу сущю· Тмутороканю· поиде на
Касогы 50; сѣде Тмуторокани 55 об., сѣде на столѣ Черниговѣ
50, посади сѣа своего Володимера Черниговѣ 68 об.

Местный без предлога употребляется и для обозначения времени:
пакы ходихомъ том же лѣ· со шц̑мь и со Изаславомъ битъса
Чернигову 81 об., том же лѣ· Изаславъ ѿда дщерь свою 103 об.,
баху не ходили томъ лѣ 134 об., се молвилъ Василко си
ночи· к Уланови и Колчи 89, приѣхавъ noci противу свѣту
г Кыеву 123, бѣжа прочь noci 155 об., идоша веснѣ на Половцѣ
95 об., 96.

Местный падеж употребляется после некоторых глаголов: онъ же
надѣявъса цѣлованьи кр̑га 56 об., повелѣ Николѣ Гръчину
ѿписатиса землѣ Русьстѣи 132 об.

Уже из приведенных примеров можно видеть, *как выражаются*
разные пояснительные слова; глагол-сказуемое поясняется разными
формами падежей, подлежащее и вообще существительные также могут
поясняться зависящими от них формами падежей. Однако имя чаще
поясняется определениями, которые согласуются с ними, или —
в приложениях — стоят, так сказать, параллельно с ними. Некоторые
случаи здесь заслуживают особого внимания. Не бывает часто согласо-
вания с именем, если определением служит сравнительная степень или
причастие, которые в то время уже утрачивали свою способность скло-
няться: пойду в Русь приведу боле дружинъ 22, повелѣ Ѡльга...
рыкуще сѣце 15 об., въ единъ ст̑и дх̑· исходаще 38 об.,
Ламехъ вѣдъи казнъ бывши на прародителю юго 49 об. Есть
случаи пояснения имени инфинитивом: етеръ же законъ Халдѣемъ (и)
Вавилонамъ· м̑три поимати· съ братними чады блудъ дѣяти 56.

Определения очень часто выражаются именной формой прилагатель-
ного: гдѣ есть ныне Оугорьска земля 2 об., Ѡльга же повелѣ

ископати таму· велику и глубоку· на дворѣ теремьстѣмъ 15 об.,
иде на Дервьску землю 16, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату
велику 46, чл̑вкъ золъ ни кр̑га са боить 46 об., понеже видать
чл̑вка Бм̑ почыщена 46 об., песь родиса шестоногъ 55 об.,
сдожди на дождь ранъ и поздентъ 57, начаша бр̑ам просити· Сте-
оана деместика суца тогда 63, Ростислава всади в ладью толико
самого ли четверта 107, горожане вси ѿ мала и до велика 145,
повержену на лѣсѣ· видѣ и етера жена вѣрна 162 об. и т. д.
Но и членная форма прилагательного в такой же роли возможна:
рѣ... ѡно ти сѣдитъ вранъ чернъи 65 об., татарове... иконъ
сдраша· а инъгъ искоша· а инъгъ· поимаша 161 (рядом одно
и то же местоимение в полной и краткой форме).

Очень распространен способ пояснений посредством приложений:
онъ посла к нѣ бл̑гочтиваго княза Василька сн̑вца своего·
Костантиневича 153 об., родиса оу Мстислава сн̑· оу Андрѣ-
вича 122, пренесоша бр̑ам вса ст̑ю мч̑нку Бориса и Гл̑ба
96 об. В предложении: велика цр̑кы· ст̑ѣ Бц̑ (сгорѣ) 171 об.,
пояснение к цр̑кы выражено родительным падежом, зависящим от
имени, но в других подобных случаях обыкновенно бывает приложение:
На той могилѣ поставилъ цр̑квѣ св̑го Николу 8, заложил... цр̑квѣ
камену ст̑ю Бц̑ю 116 об., принесе ида икону ст̑ю Бц̑ю 116,
создана бѣ цр̑кы ст̑а Бц̑а в Володимери 117 об., заложил... цр̑ковъ
Рятво ст̑гъпа Бц̑а в градѣ Володимери 138 об., ѡбновлена бѣ
цр̑кы ст̑а Бц̑а в Суждали 139 об., ток же ѡсени придоша
новгородци· лѣпшиѣ мужи· Мирошкина чадъ 141, бѣ бо има
ему Малъ· князю Деревьску 15, посла к нѣ бл̑гочтиваго княза
Василька сн̑вца своего· Костантиневича 153 об., имѣаше
волюсть свою Полтескъ 99 об., бл̑говѣрнаго княза корень· бл̑го-
вѣрна ѿраслѣ· Ярополкъ... побѣди поганъи 98.

Приведем примеры на пояснительные слова в предложении, выра-
женные падежными формами в соединении с предлогами.

Рассматривая примеры на пояснительные слова в предложении,
выраженные теми или другими падежами без предлогов, можно было

заметить, а) что нередко первоначальные значения падежей ослабевали, так сказать, выветривались, вследствие чего падежные окончания не в состоянии выражать те отношения, которым они прежде служили; особенно это можно видеть на форме местного падежа, который в современном языке без предлога вовсе не употребляется, да и в старину охотно принимал перед собою предлог; б) что падеж без предлога в теперешнем своем положении и не может точно выражать всех своих оттенков, для чего и понадобилось к тем или другим формам падежей приставлять разные предлоги непосредственно, или по крайней мере ставить такие слова в зависимость от глаголов предложных.

Кроме того, некоторые из предлогов, развившиеся из наречий, а в более позднюю пору и из именных форм, выражают не только те или другие отношения между словами — поясняющими или поясняемыми, — но и сами по себе выражают нечто материальное. Таковы, напр., «взлѣ»: «они же дослѣвше поидоша взлѣ рѣку (Уку горѣ 145 об.; «дали»: дали града ст(р)ѣлице едино 37 об.; «дѣла»: Всеволодъ же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣла Володимера 160 об.; «кроме»: рѣ Стѣславъ кромѣ зра штрокомъ своимъ схороните 21 об., Ростиславъ же ѿступи кромѣ из гра(да) 55; «межи»: что ради губивѣ дружину межи собою 50, ставшим же ѿ межи собою... бѣи дождь силенъ 111; «мимо»: идоша мимо Киевъ 4 об., ида мимо Первосопницю 110; «противу»: придоша противу собѣ 56 об., сташа шатры противу Къиѣву по лугови 110 об., посла и шѣ с вой противу мачесѣ 113 об.; «равно»: равно другога свѣщаныа 11. Многие из этих слов могут и самостоятельно служить пояснением глагола без зависящего от них слова.

Собственно предлоги обыкновенно древнего происхождения. Прежде чем перейти к рассмотрению употребления отдельных предлогов, сделаем два общих замечания. а) Некоторые предлоги могут удваиваться. В летописи такие случаи редки, но есть: битиса сс Володимеричи 101. б) Как и в других древнерусских памятниках, и в Лаврентьевской летописи наблюдается повторение предлога перед именем и определением этого имени, напр.: Посла и шѣ с вой противу мачесѣ с Володимеромъ съ Андрѣвичѣ 113 об.

Предлоги управляют всеми косвенными падежами; некоторые допускают после себя конструкцию нескольких падежей, смотря по тем или другим, обозначаемым ими отношениям. Для удобства расположим предлоги в алфавитном порядке.

Безъ означает удаление от чего-нибудь и сочиняется с формой родительного -аблятивного: жена дѣтищъ роди безъ шчью· и безъ руку 55 об., въ ѣдину бо ношъ бѣи безъ вѣсти 59.

Въ, со. Главное значение этого предлога местное на вопросы «куда» и «где», затем временное на вопрос «когда», образа действия на вопрос «как». Из этих значений проистекают переносные. Примеры: поиде Стѣславъ в пороги 23, в се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порупъ 51, и мало в градъ не вѣхаша Половци 77, поѣхаша в Татары 165, пришедше в село в Туров 170. Выражение «вместо» разделяется: то вы будете в мене мѣсто 54 об. Время: въ третии межю деса (тма) похороненъ 103. В переносном смысле: поиди княже с нами в дань... иде в Деревя в дань 14 об., возлюби Бѣ Аврама и племя его· и нарѣ га в люди себе 31, тако множицею оубивал· сбиша ѣ в мачъ 91 об., повелѣ ею (РА ей) оустроитиса во всю тварь прѣкую 99 об., се рекше оудариса в конѣ· и взяша городъ 130 об. Обозначение места на вопрос «где»: кто въ Киевѣ нача княжѣи 1 об., вы бо есте изънемогли в (о)садѣ 16 об., Ярославу· любашцю Берестовое... и погы многы набдашю· в нѣже бѣи презвутерь· именемъ Ларишнъ 52 об., кого же дѣтища въволокоша рыболове в неводѣ 55 об., снокъ кого в Новгородѣ· а брата кого в Руси 125 об. Время: во мнозѣхъ же временахъ· сѣли суть Словѣни 2 об., по семь же начаша в днѣи авлатиса на конихъ 71 об. В переносном смысле: въ гаденьи бо мнозѣи и питыи безмѣрнѣи въздрастають помысли лукавии 62, почаша сами в собѣи володѣти 7, жены в нѣи (среди них) шрютъ 5 об., шнъ же рѣ азъ есмь мужъ его· и пришелъ есмь въ строитѣ 20, суть дѣлани руками в деревѣ 26 об., кто болии въ васъ акъ же Θεодосии 54, шдолѣ Стѣславъ в трѣи тысячахъ 58, въ алчи и в жажи и в бѣдѣи шпустившѣи лица· почернѣвшѣи телесы 75, сѣда на санѣи помысли в дшѣи свои 78, в насъ

в браты 88 об., на суть князи муромскыѣ и разанскыи близь в сусѣдѣ 125 об., по кого хочемъ послати в своихъ князѣ 125 об., не бѣ слышати пѣныи в плачи 163 об. Образ действия: ѡступшиа (Печенѣзи) градъ в силѣ велицѣ 19 об.

До обозначает предел, до которого простирается действие в пространстве или во времени: а и-Щерънигова до Кыева нестишь бздѣ ко ѡцѣ 82 об., поча кланатиса поа пѣмы ѡли и до полунощы 65.

За. Основное значение этого предлога — движение назад чего-либо или пребывание позади чего-либо. Есть и переносные значения. Примеры: оудариша слугы прѣвы Лесна за шью 118, оудари и за плече копьемъ 67 об., да поиди за князь нашъ за Маль 15, ведена Передьслава в Угры за королевичъ 94 об., ведена дщи Володарева за прѣвичъ за ѡлексиничъ Црюгороду 94 об. Обозначение времени: созда столпъ то за м̄ лѣ 2 об., ждаша за мѣсаць 25, поработиша плема его за ӯ лѣ 31, да воюемъ за три лѣта 42 об., коли можете престояти на̄ аще стоите за г̄ лѣ что можете створити на̄ 44 об., аще не имате волхву сею не иду ѡ васъ и за лѣто 59 об. Образ действия: за маломъ бо бѣ не дошелъ Црагра 22.

Изъ обозначает исходный пункт известного действия в движении изнутри чего-нибудь как в собственном, так и в переносном смысле. Эта внутренняя среда иногда является причиной известного действия. Примеры: выскакав же вси прочии изъ лоды 8, бѣжа из Бѣлагограда Полотьску 58 об., иде из Новагорода из Великаго 172. Причина: ѡнъ же работа другую з̄ лѣ изъ Рахили 31, Ияковъ работа оу оуга своего изъ тщере его изъ меньшеѣ 31.

Къ (из, азъ) употребляется с дательным падежом и обозначает либо такой предмет и состояние, к которому направляется действие, либо цель движения. Иногда предлог оказывается как бы излишним, так как движение к чему-либо может быть обозначено и дательным падежом пользы или вреда, а также цели: приде къ Смоленьску 8, придоста къ горамъ хъ Клевьскимъ 8, приде ко Црюграду въ силѣ въ велицѣ в гордости 10, възвратишася к Торцьску 73 об., приде

Бонакъ с Половци г Кыеву 76 об., первое к Ростову идохъ . . . а самъ иде Курьску 81, ѡлег же побѣже к Мурому 86, иде к Теробовлю 103 об., Изаслав же приде к Чернигову и незаставъ Гюрга воротиса г Кыеву 113 об., ити ставитьса к митрополиту г Кыеву 119, повелѣ (къ) комуждо голуби и къ воробьеви привазывати цѣрь ѡбертывающе въ платки малы 16 об., всади брата своего Плесковѣ ѡклеветанъ к нему 51 об., придоша Половци Итларь и Кытанъ к Володимеру 75 об., к женѣ нелѣпымъ не бесѣдовати 79, иди к Василкови тезу своему 89, помогути г Кыеву 104, пер(ед)ъ собою посла к брату Кыеву к Володимеру и к Лазареви к тысачскому 105, цѣловавшие къ Юрю князю 125 об., пославше к нима звахуть его к собѣ на свѣтъ 135 об., поѣхаша в Татары к Батыеви 165.

На означает движение на поверхность чего-либо или нахождение на чем-либо в пространственном или временном отношениях, как в собственном, так и в переносном смысле. Эти отношения могут переходить в обозначение образа действия и цели в зависимости главным образом от лексического значения глагола. После на бывает вин. п. на вопрос куда? и твор. п. на вопрос где? Примеры — место на вопрос «куда»: Двина ис того же лѣса потечѣ и идеть на полунощье 3, сѣдаты на верхъ Волги 4, иде на Дервьску землю 16, ѡторваху бо са на землю яко видашѣ мнѣти кончину 56, всѣдъ на конь вборзѣ поѣха 70 об., на Дрьютьскъ воюа 81 об., Глѣбъ же на ту ѡсень приѣха на Московь 129 об. В переносном смысле: Волохомъ бо нашедшемъ на словѣни на Дунайскыи . . . словѣни ѡви пришедше сѣдоша на Вислѣ 2 об., находиша на Хоздрога 46, воевати почаша сами на са 7, людье воспиша на Моисѣи рекуще почто изведе ны на смръть 32, хочю на та пити 56, поиде на Дѣда къ граду 90 об., иде . . . к Володимеру на Мстислава на Изаславича 116, на Всеволода и Стѣслава на меншею брату 135 об. Для означения времени: приходи Ирополкъ ко Всеволоду на Великъ днѣ 68 об., створи пирь на сиѣнѣ прѣкве своета 147. Образ действия: размѣси газыки на -с̄ и -в̄ газыка 30, процають же грѣхи на дару 40, ѡбѣдаша браты на скупъ (= вместе) кождо с боары

своими 61 об., теплъ на вѣру 67, пустиша на воропъ межи Клевъ и Вышеградъ 73 об. Цель: исѣче Козары· иже бѣша свѣтници на оубе(нѣ) брата кго 68 об., на зло слема скори суть 46 об., выведе Варлама на игуменьство к стѣму Дмитрию 54, но знаменъа сица на зло бѣвають· ли проавльенѣ рати· ли гладу· ли смѣрть проавльаеть 56, бодру быти на пѣнѣ прѣвное 62, придоша Половци на миръ 75 об., нача побчати на ѡслѣплевѣ 87 об., держати и на свою голову 107, скори бахуть на пролитьє крови 111, пославше к нима звахуть єю к собѣ на свѣтъ лестью· абл· како ѡти єю 135 об., посла сѣа своєго на княженѣ 142, посла сѣа своєго Ростову на столъ· а Всеволода на Ярославъ на столъ 151 об. С местным падежом: Изаславу же сѣдацю на сѣнехъ с дружиною своєю· начаша прѣтиса со княземъ стояще долѣ 57 об., оузрѣша Игоря на сѣнѣ и разбиша сѣни ѡ нѣ 106, на Колахши на рѣцѣ 130, сица бѣ прѣкѣв стго сѣа на Ярославли в манастѣри 154, повержену на лѣсѣ· видѣ и етера жена вѣрна 162 об., на Сити на рѣцѣ 162 об. В переносном смысле: воеваху на Словѣнѣ 46, си имуть имати дань на насъ· и на инѣхъ странѣ 6, (и)маху дань Варази на Чюди и на Словѣнѣ 7, цѣловаше къ Юрью князю на менши дѣтѣ· на Михалцѣ и на братѣ кго 125 об. Образ действия: передалса Стославъ на лѣсти 136 об., идуть на лѣстѣ к нему 145 об.

Из конструкций с предлогом *надъ* отметим случаи: большаго присѣтите· надъ мертвеца идѣте 80 об., доколѣ Бѣи терпѣти над нами 129 об.

Предлог *о*, *объ* соединяется с местным падежом в смысле кругом чего, около чего; в пространственном значении употребляется редко, чаще в переносном смысле — для обозначения предмета, о котором идет речь. С винительным падежом указывает на смежность, предел действия, причину и цель. Примеры: да кленутса... хранити ѡ всемъ таже суть написана на харатѣ сеи 14, запроша ѡ нихъ (за ними) истобѣку 15 об., аще ли ѡ тѣхъ самѣхъ преже реченыхъ (не) съхранимъ 22 об., но се ему бѣ нелюбо· обрѣзанье оудовъ· и ѡ негяденъи масъ свинныхъ 27 об., съступиша море ѡ Фаравнѣ-

и ѡ воихъ его 32, ·в· дѣтища родистаса· единъ· ѡ ·д·хъ ногахъ· а другыи ѡ двою главу 55 об., не мьститъ бо гѣ дважды ѡ томъ 74 об., оузрѣша Игоря на сѣнѣ и разбиша сѣни ѡ мѣ (из-за него) 106, сами поидоша ѡ собѣ· рекуще мы кммы ци не князи же 134 об., слышавъ ѡ Переюрьи ѡже тако створилъ 137. Примеры на винительный падеж: ста Володимеръ ѡб онъ полъ города 37 об., Мьстиславъ же ѡ светъ заоутра· видѣвъ лежачиѣ сѣченъи 50 об., ѡ се чинъ же сѣдаста ·в· брата в манастѣри 70, Гюрги ѡ то чинъ приде г Кънѣву 109 об. Смешанный оборот: стрѣлцѣ стрѣлающѣса ѡ рѣцѣ (РА о рѣку) ѡ Стугну 109.

Предлог *отъ* всегда требует после себя родительного падежа и в соединении с именем означает исходный пункт, от которого направляется какое-либо действие или состояние. Таким исходным пунктом может быть и время и лицо при страдательном залоге, вместе с тем причиной известного действия. В старых памятниках *ѡ* иногда там, где у нас «из». Примеры: присѣдаты ѡ запада къ полуночю 2, взимати... и ѡ скотыниѣ кунами 43 об., поиде ѡ Стракве мимо городъ 107, мьсти ѡ крове праведнаго сего 49, помроша бѣгаючи... ѡви ѡ зимы· друзии же гладомъ 55, тѣм же рѣ... блюстиса ѡ лѣности и ѡ многога сна 62, да быхомъ са востагнули ѡ злѣ дѣль 74, бѣ вѣсть избавлати блѣгочѣвныа свои ѡ льсти 86, Радимици и Ватичи ѡ Лаховъ 46, почто не гаста ѡ древа суцаго посреде раи 29, въведи к собѣ по двоєму ѡ всѣ скоть 30, ѡ сихъ насели градъ 42, бѣваше мнѣство ѡ масъ 43 об., прекладаше ѡ грекъ на словѣнское писмо 51 об., како вы инѣ оучители сами ѡвержени ѡ бѣ и расточени 28, хвалимъ ѡ Русьскѣи сѣновъ 42, дѣмони проклинаеми ѡ блѣговѣрнѣи мужъ и ѡ вѣрнѣи женъ 42, придоша послании ѡ Стополка на погубленѣ Глѣбу 46 об., видѣвъ лежачиѣ сѣченъи· ѡ своѣ Сѣверъ 50 об.

Передъ, *предъ* с творительным падежом: оускориша Кънѣгане передъ Володимеромъ 105 об.

По сочиняется с падежами винительным, дательным и местным. При всяком соединении с этим предлогом обыкновенно обозначаются местные отношения в пространстве или во времени; возможно употребле-

ние и в переносном смысле. С винительным обозначается предел, до которого достигает действие, в переносном смысле — до которого достигает цель действия: посла по гости 15 об., елико бо лѣтъ зловиви держатса по правду 18, въ Ватичи ходихо по двѣ зимѣ 81 об., гшася по правду крѣпко 128, по друзи послашася 134 об. (имен. вм. вин. другы), и поступиша мало к водѣ по .г. дни бо не пустили баху ихъ к водѣ 135, посла по снѣгъ свои 135. *По* с дательным обозначает распространение по чему-нибудь. Он употребляется для означения пространственных отношений: по сему же морю сѣдаты Варязи 2, сѣли суть Словѣни по Дунаеву 2 об., сѣдаху по Днѣстру присѣдаху къ Дунаеву 5, по бжью строю и по мѣти своей помилова бѣ 41, поча ходити по дебремъ и по гора(мъ) ища кдѣ бы ему бѣ показалъ 53, Половци же видѣвши сдолѣвши пустиша по земли воююще 73 об., по шню повелѣнью 100, стаща шатры противу Кыяву по лугови 110 об. С местным *по* употребляется в смысле «после», поэтому обозначает собственно временные отношения в собственном и переносном смысле: потагнѣте дружина по князѣ 16, возъ по собѣ не возаше ни котла ни масъ вара 19, пыаху по немъ (РА из него) 23, посла Мстиславъ по Ярославѣ 50 об., вси людье пожалиша си по немъ повелику оуности его ради 73 об., пакы с Стополкѣ гонихо по Бонацѣ 82, Стополкѣ же сжалиси по братѣ своѣ 87, поидѣта по мнѣ к Чернигову 105 об., женуци по нѣ избиша множество ихъ 113, по малѣ днѣхъ оускочи Игорь князь оу Половецѣ 135.

Подм с винит. надежом: шбихода подлѣ браю 64, хотя здесь винительный может зависеть и от глагола, а «подлѣ» играет роль наречия.

Подъ с творит. п. для означения пребывания под чем в собственном и переносном смысле: рѣша Гръци лъстаче подъ Русью 21, иже суть подо мною Русь 22 об., лъста под нимъ како бы и погубити 45 об., братья глѣще яко сесь възрослѣ ксть подъ рукою твою 63, искаше подъ Ростиславѣ Смолинска 102.

Про для означения причины: Стополкѣ про волость же ци не оуби Бориса и Глѣба 102 об., поѣхаша в Татары к Батыеви про свою шчину 165.

Съ с творит. надежом означает пребывание с кем-нибудь или действие с кем-нибудь в прямом и в переносном смысле: съсѣдаться с племанемъ Хамовѣ 2, Вольга же баше в Киевѣ съ снѣмъ своимъ съ дѣтскомъ Стославомъ 15, шгородиша а съ столпьемъ (РА огородиша столпьемъ) 53 б, Изаславъ сватитса (РА сватаетса) со Всеславом 61 об., кда игумень оутайвѣса нѣ с кыими пренесеть его штай 70, Изаслава выведе с нужею 100—100 об., и сложишася Шговичи и с Дѣдовичи 100 об., рекоша Кыяне молвите с чимъ вѣ князь прислѣ 105 об., с Половци с погаными 129 об., с клирошаны и с поны со многими слезами 162 об., Стославъ с сынѣмъ съ Дмитриѣ 164.

У сочетается с родит. надежом и означает пребывание при ком или при чем-либо: емлющю дань оу Касогъ и оу инѣхъ странахъ 56 (родительный смешан с местным, как и в нижеследующем примере): оу прѣ бывшѣ шпѣхъ 159, родиса оу Мстислава снѣ оу Андрѣевича 122, стоить оу Разана 147, шстави оу себе 147 об.

Кроме пояснительных слов, выраженных теми или другими надежами без предлогов, и надежами, соединенными с предлогами, в предложении возможны пояснительные слова, особенно при глаголах, выраженные и теми или другими *наречиями*. Последние могут представлять из себя образования старинные, этимологическое происхождение которых теперь трудно установить, или наречия, ясно образованные от имен или от глаголов так сказать на наших глазах. Приведем примеры: поча кланатиса пога пѣмы шли и до полунощѣ 65, придоша Половци на миръ и стаща по Дубеньцю шли и до верхъ Супога 116, рѣ... шно ти сѣдитъ вранѣ черныи 65 об., заступи бо шчивѣсть ш поганѣ стага Бѣга 123. В последнем примере наречие, несомненно, в связи с глаголом, как и в нижеследующем: придоша рекуше кему вида идеши на смѣрть 59 об., где неизменяемое причастие имеет значение наречия (явно). Именного происхождения наречие: шни же доспѣвши поидоша възлѣ рѣку Шку горѣ 145 об. В связи с прилагательными наречия в следующих примерах: а и-Щерънигова до Кыева нестишь ѣздѣ ко шцю 82 об., Володимерко... не стерпѣвъ вдругѣ побѣже перед нѣ.

в Перемышль 113, они же гнаша на скорѣ к лодыамъ 146 об., Ярополкъ же поѣха ѡтаи брата к дружинѣ Перегаславию 126, бѣ Ярославъ люба прѣквнѣи оуставы. попы любаше по велику 51 об., повелѣ сбирати вой Ѡ мала до велика 67 об., вса дружина Ѡ мала до велика. съѣхашася к Володимерю 125 об., горожане вси Ѡ мала до велика 145.

Что касается строения двучленных предложений, то в летописи они приближаются к обыкновенной разговорной речи. Вследствие этого наблюдается *преобладание кратких главных предложений*, в которые, как члены этих предложений, могут входить и неизменяемые причастия. Развитие подчиняющих союзов вообще незначительно. Больше бывают соединительные союзы или противительные, напр.: пославъ начача поимати оу нарочитое чади. дѣти и дагати нача на оученье книжное 41, Володимеръ заложи градъ Бѣльгородъ. и наруби въ не Ѡ инѣхъ городовъ 42, плакашася по немь боларе. и акы заступника ихъ земли 45, река тако княже мой. се Бѣ оумножаетъ браю а мѣстьце мало. да бы ны далъ гору ту 53 об., дворъ жь княжь разграбиша бецисленою можество злата и сребра кунами и бѣлью 58, Изаслав же выправиса весь из города. и ста на болоньи и с товары 107, ѣхаша с переднею дружиною. Борису Жидославичю воевода бѣ в то время. и на радъ весь держаше 122 об. и т. д.

Расстановка слов не строго выдерживается, приложения часто ставятся на конце с целью выдвигания их; вообще интонации придается много значения с целью особенного подчеркивания тех или других слов, как это можно видеть из нижеследующих примеров: есть могила его оу Искорьстѣна гра в Деревѣхъ 14 об., се княза оубихомъ Рускаго 15, бѣ бо има ему Малъ. князю Деревьску 15, есть оу мене кдинъ сѣ меншеи дома 42 об., възвысила бо есть ваю свѣтоноснату любы ибнату 47 об., Мьстиславичъ. Соустафии оумре 51, еппа постави Жидату ив., иде Ярославъ на Чюдъ. и побѣди та ив., велика бо бывають полза Ѡ оученыа книжного 51 об., принесъ положиша и в рацѣ мороморанѣ 54 об., и не

лѣнитиса начнетъ. такоже и тружатиса 78, луче ѣ праведнику малое. паче бѣтства грѣшнѣи многа 78 об., гъ нашъ показал ны есть на врагы побѣду. гми дѣлы добрыми избыти него 79 об., да не клати ва начнутъ 80 об., приде половечская земля вса 102 об., стрын ти оумерлъ Вачеславъ 114 об., юже прѣкв оучинилъ ѡць него кнѣ Андрѣи 123, ты бра наю старѣиши 131, бѣи грѣи страшень. зарази двое чади 137 об., Глѣбъ кнѣ Рязаньскѣи Володимеричъ 150 об., он посла к нѣ блѣгочтиваго княза Василька снѡвца свонго. Костантиновича 153 об., снѡвцѣ распусти своѣ кождо и в свою власть 154 об., тое же зимы оу Зупцева побѣдиша Литву. Суждальскѣи кнѣ (= князи) 165 об., иде Ѡлександръ князь Новгородскѣи Ярослави. в Татары 166. Часто можно встретить непоследовательность в построении речи: тако Ѡзвляху люди Полотьскѣи и кто ѡбласть 71 об., гѣ твоимъ промыслѡ. звѣрье разнолични. и птица и рыбы оукрашено твоимъ промыслѡ гѣ 79 об., послалъ кси серпъ сии на кленушата именѣ моим. и не престоупающе 131.

Летописец для оживления рассказа очень любит прибегать к *прямой речи* — к приведению собственных слов говорящих лиц без изменения их: рѣ имъ дивно видѣхъ словѣнскую землю 3 об., рѣша Козари. платите намъ дань 6, (рѣ имъ) добри гостѣ придоша. и рѣша Деревлане придохомъ княгине 15, рѣша Кигане намъ невола 15 об., рѣша Нооугородьци Сѡславу. вѣдан ны Володимира. онъ же рѣ имъ вото вы есть 21, рѣша вой идеже глава твога. ту и свои главы сложимъ 21 об., (гдѣ) крѣцнѣе придемъ. они же рекоша гдѣ ти любо 37 об., что. придосте с хромьцемъ симъ. ѡ вы плотници суще. а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ 48 об., рѣ имъ старецъ. камо идете и рѣ сѣда на свиньи бѣсъ по Михала по Тольбековича 64 об., реку брату свонму Володареви и Дѣдвѣ. даита ми дружину свою молотшюю 89 об., се перьвѣе взалъ кси зракъ ѡчью моею. а се нынѣ хоцещи взати дѣшю мою 91, рѣ к нѣ на что ма есте привабили ѡсе ксмъ. кому до мене ѡбида 92, Игорьъ нача молитиса. ко Всево-

лоду· и молбою и гнѣвалася· река не хочеш ми добра· про что ми обрелъ кси Кънѣвъ 104, потѣ Изаславъ слыша· Гюрги (Р Гурга) в Переяславѣ 111 об., Изаславу же присылающе к нему· крѣ кси цѣловалъ како ти ити Суждалю· чему на ма ведень Половци 112, Андрѣи же рѣ тако створимъ· атъ изъ почну днѣ свои 113, вѣсть приде к нѣ и деть Изаславъ 113 об., Очѣ стѣи твою мѣтвою· и тамо в Новѣгородѣ ѣхалъ ксмъ здорвѣ и сѣмо приѣхалъ ксмъ твою мѣтвою здорвѣ 167.

Отношение между членами простого предложения может быть различно; или они соединяются один с другим по смыслу, или даже и внешним образом союзами: гз возвращающа похожу и еще 14 об., оубиша Стослава· (и) взаша главу его 23, вѣлѣзи ты и жена твоа и сѣве твои и снохи твои 30; или противопоставляются один другому: не едемъ на конѣ ни пѣши идемъ 15 об., сташа противу . . . и не смаху ни си ѡнѣхъ· ни ѡни сихъ начати 48 об., не дайте пакости дѣяти· ѡтрокомъ ни своимъ· ни чюжимъ 80 об., знаменьа бо въ нѣси или звѣздѣ· ли сѣнци· ли птицами· ли етеромъ чимъ не (на) блго бывають 56, мнѣ ли бы послати к тебѣ достоина· ци ли тобѣ ко мнѣ 84 об., се оу тебе есть Итларевичъ· любо ѣбни любо и дай нама 76, да любо налѣзу собѣ славу· а любо голову свою сложю 89 об., Володимерко же роставлалъ баше дружину свою на бродѣхъ· индѣ пѣши· а индѣ конники 112 об., налѣза мастера . . . инѣ ѡлову лыати· инѣ крыги· инѣ извистью бѣлити 139 об., да кого живать· кого ли оумертвять 44, не бѣ в Дѣдѣ гла ни послушаныа 87 об., не в Дѣдовѣ городѣ гать ни слѣпленъ 88 об. Между членами простого предложения может быть отношение противительное, один член присоединяется к другому при посредстве союзов *а, но*: избиша и· а инѣ изымаша 155 об., не ѡ своа вола рекоша но отъ Бѣжѣ повелѣныа 6, ни шатра имаще· но подкладъ пославъ· и сѣдо в головах 19. Построение предложения бывает таково, что оно выражает собою вопрос: ѡн же рѣ еда стражъ есмь брату своему 29 об., рекъ· се оубихъ Бориса· како бы оубити Глѣба 46 об., и рекоша постави намъ игумена· ѡн же

рѣ имъ· кого хочете· ѡни же рѣша кого хочеть Бѣ и ты 54. Вопрос выражается и при посредстве особых частиц, напр. *ци*:¹ рѣ Иднѣ повозникѣ· ци кому вѣ кто родинѣ оубень ѡ сею 60, на Стополка нача извѣтъ имѣти· гла ци гз се створилъ 90, Стополкъ про волость же ци не оуби Бориса· и Глѣба· а самъ ци долго поживе 102 об., тогды же послася Изаславъ к нему река· ци сѣ ксмъ сѣлъ Кълевѣ посадили ма Кълане 115, прави ксте· ци хотите мене дѣла погынуги 126, ты нѣ братъ свои ци снѣмъ та 136, рѣ то ци тѣмъ ѡчина ѡднѣ Руская земля· а нѣ не ѡчина ли 145 об.

Те же отношения, которые бывают между членами одного предложения, могут наблюдаться и между целыми предложениями, входящими в состав сложного предложения. Особенно это заметно в случае сочетания главных предложений (*παράταξις*). Сочетание здесь может быть соединительное, когда одно предложение присоединяется к другому при посредстве союзов *и, а* (= и), или с пропуском союзов: Вольга же баше в Киевѣ съ снѣмъ своимъ съ дѣтскомъ Стославомъ· и кормилецъ его Асмудъ· (и) воевода Свѣнелдъ 15, бѣ нѣкыи члѣкъ именовъ мирьскымъ ѡ града Любча· и възложи сему Бѣ в срѣце въ страну ити 53, Игорь с братѣ . . . побѣгоста· и бѣжачѣ изымаша 104 об., Ростислав Гюргевичъ подмолви на та люди . . . а хотѣлъ сѣсти Кълевѣ· а пусти и къ ѡцѣ то твои ворогъ и ѡцѣ нго 107, Изаславъ же Дѣдвчъ· и Изаславъ Андрѣевичъ· слышаша възвратившеса ихъ· и иде Изаславъ в Ватичѣ· а ѡндрѣевичъ Изаславъ· воротиса къ ѡцѣ своему Ростову 117 об., побѣха противу кму· с Володимерци· и с дружиною своимъ· и что баше богаръ ѡсталоса оу него 128 об., тое же зимы· посла великыи кнѣ Геюрги снѣ своего Всеволода на Мордву· а с нѣ Феодоръ Гюрославѣ· и Разаньскыи князи 159 об.

¹ О частице *ци* см. нашу заметку во II т. сборника «*Symbolae grammat. in honorem Joannis Rozwadowski*» (Cracoviae, 1927, стр. 291—293).

В отношении противительном одно предложение противопоставляется другому. Союзы, разделяющие их — *а, но, да* (= *а*), *агъ*: ста Володимеръ на сеи сторонѣ · а Печенѣзи на шнои · и не смаху си на шну страну · ни шни на сю страну 42, бѣси бо бѣ боитса · а золь чѣвкѣ ни бѣ боитса 46 об., постави Варагы посредѣ · а на правѣи сторонѣ Къыпане (стояли?) · а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци 51, рекоша кму шчѣ оумножилоса братьѣ а не можемъ са вмѣстити в печеру 53 об., грѣшници въ адѣ сѹ ждуще мѣгы вѣчнѣпа · а праведниці въ нбнѣмъ жилищѣ водвараютса 60 об., почто вы распра имате межи собою · а погании губать землю Русьскую · послѣди са оуладита · а нонѣ пойдита противу поганѣи 73, к бѹ баше покаятиса · а ко мнѣ баше грѣмоту оутѣшеную · а сноху мою послати ко мнѣ 84, ста по сеи сторонѣ города · а Володимеръ шб ону страну · спедъ з горы · а межи ими рѣка мѣлка 103 об., брачнѣи шбычаи имаху · не хожаше зать по невѣсту · но приводаху вечер 5, а нонѣ на пути кси розбилъ · а вѣси норовъ Татарскѣи да в насъ и в Руси лихо разбои оучинити 170 об. Союзы *агъ, ато*, кроме противоположения, обозначают еще желание, цель: възмѣте сопѣли · бубны и гусли · и оударайте · ат нѣи Исакии сплашетъ 65, положите хлѣбъ прѣ нѣи... атъ сѣ ѣсть 65 об., пойдѣте со мною · атъ ми са будѣ добро ш силы мирити 107, поѣди княже к городу · ат мѣ беемса сами со Изаславомъ 113 об., рекуще поиди г Къыеву атъ не возмуть нѣ Половци 115, послахо к тобѣ послѣ свога · атъ приставишь к нѣ свога послѣ · атъ идуть по князи наши в Русь 125 об., се прислалъ бра мой · в · мужа кыпанина · ато молвать браѣ своєї 105 об. Финальный оттенок имеет и союз *ати*: да има Берестии · река Новагорода не березѣта · ати сѣдаты о своєї силѣ 102 об., иди ко Шлговичѣ к тѣ кси пришель · ати ти дадаты волость 106 об. («ати» вероятно под влиянием следующего «ти»).

Соотношение главных предложений может быть таково, что одно из них указывает на причину действия другого. Это отношение внешним образом может быть не обозначено ничем, а может быть и отмечено каким-нибудь союзом, соединяющим равноправные предложения, напр.

союзом *бо*. Примеры — без союза: почто идеши шпать поималъ еси всю дань 14 об., да в величѣ чти приду за вашъ князь · еда не пустать мене людѣ Къиевстии 15 об., не баше лѣзѣ кона напоити · на Лыбеди Печенѣзи 20, не ходи княже оубьють та · побѣгни в Печенѣги 24 об., но се ему бѣ не любо... рѣка Руси есть веселье питье · не можемъ бес того быти 27 об., и влѣзъ Аврамъ к Огари · зачатъ и роди сѣа Агарь 31, се Половци росулиса по земли · дай княже шружье и кони · и еще бѣемса сними 57 об., потагнѣмъ оуже нѣи не лѣзѣ камо са дѣти 58, бѣи не смѣють прити нѣчто имаши на собѣ 60 об.; поидѣ к Переяславлю · ту ти кму прити · да негли ту покоритса 107; рекоста к нему · да се ты ни на поганѣи идеши · ни на свѣтъ к нама · то ты мѣслиши на наю 76 об.; что хочете досѣдѣти а вси гради ваши предашаса мнѣ · и галиса по дань 16 об. Примеры с союзами: сим же полкѣ не лѣзѣ баше битиса с ними тѣсноты ради · зане болота пришла ноли подѣ горы 103 об., здѣ ворогъ княза нѣго и нашъ · а хочѣ и оубити 105 об., рекъ брате ѣди к митрополиту · и съзови Къыпанѣи всѣ · ато молвита си мужа (два) лѣсть черниговскѣи князии 105. Особенно обычен здесь союз *бо*: сѣдаху бо по Днѣстру 5, мужа твоего оубихомъ · баше бо мужъ твои аки волкъ · возхицатъ и граба 15, шчѣ та зоветь · не сдравить бо велми 46 об., то есть не дивно в ратѣ бо и прѣи мужи погыбають 86, то вѣдѣ гала вы рота · многажды бо ходивши ротѣ · воевасте Русьскую землю 94, и да Володимеръ Всеволоду тысячю гривѣ серебра и двѣстѣ · тѣмъ бо и башеть оумолилъ 104, бѣ изъхити Изаславъ лодѣ · дивно бѣша бо в нѣ гребци гребуть невидимо · токмо весла видѣти 110 об., тогды же тажъко бѣи Къыпаномъ · не шстал бо са башеть оу нѣи никаковъ князь 115.

Отношение между самостоятельными предложениями может быть такое, что последующее выражает следствие, вытекающее из предыдущего. Предложения могут быть не соединены союзами: шна же не хоташе ити · яко в полонѣ рѣ иду · лучи бѣи ми сде оумрети 38, рѣша брату твоюму Къыева не оудержати · да не будѣ кго тобѣ ни тому 108 об., поможе Бѣ на Половци самѣхъ прогна · а вежѣ

ихъ пойма 113 об., избиша и· а инѣ изъимаша бѣжаша в тверди 155 об. Соединения с союзами: Синеоусъ оумре· а братъ его Труворъ· и приа власть Рюрикъ 7, азъ сѣу мой бѣ познахъ и радюса 18 об., Стополкъ стояше межѣ двѣма озерома· и всю ноць пилъ бѣ с дружиною своею 48 об., бѣ сѣча зла· и о два о долѣ к вечеру Ярославъ 51, си же начаша заводити и негодовати дружинѣ своеѣ первыѣ· и люде не доходити княже правды 72 об., посѣдита вы сѣ· а газъ лѣзу наражаю· и лѣзе вонъ 87 об., се оуже Игоря есте оубили· ато похоронѣ тѣло нго 106.

Придаточные предложения при главных играют разную роль. Одни из них заменяют *имя предмета или качества*, другие поясняют предмет, при чем сами являются двучленными или же носят характер простых определений и выражаются причастными формами: мы же елико насъ хртлса есмъ· клахомъса црквю стго Ильѣ 13 об., вижъ сего ты еже еси хотѣлъ 23 об.; что ми ни в даси· то газъ прииму 24 об., се не добро еже малъ городъ около Клева (РА мало городовъ) 42, и га вы что велю, створите 44, дивно же есть се колико добра створилъ 45, газе оустроишь въ служба то держи 63, егоже оумѣючи того не забываете доброго 80 об., а нго же не оумѣючи а тому са оучите 80 об., дивно има (РА ми) дружино· оже лошади жалуете· нюже то шреть· а сего чему не промыслите 93 об., иже чететь книгы сиа· то буди ми въ мѣтвахъ 96, иже са были снали· на о каньнѣи свѣтъ· того днѣ· оу Петра оу Кучкова зата 124 об., а о наши не бѣи кто и вѣсть принеса 135, не дивно оже ны быша поганин воквали 136, а что дружинѣ Всеволожи повазаша всѣ 136 об., а что изъимано людеи чернѣи· и з женами и з дѣтми· то все попровадилъ прочь 170; терпашии же га ти ообладають землею 78 об., любай бо ма рѣ заповѣди нго хранить 97 об.

Предложения, поясняющие имя, начинаются с форм *иже*: рѣчьки ради газе втечетъ въ Двину 3, Словѣни (почаша держати) свое в Новѣгородѣ а другое на Полотѣ иже Полочане ѿ нихъ же 4,

ту оумѣкашу женѣи собѣ· с нею же кто съвѣшашеса 5, поищемъ собѣ княза· иже бы володѣль нами 7, Полане газе нѣнѣ зовомата Русь 9, наши князи добри суть· иже распасли суть Деревьску землю 15, рѣша не ли кого иже бы могъ на о ну страну донти 19 об., глѣ· нѣту лѣ такого мужа· иже бы са галъ с печенѣжиномъ 42 об., возьми дань еже хоцещи 22, изиди ... в землю в нюже ти покажю 30 об., кладази газе суть за тобою ѿ вѣстока· ис того вода идеть по трубѣ· копавъ переими 37 об., повелѣ женамъ створити цѣжь· въ немъ же варать кисель 44, люте бо граду тому в немъ же князь оунъ любай кисель 44, люте бо граду тому в немъ же князь оунъ любай вино пити съ гусльми 48, положиша и (в церкви)· юже (бѣ) самъ заложилъ 51, заложѣ Ярославъ городъ великѣи· оу него же града суть златаѣ врата 51 об., блѣвенье ... монго игумена· иже ма постригалъ 53, друзии же и закыханью вѣрують· еже бываеть на (з)дравьѣ главѣ 57 об., да нго же изволиши самъ· то намъ буди оцѣ и игумень 62 об., Феодосыа ... иже пасаше словесныѣ о вца ... моласа ... за землю русьскую· иже и по ошествои твоѣмъ ѿ сѣи жизни· молишиса за люди вѣрныѣ 71, иде пакы (И)заславлю ... вода с собою и Брачислава зата свонго· иже баше пошелъ къ оцѣо своему 99, о обновлена бѣи цркы стон бѣи Володимери· иже бѣ о полѣла в великѣи пожарѣ 139 об., разграбиша ... и порты первѣи кнѣзи· еже баху повѣшали в црквахъ стхъ 142, сдѣ вписахъ ѿ нѣи памяти ради· русскѣи князии бѣды· газе бѣи ѿ нѣи 153, лице нго аки лице Есифа· иже бѣ поставилъ нго Егунетьскѣи црѣ втораго цра въ Егунтѣ 168 — 168 об.

Подчинение при помощи других местоимений: не суть таци· капи суть поставлени слезами· пощенъемъ мѣтвою бдѣньемъ 54, нонѣ всю волю твою стваряе чего то хоцещи 147.

Пояснение выражено причастием: рѣка Чермна текущи на вѣстокъ 1 об., быша ·г· братья ... сѣдаше Кии на горѣ а Шекъ сѣдаше 4, звѣзда восита на западѣ· испущающи луча· юже прозываху блистаницю 55 об., межю путемъ идущимъ на Берестово· и другимъ в монастырь идуще 77, в се же

ль престависа Інь старецъ добръи живѣ лѣ ·ч· в старости маститѣ 94 об., быша ·г· слнца снѣжа межи собою · а столпи ·г· ѿ земля до нбсе 103, бѣ радѣ велика по всѣмъ землѣмъ · тѣмъ · свобожены имъ ѿ поганъ 154, — конец фразы можно рассматривать и как дательный самостоятельный.

Вместо относительного местоимения может быть наречие: се повѣсти времаныи лѣ · ѿкуду есть пошла Руская зема 1 об., сълѣзъ съ горы сеи · идеже послѣже бѣи Киевъ · и поиде по Днѣпру горѣ 3 об., на горѣ · гдѣ же нынѣ зовется Шековица 4, се оуже иду к вамъ · да пристроите меды многи въ градѣ идеже оубисте мужа моего 15 об. — 16, не бѣ двора идеже не гораще · и не бѣ лѣзъ гасити 17, пришла на мѣсто се · идеже гатома има быти 60, повелѣша оустроити мѣсто · идѣже положити мощѣ нго 70, в се же лѣто · (бысть) знаменье в слнцѣ · како погыбнути нму · и мало са нго уста 71 об., перейдемъ пола идеже пасомы бѣша стада конь 74 об., остатокъ бѣныи тѣ · бѣжаша дружинѣ свои · гдѣ баху переже вѣсть послали 134 об.

Придаточные предложения, поясняющие глагол, соединяются с главным при посредстве союзов; союз *яко*: присла глѣ · како гость есмь 8, вѣдѣху бо како сами оубили князя 16, увѣсть црѣ како мало нас есть 22, сему Дѣду класа бѣ · како ѿ племени его родити бѣ 32 об., туже нарицаху · лучшийи жены глѣца · како си жито держити 59, повѣдала людемъ · како на патое лѣто · Днѣпру потещи вспать · и землямъ преступати на ина мѣста 59, Володимеръ же слышавъ како гать бѣи Василко и слѣпленъ оужасеса 88 об., дашася рекше Вачеславу призови ны Бѣ · како нѣ даси на щить 99, Яроолав же слышавъ · како стоитъ Кыевъ безо князя · пограбленъ Ростиславичи · приѣха ѿпѣ Кыеву 123 об. Прямая речь с союзом *яко* обычна и в других др.-русских памятниках, напр. в Новгородской летописи: и присла въ Новгородъ, како не хоцю оу васъ княжити 67 (ср. Е. С. Истрина 40, 186); союз *оуже* — *аже*: съгладахъ колодникъ · оуже суть вси в сапозѣ 27, а се вы повѣдаю · дѣти мои трудъ свои · оуже са есмь тружалъ 81, мы вѣдаемъ · оуже не кончати добрѣ с тѣмъ племенѣ 105 об., мы

вѣдаю · аже того бра твои не казалъ ив., наши же слышавше думаша оуже дамы симъ животъ а Половецъ много есть назади · а нѣ есть мало 121, слышав же король оуже иду князи 144, слышав . . . аже идеть рать на на силна ѿвсюду · и оубошася зѣло 144, бѣи нму вѣсть · оуже Разаньстии князи свѣщалиса сѣ со Ѡлговичи на нь 145 об., то же слышавъ Рюрикъ кнѣ · оуже Всеволодъ великыи кнѣ · стоитъ оу Разана · и князи ихъ изимавъ · оны же совокупаса и гна извѣздѣ г Кыеву 147; союз *что*: скажемъ что са оудѣило та си какоже преже почали бахомъ 6 об., са творилъ что было надобѣ 83.

Здесь принадлежат и *зависимые* (косвенные) *вопросы*: видѣ ту люди суцага · како есть обычаи имъ и како са мьютъ 3 об., рѣста · чии се градокъ 7 об., ѿтоле оувѣдать ины страны каку любовь имѣють Грѣци с Русью 13 об., рѣ имъ Ѡльга да глѣ что ради придосте сѣмо 15, повѣжьте ны колько васъ 21, искусимъ и любезнивь ли есть злату · ли паво(ло)камъ 21 об., не свѣмы на нбѣ ли есмь были · ли на земли 37, въпрашающѣ · кде болнии и нищ не могъ ходити 43 об., поидѣте . . . в градъ да видите что са дѣеть в градѣ нашѣ 44, ѡтропи же нго всьлаху противу · еда кто женеть по насъ 49 об., мыслаше кдѣ бы жити 53, се же написахъ и положихъ · в кое лѣто почалъ быти манастирь 54 об., вѣси ли что ѡтро хочеть быти 61, иди впрашаи к ли Михаль в кельи 64 об., разгладавша кудѣ копати 70, нача тужити нда како на страну копаньмъ 70, начаша просити татарове князя великого Юры · ест ли в градѣ 160.

Есть случаи, отражающие память об обороте *accusativus cum infinitivo*, не редком в старославянских памятниках, переведенных с греческого, только вместе *infinitiv'a* вездѣ причастия: Печенѣзи мнѣша князя пришедша 20, видѣвши горожане · изнамагающе свой · и вырипушася из города 135, видѣша вса ѡгнемъ взата · толико икона та . . . цѣла посредѣ ѡгна 148 об.

Целый ряд предложений, поясняющих глагол, имеет специфический характер: может обозначать место, время, образ действия, причину, цель. Это так называемые обстоятельственные предложения. Приведем встре-

тившиеся нам примеры. Обстоятельство *места*: погребѣ ма· иди же таможе хочеша 20 об., идеже оумножиться грѣхъ· ту избыльствуетъ блѣтъ 45, Ѡкопаше кде бѣ загражено Ѡстье 65, поистинѣ идѣже лагу азъ· ту и ты положена будеша 71, гдѣ бо бѣ оу насъ оумиленье· нонѣ же вса полна суть слезъ 74 об. — 75, аможе хотахуть тамо поидахуть· не обращающа лодыжи 110 об.

Обстоятельства *времени* выражается предложениями с союзами и причастными формами. Примеры с союзами — *яко*: яко соспоша· и повелѣ тръизну творити 16, яко смерчеса пустити голуби и воробьи 17, яко приближиса к рѣцѣ· сверга порты сунуса въ Днѣпръ и побреде 19 об., яко приде повелѣ кумиры испроврещи 40 об., яко приде вѣсть к великому князю. Юрью... он же се слышавъ възпи 162; *егда*: егда са начаху казати и помиловашеть ѣ 32 об., егда же подыбахуться начахуть роптати на князь 43 об., цркви стоять кгда же бывають годъ молитвы мало ихъ ѡбрѣтаются в цркви 57 об., кгда же приспѣша зима· и мрази лютии· станаше в прабошнѣ в черевѣ в протоптанѣ 65 об., кгда бо прокопахъ послахъ къ игумену· приди да вынемем и 70 об.; *дондеже*: на вса лѣта· дондеже съзаетъ снѣже и весь миръ стоитъ 11 об., не движаше ногама· дондеже Ѡполаху заоутреню 65 об.; *другие союзы*: толи не будетъ межю нами мира· елико (Р оли) камень начнетъ плавати и хмель почнѣ тонути 27, послалъ кмь к братьѣ свои в Русь· какова ми вѣсть будѣ Ѡни· тогда въ дамъ Ѡвѣтъ 124.

Перехода к придаточным предложениям обстоятельством, выраженным *причастиями*, следует сделать общее замечание: нередко между предложениями, с современной точки зрения придаточным и главным, бывает какой-нибудь союз, напр., *и, а, но, же*, что в современном русском языке совершенно недопустимо. В старом языке в подобных случаях причастие, относившееся к тому же лицу, на которое указывал и *verbum finitum* — сказуемое, чувствовалось, очевидно, как второстепенное сказуемое, которое могло обозначать следствие, протекющее из главного действия (с союзами *и, а*), или противоположение ему (союзы

но, же), как в предложениях сложных по системе *παράταξις*; сюда относятся и дательные самостоятельные. Со временем установилось более отчетливое соотношение частей таких предложений: с одной стороны, вместо причастий также возобладал оборот с *verbum finitum* (образовалось два однородных члена), с другой — при сохранении второстепенности члена, выраженного причастием, оказался лишним союз; дательные самостоятельные совершенно исчезли.¹

Приведем примеры предложений времени: причастие согласуется с подлежащим главного предложения: заоутра въставъ и рѣ к сущимъ с нимъ ученикомъ 3 об., Ѡндрѣи же· бывъ в Римѣ· приде в Синофию 3 об., пришедше къ Днѣпру и стаха вежами 8 об., ихже емше ѡвѣхъ растинаху· другиа аки странъ поставлаше· и стрѣляху въ на 10, се идетъ въ Стославъ в Русь· возьмъ имѣнье много оу Грекъ 23, взявши снѣсть 29, вшедъ в ню и помолиса бѣ 43, Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбойникы 43 об., поимше тали свои и ѡнѣхъ пустивше· въсташа Ѡ града въ свои си идоша 44 об., ночью же межю клѣтми проимавше помость· ѡбертѣвше в коверъ· и оужи съвѣсиша на землю 45, Ярославъ же сѣде Кыевѣ· оутеръ пота с дружиною своею· показавъ побѣду и трудъ великъ 49 об., Ярослав... многы написавъ, положи в стѣни Соови 52, и хоташе поити в Русь· и (не) идаше с ними (никтоже) Ѡ дружинѣ княжее 52, и ѡбрѣтъ оу него и списа 54, Феодосии все то изѡбрѣтъ· предасть монастырю своему 54, высадиша строга ис поруба... заводивше крѣу и бѣи чернцемъ 55, она же (два волхва) о мечтѣ прорѣзавше за плечемъ· вынимаста любо жито· любо рыбу· и оубивашета многы женѣ 59, приведе Кыеву· и имѣныи возьмъ нго 69, проводиша и до стѣ Дмитреа спратавше тѣло нго 69, рѣ ми оударивше в било· и азъ в то чинъ прокопѣ на мощѣ Феодосьевы 70, Стополкъ... изъймавъ слыи всажа и в-ы-стобъку 72 об., Володимеръ же пебреть рѣку с малою дружи-

¹ Ср. еще у Е. С. Истриной, §§ 16, 17 и 18, где приводятся примеры из I Новг. летописи.

ноу... плакаса по братѣ своѣмъ· пришедь Чернигову печалень збѣло 73, стра̃ имѣите бѣи в срдци своѣмъ· и мѣтню твора не ѡскудну 78, и шедь Суждалю и Суждалци дашаса ему 85 об., Мьстислав же сдумавъ с Новгородци· и послаша Добрыню Рагуловича 86, и дошедше Воина и воротипаса 96, ѡиде Володимеръ ѡ него сваривъса нань много 96 об., посла... рекъ имъ в одинъ днѣ всѣ̃ пусти на воропъ 99, приде Ѡлговичъ с Вышегородци пристроивъса с братьею своєю· и присълаша к Вачеславу· иди з добромъ из города· ѡн же не хота крови пролити не биса с ними 102, приде Изаславъ из Новагорода· бывъ оу братьи своее 103 об., домолиса пославъ къ Изаславу глѣа кда бѣ са постригъ 104 об., и рѣ Игорьъ възра ѡхъ брате камо 105 об., приѣхавъ игумень видѣ и нагого и ѡблече и 106, ѡн же послушавъ нго приде к Перемаславию вборзѣ свитающе днѣи 106, сѣ̃ с Новгородци дошедъ Волгы· и повонсавъ ю и не оупсѣ̃ ничтоже Гюргеви 106 об., Андрѣева же дружина приѣз- даче к нему жаловаху глѣце 108, Гюрги же ѡстава сѣ̃а своѣго Василка· в Новѣгородѣ· а сѣ̃а иде Суждалю 113 об., тогда же Ростиславъ Стославца поима Всеволодича... поиде к Чернигову 114 об., тогда же Ростиславъ прибѣгъ с полку Смолинску вы- сласа к стрѣеви своѣму проса оу него мира 115, ѡн же послу- шавъ рѣчи Ростовское· и болгарское величавы будущи· и хрѣ- наго цѣлованыа забывъ... 129, Разанци же здумана рекуще (РА здумавше рѣша) 130 об., и приведше в градъ Володимеръ княза Глѣба съ сѣ̃омъ Романѣ̃... и дружина ихъ вса изъимана и всѣ̃ вельможи ихъ 130 об., пригнавше дружина гша княза 131, пожга городъ Дмитровъ· възвратиса ѡпѣ̃а в Русь 131 об., князь же великѣи внида в волость ихъ поима городы Ватьскѣ̃ѣ̃ и землю ихъ пугу створи 140, мѣ̃ та вса ѡставльше възвра- тѣ̃са вспать· ѡ нѣ̃ же почали бахѣ̃ прѣ̃ глѣти 144 об., Кирилъ кѣ̃пѣ̃ Ростовскѣ̃ѣ̃· и ѡставивъ епѣ̃ью приде в Суждалъ 156, гра̃а пожегше и люди избиша 164 об., Олександръ давъ имъ радъ· и покха с чѣ̃ью въ свою ѡчину 167, оувидѣ̃ша силу ратнѣ̃и иде противу кнѣ̃а Ѡлеза́ндра 169, башеть Гѡ̃а кнѣ̃а снѣ̃ Дмитриевъ

ида в Ворду приказалъ 171 об., кнѣ̃а Разаньского нѣ̃какою хитростью галъ· и приведъ на Москву 172.

Особую группу среди обстоятельственных предложений времени, выраженных причастиями, занимают предложения имеющие форму *дательного самостоятельного* (dativus absolutus). Подобные выражения встречаются и среди предложений причины и даже некоторых других. В большинстве случаев, их можно рассматривать как подражание подобным выражениям ц.-славянских памятников, но кое-где придется видеть и живую русскую особенность. Когда причастия утратили способность к склонению, вместо дательного падежа могла употребляться дее-причастная форма на -ше, -ще, -чи и под. Примеры: Поланомъ же жившимъ ѡсобѣ̃ по горамъ симъ· бѣ̃ путь изъ Варагъ въ Греки 3, Ѡньдрѣ̃ю оучащю въ Синопии· и пришедшю ему в Корсунь· оувидѣ̃ 3 об., идучи ми сѣ̃мо· видѣ̃хъ бани древены 3 об., Подем же жившемъ ѡсобѣ̃ и володѣ̃ющемъ и роды своими· иже и до сее братьѣ̃ баху Полане· и живаху кождо съ родомъ... (и) быша ·г̃· братья 3 б, приходившю ему ко прѣ̃ю· такоже сказуютъ· тако велику честь приналъ ѡ̃ прѣ̃а· при которомъ приходивъ прѣ̃и 4, Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ· ту животъ свои сконча 4, словѣ̃нску же назъку... жиоуще на Дунай· при- доша... рекомии болгаре 4 об., оумершю Рюрикови предасть кна(же)нѣ̃е свое Ѡлгови 8, сима же пришедъшема· начаста съставлявати писмена 9, приходящимъ имъ да витають оу стѣ̃го Мамы 12, Деревланомъ пришедъшимъ· повелѣ̃ Ѡльга мовь створити 15 об., съ(не)мъшемъса ѡбѣ̃ма полкома на скупъ· суну копьемъ Стославъ 16, бившемъса ѡбоимъ· ѡдолѣ̃ Стославъ болгаромъ 19, князю Стославу възрастшю· и възмужавшю· нача вои совкуплати 19, ловъ дѣ̃юще Свѣ̃налдичю· именемъ Лютъ... и оузрѣ̃ и Ѡлегъ 23, побѣ̃гшю Ѡльгу с вои своими· въ градъ рекомѣ̃и Вручии· баше чересъ гроблю мостъ 23, дѣ̃ласму же ковчегу· за ·р̃· лѣ̃· и повѣ̃даше Нои· како быти потоу 30, симъ же спуще имъ· Корсунане подькопавше стѣ̃ну градскую· крадуще съшлемую перьсть· и ношаху к собѣ̃у въ градъ 37 об., влекому же ему по Ручаю к Днѣ̃пру· плака-

хуса нго невѣрнии 40 об., крѣтившим же са людемъ идоша кождо в домѣ свои 41, единою бо ми и сварашю и оному мнущю оусни. разгнѣвавъса на ма преторже черевѣ рукама 42 об., и съступившиа и не могъ стерпѣти противу 43, Яроslаву же суцю Новѣгородѣ и оурокомъ дающю Кънѣву. двѣ тысячѣ гривнѣ ѿ года до года. а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху 44 об., хоташю Володимеру ити на Яроslаву. Яроslавъ же пославъ за море. приведе Варагы 44 об., оумершю мужю праведну не погыбаеть оупованье 45, Борису же възвратившюса съ вои. не обрѣтшю Печенѣгъ. вѣсть приде к нему ѿць ти оумерель 45 об., помроша кони. оу вои Володимеръ. како и нще дѣшюцимъ конемъ. съдираху хзы с нихъ 52, по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю. пущенъ бѣ Въшата в Русь 52 об., мѣри бо родивши нго. бѣи нму извено на главѣ нго 52 об., совькупленѣ же брати. рѣ имъ Антонию 53, Феодосу же приемшю манастырь. поча имѣти въздержанье 54, оному же пришедшю к Ростиславу. и вѣрившюса нму. чташеть и Ростислав 56, Изаславу же в шатерь предъидушю. и тако гаша Всеслава 56 об., посади брата своего Стополка. Всеславу же бѣжавшю 58 об., в се же время приключиса прити ѿ Огослава дань кмлющю. Яневи. повѣдаша нму 59, Феодосии обычай имаше. приходаше постному времени 61 об., Феодосыни же пришедшю по обѣчаю. браю цѣловавъ. и празднова с ними 62 об., се азъ ѿхожю ѿ ва. какоже гави ми Гб. . . в печерѣ суцю ми. изити ѿ свѣта сего 62 об., Стевану же предержащю манастырь. и блжное стадо. кже бѣ совокупилъ Феодосии. такы черныцѣ како свѣтила в Руси сыжють 65 об., Изаславу же стоащю въ пѣшпихъ. и внезапно приѣхавъ ндинъ. оудари и копьемъ за плече 67 об., недошедшю нму града. и прободенъ бѣи ѿ проклатаго Нерадъца 69, пришедшю же игумену ко мнѣ. и рекшю ми поидевѣ в печеру к Феодосыни. азъ же пришедъ и со игуменомъ 70, единою же нму пришедшю к нима. оучашеть на 70 об.—71, се же Кънѣвъ княжа. бѣшна нму печали болше паче. неже сѣдащю нму в Перетаслави 72, заоутрени суще годинѣ. пристрой Ратиборъ отрокы

73 об., Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю. Полотыскѣю землю 99 об., и бывшю еступленью обѣма полкома. и бишаса крѣпко 101, Мстиславу же лежащю нще и дружинѣ нго. пригнавше сторожеве рекоша нму. не лежи княже Глѣбъ. ти пришедь на та 106 об., бывшю на оутрыа. Изаславъ. . . поиде 107, стрѣльцѣ стрѣляющыи ѿ рѣцѣ (РА о рѣку) о Стугну. поча приступати Володимерко с силою своєю 109, Андрѣи же поклоншюса (РА поклонивъса) ѿцю. и шедъ сѣде в Пересопници 109 об., ставшим же ѿ межи собою. . . бѣи дождь силенъ 111, възшедшѣи же пѣшимъ из города стрѣлатса. и поткну на нь с дружиною своєю и с Половци и ѿвы избиша. а другыа възгна в городъ 113, бѣи же и смѣрть нго сица. како оумираючи нму призва к собѣ еѣпа черниговьского 117, хотѣша и въ рѣцѣ оутопити. сушѣи ту оу црѣа всѣмъ словъ. кънѣвскыи солъ. . . 118, послуша нго и своего еѣпа молащемаса има обѣма 137, поставленъ бѣи еѣпомъ. . . суцю ту князю Гюргю. . . и мноство народа 154 об. (непоследовательность в построении), вси гражане сидошаса в стѣну црѣкви. . . ту сушѣи и блгороднѣи князѣ. Василко и Всеволодъ. и Володимеръ. . . и много мноство людий 159 (непоследовательность).

Придаточные предложения *причины* соединяются с главными 1) при посредстве союзов: *яко*: а ѿ процѣ да на роту ходить. по своей вѣрѣ. *яко* не имѣиа ничтоже. ти тако пущенъ будетъ 13 об., Княгане слютса къ Володимеру. глѣоще. приступай к граду. *яко* предамы ти Ярополка 24 об., ѿторваху бо са на землю. *яко* видаши мнѣти кончину 56, начаста гнѣвъ имѣти на Олга. *яко* не шедшю нму с нима на поганьна 76, согрѣшихѣ казними ксмы. *яко* створихѣ тако и приахѣ (РА и казними) 133; *зане, ѿже, чже, имѣже*, — союзами стоящими в связи с местоимением «*яже*»: нарекошаса. . . Деревлане зане сѣдоша в лѣсѣ 3, мужи ѿтнѣ похвалу нму даша велику. зане мужьскыи створи 108 об., тажко бѣи нму зане бѣи нму помощи ни ѿкуду же 112 об., не хоташе ити ис Кънѣва зане оулюбѣлъ нму Кънѣвъ 115; не тажко заповѣдь Бѣи. ѿже тѣми дѣлы. Г. ми избыти грѣховъ своихъ

79 об., шже ти брате не досѣти всю землю Русскую держаще· а хочеш и сеи волости 102, князи же здумавше вси· не крѣпко быютса дружина· ни Половци· шже с ними не ѣздимъ сами 113; велика Гѣ мѣтъ твога на нѣ· ꙗже та оугоды створилъ кси 79 об., Ѡтолѣ почаша Печерскѣи монастырь· имъже бѣша жили чернѣци преже в печерѣ 53 об.; союз *оми*: не мози ѣ держати въ градѣ· оми то створать ти зло· ꙗко и сде 25. Причинный характер носят *причастия*, согласованные с подлежащим, часто утратившие уже свою изменяемость (деепричастия): ты слышаше дивлаху 3 об., видѣвъ же мало дружины своети· рѣ в собѣ еда како прельстивше избьютъ· дружину мою и мене 22, тѣсначеса другъ друга· пихаху въ гроблю 23 об., се же видѣвше дружина его· мнози крѣтиса 38 об., шнъ же се слышавъ· възнесеса срѣце нго болма 47 (непоследовательность), Половци же видѣвше сдолѣвше· пустиша по земли воюоче 73 об., друзии трепочють зраче оубиванѣи 74, се оуже не хоташе терпѣи· се с нужею (и) понеже неволею· се оуже волею 74 об., Василко же Ѡпрѣса река· не могу ждати еда будѣ рать дома 87, се слышавъ Володимеръ расплакавъса и рѣ 89, Олегъ не всхотѣ сего· вину река· не сдравлю 93 об., Ярополкъ собра вои многи· с братью своею· могъ бѣи са бити с ними· но того не створи Бѣ са оубоивъ 101, оубивъ мене тобѣ то волость· а живъ не иду из своихъ волости 102, Новгородци не стерпаче безо княза сѣдѣти· ни жито к нѣи не идаше ни Ѡкуду же... а шнѣмъ не стерпачѣ· шедше к Гюргеви рекоша 102 об., шн же не мога ихъ минути· оувороти кона направо мимо Глѣбовъ дворъ 105 об., шцѣ нго сжалиси река· тако ли мнѣ нѣту причастѣа в земли Русскѣи 107, шни же то извѣтъ положыше воротиса шпать 107 об., видѣвъ же Андрѣи бѣжавше Половци всѣ· бѣ похвали 108, шн же жалуга комоньства нго· повелѣ и погresti· надъ Стѣремъ 108 об., видѣвъ же и Половци стояща на задѣ· и к тѣмъ гна 111 об., послушавъ корола смириса с нѣи 113, князи же видѣвше Половци идѣ прочь· идоша Ѡ Чернигова 113 об., слышавъ... смѣртъ Изаславлю· приѣха ко Днѣпру подъ Кънѣвъ 114, Гюрги же не помана

злости брата нго и нго· давъ ему миръ а сѣи иде г Кънѣву 115, Стослава же шба... слышавше идуща Изаслава Андрѣевича... възвратиса шпать 117 об., Ѡндрѣи воротиса с побѣдою· видѣвъ поганѣи Болгары избиты· а свою дружину всю сдраву 118, Всеволодъ стоявъ школо города· дѣи· видѣвъ брата изнемогающа· и Болгаре възслалиса баху к нему с миромъ· поиде шпать къ насадомъ 132, прѣтво на собѣ носл· не имаше бо града сде· но будущаго възискаши вѣрою 132 об., Половци же оуслышавше Русь шже пришли на нѣи· ради быша 133 об., Половци же оузрѣвше полкъ Володимеръ· крѣпко идущъ на нѣи· побѣгоша 134, Половци же оуслышавше всю землю Русскую идуще· бѣжаша за Донъ 135, Стослав же слышавъ ихъ бѣжавшѣи· възвратиса г Кънѣву 135, Галичане же видѣвше корола идуща прочь· оубоивахса 144, кнѣа видѣвъ покоренье ихъ к собѣ· не помана злости ихъ· цѣлова к нѣи крѣтъ 148, слышавъ бѣду створшююса на градѣ· и ѣха скоро Ростову 148 об. Предложение причины выражено дательным самостоятельным: оумножившемъса чѣвкомъ на земли [а] помѣслиша создати столпъ до нѣсе 2 об., Поланомъ жиоущемъ шсобѣ· ꙗкоже рекохомъ· суще Ѡ рода словѣнська· и нарекошася Полане 4 об., бѣвшю прѣви иному възвидѣша ему боларе 31 об., надолзѣ борющемася има· нача изнемагати Мьстиславъ 50, оумножившимса братѣи в печерѣ· и помѣслиша поставити внѣ печеры монастырь 53 об., Ѡеодосьеви... принимающю всакого приходашаго к нему· к нему же и азъ придохъ худѣи и недостойнѣи рабъ· и приять ма 54, бѣвши ноци оутаивъса Къпанъ· бѣжа из Бѣлагорода Полотьску 58 об., Володимеру же не хоташе сего створити· Ѡвѣща бо како се могу створити 75 об., Итлареви в ту ноцъ лежащю оу Ратибора· на дворѣ с дружиною своею· и не вѣдуче что са надъ Кътаномъ створи 75 об., Ѡлгови шбѣщавшюса ити к брату своему... и не всхотѣ сего Олегъ створити 85 об., шнѣм же не хотѣвшѣи· поимше Мстислава придоша Новгороду 93, Андрѣиши же не могушю супротивити(са) имъ· а Ѡ братѣи не бѣи ему помощи· и всхотѣ лишитиса Перегаслава 101 об., не

дадущимъ въ(ре)сти въ Днѣпръ. Половци же всѣдше на конѣ въ бронѣ за щиты с копьи. такоже битъса. въбродоша в Днѣпръ 110 об., Гюргеви же не имущю ни куда же помощи. а дружина нго избита. а инага изымана. принужен же неволею цѣлова к нѣ крѣ 112, Изаславу же не вѣдущю и творащю побѣдившю Галичанъ. бра нго бѣжалъ башеть Стополкъ 114, приѣхавше имъ на лодѣ. наши же бѣжю помощью оукрѣплемъ. поидоша противу им 132.

Предложения, обозначающие *цель действия*, обыкновенно подчиняются главному предложению при посредстве союзов: *да, дабы*; вместо *бы* может быть и другое лицо аориста *быхъ*: да приносить грамоту... да оувѣмъ и мѣ. *уже* съ миромъ приходитъ 12, да пишю къ великому князю вашему. и послеть 13 об., рѣкущи сиче. се оуже иду к вамъ. да пристроите меды многи въ градѣ. идеже оубисте мужа моего да поплачюса 15 об.—16, тѣми врежанми бываю имъ мѣвти. да приходаша таковыи мѣсли. възбранати 62, рѣша потъсниса к нѣ. да выженемъ Ростиславича 78, да сю грамотицю прочитаючи потъснѣтеса на вса дѣла добраи 83, бѣ дела пусти ю ко мнѣ... да не с нею кончавъ слезы. посажю на мѣстѣ 84, Суздаль буди нама *обче*. да кого всхотать. то имъ буди князь 128 об., послати ко мнѣ... да бѣ обуимъ *оплакаль* мужа еи 84, послиса къ брату своему Володимеру. да бы ти помогль 73, се оуже третье наведе поганьи на землю Русьскую нго же грѣха дабы и бѣ простилъ 75 об., да бы мене Дѣдъ послушалъ. да бѣ послалъ мужъ свои к Володимеру воротитъса. вѣдѣ бо са с нѣ что молвивъ 89, рекуще да бы ны оупередити до Гюрга. а любо и проженѣ. ли примирѣ к собѣ 114 об., пошлю да быша не пролыгли мене ради крови 89 об.; союз — *абы*: повелѣ всадити ихъ в порубъ. абы оутишилса матежъ 130 об.; союз *а* может сочетаться с *тж*: послати Всеслава блюдутъ 57 об., послати ко Всеславу. ать призвавше лествю ко *оконцю* пронзуть и мечемъ 57 об.—58; иногда этот союз заменяется посредством *отж*: повелити ми *отъ* шедъ *оплачу* гробъ нго 114 об. Союзы *атж, ати* могут быть, как мы видели

(56 стр.), и между главными предложениями, придавая сочетанию их также финальный оттенок. Цель может обозначать и союз, *уже*, стоящий в связи с «*уже*»: поидевъ на нѣ. *уже* и проженевъ 105. Некоторый оттенок цели имеют и предложения, выраженные другими способами: оубогашаса полковъ Рускѣ. еда възврататса на нѣ *опѣ* 144; в се же время придоша людье Нооугородьстии просаще княза собѣ. аще не поидете к намъ, то налѣземъ княза собѣ 21.

Придаточные предложения, обозначающие *образ* или *способ* действия могут быть различны: либо показывают они, как происходит действие, либо при этом дают сравнение с чем-нибудь, либо обозначают результат, следствие известного действия. Первого рода предложения больше выражаются причастиями, вследствие утраты изменяемости превратившимися уже в деинчастия. Примеры: Симъ же и Хамъ. и Афеть раздѣливше землю жребьи метавше... живахо(у) 2 об., то творать по вса днѣ. не мучими никим же. но сами са мучать 3 об., любы творать елико хочеть. не въздержаемъ 5 об., Половци законъ держать *опц* свой. кровь проливати а хвалаще *о* сихъ 6, таже бжтвную свѣты. бѣа ризу изнесше в рѣку *омочивше* тишинѣ суци (и) морю оукротившюса. абы буре вѣста 7 об., самъ приде носа Игоря дѣтска 8, посла къ Радимичемъ. рѣка камо данъ даете 8 об., лазите въ лоды величающеса 15, приникъши Ольга и рѣ имъ добра ли вы честь 15 об., на оуглѣ испекъ гадаху 19, попадне княгиню и княжичѣ оумчямъ на сю страну 19 б, стоимше Володимеръ. *обрѣвса* на Дорогожичи 24, придоша Грци хулаше (= -ще) вси законъ. свои же хвалаше (= -ще). и много глѣша сказавше 36 об., повелѣ пристроити кола. (и) въскладше хлѣбы... возити по городу 43 об., оудолжиса *оста* в городѣ 44, Буды. нача оукорати Болеслава глѣ. да то ти прободемъ трѣскою череву. твое тольстое 48 об., въсхопивъса глѣше. *осе* женуть побѣгнѣте 49 об., братья же оуда(ри)вше в било. и собрашаса вси 62 об., на свѣтъ не вълаза. ни на ребрѣхъ не лѣгавъ. по сѣда мало приимаше сна 65, спратавше тѣло нго и погребоша и 66 об., и тогда въздвигнувъса Ярополкъ. въторгну изъ себе саблю. и возни великѣ глѣмъ 69, да негли востагнувшеса

вспоманемъса 74, врузи... идаху к полунощнымъ странамъ. ядуща (РА ядуще) траву и проса 76 об., сѣда ту посылаше к Улгови мира проса 86, Половци не взѣше вѣсти ѿ Улговичъ. сотснувшеси с бѣгѣмъ возвратишася 98 об., ѿному же боле емшюса мольбѣ. и болары подьоучаг и дары даг 98 об., и пристуивъше к городу и вшаа городъ 99 об., и вземъ полонъ многъ и воротиса шпать 100, посадникы исковавъ приведе 104 об., Мстислав же на ту ноць роставл сторожѣ. а сѣ лаже спати с Угры. сторожеве же прибѣгоша к нему полунощи 112, возмакопье потъче къ плоту 132, иже пасеть словесныа ѿвца... бда за нь дѣнь и ноць 132 об., иже не ища мастеровъ ѿ нѣмецъ. но налѣзе мастера ѿ клеветъ стое бѣи и своихъ 139 об., ѿць же нго вставъ ѿбуимъ и цѣлова любезно и с радѣю великою 145, ѿнь же совокупаса и гна изъѣздѣ г Къльву 147, прислаша митрополита Матѣя проса мира и во все покарющася 148. И сюда иногда заходят формы дательного самостоятельного: случиса... гавлатиса на въздушѣ. на конихъ рипцющимъ. въ шружьи златы имуща ѿдежѣ 55 об., бѣи знаменье въ слнцѣ... бывшю ему тако мѣль малъ 97 об., Мстиславу же боле налѣгающю на Всеволода. река ему повелъ нси Половци 98 об.

Особый разряд обстоятельственных образа действия составляют предложения, обозначающие *сравнение*. Они подчиняются главному обыкновенно при посредстве союзов: *такъ, такоже, акы*: живаху в лѣсѣ. *также (и)* всаки звѣрь 5, самъ хочю въ ѿну гору ити единъ. *такѣ* и преже бахъ ѿбъикль оуединивъса (жити) 53 об., *также* бра твои чтилъ Вачеслава. *также* и ты чти 114 об., *ѿблизахутса* на на акы волци стоаще 82, *идаху* стрѣлы акы дождь 91 об.; при сравнительной степени бывает *нежели*: лѣплѣбъ ми того смртѣ а с своею дружиною. на своей вошчинѣ... *нежели* курское княженье 102, *луче* братья изремъ сдѣ. *нежели* соромъ възмѣ на са 109, в то же лѣ. здума Андрѣи кня Ирославѣ с своими болары. бѣгати *нежели* црмъ служити 166.

В целом ряде относящихся сюда предложений обозначается *следствие*, вытекающее из известного действия: изби га. *такъ* ма[ло] и ѿ

таковъга бѣды избѣгнути 7 об., бѣ гладь великъ. *такъ* по полу-тривнѣ глава конача 23, знаменье гависа на нѣси. *такъ* видѣти всеи земли 50 об., *твораше* мечтанье бѣсовско. *такъ* и по водѣ ходити 60 об., *такъ* постникъ и въздержнѣ. *такъ* развѣ хлѣба ти воды. *гати* ему до смртѣ своего 63 об., *любимъ* бѣ ѿдемъ своимъ. *такъ* глати ѿцю к нему снѣ мой. *благо* тобѣ *такъ* слышю ѿ тобѣ кротость 72, *здавина* и *рамано*. *такъ* персе троскотати 88, *платиса* нача попадагъ. *такъ* мертву суцю ѿному 88, бѣ Стополкъ с Володимерѣмъ радъ имѣлѣ (РА имѣлѣ). *такъ* Новугороду быти Стополцю 93, бѣи пожаръ великъ Къльвѣ городѣ. *такъ* погорѣвшю ему мало не всему 97 об., *многъ* взбранаше и... *такъ* не оубити Игоря 105 об., бѣи дождь силенъ с вѣтрѣ. *такъ* ни ратнѣ помочи собѣ видѣти 111, *иже* (дыаволь) ею (= их) прельсти. в помыслѣ има вложъ рекшема има *такъ* изъевѣ сн. а сами *примевѣ* едина всю власть 150 об. Среди главных предложений характер следствия обозначается союзом *ако* (см. 58 стр.).

В *условных* предложениях prothesis чаще всего имеет союз *аще*: *аще* поѣхати будаше ѿбърину. *не* дадаше въпрачи коня 4 б, *аще* родитса ѿтроча погубать. *аще* дѣвоческъ поль то въздогать 6, да *аще* хто хулить словѣнскую грамоту да будетъ ѿлученъ ѿ цркве 9 об., *аще* са въвадитъ волкъ в ѿвцѣ. то възноситъ все стадо. *аще* не оубьютъ его 14 об., да *аще* ма хошеши крѣти. то крѣ(и) ма самъ. *аще* ли то не крѣцюса 17 об., ѿвѣщавши Ульга. и рѣ къ сломъ. *аще* ты рыци *также* постоиши оу мене в Почаинѣ. *также* азъ въ Суду то тогда ти дамъ 18, *аще* сего не створимъ погубити ны имать Стославъ 19 б — 20, *аще* ти не жаль ѿчинны своего. ни мѣре стары суца... (= разве) 20, *аще* и тѣло аѣли не суть не были. но оученыа ихъ 27, *аще* хошеши послушати да ска(жю) ти 28 об., *наоучиса*... *аще* кто колько лѣтъ былъ 31 об., да *аще* кто дѣеть в нашу вѣру ступи. то *наки* оумрѣ (въ)станеть и не оумрѣти ему в вѣки 36 об., *аще* се са сбудѣ и самъ са крѣцю 37 об., *аще* кто сего посудитъ да будѣ проклатъ 43, *аще* живъ буду (то) с нимъ. *аще* погыну то с друженою 52, *аще* кто хошетъ ѿбидѣти брата своего. то ты

помагаи нго же ѡбидать 54 об., аще кто ѡмреть ѡ вашей людии то възносимъ ксть на нбо 60 об., аще братъ етеръ възидаше из монастыра. вса брѣла имаху ѡ томъ печаль велику 63 об., аще к нему что речаше. ли добро ли зло. сбудашетса старче слово 64, и рѣхъ аще вы са и гнѣва(е)те не могу вы га ити 78, аще и весь миръ совокупить. не вси въ ѡдинъ ѡбра. но кѣниже своимъ лицъ ѡобразѡ 79 об., аще и на кони ѣздаче не будетъ ни с кѣи ѡруды. аще инѣ мѣтвъ не оумѣете молвити. а гѣ помилуи зовѣте бес престани в тайнѣ 80, аще ти ѡидеть в свою волость. да оузришь аще ти не займетъ грѣ твоихъ 87, да аще не хочешъ ѡстати до именинъ моихъ. да приди нѣинѣ цѣлунши ма. и посѣдѣи вси с Дѣдмъ 87 об., аще ты боишиса Руси но мы са не боимъ 93 об., аще ты ратенъ. си ратни же. аще ты миренъ а си мирни же 136 об. Во всех приведенных фразах шла речь о таких фактах, которые могли произойти, если происходило действие, названное в обуславливающем предложении. Если же идет речь о недопустимом факте, так как недопустимо и обуславливающее предположение, тогда к союзу аще еще прибавляется бы: аще бо бы перевозникъ Кии. то не бы ходилъ Црюгороду 4, аще бы лихъ законъ гречьский. то не бы баба твоѣ пригала (Вльга. гже бѣ мдрѣиши всѣ члвкѣ 37 об., аще бо ѡнъ не крѣтилъ бы насъ. то нѣинѣ были быхомъ в прельсти диваволи 45, аще бысте члвци (были) то въ днѣ бы. есте пришли 66, аще ти бы вина кака была нанъ ѡбличилъ бы и прѣ нами 88 об.

При допущении условия, допускается и следствие и наоборот; при этом чувствуется некоторый разделительный характер в мысли, что внешним образом выражается присутствием частицы *ли*: аще ли в-ынъ законъ ступить. то на ѡномъ свѣтѣ в огнѣ горѣ 36 об., аще ли не вѣрукте. да оузрите своима ѡчима 44 об., аще ли покалавшеса будемъ... всѣхъ грѣхъ прощени будемъ 56 об., аще ли не хочета. то на невола зажгоша грѣ свои ступи в Гречьску землю 58, аще ли кому не люба грамотица си. а не поѡхри-таются 78, аще ли кто васъ можетъ инѣмъ оуслѣти ѡ бѣ мзды да чактъ 79, аще ли вы будѣ крѣ цѣловати к братьи или

г кому. али оуправивъше срѣце свое. на немже можете оустояти. тоже цѣлуйте 80, рекоша выдати кого ти хотѣ. аще ли то предаемъса 90, аще ли .в. главѣ имѣеть сѣ твои то пошли и 93. Сюда же относятся и предложения, начинающиеся с *им*, за которым следует *аще*: ци аще ключитса 13, ци аще оударить мечемъ 13 об.

Уславливающее предложение может начинаться и с местоимения «*иже*» или с находящегося с ним в связи союза «*оже*»: иже преступить се ѡ страны нашеѣ. ли князь ли инъ кто... да не имуть помощи ѡ бѣ 14, иже ли не поидеши с нами то мы собѣ будѣ. а ты собѣ 78, мы члвци грѣшни суще. и смртни. то ѡже нѣи зло створить. то хоцемъ и пожрети 79, молви кму тако. ѡже хочеши послати мужъ свои 89, ѡже бы пришелъ са толико в дѣтми. то котораи бы кму волость люба. ту же бы взѣ. но же на ма привелъ Половци 107, что твориши княже. поѣди прочъ ѡже ли добудѣ сорома (= что бы не осрамиться) 108, да ѡже Михалка бѣ погалъ... чему к намъ идеши 129 об., нонѣ поидемъ по нѣи за Донъ. и до конца избьемъ ихъ. ѡже нѣи будѣ ту побѣда. идѣ по нѣи и (РА у) луку мора 134 об.

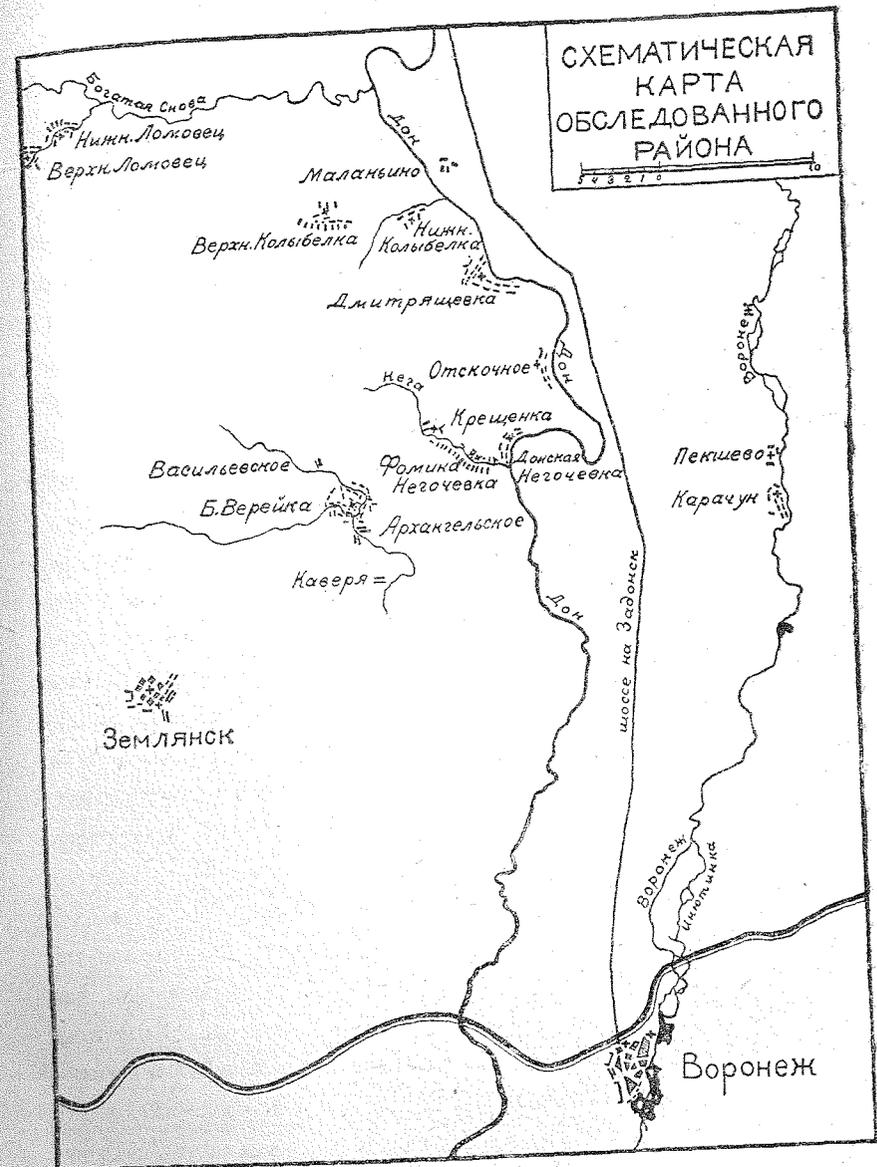
Несколько редких случаев условных предложений с другими союзами: али ти лихое. да то ти сѣдять 84 об.; река Новагорода не бере-зѣта. ати сѣдять о своей силѣ. кдѣ си князь ни налѣзуть 102 об.; егда кто вѣсть кто ѡдолѣеть мы ли ѡнѣ ли 11; ради са быхомъ гди по данъ. но хочеши мычатѣ мужа своего 16 об.

Условный характер имеет даже предложение, выраженное неизменяемой формой причастия: суть горы задуче (в) луку мора 85.

Е. Карский.

Очерки по русской диалектологии.¹V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов
Воронежской губернии.²

Диалектологические материалы по Воронежской губернии собраны мною во время работы по этнографии в двух районах, а именно в селе Карачун б. Задонского у. и в прежней Фомино-Негочевской вол. (теперь Больше-Верейская вол.) б. Землянского у.,³ в селах Донская и Фомина Негочевки, Крещенка, Б. Верейка, сельцо Архангельское и Васильевское (Пуриково). Из всех перечисленных селений Архангельское и Васильевское заселены бывшими помещичьими крестьянами, а остальные — бывшими государственными крестьянами или однодворцами. Интересно отметить, что сами однодворцы в обследованных селениях себя редко так называют, зато соседи их — «барские» — до сих пор резко отделяют себя от однодворцев. Целый ряд кличек по адресу однодворцев еще живет в среде «барских» крестьян. Так, напр., крестьяне из Васильевского в разговоре об однодворцах неоднократно поминали такие прозвища, как «галманы», «щюкалки», «талагаи», известные во многих местах не только в Воронежской губ., но во всех южно-великорусских губерниях с однодворческим населением. Кроме этих общераспространенных прозвищ, еще отмечено в Васильевском прозвище для однодворцев «качауаны» («дражнить в'ер'ејск'их»), кажется, не отмеченное нигде в литературе. Значение этого прозвища, к сожалению, не удалось установить на месте. В словаре Даля находим «качага» (из кавказских говоров) в значении «шайка

¹ Очерки I—IV, см. ИОРЯС, тт. XXX и XXXI.

² Из материалов Юго-Восточной Этнологической экспедиции Гос. Акад. Ист. Мат. Культуры.

³ В настоящее время эти уезды вошли в состав укрупненного Воронежского уезда.

хищников», а также — «набег, наезд».¹ Очевидно, в этом прозвище, как и в других, имеется налицо бранное значение, подчеркивающее большую некультурность однодворцев сравнительно с барскими крестьянами.

На ряду с этим «барские» постоянно подчеркивают бедность однодворческого населения, объясняя ее ленью, неумением и нежеланием тщательно обработать свой земельный надел. «*Ja эт'их аднадворцаф д'уже н'и л'убл'у, ан'и ф'со ш'щ'обакут', ну јес'т' и в'ер'ејск'ие раббтајут', н'и ф'о бландајут'*». Да и сами однодворцы сознают свою бедность и некоторую отсталость в сравнении с «барскими», объясняя это тем, что «те» получили много барской земли и, что в старое время им во многом помогал барин. При беседах с однодворцами не пришлось встретить кичливого отношения к своему происхождению, как это в других местах наблюдали, напр., Е. Ф. Будде, М. Халанский и др. Возможно, что в данном случае сказывается невысокое происхождение воронежских однодворцев.

Вопрос о происхождении населения района наблюдений, история его заселения всегда интересуют исследователя, но в пределах такой губернии, как Воронежская, интерес к этим вопросам стоит особенно остро, в виду разнородного заселения губернии, направлявшегося из различных мест и в разное время. Поэтому в беседах со стариками особое внимание было обращено на те предания, которые еще доживают, хотя бы в смутном и неотчетливом виде, в памяти стариков, кое-что вспоминающих из дедовских рассказов о том, как их предки пришли сюда, откуда пришли и как начали устраниваться на новых местах и постепенно расселяться по окрестным местам. Так о заселении трех больших сел Донской и Фоминой Негочевки (на берегу р. Неги) и Крещенки, которые тянутся нынче на протяжении около 8 верст, почти не прерываясь или, как здесь говорят «сапашна», рассказывают следующее. Лет 300 тому назад в эти места пришли откуда то «сходцы» или «садчики» и поселились в лесу на горе (на том месте, где теперь в Фоминке кладбище); там был дубовый лес, а внизу, около речки Неги, были болота. На горе было всего 15 дворов и «церкв'обнач'к'а». Эти рассказы совпадают

¹ Возможно, что это слово турецкого происхождения, ср., напр., турецкий корень «кач» — в значении «бежать».

с той картиной, которую рисует Г. Германов о заселении Воронежского края в XVII в. в статье «Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губ.»¹ «На местности, никем не занятой, на которую никто не объявлял притязаний, селится семейство. К нему мало-по-малу присоединяются еще несколько семейств или по собственному желанию или по приглашению». Потом, по мере разрастания, селения стали спускаться вниз; к этому времени у речки стало осушаться, — очевидно, к этому времени был вырублен лес; в настоящее время от «могучего» леса осталась очень небольшая дубовая роща. «Када стала тесна, Хам'инка з Данской над'е'ли'лис, а ран'ше вс'о одна' с'ало тут было». Позднее от Фоминки отделилась Крещенка на запад от старого поселения. Эти рассказы совпадают до некоторой степени с данными, приведенными Г. Германовым. Он указывает, что Фомина Негочевка стала заселяться около 1660 г., Донская Негочевка в одно время с Фоминой, а Крещенка принадлежит к Фоминке.

Интересно сравнить данные о числе дворов, приводимые у Германова, с современными материалами:²

	Фомина Негочевка	Донская Негочевка	Крещенка
1746 г.	46 дворов	36 дворов	19 дворов
1780 »	130 »	120 »	356 »
1807 »	190 »	145 »	
1925 »	623 »	524 »	

Сильное увеличение числа дворов за последнее столетие в значительной мере следует отнести за счет наблюдающегося в последние два десятилетия раздела больших семей на несколько малых семей.

Относительно того, откуда пришли сюда на Дон первые «сходцы» или «садчики» в большинстве случаев не удается ничего узнать. Только из разговоров с одним стариком из рода Кретининых в с. Донской Негочевке удалось узнать, что их «садчик» (предок Кретининых) пришел в эти места, по семейному преданию, из Козлова лет 300 тому назад.

¹ Записки И. Р. Г. О., кн. XII, стр. 221—222. СПб., 1857.

² По данным поселенных списков на 1925 год.

Относительно Кретининых интересно отметить, что это одна из наиболее распространенных фамилий в этом селе (110 дворов имеют эту фамилию из общего числа дворов — 524). Остальные крестьяне выделяют Кретининых из общей массы жителей села, говоря, что Кретинины «бывшие панки», сами когда-то имели крестьян, а потом сравнялись со всеми «вот уже лет 100 тому назад»; указывают, что прежде они имели свою собственную землю, а потом стали участвовать в общем разделе. Это мелкое указание может оказаться весьма ценным при изучении истории заселения этого края. Очевидно, Кретинины когда-то выделялись из общей массы поселившегося здесь населения еще в Московское время своим более высоким происхождением и имущественным положением по сравнению с остальным служилым людом. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с двумя разрядами московских служилых людей: собственно однодворцами и казаками, по терминологии, принятой Д. К. Зелениным в его статье «Талаган (щекуны) и цуканы».¹ Здесь мы встречаемся с одним существенным указанием на то, что казаки и однодворцы различались в экономическом отношении землепользованием — казаки владели общинной землей, а однодворцы поместьями. Приводимое крестьянами указание на то, что Кретинины уже лет 100 сравнялись со всеми, совпадает с некоторыми историческими датами, а именно, однодворцы были лишены права иметь крепостных в 1840 г. Относительно других семейств как в Донской, так и в других обследованных селениях, подобных указаний не имеется, из чего можно сделать заключение, что все остальные однодворцы этого села невысокого происхождения. На вопрос «чем теперь отличаются Кретинины от остального населения Донской», отвечают обычно: «бедностью». При расспросах у однодворцев про барских и обратно у барских про однодворцев получается тот же ответ. Эти указания на сравнительную бедность однодворческого населения, полученные в настоящее время, совпадают с тем же самым мнением, высказанным в этнографической литературе сравнительно давно.² Указание, что Кретинины бывшие «панки», имеет очень отдаленный намек на то, что

население этих мест пришло с запада, где было в большом употреблении это слово, неизвестное на востоке. Отдаленные западные реминесценции наблюдаются в некоторых деталях в costume, особенностях жилища, в обрядах; может быть сюда же следует отнести отмеченное спорадически употребление белор. «jost'» (есть) в говоре Донской Негочевки.

Более точных сведений относительно того, откуда выселились остальные родоначальники обследованных сел, мы не имеем. На основании сведений, приводимых Германовым, следует признать, что северная и западная часть Землянского уезда «населена из Орловской и Курской губ., преимущественно из Ельца и Старого Оскола». «Город Землянк был построен в 1657—1658 гг. Около него, по всем направлениям, стали возникать новые селения».¹

Действительно, рассказы стариков о тех нескольких «садчиках», которые впервые пришли на берега Дона в раздольные южно-русские степи и попытались обосноваться небольшой группой на новом месте, находят себе подтверждение при сборании материалов по фамилиям и прозвищам. Для этого были использованы поселенные списки, дающие сведения о каждом дворе данного селения. При просмотре поселенных списков из однодворческих сел обнаружилось, что в них господствует небольшое число, но зато часто встречающихся фамилий; так напр., в таком селе, как Б. Верейка из 896 домохозяев, 30% имеют фамилии, встречающиеся свыше 40 раз, 50% — свыше 20 раз, некоторые фамилии, как напр., Воронцовы имеются в 129 дворах. Эти частые фамилии принадлежат старым здешним поселенцам, редкие же фамилии, известные в 1—5 дворах, в большинстве случаев принадлежат, по указаниям местных жителей, недавно поселившимся в этих селах. Та же картина наблюдается в других однодворческих селах.

В помещичьих селах, позднее заселенных, получается другая картина. Так в с. Архангельском при 79 дворах только одна фамилия известна в 20 дворах (25%), а чаще (свыше 35%) одна и та же фамилия известна в 1—2—3 дворах. По данным, полученным в Карачунском сельсовете получается аналогичная картина. В с. Глушницы два

¹ Памятная книжка Воронежской губ. 1907, стр. 2.

² Ср. Германов, *op. cit.*; Н. И. Второв, Воронежский Юбилейный Сборник, II, стр. 270; Путинцев, Живая Старина, 1906, II.

¹ *Op. cit.*, стр. 259—260.

общества, — одно Глушицкое однодворческое, другое Аксеновское — барское. В Глушицком обществе из 179 дворов три фамилии занимают 145 дворов (53+54+38), составляя 65%, остальные же 32 двора имеют пять фамилий. В соседнем же Аксеновском обществе из 63 дворов, только одна фамилия известна в 9 дворах, одна в 8, а остальные чаще в 1—2 дворах. Также и в Пекшеве, где на 120 однодворческих дворов приходится четыре фамилии, встречающиеся до 52 раз, и только две встречающиеся по одному двору; в Алексеевском же обществе, барском, входящем в состав того же села, на 33 двора приходится шесть фамилий, из них только одна известна в 15 дворах, а остальные в 1—2—3 дворах.

Что касается помещичьих крестьян, то и здесь, как во многих местах Воронежской губ., крестьяне в одном и том же селении являются переселенцами из разных губерний, смотря по тому, в каких губерниях были у данного помещика имения, и откуда ему вздумалось перевести крестьян, есть также случаи перевода на новые места вновь купленных крестьян. По указаниям исследователей, писавших о заселении Воронежской губ., помещичьи крестьяне обычно помнят, откуда переведены их деды и прадеды. В нашем районе эти воспоминания очень туманны и смутанны. Так крестьяне из с. Архангельского, принадлежавшего помещику Сурикову, вспоминают, что лет 60 тому назад было у них всего 60 дворов (теперь 82), а откуда приведены были эти все 60 семейств не помнят; называют одну — две семьи из Боброва, из Трухачевки того же Землянского уезда, из Калабина Задонского уезда. В с. Васильевском вспоминают деда «Хвёдара», умершего 35 лет тому назад, который «ве'о дач'иста знал, хто аткúда пр'иунат, јамú д'ед раскáзывал». Указывают, что в это село крестьяне переведены из Орловской губ., из «Либ'бдак»,¹ из «Гн'ил'пá»,² из «Тарусии».³ Такой разнородный состав одного селения сказывается и в говоре, как увидим ниже; сами крестьяне отмечают, что у них в Васильевском не все говорят одинаково, а с «отл'ичкай». Кроме того, жители Васильевского

¹ Г. Лебедянь.

² Елец Орловск. губ.

³ Таруса Калужск. губ.

указывали, что ближайшие их соседи из бывших барских, «суриковские»¹ (в Архангельском) носят кличку «јоны́». Про себя и про суриковских говорят, что у них и в Архангельском живут «цуканый народ», но почему их так называют, указать не могли.

Д. К. Зеленин² приводит прозвище из Нижнедевицкого у. «ионки» для однодворок, не говорящих «що» и приближающихся по костюму к горожанкам, принимая это прозвище в мужеском роде в форме «ягун». Мне кажется возможным считать приводимую в моих материалах форму «јоны», в мужеском роде как форму, параллельную форме «ионки» в женском роде. В Землянском у. это прозвище, как указано, относится к говору помещичьего с. Архангельского, и форма «јон» в помещичьих селах, как увидим ниже, противопоставляется однодворческой форме «он». Очевидно, что это прозвище дано в нашем районе для говора более культурного помещичьего села, в отличие от однодворческого. В Нижнедевицком у. сходное прозвище, данное однодворкам, усвоившим городскую культуру, подчеркивает то же самое, а именно отступление от однодворческого говора и приближение к более культурному (по местным понятиям) говору.

Отсутствие параллельной формы в мужеском роде в Нижнедевицком у. я склонна объяснить скорее неполнотою материалов, расходясь с мнением Д. К. Зеленина, считающего, что культурное влияние в данной местности Нижнедевицкого у. «было частичным, а не всеобщим; коснулось только женщин, а не мужчин»; последнее суждение противоречит обычному явлению — усвоение культурных влияний идет прежде всего через мужчин, и трудно предположить ради объяснения одной формы «ионки» обратное явление.

Бывшие барские крестьяне подчеркивают некоторые особенности говора однодворцев, указывая, что однодворцы «щб'калк'и, що ѳава-р'ат', н'и па-нашýму балакајут'; јазык выварач'ивајут'. Как в Васильевском, так и в Архангельском, а также женщины в Б. Верейке,

¹ Интересно отметить, что барские селения обычно носят названия по помещику — «суриковы», «чуриковы»; Архангельское и Васильевское называют только в исполкомах и сельсоветах.

² Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913, стр. 96—97.

взятые замуж из Архангельского и Васильевского, приводят обычно ряд особенностей говора однодворцев, особенно последние, так как они при переходе из одной языковой среды в другую особенно резко подметили эти особенности. «За'мечаеш слова, как ча'вар'ят', и ура'хб'еш на н'их» (смеешься).

Говор Верейских однодворцев

що
атвар'и
рау'ач
лат'ок
шер'с'т'
канап'и
лапша
ужынат'
пав'етка
ц'ыпа
окала пав'етк'и
ув ак'бшка
он
ча'уо
кал'и

Говор с. Архангельского

што
атку'тај, заку'тај
ухв'ат
но'чва
во'лна
п'ен'к'и
кр'бшыва, п'иза
в'еч'ер'ат'
пун'к'а
т'ука
дл'и пун'ки
дл' ак'бшка
јон
ч'ив'о
кауд'а

Приведенный перечень, записанный со слов женщины в указанных селениях, дает материал по преимуществу словарный, так как эта сторона языка доступнее наблюдению, и с этим чаще приходится сталкиваться той и другой языковой группе при постоянном соседском общении; с другой стороны, разные слова для обозначения одного и того же понятия, вносят затруднение и неясность при языковом общении, поэтому прежде всего усвоены эти слова, как бы слова другого языка, необходимые для того, чтобы иная языковая среда понимала речь. Из фонетических особенностей внимание обращено только на произношение «что», как «ш'ш'о», и «он», как «јон», хотя следует отметить, что в языковом представлении сообщавших эти наблюдения данные особенности рассматривались, конечно, как особые словарные явления, а не звуковые

изменения одних и тех же слов. Фонетические особенности труднее подметить и еще труднее их формулировать; несомненно, разница в произношении отдельных звуков, если не в современном говоре, то в старое время чувствовалась, но формулировки этой разницы мы не имеем, кроме общего указания, что однодворцы «язык вывара'чива'ют'. Некоторые указывают на то, что верейские однодворцы стали немного почише, «н'и стал'и т'еп'ер' ча'убкат'». Отдаленное и забытое указание на разницу в фонетике носит и самое прозвище барских «цукань».¹

Приводимое ниже сравнительное описание однодворческого и неоднородного говоров в обследованных селениях, дает конкретный материал, характеризующий разницу между тем и другим говором.

ГОВОР ОДНОДВОРЦЕВ.

Говор однодворцев обследованных селений как Задонского, так и Землянского у., принадлежит к южно-великорусскому наречию, т. е. говор акающий. В основных своих чертах однодворческий говор обследованных селений является более или менее однородным. В частности, между говором старого и молодого поколения здесь нет такого сильного расхождения, как это наблюдается, напр., в районе северно-великорусского наречия, где говор молодежи, в большинстве случаев, находится под сильным воздействием городского акающего говора и идет в разрез с основными фактами вокализма говора стариков. Здесь же говор молодого поколения отстывает от старого скорее в области синтаксиса и словаря, нежели в области фонетики. Правда, иногда в говоре мужчин, много побывавших в Москве и других больших городах во время военной службы, наблюдается некоторое ослабление сильного аканья и некоторое его приближение к произношению литературного типа, а также, как указывалось, они перестают «ча'убкат'» и произносят соответствующие формы со звуком *с*, по-московски.

Приводимые ниже материалы являются отражением говора старого поколения, по преимуществу женщин не моложе 40 лет, безусловно неграмотных и нетронутых посторонними языковыми влияниями. Примеры, при-

¹ См. Д. К. Зеленин, Великорусские говоры . . . , стр. 68—72.

водимые из отдельных сел, не являются единичными фактами для этих сел, а отражают наиболее распространенное явление в говоре указанных объектов моих наблюдений. Наиболее полно диалектологический материал собран в сс. Донецкая Негочевка и Б. Верейка; говору последнего села уделено особое внимание в виду того, что рядом с этим селом находятся два бывших помещичьих села. Из остальных, указанных выше, однодворческих сел собран материал, дополняющий данные основных пунктов наблюдений.

Фонетика.

Тип аканья в обследованных однодворческих селениях следует признавать смешанным, следуя схеме типов аканья Н. Н. Дурново,¹ расходясь с мнением самого Н. Н. Дурново относительно говоров Задонского и Землянского уездов, который относит их к диссимилятивному яканью.

Отражением аканья в первом предударном слоге после твердых согласных является звук *a*, независимо от характера ударенного слога; только в единичных случаях перед ударенным *a* отмечено *y* и *и*: пыплáче'ш Карачун, инá, Д. Негочевка.

В том же слоге после мягких согласных перед ударенным *a* наблюдается *a*; п'ир'ашлá, бр'ахát', л'ажáла, п'ир'астáл, зар'акáјса, р'абáја, пр'ис'адáт'ел', запл'атáја, завл'акáја, завл'акáт'ел'на, н'а Вáн'ин, тр'ап'án'је, н'а стáн'еш, н'а плáч', д'в'анáццат', с'амнáццат', Карачун; н'а тák, п'ерв'алáс', папл'асáт', над'авáј, н'а л'áжу, прав'алá, в'ан'ч'áла, п'ер'ашлá, с'ам'јá, јармáнца, уб'ажáт', н'а в'ал'át', Д. Негочевка.

Перед *и*, *у*, *ы*, *е* (*ь*) в том же положении звучит *a*: с'адúју, саб'арúцца, в'ал'ít', н'а нúжна, л'ау'л'и́, н'а бúд'ет', з'амл'и́ Карачун; јамú, св'ар'хú, пад'н'асúт', п'акúт', јадý, с'ал'é, н'ав'эс'т'е, фс'ам'ји́ Д. Негочевка; л'ат'и́ш, л'ат'éл, Б. Верейка и др.

Перед ударенными *e*, *o* в том же положении звучат *и* и *a* в зависимости от характера следующего согласного; перед следующим палата-

¹ Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I, в. 1, стр. 37. М. 1917.

лизованным согласным появляется *и* или *e*, перед непалатализованным *a*: в'ин'éц, Карачун, з д'ит'и́шк'ам'и, т'ир'óm Б. Верейка, дал'акó, в'ет'арóк, н'амнóгá, п'ер'амбрúват', п'ир'авóш'ш'ику, рассв'алó, н'а кóл'ин, н'арóвн'ушкú, н'арóднýј, п'ер'апл'óтам, б'аз рóу, кл'анкóф, кал'асó, прытакóл, јавó, н'а нóс'а, н'а мóл'ицца, н'абóс', бајавóј, н'а рóпк'и Д. Негочевка; т'алóч'к'ем, б'ир'ашкóм Б. Верейка.

Слоги, удаленные от ударенного более чем на один, редуцированных звуков после твердых согласных почти не знают, чаще здесь звучит *a*: харашó, пан'алá Карачун, пазав'и Б. Верейка и др., после палатализованных *-и, -а*: н'а в'ал'éл, н'а в'ал'ít', п'ир'астáл Карачун, н'а в'ал'átь, п'ат'ер'и́к Д. Негочевка; п'ир'акрýцца, н'и л'убл'у Б. Верейка.

В заударных слогах редуцированный появляется sporadически, обычно произношение звука *a*, как в открытых, так и закрытых слогах.

В ударном слоге по аналогии на месте *a* часто звучит *o*: дóр'ит', вóр'ут' Карачун, свóр'ицца, пер'евóл'ишса Д. Негочевка, стóлкыват', завбр'им, павóл'им Б. Верейка.

В сандхических сочетаниях, при встрече двух звуков *a* отмечена элизия: па днóј, да кнá Карачун, на кóшк'и Д. Негочевка, на днóм Б. Верейка.

Отмечены единичные случаи полной редукции гласного, как в предударном слоге (п'ерв'ир'и́ш Карачун), так и в заударном (в'и́р'ују Карачун).

При ближайшем рассмотрении отражения аканья в данном говоре можно отметить, что в основе своей этот смешанный тип ближе всего к ассимилятивно-диссимилятивному яканью, где во всех случаях появляется в первом предударном слоге звук *a*; звук *и* появляется только перед ударенным слогом с гласными, восходящими к старым *e*, *o*, *ь*. Но приведенные материалы указывают, что это положение не твердо выдержано, так, напр., вместо ожидаемого *и* имеем *a* в: л'ат'éл, н'ав'эс'т'е, с'ал'é, с другой стороны вместо *a* имеем *и* в: з д'ит'и́шк'ам'и.

Н. Н. Дурново¹ аканье некоторых мест Задонского у. (в том числе с. Карачун) и Землянского (Фоминка, Маланьино, В. Ломовец и др.) на основании записей песен В. И. Тростянского² относит в своей схеме типов аканье к диссимилятивному яканью Обоянского типа, в котором первый предупредительный слог дает *a* перед старыми *o* и *ъ*, а перед гласными из *ъ, е, ъ* — *i* или *e*; последнее явление обусловлено дифтонгическим произношением в говорах этого типа звуков *o* и *ъ*. Записи Тростянского дают обильный материал по дифтонгизации этих звуков, что дает возможность Н. Н. Дурново и относить говор, отразившийся в этих записях к указанному типу. Приведенные данные из наших записей из тех же или соседних мест не дают однородного с записями Тростянского материала и не позволяют говор этих мест безоговорочно отнести к Обоянскому типу. Дело в том, что и сам Н. Н. Дурново³ указывает, что «более или менее полное представление о характере яканья дают только записи из с. В. Ломовца; данные остальных записей только не противоречат предположению о тождестве аканья в говорах, отразившихся в этих записях, с аканьем в с. В. Ломовце». Наши данные из сел Отскочное и Фоминка Землянского у. дают больший материал для суждений о типе говора сравнительно с записями В. И. Тростянского из тех селений и указывают, что диссимилятивный принцип далеко не последовательно проведен в говоре этих сел, допускающем широкое произношение *a* перед ударенным *a* (см. выше примеры).

Расхождение в оценке аканья этих мест объясняется или тем, что В. И. Тростянский собран материал от лиц, знавших дифтонгическое произношение *o* и *ъ*, в то время как наши материалы дают очень слабые указания на сохранение этих черт в широкой массе здешнего говора, или же тем, что записи В. И. Тростянского невелики и не дают возможности судить о всех отражениях аканья. Так, из Фоминки имеем одну песню (№ 69), в которой нет ни одного случая, дающего возможность судить об отражении яканья перед ударенным *a*, что дает возможность отнести тип яканья в этом селении к диссимилятивному и к сильному

¹ Op. cit., стр. 40—54.

² Сборник ОРЯС, т. 95, Пгр., 1920.

³ Op. cit., стр. 51.

типу. Духовные стихи №№ 35 и 36 из с. Отскочного, записанные В. И. Тростянским от странствующих нищих, не могут быть надежным диалектологическим материалом для суждения о характере аканья селения, в котором произведены эти записи.

В отношении типа аканья наши материалы ближе стоят к данным, приводимым Н. Н. Дурново¹ из с. Докторова Задонского у. из северновеликорусской программы Московской Диалектологической Комиссии, № 97; в особенности наши материалы сходны с данными из д. Китовской, с. Троицкого и Гнилуши Землянского у., и с. Балахна, Задонского у., приводимыми Н. Н. Дурново,² как образцы сильного аканья. Сближать же яканье Фоминки и Отскочного с яканьем диссимилятивным того или иного типа, известным в пределах Воронежской губ., как показывают приведенные данные из наших записей, невозможно.

Одной из характерных особенностей говора однодворцев исследователи³ называют дифтонгизацию *o* и *ъ* в неначальных слогах и под древним восходящим ударением в начальных. Материалы В. И. Тростянского,⁴ записанные в селениях, соседних с районом наших наблюдений, дают обильный материал в этом отношении: дифтонгическое произношение *o* и *ъ* в указанных положениях отмечено в этих записях, как определенный закон, имеющий, правда некоторое количество случаев с отклонением; тем не менее, общий характер говора записей В. И. Тростянского носит яркую дифтонгизацию. Несмотря на особое направление внимания и слуха при моих наблюдениях в данном случае удалось подслушать в некоторых местах только единичные случаи дифтонгизации; так в говоре старика 50 л. из Донской Негочевки в длинном разговоре отмечен лишь один случай дифтонгического произношения *ъ* в слове л'ѣс, при обычном произношении у него же этого слова с *e*. В говоре пожилой женщины в Крепичке отмечено единичное произношение *o*, как *yo*: куосы. В Б. Верейке в говоре 75-летней старухи отмечено: поускон' и тоу же. На спора-

¹ Op. cit., стр. 116.

² Op. cit., стр. 165—166.

³ Д. К. Зеленин, op. cit., стр. 113.

⁴ Сборник ОРЯС, т. 95, Пгр., 1920.

дическую дифтонгизацию имеем указание у Филатова¹ для говора села Шаталовки Нижнедевицкого у.: начноюю поруюю.

Звук *e* в ударенном слоге перед твердыми согласными в произношении одного и того же лица остается без изменения или переходит в *o*, независимо от остальных условий. Так сохранение *e* отмечено: п'ер'еталк'эш (*ш* произносится твердо), пер'еталк'эм, п'ер'еталч'эм, Карачун, б'ер'эм Д. Негочевка. Обычно и произношение *e* в 3 л. ед. ч. глаголов, имеющих *т'*, но на ряду с *e* проявляется по аналогии и *o*. В этом отношении наши наблюдения совпадают с данными Филатова² о колебании *e: o* в указанных формах. Положение Будде³ о том, что *e* переходит в *o* в говорах барских сел и остается без изменения в говорах вольных сел, неприменимо к говорам нашего района.

Лабнализация гласных отмечена в некоторых случаях: мужукám Д. Негочевка, бува́де Д. Негочевка и др.

Глагол «есть» (ѣсть) обычно имеет начальное *и*: јис'т' Карачун, Д. Негочевка, Б. Верейка; јиш Д. Негочевка, Б. Верейка.

На месте начального *o* отмечены единичные случаи произношения гласного *у* (полного образования): уз'á'л Карачун, удава́ја Д. Негочевка, Б. Верейка и др.

Утверждение Филатова,⁴ что *у* известно также на месте *л* «без сомнения» в Землянском у., следует признать для нашего района неправильным. Материалы Тростянского из других мест того же уезда также не дают на это указаний. Мнение Филатова, не поддержанное документальными данными, основано на предположении, что в пределах Землянского у. живут малорусы рядом с великорусами, и последние усвоили эту особенность от малорусов.

Одной из ярких и характерных особенностей в области *консонантизма* в говоре однодворцев является неорганическое смягчение заднеязычных. В наблюдаемых говорах это явление проведено весьма широко и последовательно. В однодворческих селениях не пришлось услышать

случаев, противоречащих этому положению. Заднеязычные смягчаются не только под влиянием предыдущего *ј* и палатализованного согласного, но также и под влиянием *ч'*: к'йч'к'у, штуч'к'у, п'еч'к'у, пат п'еч'к'ей', трубач'к'у, к п'ен'к'ам Карачун, шапач'к'а, табач'к'у Д. Негочевка и др. После *ш*, которое здесь произносится твердо, смягчения *к* не отмечается: крýшка, ч'áшка Карачун, ма́шка Донская, запáшка Б. Верейка.

Звук *г* — фрикативный, как во всех южно-великорусских говорах. Произношение *г* взрывного в однодворческой среде даже у бывалых и у молодежи подслушать не удалось, и едва ли оно возможно.

Губные звуки обычно звучат твердо: кроф, люббф, гблуп. Перед следующими, палатализованным *к'* отмечены случаи палатализации губных: д'эф'к'и, лáф'к'и, шап'к'и Карачун, Д. Негочевка, Б. Верейка. В данном случае мнение Филатова¹ о твердости губных в указанном положении, высказанное для всех воронежских говоров, следует признать неправильным.

На месте звука *ц* в слове «цвет» обычно произносится *т*: раст'в'ел'и, т'в'эт'ик, т'в'ат'ы.

Звук *ш* обычно произносится твердо: к'ишшбнка, шшам'йт', Карачун, Б. Верейка и др. Исключением является только одно местоимение *ш'шо*, произносимое с мягким *ш*, по которому однодворцы получили кличку — «щекунí».

Этимологическое *ф* заменяется звуком *х* или сочетанием *хв*: ахбн' (зват. пад.), ф'т'иху́, кбхта, на хват'ёр'и, хвунтаф, хвартукам и др. Заимствованное слово квитанция вместо *кв* имеет *ф*: ф'итбк Д. Негочевка.

Из мелких фонетических явлений отмечу произношение тбпнут', мбшна.

В отношении *ударения* ограничусь очень небольшими указаниями.

Так отмечено произношение заработка Карачун, в бтпуску Б. Верейка, па стакану́ Д. Негочевка, к в'ес'н'е Д. Негочевка, ф ступ'е и рядом ф ступе́ Карачун, ну́жны и рядом нужн́и Б. Верейка, на́ п'еч' Д. Негочевка.

¹ Русский Филол. Вестник, 1897, 3—4, стр. 263.

² Р. Ф. В., 1898, 1—2, стр. 195.

³ К диалектологии великорусских говоров, стр. 120—123.

⁴ Р. Ф. В., 1897, 3—4, стр. 295.

¹ Р. Ф. В., 1897, 3—4, стр. 287.

Морфология.

В области склонения в говоре Задонских и Землянских однодворцев наблюдается ряд весьма интересных особенностей.

Родительный падеж единственного числа основ женского рода на *a* в твердом различии имеет окончание *e*, привнесенное из древне-русской формы мягкого различия: дѣла пч'ал'ѣ Д. Негочевка, ис комнат'е Д. Негочевка, из ыз'б'ѣ Д. Негочевка, на ўтр'е свѣд'б'е Д. Негочевка, да жалѣнскај вајн'ѣ Карачун, круѣом сах'ѣ Карачун. В единичных случаях это конечное *e* в неударенном положении звучит как *a*: дѣла пасуд'а Карачун.¹

В основах на *i* женского рода в местном пад. единств. числа отмечено *e*: на д'в'ер'ѣ Карачун, на п'еч'ѣ Д. Негочевка.

В основах на *o* мужского рода в том же падеже одновременно известны окончания *y* и *e* (*n*): в л'ѣс'е Карачун, в дѣм'е Д. Негочевка и т. п. и на парав'икѣ, ф сундукѣ Д. Негочевка.

В творительном падеже множественного числа основ на *a* женского рода пользуется весьма широким распространением аналогичная форма на *-ими*: драв'ишк'им'и, с п'ѣтк'им'и, н'е кл'ѣтк'им'и, а палѣск'им'и, с рѣтств'ен'н'ик'им'и, з д'ѣф'к'им'и, з жѣмк'им'и, шѣшк'ими Карачун, с л'ѣнк'им'и, сѣнк'им'и Д. Негочевка, крѣшк'им'и, сабѣч'к'им'и, в'ѣшанк'им'и Б. Верейка. Это настолько яркая черта в говоре, что отмечена в произношении не только хорошо грамотных работников сельсовета (бумажк'им'и Д. Негочевка), но и в произношении местного учителя. Важно подчеркнуть, что данная форма встречается лишь в тех случаях, где основа имеет звук *k*.

Родительный падеж множественного числа в обследованном говоре имеет весьма пестрый облик. Так отмечено окончание в данном падеже в основах на *o* и на *a* — *e* (кампат'ѣј Б. Верейка; д'ўже ѣар'ѣј мноѣа, Д. Негочевка), в основах на *a* и на согласный отмечено также окончание — *-ов* (вѣшенкаф, Карачун, Д. Негочевка, б'ас трубаф, старѣхаф, с'ам'ѣф Д. Негочевка), наконец *-ен* (рад'ѣн Д. Негочевка). Все

¹ Воздерживаюсь отнести эти факты за счет смешения род. с дат. пад. в виду отсутствия обратных данных.

эти случаи отмечены на общем фоне окончаний, соответствующих окончаниям литературного языка.

В области *местоимений* в говоре однодворцев наиболее яркой чертой является произношение местоимения *что*, как *щ'ѣ* (ш'ш'ѣ). Это произношение настолько отличает однодворцев от барских крестьян, что последние издавна дали однодворцам кличку — щѣкуны, щѣкалки (Васильевское). Это произношение весьма последовательно проведено в говоре однодворцев и до настоящего времени является наиболее отличительной чертой их говора сравнительно с барскими. Аналогичные явления отмечены наблюдателями и в других районах, как Воронежской, так и других южно-великорусских губерний среди однодворческого населения.

Другой яркой чертой однодворческого говора является «каѣоканье», или по местному «чаѣоканье», т. е. произношение соответствующих местоименных форм: каѣо, чаѣо. Эта черта имеет также очень широкое распространение, хотя по признанию соседних барских уже «в В'ер'ѣјк'е н'а стѣл'и т'еп'ѣр' чаѣобкат'», что соответствует до некоторой степени настоящему положению, а именно молодое поколение начинает изредка употреблять данные формы с *e*. Интересно отметить, что местоимение в форме «каѣо» употребляется весьма часто в значении «чаѣо», особенно при вопросе («Апрос, ид'е мат'?). — «Каѣо?» Б. Верейка).

Местоимения в родительном падеже имеют параллельные формы: т'ѣб'ѣ, с'ѣб'ѣ — таб'ѣ, саб'ѣ.

Винительный падеж личного местоимения третьего лица женского рода имеет форму *јѣјѣ* наряду с формой *јѣј*.

Значительное распространение имеет местоимение «кой» в различных формах: кајѣ лѣшади замѣс'иш, кајѣ с'п'еч'ѣш Д. Негочевка, у кајѣ скѣл'к'ѣ Д. Негочевка.

Местоимение «этот» имеет звук *n*, независимо от того, с каким предлогом и в каком падеже употреблено: ѣнты Карачун, ѣнт'и, ѣнт'им Д. Негочевка.

В области местоименного склонения *прилагательных* можно подчеркнуть наибольшее распространение в родительном падеже единственного числа окончания с *γ*, хотя изредка, как уже отмечено выше

в местоимениях, в говоре молодежи отмечены случаи произношения данной формы с *е*.

В дательном и местном падежах единственного числа отмечены единичные случаи употребления окончания *ej* (эй): па днѣј, самѣј, аб аднѣј, в аднѣј Карачун, Д. Негочевка.

Отчества в женском роде склоняются по местоименному склонению: Марји Иванавнај (дат. ед.) и т. п.

В *малолыных* формах наиболее яркой и неизменно присутствующей чертой говора однодворцев данного района является мягкое произношение конечного *т'* в 3 лице единственного и множественного чисел в тех случаях, когда это *т* налицо. Случаев твердого произношения *т* в говоре однодворцев вовсе не отмечено. Наряду с *т'* в данном говоре возможно отсутствие этого окончания: в'ѣје, прам'атаје, адаваје, раз'д'ел'аје Д. Негочевка, стр'ѣн'е, думаје и т. п. Карачун и др.; весьма распространено произношение конечного гласного глагольной темы, как *а*, при чем не только на месте *е* в I и III классе, но и на месте *и* в IV классе: ступаја Карачун, паджажжаја, папа Д. Негочевка и — палбз'а Карачун, патход'а, ув'ид'а, луп'а Д. Негочевка; такое произношение отмечено и в формах множественного числа јад'а, ѓавар'а Д. Негочевка.

Интересным новообразованием в однодворческом говоре являются уже отмеченные и в других местах для говора однодворцев такие глагольные формы, как п'ер'едајбцыт', паджар'ивајеццыт', пасыпајеццыт', падабцыт' (произношение 30-летнего крестьянина в Д. Негочевке), палујуццут', памбл'уццут', умбјуццут', саб'ирајуццут', станбв'уццут' Д. Негочевка, нуждајуццут' Б. Верейка.

В старых материалах и сообщениях не отмечено, насколько данная черта была широко распространена в говоре однодворцев, в настоящее же время это явление наблюдается уже в говоре немногих. В виду частых указаний наблюдателей, что для однодворческого говора наиболее характерны глагольные формы без *т*, возможно предполагать, что данное новообразование появилось в результате восприятия из какого-то иного говора окончания *т'*, которое было присоединено к возвратной форме глаголов по аналогии с другими формами, где не было скрытого окончания *т*.

В других случаях возвратные формы глаголов чаще имеют окончание *са*, хотя неизвестно и *си*.

В причастиях интересно указать отмеченные случаи употребления причастия прошедшего времени женского рода в новообразованной членной форме: ана н'и п'йфшыја, н'и јѣфшыја Б. Верейка.

СИНТАКСИС.

Наиболее яркой синтактической чертой однодворческого говора является переход слов среднего рода в женский род не только по форме, в виду изменения конечного *о*, по законам аканья в *а*, как это наблюдается во многих южно-великорусских говорах. Это изменение в воронежских говорах идет много дальше.

В ряде случаев переход слов среднего рода в женский род поддерживается самым окончанием этих слов, напр., вот и фс'а д'ѣла, труднаја палажѣн'ја, ѓд'е ш тваја плат'јица, с'емѣјства фс'а ум'ерла, вр'ѣм'а была, адна ѓбр'а Карачун, энта кладбища, ѓор'к'аја кра-саван'ја, маја п'брьшка выше л'атаја, маја тут старан'ја палб-жына, прбса плахаја, мал'ен'к'аја акбшыч'к'а Д. Негочевка; фс'а мбла, сухм'анаја л'ѣта, м'ен'а ѓбр'а вз'ала, пр'ама саала адна, им'а адна и хвам'ил'ја адна, за К'ѣјевам м'ес'т'ѣч'к'а, н'а слышал' и пра н'ѣје Б. Верейка.

В других случаях переход в женский род наблюдается при наличии ударенного конечного *о* в слове среднего рода: сваја с'алб, наша с'алб, а раз'в'е ана (крыльцо) развал'илас Карачун; ана (солнце) выјд'а Д. Негочевка, друјаја пам'алб Б. Верейка.

В остальных падежах отмечены случаи склонения слова среднего рода по основам на *о*, в то время как определение, стоящее при нем, склоняется по женскому роду, но в ряде случаев наблюдается полный переход слов в женский род с частичной утратой старого склонения данного слова по основам на *о* и переход его в склонение основ женского рода на *а*. В следующих случаях отмечено сохранение старого склонения слов среднего рода. Родительный падеж: н'икак'ој пол'а н'ет Д. Негочевка, хуже нашеј с'ала н'ет Д. Негочевка, из нашеј с'ала Д. Негочевка; винительный падеж: фс'у с'алб Б. Верейка, фс'у

л'ицѡ саж'ула Б. Верейка, дру'у'у дру'у'у в'адрѡ Карачун, в дру'у'у с'алѡ Карачун, где најд'ут' так'у'у удѡбн'у'у м'ѡста Д. Негочевка; творительный падеж: за на'шеј с'алѡм Д. Негочевка.

В следующих случаях отмечено склонение слов среднего рода по основам на *a*. Винительный падеж: н'е пасмѡтр'ит'а л'и на'шу ад'ејал'цу Б. Верейка, плат'ју, ва'шу м'асу, на в'ал'ику'у го'ру, в го'ру, идут' ф' пол'у, в эту л'ѡту, в ту вас'кр'есѡн'ју Карачун, свај'у хаз'а'јству, с'м'ен'ил'и эту прав'ит'ел'ству, падава'дут' ку'шан'ју, баслав'ѡн'ју, плат'ѡнцу ин'у'у, т'ул'еву'у, ф'с'у с'ем'ѡству, атк'идыва'ют' тварѡу ф' с'иту Д. Негочевка, г'ляну ја на н'ѡбу Карачун; в дательном и местном падеже формы среднего и женского рода сходны: на ѡтај бл'уд'е, в ѡтај с'ал'ѡ, в ѡтај м'ѡст'ѡч'к'и Д. Негочевка, в ѡтај г'наз'д'ѡ Карачун. Из форм множественного числа отмечено: д'в'е палѡт'н'иш'ш'и Карачун. В одном случае отмечена контаминация винительного падежа с родительным сыр'у'у малач'к'а хат'ит'е Б. Верейка.

Отклонения в употреблении рода отмечены еще в одном случае — слово *мышь* сознается, как слово мужского рода — *мышь с'јел* Карачун.

В употреблении числа можно отметить случаи постановки сказуемого во множественном числе при подлежащем в единственном числе, но с собирательным значением: нарѡт раз'у'бран'иј патхѡд'ат' к пан'у Карачун.

Очень распространено употребление вспомогательного глагола в таких случаях, как: пач'ѡм ѡт'и м'исач'к'и јѡс'т', најд'у ф' П'итра-г'рат и најд'у г'д'е ја јѡс'т' (про фотографическую карточку) Б. Верейка, г'лад'ит'е какој ја ку'пец јѡс'т' Карачун, ид'ѡш ана јѡс'т', атк'уда вы јѡс'т', ч'ји вы јѡс'т' Д. Негочевка.

В отношении употребления предлогов можно отметить широкое употребление предлога *об* в значении *по, с, на*: аб акѡшку, Карачун, талкач'и аб аднѡј руч'к'и Карачун, ап св'атѡј (неделе) Д. Негочевка, ап хр'иш'ш'ѡн'ју Д. Негочевка.

Отмечены случаи употребления местоимений в качестве члена при существительном: у м'ѡн'е два их п'исклач'к'а Б. Верейка, наша с'алѡ, ана б'ѡднаја Д. Негочевка.

Если считать, вслед за Д. К. Зелениным,¹ что более чистые однодворческие говоры характеризуются диссимилятивным аканьем, наличием мягкого *к*, произношением *ш* = *шш*, *с* вместо *ш*, кагоканьем, наличием 3 лица без *т* в единственном числе, употреблением *шо, каѡ*, то вышеописанный говор является для воронежского однодворческого говора не вполне типичным: при наличии всех главных черт, в нем аканье не диссимилятивное и отсутствует произношение *с* вместо *ш*, наиболее распространенное в говоре соседних помещичьих крестьян, как увидим ниже, а не в однодворческом; в отношении этой черты наши материалы расходятся с теми выводами, к которым приходит Д. К. Зеленин на основании имевшихся в его распоряжении материалов,² а также и Филатов,³ который не согласен с мнением Будде,⁴ что для барских сел (Рязанской губ.) характерно произношение *с* на месте *ш*, а для вольных *т* на месте *ш*. В данном случае наши наблюдения из Землянского у. совпадают с наблюдениями Будде.

ГОВОР «БАРСКИХ».

Для сопоставления с однодворческим говором привожу ниже материалы, собранные в двух бывших помещичьих цуканских селах Архангельском и Васильевском, расположенных в 2 верстах от однодворческого села Б. Верейка. По указанию Д. К. Зеленина, великолепно изучившего диалектологический материал по Воронежской губ., «говоры не-однодворцев Воронежской губ. изучены недостаточно. Большая часть наблюдателей описывает только говор однодворцев»⁵ Поэтому ниже приводимые данные неоднореческого говора имеют значение для сравнительного изучения воронежской диалектологии.

Из цуканских сел Землянского у. имеются данные только из с. Каверина,⁶ д. Ивановки и д. Коровкиной.⁷

¹ Великорусские говоры . . . , стр. 52.

² Великорусские говоры . . . , стр. 113.

³ Р. Ф. В., 1897, 3—4, стр. 303.

⁴ К диалектологии великорусских говоров, стр. 73.

⁵ Великорусские говоры . . . , стр. 87, прим.

⁶ Архив Г. Р. Г. О.

⁷ У Тростянского.

Основной материал по говору с. Архангельского, принадлежавшего помещику Сурикову, собран от сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой или «Куприянихи», как ее все зовут.¹ Куприяниха родом из Архангельского и была выдана замуж в соседнее однодворческое село Б. Верейку, поэтому особенно ценны ее замечания о разнице в быте, в обычаях и особенно в говоре однодворцев Б. Верейки и крестьян с. Архангельского. От нее собран большой фольклорный материал (56 сказок, полный свадебный обряд с песнями, троицкие обряды, заговоры и т. п.); а также при постоянном общении с ней записано значительное количество образцов разговорной обыденной речи. Как из разговора, так и при сообщении сведений по фольклору и этнографии Куприяниха, вошедшая живо в интересы нашей работы, постоянно подчеркивала, что данный факт известен «у нас» (т. е. в Архангельском), а «у них иначе» (у верейских однодворцев). Дополнительный материал в целях проверки собран у ряда лиц, проживающих в Архангельском, и уроженцев данного села, главным образом внимание было обращено на говор пожилых неграмотных женщин и стариков.

Языковый материал, собранный из с. Васильевского, по полноте несколько уступает архангельским материалам, но тем не менее может служить достаточным источником для суждения о характерных особенностях этого говора и об его отношении к господствующему говору — однодворческому.

В виду разнородного состава помещичьих селений, как это уже указывалось относительно Архангельского и особенно Васильевского, где отмечены выселенцы из Орловской губ. и северной части Калужской губ., в говоре населения наблюдается некоторая пестрота; живут параллельно языковые факты, исключаящие друг друга. Говор Архангельского и Васильевского в общей массе следует признать говорами смешанными, в которых в результате двух, а может быть и больше разнородных говоров, еще не выработались в некоторых случаях определенные нормы, управляющие языковыми явлениями, и наблюдаются колебания то в сторону одного, то в сторону другого говора, при одних и тех же условиях.

¹ О сказках Куприянихи см. ст. «Сказки Куприянихи» в журнале «Художественный фольклор». М. 1926, в. 1.

Основной фон говора — южно-великорусский, с его главнейшими особенностями, но на этом основном фоне чувствуется некоторый северно-великорусский налет, вызывающий перебои в говоре. В здешнем говоре северно-великорусские и южно-великорусские элементы, конечно, не дали такого стройного синтеза, как это мы знаем в истории образования московского говора. Причина этого — поздняя встреча этих элементов, и их далеко неравные силы. Здесь северно-великорусский элемент влит в весьма слабой дозе, может быть, в виде нескольких семейств, приведенных откуда-нибудь из района северно-великорусских, а может быть и средне-великорусских говоров, в основную акающую среду, и окруженных стовсюду однодворческим акающим говором. Те же перебои северно-великорусских и южно-великорусских элементов наблюдаются в среде б. помещичьего крестьянства Архангельского и Васильевского не только в говоре, но в некоторых случаях и в бытовых и этнографических особенностях.

Говор села Архангельского (Сурикова).

Фонетика.

Главной чертой *вокализма* говора «барских» из Архангельского является аканье. По своему характеру здешнее аканье следует признать смешанным, в котором в единичных случаях неизвестно появление редуцированного гласного в первом предударном слоге перед ударным *а*, при чем редуцированный звук в значительной степени приближается к *ы* (кык рас, кык зыурал, вы бабах); в других положениях этот звук отмечен крайне редко (шылкавья и т. п.); в данных примерах можно отметить слабые намеки на диссимилятивное аканье, наследие какого-то старого, принесенного сюда говора.

Обычным же является произношение *а* в первом предударном слоге после твердых и мягких согласных, независимо от гласного ударенного слога, напр., пам'албм, б'ир'ашкбм, с'ам'и, пам'арла, в'ич'арушк'и, п'атух, жавб, давбал'и, пашл'и, н'асла, сажала, н'и нач'ајс'а и т. п.

В том же положении, перед ударным слогом с палатализованным согласным чаще отмечено *е*, и: р'еб'аты, зам'ен'ит', м'ес'т'ејку,

с'ил'эн'ју, с'пр'д'йт, с'естр'ица, хотя небезызвестно здесь и а: с'ам'и, д'ал'ил. Приведенные данные не дают указания на наличие диссимилятивного аканья или яканья.

В остальных предударных слогах обычно звучит чаще звук а, а не редуцированный и не ы: барад'а, пам'ар'ла, ыр'аб'ешб'ч'ик, п'ату-шб'ч'ик, п'атух'а. Последние два случая могут быть по аналогии со словом п'атух. После мягких согласных возможно произношение и: н'и зам'эт'ил, п'ир'ад'ај, с'ирава'т, б'ир'ашк'ом, в'икава'ја.

В заударных слогах весьма часто появление а: п'б л'асу, в'ыл'ас, ба'р'ан, сп'рав'ал, кал'од'ац, в'ес'ал, к'ос'ан'к'ај, ч'эт'в'ар'т'и.

В единичном случае отмечено сохранение неударенного о в произношении Куприянихи: попраш'и'але'и.

В единичных случаях отмечено произношение у полного образования на месте о: у м'бр'е, ус'б, и обратно: вд'ар'ил'и.

В произношении некоторых согласных звуков в говоре Архангельского отмечается неустойчивость. Так при наличии ɣ возможно иногда употребление ɣ взрывного в говоре одного и того же лица, напр., в произношении Куприянихи отмечено: гагата'т'и, гавар'ит, г'брат, д'эн'г'и. Замечание Филатова, что «существование ɣ в воронежских говорах может быть открыто при более обстоятельном знакомстве с ними»,¹ вполне справедливо, так как произношение ɣ = ɣ возможно в барских селах, из которых материал почти отсутствует в его записях. Произношение звука ɣ как фрикативного, Филатов считает известным даже в окающих говорах Воронежской губ.²

Наличие мягкого ɣ в говоре помещичьего села, следуя Д. К. Зеленину, можно считать чертой, появившейся в сравнительно позднее время, как заимствование из говора соседних однодворцев. Перебои в произношении то мягкого, то твердого ɣ указывают на то, что в данном говоре эта черта еще не получила окончательной легализации, а находится в стадии усвоения, и наличие твердого произношения отнюдь не может рассматриваться, как явление нивелировки говора, так как этот материал собран от лиц, нетронутых городом в языковом отношении. Некото-

¹ Р. Ф. В., 1897, 3—4, стр. 284.

² Р. Ф. В., 1898, 1—2, стр. 206.

рые детали дают указание на то, что мягкое ɣ в этом говоре — черта сравнительно поздняя. Интересно указать по этому поводу одну мелкую деталь в произношении мягкого ɣ. Как выше указано, от уроженки этого села Куприянихи записан довольно большой сказочный материал, сказкам она выучилась от своего отца, большого знатока сказок и любителя рассказывать. По ее словам, она помнит хорошо сказки в той именно форме, в которой переняла их от отца; в сказочном стиле Куприянихи, и eo ipso ее отца, следует отметить большое пристрастие к рифмовке слов, и в одной сказке находим у нее такой оборот: «ана н'и расслых'ала, што он купил ɣус'к'а, паказалас ј'ј, што руб'аха уска». При наличии постоянной рифмовки, всегда очень удачной в звуковом отношении,¹ данный случай заставляет предполагать более старую рифмовку: ɣус'к'а — уска, а не ɣус'к'а — уска; быть может, в говоре отца Куприянихи в данном случае мягкого ɣ не было, что дало возможность создать такую рифмовку, в ее же произношении, знающем преобладание смягчения ɣ, возможна бессознательная переделка рифмы.

Признавая появление мягкого ɣ в говоре Архангельского за новую черту, усвоенную от однодворцев, приходится не согласиться с мнением Филатова, что «в великорусских говорах Воронежской губ. непереходное смягчение ɣ представляет повсеместное, строго выдержанное явление».² Такое мнение Филатова основано на том, что главный его материал относится к однодворческим селам, для которых высказанное им суждение вполне справедливо. Для окающих говоров более поздних поселенцев в Воронежской губ. Филатов допускает возможность отсутствия смягчения ɣ в данном положении.³

Обычно произношение ɣ, ɣв, а иногда и ɣ на месте ɣ: хлак, ф шк'ах'и, ф шк'ахву, хв'ил'а, праствах'ил'а (сказка), хвабр'ица, ахв'ишк'им'и, Апр'бска.

Также весьма распространено смягчение губных перед палатализованным ɣ: тра'ф'к'и, д'э'ф'к'и, за'куп'к'и и т. п.

¹ Материалы из сказок приведены в «Художественном фольклоре», 1926, № 1.

² Р. Ф. В., 1897, 3—4, стр. 278.

³ Р. Ф. В., 1898, 1—2, стр. 206.

Спорадически отмечено произношение *с* на месте *и* при обычном *и* в говоре одного и того же лица: ф сѣр'кв'и, ф сѣрскај, к л'ис'ісы, атсѣг.

Приведенные материалы дают указание на некоторую пестроту говора населения Архангельского; говор этот в отношении некоторых черт (*γ* — *g*, *κ* — *κ'*) еще не отстоялся, не выработал твердых и необходимых норм.

В ударении можно отметить немногие любопытные факты в падежных формах: валкѣ, валкѹ, з дубѣ, пад дубѡм, кѡзу, д'икѹју, д'икѡва; в корнях: с'ѣм'ју, рас'с'ѣр'д'илса.

Морфология.

Значительное отклонение от нормы литературной речи наблюдается в говоре Архангельского в области склонения *существительных*.

Так в основах на *а* женского рода в родительном падеже рядом с окончанием *ы* наблюдается *е*: с рук'ѣ, а жан'ѣ н'ет, у вдав'ѣ, с рук'ѣ па пѣл'цу, ис сп'ин'ѣ, па р'емн'у (сказка), клок халс'т'ин'е, на ўтр'е свѣд'б'е, у кабыл'е, д'а пч'ал'ѣ.

Родительный падеж множественного числа во всех почти типах склонения может иметь окончание *-ов*, присущее в литературной речи только мужескому роду в основах на *о*. Так в основах на *а* женского рода отмечено: н'ав'ѣстаф, јѣгаткаф, д'ев'ишн'ицаф, кѹклаф, ск'ірдаф (возможно употребление этого слова в мужеском роде), бѹркаф (от бурка-волна), при бѹрак в говоре той же Куприянихи, наконец, слѹгаф. В среднем роде отмечено в основах на *о*: крѣлушкаф, д'алѡф. Вместо окончания *ей* в данном падеже отмечено *ов*: дружјѡф, з'вер'јѡф, гѹсл'ѣф, сынав'јѡф.

Интересна форма м'атлѡм (твор. п. ед. ч.), возможно это аналогичное образование при ассоциации с помяло.

Обычна форма творительного падежа множественного числа на *ими*: ахв'ишк'ими, дѹтк'им'и и т. д.

В именительном падеже множественного числа в среднем роде при обычном *а* возможно *ы*: п'ис'мы, р'еб'ѣты, јѣпцы, бак'и, с'ѡлы.

В области *прилагательных* можно отметить на ряду с окончанием родительного падежа единственного числа *ю*, употребление *-во*, причем последняя форма господствует и считается более свойственной говору барских в противоположность однодворцам, которые «чаюкают».

Возвратные *местоимения* имеют параллельно таб'ѣ, саб'ѣ и м'ен'ѣ, т'еб'ѣ, с'еб'ѣ.

Личное местоимение 3-го лица женского рода в винительном падеже обычно имеет формы *јејѣ*.

Местоимение «что» звучит всегда как «што».

Весьма распространено употребление местоимения *тот*, как бы в качестве препозитивного члена: тот кѹч'ер, тот бир'ѹк, тот п'атѹх, тот бал, на тод бал, тод д'ѣт, тот пѣр'ен', та л'исѣ, т'е пѣјѣхал'и з'ат'јѣ на ахѡту, т'е р'иб'ѣты, т'е брѣт'ја, с'јѣла ана ивѡ, тавѡ п'атухѣ, тајѣ с'астр'ицу, тајѣ слав'ѣчка, аднѹ залатѹју рышку (пѣјмал) и тајѣ пус'т'ил (сказка).

В *маломыных* формах интересно отметить параллельное употребление в говоре одного и того же лица окончания 3-го лица единственного и множественного числа с *т* мягким и *т* твердым, при значительном преобладании первого. *Т* твердое отмечено в значительном числе случаев: атв'ич'ѣјѣт, вал'ѣт, прихѡд'ит, гавар'ѣт, пышет, варѡжыт, абмѣнывајѣт, завѹт и т. п. Филатов для всех говоров Воронежской губ. считает необходимым окончание *тѣ*.¹ Здесь, как и в ряде других морфологических и фонетических черт данного говора, обнаруживается контаминация северно- и южно-великорусских элементов.

Синтаксис.

В синтаксическом отношении весьма любопытно проведение перехода существительных среднего рода в женский род, отмеченное и в однодворческом говоре, хотя не в такой степени, как в говоре Архангельского.

Так в именительном падеже единственного числа отмечено; какѣја у нас сабыт'ија былѣ, ѣта какѣја та вѡјска, какѣја н'иш'ш'ѣ-

¹ Р. Ф. В., 1898, 1—2, стр. 193.

с'ја, раствар'илас' н'оба, залатаја бл'утца (сказка), л'эта н'ич'ар'-
в'иваја, солнышка аткр'илас', адна јайч'к'а.

Ассоциации с женским родом этих слов тверды даже в том случае, когда старое окончание *о* сохраняется, благодаря ударению: маја д'ит'б, злб вз'алб, у н'еј была залатаја кал'сб (сказка); вот ана јејде (кольцо) палажыла, ана фс'б л'ажала у н'еј (сказка).

В ряде случаев отмечено сохранение склонения слов среднего рода по основам на *о*, но в сознании говорящего они рассматриваются, как слова женского рода, и стоящие при них определения употреблены в форме женского рода, так, напр.: на ту же м'еста, на эту м'еста, на дну л'ицб, этају кал'цб, в ынују царства, адну слова, фс'у плат'ја, зач'ал свају рассказыват' пажажд'енја (сказка), в уха вл'ес, в друују выл'ес (сказка), этују кал'цб, за эту кал'цб, ид'ет' на ч'ужују с'алб. Точно так же местоимения, замещающие слова среднего рода употребляются в женском роде, хотя рядом стоящее слово имеет форму среднего рода: вот он јејде, этују малакб тр'и ч'аса к'ип'ат'ил (сказка), в'ихват'ил јайцб и јејб раздав'ил (сказка).

В родительном падеже отмечен случай перехода слов среднего рода на *о* в склонение на *а*, напр.: у раз'б'ятај карыт'е с'ид'ит' (сказка); обычно же склонение в этом падеже по основам на *о*.

В винительном падеже единственного числа весьма широко отмечено употребление форм женского рода основ на *а* для слов среднего рода. Так, напр., за пл'еч'у, на пл'еч'у, вз'ал свају аружју, ф какую вр'ем'у, мају с'ерцу, вз'ал'и лук'ошку, этују кал'еч'ку, наступ'ила на пузу, пас'лед'нују јайч'к'у, знају твају гор'у, ф с'ин'ују м'ор'у, новују карыту, ф пол'у, в этују царству (сказка), ф свају царству (сказка), вс'у рылу, нал'ила бл'уду вады, залатују бл'утцу (сказка), сарвала ана јаблач'к'у (сказка), этују м'асу (сказка), худују ак'ошку, зам'ен'ит' јево м'есту, в'ибрал м'ес'т'еч'к'у пр'икраснују, ч'уду натвар'у (сказка), плат'ју купл'у, в ак'ошку, ш'ш'аст'ју, вз'ал з'ерклу, ва хар'ошују с'ил'ен'ју, ва В'ир'јек'у (свад. песня).

В дательном падеже отмечены в единичных случаях формы основ на *а* для слов среднего рода, так: патпал'с он к магу'ч'еј тал-ш'ш'ин'е д'ер'е'в'е; па пуз'и.

Так же в единичном случае форма творительного падежа употреблена из основ на *ја* для слова среднего рода: са фс'еј удавл'ствијеј.

Таким образом, для данного говора, как и для однодворческого, следует признать наличие перехода слов среднего рода в женский род. Приведенный материал из тех и других говоров наглядно показывает пути этого перехода. При сохранении форм среднего рода, указывающих на понимание их, как средний, а не женский род (то места, к этому месту, на эт'им м'ес'т'и и т. д.), наблюдается широкое распространение форм, по которым видно, что данное слово среднего рода, имея еще флексии среднего рода, понимается, как слово женского рода (см. выше-приведенные формы). Это первая стадия перехода среднего рода в женский, при чем исходным пунктом перехода следует признать именительный падеж с ненаконечным ударением, где форма среднего рода фонетически, по законам акающего говора, совпадает с формой женского рода (м'еста, бл'уда, л'эта, сабытија и т. п.). В этих случаях слова среднего рода по своим формальным признакам совпадают со словами женского рода. В следующей стадии и слова с наконечным ударением, несмотря на формальные препятствия, подчиняются общему правилу перехода в женский род, и с конечным ударением *о* уже не ассоциируется категория среднего рода. Эта частичная утрата среднего рода и смешение среднего и женского рода идет настолько далеко, что в единичных, правда, случаях возможна такая форма, как з'в'азд'о вместо звезда (Куприяниха). Результатом этого перехода в женский род в именительном падеже будет употребление слов среднего рода в остальных падежах еще по старому склонению, но с пониманием их, как формы женского рода (ср. выше примеры слов с определениями).

Следующим этапом перехода в женский род является употребление слов среднего рода в винительном падеже в форме женского рода, поддержанное тожеством форм местного падежа в основах среднего и в основах женского рода. Наиболее устойчивыми формами, сохраняющими окончание основ на *о*, являются формы родительного и творительного падежей; в этих падежах крайне редки случаи склонения по основам на *а*, при употреблении данного слова в значении женского рода. Быть может, в данном случае сохранению этих форм способствовало то

обстоятельство, что в основах на *о* окончания, сходные с родительным падежом женского рода на *ы* (селы) или с творительным падежом на *ой* (село́й) неизвестны, в то время как окончание винительного падежа основ женского рода *-у* известны, хотя и в другом падеже, в дательном, в основах на *о* (селу).

Таким образом, завершением этого процесса перехода в женский род, правда, пока еще частичным, является появление флексий женского рода, основ на *а* при словах, искони склонявшихся по основам на *о* среднего рода (см. выше соответствующие примеры). В некоторых случаях можно наблюдать уже полный переход в систему склонения на *а*, когда не только флексии подчиняются этой системе, но и постановка ударения подравнивается под эту форму винительного падежа единственного числа в женском роде: пл'эч'у при пл'эч'о́, как ногà — нóгу.

В результате в говоре одного и того же лица потенциально является возможным одновременное существование двух систем склонения слов среднего рода. Одна система на *о*, искони присущая этим словам, а другая новая система на *а*.

И. м'эста

Р. кар'ят'е (как рук'е, из'бэ и т. п.),
см. выше о склонении существительных жен. рода).

В. м'эсту

Д. п'уз'и

Т. удав'бл'ств'в'ј.

Примеры из записей.

Что касается местного падежа, то здесь основа на *о* и основа на *а* имеют одинаковые окончания.

Вследствие установившейся двойственности склонения слов среднего рода на протяжении 10—15-минутного разговора с одним лицом возможно услышать параллельные формы: былá руж'о́, былá руж'я́; на эту м'эста — на эту саму́ю м'эсту и т. п. В говоре неграмотных преобладание женского рода очень ярко сказывается, формы среднего рода отодвигаются на второй план. В говоре же грамотной молодежи и бывалых наблюдается, как и следует ожидать, обратное явление. Формы

женского рода вместо форм среднего рода, как наследие материнского языка, иногда просекальзывают, но преобладающим является употребление родовых форм, согласно общерусскому произношению, поддерживаемое книгой, газетой и т. п. факторами.

Случаи отклонения в употреблении рода, кроме только что рассмотренной весьма широкой категории замены среднего рода женским, можно указать в целом ряде единичных случаев. Отмечены следующие факты: этаму ист'ор'и'ю рад, ат п'алу́ба, д'ит'а́ ҃ат'бф, куш'ыно́к пал'на́, с кра'д'ам'и пал'на́; правда, в первых двух примерах появление мужского рода вместо женского возможно объяснить тем, что такие слова как «история, палуба», не исконны в данном говоре, принесены из другой языковой среды и восприняты иначе, чем мы ожидаем; в других двух случаях возможны изменения, благодаря ассоциации: в данном случае д'и'то могло быть мальчик, и потому употреблена форма ҃ат'бф, в другом случае при употреблении сравнительно мало распространенного слова куш'ынок была налицо ассоциация со словом карч'ашка, имеющим господство в данном говоре для обозначения соответствующей посуды. Тем не менее, весьма любопытно отметить возможность такого перемещения родовых понятий в этом говоре.

В употреблении рода отдельных слов также можно указать некоторую сбивчивость. Так, в говоре Куприянихи зарегистрированы обороты: «п'а́ймал ра́ку», «пус'т'и́л ра́ку» и рядом «тот (рак) взмал'и́лс'а», далее «ра́ка зал'и́лс' ф каба́к». Таким образом, одно и то же слово в говоре одного и того же лица является то в женском роде, то в мужском. Приведенные примеры взяты из сказки; при весьма распространенном рифмовании отдельных слов в сказках, записанных от Куприянихи, следовало бы ожидать: «рак залился в кабак»; очевидно, такой оборот и был в устах того, от кого она слышала эту сказку и от кого усвоила эту любовь к рифмовке слов, но представление о слове рак (рака), как о слове женского рода заставляет сказочницу иногда отступать от рифмовки. Подобное же колебание отмечено в ее произношении в следующем случае: от слова мышь имеется в записи винительный падеж в двух формах: м'ы́ша и м'ы́шу, затем родительного падежа —

«на сут мѣшы»; в той же сказке, где речь идет про мышь, отмечены обороты: «пашёл он спрос'йт'», «да т'ех пор јевб (мышь) вал'ала». Последние два примера, так же как винительный падеж в форме мыша, указывают на употребление этого слова в мужеском роде и склоняемом по основам на *o*; формы же винительного падежа мѣшу и родительного мѣшы указывают на восприятие этого слова, как слова женского рода с основой на *a* (мыша).

Весьма распространены в говоре Архангельского обороты с употреблением вспомогательного глагола в 3-м лице: пус'т'йт'е пасматр'ёт' какој он јес'т', ја скажу ид'е он јес'т', н'и зам'ёт'ила, шта он јес'т' с'ер'д'йт, ты јес'т' үр'эшн'ик, ты јес' б'еззакон'н'ик (сказка), ја јес'т' ваша духобнаја мат' (сказка), какој ты такој јес' с'илач' (сказка), хто ты јес'т' такој, ид'е ана јес'т' зарыта (сказка), ја јес'т' ваша с'аст'р'ица (сказка).

При употреблении существительных единственного числа, обозначающих множественность, ставится сказуемое во множественном числе: л'ат'ат' другој караван үлуб'еј (сказка), тады нарот үлүпыце был'и, сабрал'ис' нарот.

Отмечено употребление двойного именительного: зд'елалс'а јеј пајасок этат мал (сказка), притвар'илас' л'иса дбхлаја (сказка).

Глагол говорить обычно требует после себя предлог на: кум үавар'ит' на рабб'т'ника (сказка), үавар'ит' на лак'еја (сказка) и мн. др.

При обозначении времени возможен оборот без предлога: тајб ми үнав'ен'је он и тр'ёт'ју спас (сказка).

В основных чертах говор Архангельского, во всяком случае в лице старшего поколения, в значительной степени совпадает с однодворческим говором, лишь отдельные черты, принесенные откуда то из более северного района, иногда проскальзывают и нарушают полное сходство того и другого говора, но и эти черты в настоящее время можно рассматривать, как кандидаты к вымиранию. Можно предполагать, что в говоре, принесенном в Архангельское, могли быть и иные черты, вовсе не нашедшие себе поддержки в подавляющем численно однодворческом говоре и исчезли бесследно, зачастую оставив весьма слабые указания на их бытование в виде, например, таких показаний, как прозвище «пуканы».

Говор села Васильевского (Цурикова).

Говор помещичьих крестьян с. Васильевского представляет собой говор, весьма близкий к однодворческому говору, несмотря на разнохарактерность состава населения. Во многом говор Васильевского подравнился под однодворческий, и только остатки некоторых черт указывают на те расхождения в говоре с однодворческим, которые были когда-то известны. По сравнению с говором Архангельского, эти отступления от однодворческого говора отражаются в основных чертах также, различаясь только степенью проявления этих отклонений.

Фонетика.

Тип аканья этого села — смешанный. Редуцированных звуков в неударенном положении в этом говоре не отмечено. В первом предударном слоге перед ударным слогом с палатализованным согласным чаще слышится *e, u*: с р'иб'ат'ам'и, т'ил'аты, д'ир'евн'и, р'иб'онка, б'ис ш'ш'оту, м'ек'ин'кају и т. п.; рядом возможно произношение в данном положении — *a*: јаш'ш'б, таб'е. В этом же слоге перед ударным слогом с твердым согласным чаще отмечается *a*: д'ажа, н'авб, ч'л'анбф, д'аржава, л'асбф, ч'авб н'и б'ад'а, н'атблстаја, з'амл'а, мајавб. Рядом же отмечены случаи: н'евб, н'имношка, з'имл'а, с'им'ина, с'им'инбф, ч'ивб.

В характере аканья этого села можно усмотреть до некоторой степени тенденцию к установлению зависимости предударного гласного от твердости или мягкости следующего ударенного слога.

Приведенные случаи, противоречащие этой тенденции, казалось, можно было бы принять за случаи, записанные от лиц с говором, подвергшимся уже нивелировке, поэтому считаю необходимым сделать оговорку, что все материалы по говору Васильевского, приводятся исключительно из записей от женщин 40—70 лет, неграмотных, нигде, кроме соседних сел, не бывавших. В таком случае в говоре этого села следует признать наличие смешанного типа аканья.

В слогах предударных, удаленных от ударенных более, чем на один слог, обычно произношение *u*, после мягких *i* и *a*, после твердых соглас-

ных: ч'илав'эк, с'им'иня, н'и у кавб, ч'ирнак'л'бн'ик и т. п. Точно также и в заударных слогах обычно *и* после мягких и *а* после твердых согласных: н'эч'ива.

По мнению самих жителей Васильевского, в их говоре преобладает произношение с сильным аканьем: говоря про Муравлевский говор, подчеркивали, что там скажут м'ишбк, с'м'ишбца, а у них м'ашбк, с'м'ашбца.

В единичных случаях отмечено произношение *у*, *ў* на месте *о*: траўку, у пол'и, у дбм'и.

При обычном произношении звука *з* как фрикативный (җавар'ят', памаҗнут' и т. п.), отмечены случаи произношения этого звука, как взрывного в говоре одних и тех же лиц: гбрат, гарас и т. п.

Точно такое же колебание в произношении одних и тех же лиц наблюдается и в отношении мягкого *к*; рядом с пастрбјк'у, шаптбч'к'ам и т. п. имеем Ван'ка, стол'ка и т. п.

Как уже отмечалось, в с. Васильевском состав населения разнородный и, по указанию самих жителей этого села, у них говорят неодинаково; так отмечено со слов крестьян, что одна часть с. Васильевского, носящая название «Лисветафка», знает произношение *с* на место *ш* (јајсб, афсá), в других частях (Гусиновка, Большая деревня), эта особенность не наблюдается.

Морфология.

В склонении существительных можно указать смещение родительного с местным в основах на *а*: на раббты, на травбы, з баб'и, с вад'э.

В местоименном склонении следует подчеркнуть отсутствие так называемого каҗоканья, и наличие постоянного употребления форм на *во*: мајавб, ч'ивб и т. п., в то время как в Архангельском возможны параллельные формы.

Местоимение *что* всегда, без исключений, произносится как *што*, форма *шо* неизвестна.

В глаголах в 3-м лице преобладают формы с *т'*, формы с твердым *т* вовсе неизвестны; формы без окончания встречаются, но реже, чем с *т*.

В синтаксическом отношении значительных отличий от выше описанных говоров не наблюдается.

Несмотря на разнородность однодворческого и б. крепостного населения, в говоре тех и других нельзя провести резкой грани, и считать говор потомков однодворцев чем то совершенно отличным от говора потомков крепостных крестьян; как у тех, так и у других в общих чертах сходный говор, различающийся некоторыми отдельными чертами, более присущими одной группе и реже встречающимися в другой. Такое приближение говоров этих двух разнородных групп в сословном отношении, а может быть, и в этнологическом отношении имевших некогда различную языковую подпочву, отмечены и для других районов Воронежской губернии.

По единогласному мнению исследователей воронежских говоров разница между однодворческими и б. барскими говорами стирается. Так Д. К. Зеленин считает, что «Воронежская губ. в наше время характеризуется особенно полным слиянием говоров однодворческих и неодворческих».¹ Точно также, «типичный для однодворцев говор распространился в пределах Воронежской губ. почти повсюду; и там, где старые авторы отмечали разницу в говоре «талагаев» и «цуканов», новейшие наблюдатели находят полное тожество говоров». Точно также А. М. Пугинцев² указывает, что различие между цуканами и талагаями в месте его наблюдений в Коротоякском и Воронежском уу. по р. Хворостани отмечается не столько по говору, сколько по костюму. То же мнение высказывает и автор ответа на краткую программу № 13 И. Тесленко. Недаром и сами крестьяне замечают: «в эту вр'эм'а б'из разл'ич'к'и м'ишбцца».

Приведенные нами сравнительные языковые материалы бывших однодворческих и бывших помещичьих сел заставляют нас прийти в общем к тому же заключению. В основе своей тот и другой говор обследованного района однородны. Ряд языковых особенностей, развитие которых следует относить к сравнительно позднему времени, имеются налицо

¹ Д. К. Зеленин, *op. cit.*, стр. 87, 112—113.

² Живая Старина, 1906, 2.

в том и в другом. Очевидно, уже давно эти говоры живут общей спаянной жизнью, создавая однородную почву для развития этих особенностей и считая их однородным материалом.

Смешанный характер аканья с нарушенными старыми отношениями мог в тех и других говорах создаться или под взаимным влиянием их друг на друга или под однородным влиянием какого-нибудь соседнего говора. Точно также новообразование в говоре, вызванное в некоторой степени аканьем, имею в виду переход слов среднего рода в женский, развивается как в тех, так и в других говорах одновременно и по одному и тому же пути. Из мелких черт, отличающих говор однодворческий от неоднородного, в районе наших наблюдений можно указать на наличие в однодворческом говоре глагольных новообразований с окончанием *-шут'*, неизвестным в неоднородных говорах Архангельского и Васильевского. Отсутствие этих черт в говоре барских сел можно объяснить сравнительно слабым распространением этой черты в самом однодворческом говоре. С другой стороны, в говоре барских сел нами отмечено в противоположность сведениям, приводимым из других мест Воронежской губ., наличие произношения *с* вместо *ш*.

Наши материалы заставляют несколько воздержаться от категорического заявления для нашего района, которое делает Д. К. Зеленин в отношении всей губернии, говоря, что в настоящее время говор помещичьих крестьян «совершенно слился с однодворческим». Действительно, говор помещичьих крестьян под давлением численно преобладающего однодворческого говора в значительной степени слился с ним, но еще не окончательно. Некоторые мелкие факты говорят о том, что говоры помещичьих сел находятся еще в живом процессе слияния, имея налицо факты своего старого говора, и рядом исключаящие их факты однодворческого говора, как напр., усвоение мягкого *к*, которое еще не закончено и допускает сохранение непалатализованного *к*, точно так же параллельные формы 3 лица глаголов с твердым и мягким *т*, произношение звука *з*, как взрывного, и рядом, как фрикативного. Наличие формы родительного падежа на *-во* при *-уо*. Преобладание элементов, сходных с однодворческими, указывает на сильную степень слияния этих говоров и говорит об очень близком их совпадении.

Для суждения об общей массе говоров таких пестрых в этнографическом и диалектологическом отношении губерний, как Воронежская, а также для установления характерных особенностей однодворческого говора, если только можно говорить об его однородности на пространстве хотя бы одной губернии, необходимо микроскопическое обследование говоров губернии от села к селу. Только данные микродиалектологии могут указать твердые критерии для реконструкции старых говоров, вошедших в общую массу говоров губернии и в значительной мере утрачивших старые резкие отличительные черты. Раскрытие скобок, в которые заключены особенности старых говоров Воронежской губ., даст возможность с большей надежностью судить об этническом составе этой губернии и о характере и путях заселения окраины великорусского племени.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОБРАЗЦЫ ГОВОРА «ОДНОДВОРЦЕВ».

С. Карачун.

[Разговор с 50-летней женщиной, родом из с. Карачун].

Наша с'алб, ана б'еднаја, хаты плах'ија. Кауб? Сым'аца-та. Фс'о прап'ло д'уже скбра, дабр'е жыт' з'д'ес' была, а как на том с'в'эг'е мытарства буд'е. З'д'ес' жыла ч'ут' у Хр'иста за д'в'ер'ю, фс'о за јед'ин д'ен' пр'айд'ет', как сычас. — Талкач'и аб адн'ј р'уч'к'и д'уже плах'ије, пашанб' н'италч'бнаја; талк'еш с адн'ј стараны, п'ер'в'ир'н'еш — друг'ј. Канап'и праталк'еш, л'ажеш, а утрам н'и пад'ым'есс'а, па сыч'асышн'ему вр'ем'ен'и плбха с'п'иш. — В'ыр'ују т'еб'е пр'и фс'еј ул'ицы, при д'ефаках, уур'ажывајеш, ш'ш'о ја таб'е д'ефч'бнка? Вз'ал в' эту васкр'ес'ен'ју, а пр'ишбл' ф' ту васкр'ес'ен'ју. — В нос дас'т', — ја сама дам, да н'и сустав'иш. — Хут' п'ат' хв'унтаф' вз'ала. Патстафку у Матр'бшк'и уз'ал, да зах'ит'ил. Папад'је хтб' прадавајет' самауон? Трубач'к'у табач'к'у св'ернул, выш'ил и н'е разабрал, ш'ш'о и с табач'к'ом. З'д'ешн'иј самаубн' скарахот' называјут'. На Кубан'и ббч'к'им'и пр'ивбз'ат' на базар, прадавајут'.

С. Донская Негочевка.

[Разговор с 65-летним стариком о заселении Донской].

Аурама́тнѣ́ былъ лѣс; ф канце с'ала м'эл'н'ица, туды, в этот кра́й былъ л'ес в ма́ѣ́ пám'ет'и. Ф с'ер'ед'и́н'е была́ адна́ пал'ана, а то ч'аш'ш'а была́. Распахáл'и, с'ѣ́д'ут' там. Дура́цка́я д'ѣла на плант н'е станб'уц'ут', а на гумно́. Оч'ин' лúч'ч'е как на гумно́, фс'о в'идна, тут ја вы́шел и фс'о в'и́жу, ш'ш'о у м'ен'е ж'ес', а д'а в'ес'ѣ́л'я ж'ы́з'н'и удбб'н'е́й в'ѣ́г'и на прау́лак. Абá-п'ыл пер'кв'и ста́рыѣ ж'ы́т'ел'и; эта ина (= Донская) в л'ес зас'ел'алас'. Пр'и пám'ет'и с'уды фс'о памал'ѣ́н'к'у залáз'ил нарб́т. Тады жыс' сафс'ем была́ ч'ер'н'ѣ́е, избы́ был'и — п'ѣч'к'и б'ас трúбаф. С'ич'ас пастрб́к'и н'и праизвб́д'ат'; к'ир'п'ич' д'ужа р'ѣ́ж'ут', обжы́га́д'ут' влагу́, гд'е најд'ут' такúду удббна́ду м'ѣста. — Из на́ше́й с'ала. — Бó знат' ш'ш'о.

С. Большая Верейка.

[Разговор с 40-летней женщиной, родом из Б. Верейки].

Была ша́ст'ера, фс'ех пахаран'ил'а, з'ат' в Грбзнам друу́б́ ꙗ́бт слúжит', пб́сл'и Пáсх'и был д'ес'ит' д'он в бтпóску. Пауа́р'ѣл'и, спасб́б'я тр'и рубл'á да прб́са пúда два, штрафб́ку шез'д'ис'ат рубл'ѣ́ палуч'и́л'и. На эт'и д'ен'г'и лаз'н'ич'к'у куп'и́л'и; ж'ес'т' ад'ѣ́л'ца, д'уже харашá, н'е пасмб́тр'ит'е л'и на́шу ад'ѣ́л'цу. Палтарá хúнта шер'с'т'и, тр'и хúнта вáты; малады́ѣ д'в'е н'ед'ѣл'и пад ж'ѣ́ спáл'и. Ис сундука́ два б'ер'ѣ́-м'еч'к'а вы́тап'ш'ил'и. Ана хужѣ́ѣ бúд'ет' поускан'. — Сыру́ду малач'к'á хат'и́т'е?

ОБРАЗЦЫ ГОВОРА «БАРСКИХ».

Село Васильевское.

[Разговор с пожилой женщиной, родом из Васильевского].

Канап'и вразбры́ск с'ѣ́д'ут', патсб́лнух'и ба́бы сажáд'ут'. Ил'ны́ н'ет, ко́ѣ-хто, у нас э́тыва зав'ид'ѣ́н'я н'ет. Ф стар'ину́

д'уже с'ѣ́л'и л'он. Прб́са рас'т'б́т', жыру́ѣт', дúѣт', дúѣт', а кб́ласа н'ет, марб́зы прихвáт'ут', с Ывáна пб́снава марб́зы пá-д'ут'. Уб'ира́д'ут' прб́са на М'итрахван'я и Т'и́хана. На м'ѣл'-н'ицы абру́шыва́д'ут' ж'ѣ́ѣ. Как намалб́т'иш там м'ерк'и д'в'е, ф ступ'е талк'б́ш, прас'еиш да ф хл'ѣбушки, а то лузга, л'и-п'б́шк'и сп'ик'б́ш. Ана там атл'ат'и́т' на сва́бм пут'у. Аста́-н'ецца пашано ч'истáѣа. — За́д'ѣ́т', за́д'ѣ́т' аблач'б́к, тб́л'к'а калгата́нца, а рабб́тат' н'ил'з'а. — Нам за фс'у́ л'ѣта дáл'и 4 пúда афсá, в'ѣ́т' кáжнaму двару памагн'ут' нáда. Там вб́лас', там фс'а д'аржа́ва, а у нас н'икак'и́х чл'анб́ф.

С. Большая Верейка.

[Сказка, записанная от А. К. Барышниковой (Куприянихи), 50 лет, неграмотной, родом из барского села Архангельского; хорошо сохраняет говор родного села].

«Трус'л'и́вај Ван'а».

Трус'ли́вај Ван'а л'бó на п'ѣч'к'у спат', а н'а в'ид'ел, што п'ираг'и́ в угл'ѣ. А у н'и́х эта пу́стаѣа избá; стáл'и п'ираг'и́ зак'исáт', и паказáлас'а эта жаму́, што ч'илав'ѣ́ч'им гб́ласам пых-т'ат'. — Ој, схвáтываѣа Ван'а шапач'ку ды из ызб́ы б'ажáт'. Разматáлас' у н'еуб с наг'и́ абб́рка; кык пр'ип'бр он д'в'ѣр', прихват'и́л абб́рку, паду́мал пáймáл жевб́ разбб́ж'ик жауб́рка. Ој, упáл нá з'ем', ушы́пс'а да бб́лна, тут размахнúла жевб́ па гáлав'ѣ́ д'в'ѣр'. — Ој, шум'и́т', караул, Ван'ка ф калб́д'ац пат'а-нúл. М'ен'е ш б'ж'ут', н'и в р'еч'к'и, н'и в бз'пр'и, а на двар'ѣ ф калб́д'ез'и. — Ој, народ б'ажáт' на Ван'ин шум; нарб́д б'ажы́т', з'амл'á дражы́т'. Вот пахват'и́л'ис', што д'в'ѣр'и ра́ствар'и́л'ис'. А д'в'ѣр' хв'илá, и Ван'у за абб́рк'и пáймáла. Ну, собрал'и́с' тут нарб́т, спрашы́ва́д'ут' у Ван'и: «штб́ ты кр'ич'áл ва в'ес' рб́т?» — «Вб́т м'ен'е б'и́л'и, за бб́рк'и прихват'и́л'и». — «Эх ты, дура́к, ты в'ит' в абб́рк'и запут'áл'ис', сам дв'ер'ѣ́ в рúк'и папáл'ис'. Пб́дл'е н'ѣ́ был ни́хтб́!» — «Да ја н'е в'идáл никавб́» — «А хто ш

т'еб'э?» — «Да вон дажно жагор» — «А ид'э ш он шбл?» «Должно л'ес ч'ер'ез двбр. Пад'йт'а, вйд'ит'а, паул'ад'йт'а на ваза, н'е праім'эт л'и вас там сл'азá. — Вот ан'и паул'ад'эл'и, а ваза та уш пагар'эл'и. — «Вот дурáк упрáвилс'и, м'ен'э уб'ыл и ваза та пауб'ыл». — А эн думал ваза, а ёта пауб'ыла с н'ебушка траву ўразá. И наказываёт Ывáн: «Туд был, ўр'ит, Хр'итон», — а атказываецца Хр'итон: «жа н'е был пр'и тóм. Туд была Хв'адбрушка и паёла саламáту да дóнушка». Эт саламата фс'ем стáла в'инавáта, јёл'и саламáту, р'ук'и п'ирмарáл'и, пó тр'и н'ид'эл'и атхварáл'и. Зауад'ылс'а хл'еп н'ихарбш, па пад'áв'еч'ју вал'áл'и, на п'еч'э в уул'э сажáл'и, ф карабóк заур'абáл'и, заур'ебл'и н'е ф карабóк, пав'ез'л'и н'е в ўарадбóк. Нихто хл'эба н'а к'уп'а, н'ихтó дарам н'и б'ар'ót'. Падáшла с'в'ин'ја Ус'т'ин'ја, стáла хл'эбы таруавáт'; таруавáла, таруавáла, да фс'у рылу абмарáла, тр'и н'ед'эл'и прахварáла, на ч'ет'в'óртују н'ад'эл'у с'в'ин'ја скор'чилас'á, а на п'áтују н'ад'эл'у сафс'ем кóн'чилас'á.

1925.

Н. Гринкова.

К определению типа русского наречия в верховьях Западной Двины.

Н. П. Гринкова в «Очерках по русской диалектологии, IV» (ИОРЯС, 1926, XXXI, 303) на основании наблюдений, сделанных в целом ряде сел в округе Молодого Туда, пришла к выводам характеризующим этнологическую принадлежность тудовлян. Были отличены архаический тип и новый тип диалекта, рассмотрены вокализм, консонантизм, черты морфологии и синтаксиса, даны словарные особенности, приведены положения, определяющие языковую принадлежность диалекта у других, более ранних работников. Академики А. И. Соболевский и Е. Ф. Карский относят этот район к белорусскому наречию.

На основании моей работы «Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах» (ИОРЯС, 1913, кн. 3) можно видеть, что я воздерживаюсь определять принадлежность Ржевских диалектов к белорусским не потому, что мне «в 1912 г. уже не удалось отметить таких ярких белорусизмов, как дзеканье и цеканье». Отодвигая граничную черту (с севера на юг) на запад, по крайней мере к притоку Двины Меже,¹ и рассматривая эти диалекты в одной группе с северными смоленскими, целиком выделенными мною из современных белорусских, я выявил различие своего взгляда на вопрос с взглядом указанных исследователей русского языка. Этот главный результат моего отчета Отделению РЯС был отмечен акад. А. И. Соболевским в рецензии его на Диалектологическую карту, изданную в трудах Моск. Диалектол. Комиссии.² Я не высказывался о ржевских диалектах слишком аподиктично потому, что

¹ ИОРЯС, 1913, кн. 3, 274.

² А. И. Соболевский — в Ж. М. Н. П., 1915 г.

хотя старые записки для этих мест (Разумихина) кустарны в отношении анализа особенностей произношения и средств отметки этих особенностей, но кроме моих наблюдений, эти записки были главным материалом для суждения о типе диалекта. Теперь мы имеем новое добавление другого современного работника, и выяснить вопрос удастся значительно лучше.

Припомню, что в 1907 г. А. И. Соболевский считал свои выводы по диалектам этой группы, основанные на устаревших данных, не окончательными, что, собственно, и обратило меня к изучению языка этой местности. В 1912 г. была произведена обследовательская работа, в результате давшая возможным характеризовать край существенно иначе, чем то было принято раньше. Весь север Смоленской губ. я отнес по языку к переходному типу наречия от белорусского к южно-великорусскому и от северно-русского к южно-русскому (переходность понимаю в смысле наличия скрещивающихся черт).

К такому же, очевидно, заключению приходит и автор «Очерков» относительно соседних диалектов, расположенных по р. Туду; они «в настоящее время относятся к говорам, переходным от белорусских к северно-великорусским, при чем в основе их лежат говоры белорусские, подвергшиеся и подвергающиеся в настоящее время влиянию со стороны великорусских говоров»... (320). Что касается ссылок исследовательницы на мою работу, — их до десяти, — то некоторые из них не могут не вызвать дополнений и возражений.

В примечании на 305 стр. сказано, что на основании моей работы, где «отсутствуют топографические данные, трудно решить, к какой части уезда относятся сообщаемые данные». Действительно, полезнее всегда прибавить указание места записки, но у меня система обследования местностей значительно разнится от принятой у автора «Очерков»: я сосредоточивал изучение речи по немногочисленным пунктам, указанным у меня на первом же листе,¹ что отчетливо видно и из «Очерков» (319): «В. М. Попов изучал ржевские говоры в Казинской волости, расположенной на крайнем юго-западе уезда, южнее обследованной нами 6. Замошинской, и в Харинской волости, расположенной значи-

¹ См. Отчет; обозначены и селения.

тельно восточнее обследованного нами района». Отсюда следует, что автор побывал как раз не в тех местах, которые были обследованы мною, и, однако, он в абзаце «*ў* на месте *л*» в закрытом слоге (308) сомневается в указании «на распространение *ц* в данном положении в этом говоре».

Я тоже усомнился, признаюсь, в такой категоричности моего утверждения, но заглянув в цитированное место,¹ совершенно иначе принимаю его.

Там читается: «... впечатление смоленских *у* этих сочетаний (*у^п*, *у^в*, *ц*). Тоже для гласного — *ѣ*: *доуѣа* мешаются с *дац*, *сказац*, *прѣшоц* (но *kol*, *stol*, *ꙗol*, *sakòl*, *vòlna*, *ꙗafèlka*, *čòln*)». На основании этого места позволительно утверждать, что в большинстве случаев *ц* на месте *l* не наблюдается. Далее, в труде Н. П. Гринковой идет речь об указанном мною переходе *л* в *ў*. Такую терминологию в истории языка я всегда считал не точной, и нигде не повторяю ее.

Далее, где идет критическое соображение о моем сомнении в ответственности способа Разумихина передавать палатализованные альвеолярные (для *д'* и *т'* — *дз* и *тс*), данный у меня анализ произношения *т'* не тронут: 1) звук представляет самостоятельную единицу (фонему) и 2) он не тождествен западно-русскому *t* = *с*, дорсальной артикуляцией с сильно свистящим элементом *s*» (Отчет, 255).

Для соработника физиологиста трудно сделать приемлемым, как произносительно реальные даже и для середины прошлого столетия такие написания: *тсебѣ*, *кушатѣ*. Можно ли заключать от настоящего в языке к прошлому языка? Это единственно возможный способ увидеть из-за букв письменности факты языка.

Лингвист и свидетельства памятников отдаленной эпохи рассматривает под углом ответственности их с данными современной речи народа. Относительно энергичного произношения «двойных» согласных: надо добавить — взрывных согласных, так как я отмечала такое произношение именно и только для них. Русский термин долготы здесь не пригоден и с оговорками, что он касается долготы паузы перед напряженным взрывным (см. у меня в приложении).

¹ Там же, 251.

Приведенные у меня (как редкие, а не как распространенные) случаи звонкого з на месте с — *řènz'ija*, *zmatr'i*, *z'v'in'ala* действительно могут не быть убедительными, чтобы принять фонетическое происхождение их (если два последних «могут быть объяснены меной предлогов», стр. 310). Но целый ряд примеров у автора: *звѣзла* (повидимому *з'вѣла?* стр. 322), *з jěj* 323, *зн'имет'*, *зл'ѣс'*, *зл'ишкам*¹ и т. д. подтверждают наше предположение. Здесь закономерно действует правило *sandhi* — подобно *ат'ѣдзбыл* (но *ат'ец п'казал*) и невозможно, с другой стороны, объяснить все примеры меной предлогов, даже допустив существование в русском языке предлога «з» (или з'). Морфемы с переменными функциями вполне обычны напр., в английском языке,² но морфем с переменной формой я не знаю.

Не замечал я в диалекте ни твердого р, ни дзеканья, как особенности языка, и в «Очерке» для Тудского района их не отмечается за исключением одного написания в текстах *д'ѣўку* (*д'ѣўку?* Во всяком случае — *д'с'ѣўку*) 325.

Продолжительный труд изучения диалектических особенностей речи в северно-смоленской области (1907—1913, 1917—1925 гг.) дал мне возможность всецело разделить точку зрения смелого А. А. Шахматова, не относившего к белорусской семье смоленские говоры «в большей их половине» (Русский Филолог. Вестник, 1896, №№ 3—4). Как в 1913 г., я считаю, что карта диалектологических особенностей в этом районе должна быть исправлена, на что обратил внимание и акад. А. И. Соболевский в приведенной нами рецензии. Можно видеть, что и В. В. Виноградовым признан переходный характер диалектов данной полосы («А. А. Шахматов», 1922, 45).

После нового исследования на местах, признающего тудовлян «белорусами по происхождению» (Очерк, 322), на основании некоторых белорусских черт в языке и на основании данных этнологии, не остается много сомнений в принадлежности наречия к типу, в котором скрещены особенности соседних наречий и ярко отражены древне-русские особенности народного языка до эпохи образования великорусского государства

¹ Здесь постоянно влияние палатализованных согласных (ž).

² Jespersen, Philosophie, 1926. Схема английских морфем.

и возникновения обще-русского государственного языка. Из свидетельств летописных следует, что не только белорусские диалекты не являются «частью» великорусского, но и великорусский, в своем южно-великорусском диалекте восходит к языку кривичских племен, на месте которых находим сейчас псковичей и смолян, с прилегающими к ним областями.

Отсюда принял бы еще несколько соображений к классификации наших языков. Я высказываюсь против установки резко обозначенных границ¹ между различными языковыми областями (высказываемый взгляд разделяется со мной новым исследователем славянства Г. Л. Гюнтером). Недостатком современной специальной западной литературы является не исчерпывающая классификация русских диалектов, например, у А. Meillet,² дающего для русского лишь две разновидности: *grand russe et le petit russe, ... le grand et le petit russe forment une unité* и т. д.). Типичным русским диалектам, подобным архаическому исследуемому, нельзя не дать места в более широко намеченной классификации языков земли.

В. Попов.

¹ Следуя здесь за И. Шмидтом.

² *Le slave commun* (Collection de manuels publiée par l'Institut d'études slaves, II, 3).

Грамматическая аналогия и родственные ей явления в истории чешского количества.

История чешского количества в сопоставлении с количеством праславянским дает четкую картину утраты ряда былых долгот. Наиболее заметные результаты в этом отношении из специально-чешских фонетических явлений дали изменения циркумфлексных и новациркумфлексных долгот в краткости. В словацком процессе сокращения пошел еще дальше, захватив и подударные в прошлом акутовые долготы.

Фонетические явления противоположного порядка (удлинения праславянских краткостей), при всей своей значительности, не могут считаться уравновесившими утраты в долготях, зависевшие от указанных фонетических законов, и сравнительно с праславянским современный чешский, а подавно и словацкий, долготами беднее.

Интересным является учет, в какой мере утрата былых долгот подержана, кроме фонетических тенденций, еще и аналогическими.

В науке существует утверждение, идущее от авторитетного знатока чешского количества Ф. Травничка, будто «в смысле исторического развития чешского языка видно, что всякая долгота, засвидетельствованная или старо-чешским, или каким-либо современным говором, является працешской долготой» (ИОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2, стр. 20). Ср. и стр. 22: «Видно, что историческое развитие чешского количества шло в направлении от долготы к краткости».

Такое положение может заставить думать, что выдвигание долгот аналогией вообще чуждо чешскому языку. Это, однако, не вполне верно, по крайней мере, подобное положение должно быть введено в ограничительные рамки.

Грамматическая аналогия и родственные ей явления психологического (смыслового) порядка обнаруживают, как показывает ближайшее их изучение, в истории чешского количества некоторые определенные тенденции. Процессы, относящиеся к периоду после распада працешского языка, в существенном можно свести к следующим:

I. В корневых слогах —

1) Материальные группы обнаруживают тенденцию к обобщению краткостей.

2) Тенденция эта усиливается, если имеются рядом ассоциированные с данными по формальному признаку группы, в материальной части которых сплошь фонетически проведены краткости.

3) Обобщение долгот возможно большей частью лишь в определенных условиях: а) в некоторых случаях разрешения пропорций, б) в смысловых группах, в) в словопроизводстве, г) в немногих случаях, когда непроизводные слова подверглись влиянию более употребительных производных, д) в некоторых исключительно богатых долготами парадигмах.

II. В префиксах господствует тенденция обобщать долготы.

III. В суффиксах в существенном сохраняется старина с относительно редкими колебаниями в ту или другую сторону.

IV. Во флексии преобладает тенденция к обобщению долгот.

I. Тенденция к обобщению краткостей в материальных группах¹ наблюдается в таких категориях: 1) в основах на $\bar{a}$; 2) в основах на $-o$ мужского рода; 3) в основах на $-o$ среднего рода; 4) в основах на $-i$; 5) в основах на $-et-$; 6) в формах женского рода *adject. и part. ic.* на $-la$; 7) может быть, в *imperativa*'х.

1) Двусложные $\bar{a}$ -основы с циркумфлексированным гласным корня лишь в отдельных формах имели фонетическую краткость; краткость аналогически возобладала и в тех, где долгота была перед ударением и фонетически должна была бы сохраниться.

Список относящихся сюда слов частично спорен, но подавляющее большинство примеров не оставляет сомнения, что предполагаемое направление аналогии действительно имело место. В таких случаях, как

¹ Имею в виду те явления, которые Вундт называет «*innere grammatische Angleichungen*», *Völkerpsychologie*, Die Sprache³, B. I, 443—445.

brána, brázda, где можно было бы догадываться о противоположном направлении аналогии, верхне-лужицкий своими bróna, brózda, сравнительно с broda, hłowa, в отличие от русск. *бóрону, бóрозду*, указывает на старую диалектическую окситонезу (ср. и чакавск. Novi — brázdü).

Травничек (ИОРЯС, 1918, XXIII, стр. 13, 17, 20) обратил внимание на др.-чешск. *dúša, stiena, zíma, páta, húba* «Maul», *strápu, dúha* и под. (ср. отмеченные Кульбакиным словацк. *dúha, hviezda, rieka, úzda*). Из них *rieka* (сербск. асс. sg. *ријéку*), *dúha* (сербск. асс. sg. *дугу*), *úzda* (русск. только *узду*), *hviezda* (сербск. *звизэду*, русск. *звездэ*) тоже, по всей вероятности, старые охутона. Остальные, приведенные Травничком формы отнюдь не следует обязательно считать фактами обще-чешской старины: это могут быть диалектические колебания, в конечном счете не остановившие общей тенденции, результаты которой мы теперь констатируем в литературном языке и в говорах: *duše, stěna, zima* и др. (сербск. *дүшу, стйѣну, зйму*).

У охутона, естественно, первоначальные долготы пострадали меньше, так как меньше было падежей, на чешской почве фонетически сокращавших долготу (dat., instr., loc. pl., gen.-loc. dualis, может быть, instr. sg.). Продукты такого сокращения — *řeka, duha, hvězda, střela* (ср. чакавск. Novi асс. sg. *strilü, nom. асс. pl. strilè* и асс. sg. *strīlu, nom. асс. pl. strīle*), *snaha* (чакавск. *snāgü*), *ruda* (чакавск. *rūdü*, русск. *рудэ*), может быть, *vłaka* «невод» (чакавск. *vłākü* «временный путь, которым тащат вырубленный лес») и др.

Варытона с исходной акутированной интонацией, как убедительно обосновано Травничком (*Časopis pro moderní filologii*, 1912, II, стр. 3 нач., 100 и сл., 196 и сл.), исходною — в чешском имели долготу; фонетически она утрачивалась лишь в отдельных падежах (такowymi следует считать instr. sg., gen. loc. и dat.-instr. dual., dat., instr. и loc. plur.² Далее же произошли обобщения, приведшие в ряде

¹ Чакавск. (Novi) *zvědzu*, может быть, не первоначально.

² Т. е. **rúbodu > *rúbodu > rúbú* в начале трехсложного слова; **rúbú > rúbú* — перед сохранившейся конечной долготой; **rúbám > rúbám* перед долготой суффикса; **rúbami > rúbami* так же, как **rúbodu > rúbách > rúbách*.

случаев к переходу всей парадигмы в краткостную (по счету Sedláček'a для литературного языка (*Listy filol.* XXXVII, 22 и сл.) в 14 бесспорных случаях; со спорными число это надо заметно увеличить); в других — сохранены старые отношения, т. е. краткость лишь в формах, где она была законной по причинам фонетическим.¹ Случаи колебания между обоими типами многочисленны: *kouga — kura, smouha — smuha* и под.²

2) *О*-основы и основы на -u masc. gen. — В статье «Ke kvantitě mužských kmenů na -o, -jo a -u v češtině» (*Listy filol.* 1921, XLVIII, стр. 104—111) Травничек пересмотрел вопрос о соответственных словах, имевших первоначально акутированный гласный корня, геср. фонетическую долготу, и потом ее утративших. Не все его объяснения кажутся мне убедительными, но материал не оставляет сомнения, что разрушение долгот в большинстве случаев следует относить к исторической эпохе: ср. диал. *čas, had, jih, kraj, lar, plouh, rak* при литературных *čas, had, jih, kraj, laz, pluh, rak* (сербск. *čas, gad, jüt, kraj — gen. sg. křaja, lās, plūt, rāk*, словинск. *čas, gad, jüg, kraj, plüg, räk*; отстывает *láz*).

Некоторые из нынешних краткостей могут быть, как я пытаюсь доказать в другом месте, результатом специальных условий: напр. *bratg* может восходить ко вторичному **brätg < *brätg*; *jih* может отражать широко распространенное колебание в условиях *sandhi* между *i — i* (*ji — ji*); *děd*, как *rap*, могло получать сокращение в условиях проклизы при именах собственных; (*děd* может стоять также под влиянием *dědek*); к *svat* ср. *starosvat*, где сокращение было фонетическим; в *kug* «петух» (при *koug*) ясно влияние *kuga* «курица» (при *kouga*) или *kurek*. Но для большинства случаев мне кажется необходимым думать о том, что в отдельных косвенных падежах долготы во флексии вызывали сокращение предшествующего коренного гласного (не решаю вопроса, непосредственно ли или через промежуточную стадию

¹ О частичных отклонениях ниже.

² Не перечисляю отдельных говоров, весьма немногочисленных, где обобщены во всех падежах долготы у отдельных слов с коренным *á* (ср. Вартоš, II, 228).

перехода интонации предшествующего слова в новоциркумфлексовую); так, мне представляется вероятным, что конечное *u* было долгим в *dat. sg.*, ср. *k-večerú — k-večerou*; долготы же имелись в *gen., dat., instr., loc. pl., gen.-loc. dualis*, ср. *gen. pl. -ōv > ūv* (старое окончание *o* — основ -ъ (* $\bar{b}$) сопровождалось изменением акутовой интонации в новоциркумфлексовую, ср. чакавск. *gen. pl. čās* при *nom. sg. čās*, т. е. в конечном счете также приводило к краткости, см. у *neutra léta — let*); *dat. pl. -ŭm*, *instr. pl. -ŭ* (в таком виде сохранившееся диалектически), *loc. pl. -iech > -ich*, *gen.-loc. dualis -ŭ > ou*.

Кроме того, как позволяет догадываться аналогия словинского языка, изменение интонации совершалось в *voc. sg.* и в *instr. sg.* перед окончанием -шь. Возможно также, что первоначально долгим было и так сохранялось в прачешском окончании *gen. sg. u*-основ, перенесившееся на *o*-основы.¹

Падежи с краткостью с течением времени повлияли на те, где фонетически сохранялись долготы.

В единственном *oxytonon*, утратившем фонетическую долготу, *im* (русск. *gen. sg. ума*, сербск. *gen. sg. ūma < ūma*), считаю утрату фонетической в условиях *sandhi* (ср. чешское колебание между начальными *ŭ* и *u* и словинск. *ŭm* и *um*).

Примечание. Обратные явления — случаи удлинений немногочисленны.

Травничек (op. cit., 105) перечисляет несколько циркумфлексированных корней, выступающих в данной категории с долготой. Из них, судя по словацк. *riad, smiech, trúd* = трут, *vír, žiar, šír* и словинск. *sméh* (при *směch*), русск. *шип*, *gen. sg. шипа*, — старые варианты с конечным ударением; о *řád* — польск. *rząd* — *rządu* см. van Wijk, Roczn. Slaw. IX, 98;² к *prút*, ср. Жужносл. Фил. II,

¹ К гипотезе о сохранении рефлексов дифтонгов в виде долгот на конце слова см. мои «Акцентологические этюды», Жужнослов. Фил. IV, 133 и след., и V, 88—90.

² Есть также возможность догадываться о том, что формы с долготой отвлечены из *pořádek*, словацк. *poriadok*, польск. *porządek*, словинск. *pořódk* < *pořédьkь Ср. Gebauer, I, 108 — *pořád*.

293. Старое *oxytonon* имеем, вероятно, и в *řáz*, ср. словацк. *řaz* «раз» (< *řāzь) и *řáz* «характер, чекан» (*řāzь). По поводу *hnát*, на отступление которого от показаний словинского языка обратил внимание Sedláček (Listy fil. XXXVII, 38, ср. и серб. *гнѣт*) укажу на свидетельство словинского в пользу окситонезы: *gnānt*.¹ *Bloud* не является историческим продолжением праслав. *blōdь (сербск. *блуд*, словинск. *blōd*), которому, как справедливо заметил van Wijk (Roczn. Sl. IX, 98), соответствует чешск. *blud* «заблуждение», а отвлечено, вероятно, из порядка являются диалектические *brous*, отвлеченное из *brousek* (ср. и словацк. *brús*), *stán* из *stáneк*, *dár* из *dárek*, *chlád* из *chládek*.

Обсуждая остальной диалектический материал, привлеченный Травничком, следует заметить, что *chlár* вовсе сюда не относится (старая интонация в этом слове — акутовая: русск. *холод*, сербск. *хлад*; см. и van Wijk, ibid., 95); *hlád* существует лишь в специфическом выражении *já mám hlád*; *Bolehrad*, как собственное имя, да еще многосложное слово, малоказательно; *strách*, вероятно, аффективная форма (ср. *hrůza* см. *hroza с тем же значением «ужас, страх»). В нескольких других диалектических примерах имеем факты, по всей вероятности, тоже старого колебания места ударения: *čín*, вариант, соответствующий русскому *gen. sg. челна*, украинск. *човен*, *gen. sg. човна*; *sád*, может быть, вариант, связанный с различием значения «mezlik»; с *blésk* ср. сербск. *блиjesак* — *gen. sg. блиjesка* < *блиjesка!. По поводу *bíh* возможна догадка, что это диалектически обобщенная форма из *běgьшь — русск. *бегом*, где фонетически ожидалась бы долгота. Обобщению благоприятствовало господство в употреблении последней формы. Диалект. *na bříhu, pod bříhem*, может быть, восходят к старым формам с ударением окончания, ср. русск. *на берегу*.² *Mřák* имеет необычный *pl. mřáka*: ср. *mřáka f. sg.* с тем же значением. Что касается литературного *žír* «1) скотский корм, особенно жолуди; 2) жир», то тут не исключено влияние *požirati* «пожирать». В *sníh* —

¹ Опускаю несколько сомнительных случаев, не упомянутых Травничком (*štír, tyl* и др.).

² Ср. Trávníček, op. cit., 109.

sněhu вижу влияние *děšt' — deště*. Без объяснения оставляю несколько других спорных случаев: диал. *hlás, smrád, muž*,¹ в памятниках *sviet, sún, viek* — в литературе и в большинстве наречий фонетические *hlás, smrad, muž, svět, sun, věk*.

3) Основы на о neut. gen. Эту категорию вношу в данный список не без некоторых сомнений. Исходные пункты обобщений спорны, и убедительность примеров зависит в значительной степени от согласия с двумя предпосылками. Мне кажется вероятным, во-первых, что в пом.-асс. plur. двусложные о-основы neut. gen. меняли перед *а, подобно словинскому, акутированную интонацию на новоциркумфлексовую (ср. словацк. *padrá, perá, polia, letá* и под.,² словинск. *korĭta, dĕla*, словинц. *korĕtā* без оттяжки ударения к началу, чакавск. *pebesá, imená*, Белич, посавск. *poljā, zvonā, nebesā*, Ивнич. Это же происходило и в других падежах с сохранявшейся конечной долготой³ или в тех, где были специальные условия для изменения интонации (instr. sg.).

Во-вторых, возможно, что в сочетаниях с предлогами, состоящими из полного гласного, некоторые слова, делавшиеся наречными выражениями, утрачивали долготу коренного слова, параллельно фонетическому сокращению акутовой долготы срединных слогов: ср. моравск. *v létě — po letě* (Bartoš, *Dialektol. mor. I*, стр. 9).

Обе индуцирующие категории по своей природе маловлиятельны, и потому многочисленны колебания, разрешающиеся иногда дифференциацией значений.

Исходя из явлений первого рода, следующим образом толкую относящиеся сюда примеры:

¹ Травничек приводит его из памятников. Ср. у Ноšek'a, *Nářeči českomoravské, I, Podřeči Polenské, 1900*, стр. 22 — форма, как замечает Травничек по поводу параллельной у Душка, III, 22, 23, новая: ср. *ú*, а не *ou*.

² Несмотря на сомнения Торбиörnsson'a, *Språkvetenskapliga Sällskapet i Upsala Förhandlingar 1919—1921, S. 84—92, Zeitschrift f. slav. Phil. I, 77—78*, совокупность показаний славянских языков заставляет думать здесь скорее о явлениях праславянских, чем специально словацких.

Для них, как указывалось выше (при masculina), речь может идти и просто о сокращении коренного гласного.

В *ňadra* (сербск. *недра*), употребляющемся только во множественном числе, вижу закономерную форму.¹ *Leto* при *léto*, может быть, под влиянием pl. *leta* (при *léta*). Особенно влиятельным мог быть у этого слова gen. pl. — *pět let* и под. Влияние pluralis вызвало формы *město* и т. д. при *místo, dělo* при *dílo* с различием значений «1) город, место, 2) пушка, дело, произведение». Ему же могут быть обязаны краткостью *žito* (при *žito*), *bydlo, bidlo*. Появление *šidlo* при *šidlo* ставлю главным образом в связь с влиянием instr. sg. в виду орудного значения предмета («шиллом»). К влиянию сочетаний с предлогами возвожу — *jítro* (при диал. — *jĭtro*) — *za jitra*, при чем здесь мог играть роль еще и известный фонетический момент — положение *jĭ* — после гласного.

Удержали долготу малоупотребительные в pluralis *máslo, sádlo, mydlo, jídlo, síto* и кроме того, *roucho, pouto, rádló*. По поводу *roucho* «одежда» можно думать о влиянии родственного *roucha* «холст, полотно» (ср. и неясное словацк. *rúcho*, указывающее на *rúcho' при областн. *ruho*).² *Pouto* «путо» и pl. *pouta* «путы, кандалы» (ср. и *poutlo* «путлѝ») отражают, вероятно, влияние глагола *poutati*, расхождающегося с русск. *путать*, ср. моравск. *puto* (Bart. I, стр. 9), моравск. *sito* (Bart., I, стр. 9), быть может, из *sitem* и под.

Примечание. Диалектические *maslò* (Bart. II, 65, 108), *sadlò* (Ibid. 65, 91) *radlo* (228), *mydlo* (13), если это не словакизмы, могут быть фонетическими формами к старым новообразованиям **maslyo, *sadylo* и под. Для *radlo, mydlo* возможна догадка и о роли instr. sg.

¹ Несовсем ясна форма *ňadra*, которую приводит, напр., в своем словаре Ранк (но у него же *chovati hada za ňadry*); ср. и указатель к Мичат. Gebauer'a (I) (в тексте *ňadra*). Влияние *jádra, játra* с долготой из новоаккутовой? — Ему могло помочь отношение *ňader* gen. pl.: пом. plur. X. Любопытно, что из словацкого Szambel (Rukovát', 66) приводит *ňadra*, но *jatrá*, а Мичатек (Дифференциальный словарь) как раз обратное: *ňadrá*, но *játra*.

² Л. Мичатек. Дифференциальный словенско-(словацко)-русский словарь, 1900, стр. 192.

Старые охутона сохранили фонетические долготы: křídlo, číslo и под. (русск. крыло, число). Отмеченное Седлачком vědro вряд ли явление специально чешское: ср. сербск. вјѣдро с краткостью, под влиянием параллельного *vedro' — словинск. védro и védro.

4) Основы на *i*. Акутированные односложные основы на *-i* обнаруживают в чешском языке преимущественно краткость, обобщившуюся в соответственных парадигмах. Отправные фонетические пункты спорны, но ясно, что какой бы ни принять исходный момент, придется признать, что часть форм получила краткость не фонетически. Можно думать, что история *i*-основ в чешском в существенном была параллельна словинскому, т. е. ряд падежных форм в пра-чешском сохранял конечные долготы, вызвавшие изменение интонации предшествующих акутированных долгот, ср. словинск. gen. sg. nīti, dat. sg. nīti, loc. sg. nīti, gen. sg. kopēli, dat. sg. kopēli и т. д. < nīti, *kopēli и под., словинц. dat. sg. vñosī, loc. sg. vñosī и под.¹

Для тех, кто принимает сокращение акутированных долгот в односложных словах с закрытым слогом (опять таки параллельно словинск. nit, dlàn), количество влиявших падежей с краткостью повышается: сюда входят еще ном.-асс. sg. Лучше других сохранили долготу plur. tantum húsli > housle, но в моравском наречии — husl'e (Bart., II, 14); a jěsli, ново-чешск. jěsle, диал. jasla, кажется, никаких следов долготы не сохранило.

Кто сомневается, как и я, в справедливости этого закона, мог бы отметить др.-чешск. tál «obses» (название лица), как сохранившее форму ном. sg. с долготой. К сожалению, долгота в этой форме слабо засвидетельствована.²

Из других — долготу удержали немногие: kád', řit' (обычно употребляется только řit'; только такая форма отмечена у Гебауера, III, 1, 390 стр.), páv (др.-чешск.), теперь вымершее.

¹ Ср. мои «Акцентологические этюды», Южнослов. Фил. IV, 133 и след., и V, 89—90.

² Gebauer, III, I, 363: «Podle rýmu podobá se, že slabika tál — byla dlouhá».

Сократили долготу dlàn, nit', myš, вероятно, nat', mēd' и zet', перешедшие в *jo*-основы: сербск. длан m., нит m., мйш m., зет m. (теперь *o*-основы), словинск. dlàn (gen. sg. dlani), nit (gen. sg. nīti) zēt (gen. sg. zéta); к nat' ср. резьянск. nat при краинск. nāt, к mēd' — болгр. мѣдѣта (J. Ф. II, 289), сербск. мјѣд при словинск. mēd (gen. sg. međi). Murko (Slovensko-Nemshki besednik, 1833), замечает «man hört auch mēd». Литературному skráň соответствует моравск. škraň (Bart., I, 24).

Примечание. Формы, в прошлом имевшие акутированную интонацию, сохранившиеся в виде долгот, мы имеем с долго-тою же спорного происхождения в типе на согласный пь: báseň, píseň и под. — др.-чешск. básn, básň, piesn, piesň и под. (ср. долготу и в словацком, в других случаях сократившем акутированные долготы: báseň, pieseň.¹)

Другие образования с долготой частично представляют рефлексы новоаккутовой: pláň — pláne, tíž — tíže и под. или старые охутона, параллельные таким праславянским, как *pōtь', *lūčь' (чешск. pouť, louč, сербск. pūt, gen. sg. пу́та, словинск. pót f., lúč f., русск. gen. sg. пуги).

Среди них есть спорный материал, но всегда имеющий параллели или в словацком, или в других языках, указывающих на конечное в прошлом ударение: síň — словацк. sieň, píď' — словацк. piad', síť' — словацк. siet', словинц. sēc и под.

О páč см. Gebauer, III, I, 400.

5) Основы на *et*-. В двусложных словах с акутированным гласным корня в ном. и асс. sg. Фонетическим рефлексом является в чешском долгота. Вм. *kúre теперь в литературном языке kuře,² вм. *jágne —

¹ Расходится с чешским — pléseň (чешск. plíseň), но, как показывает сербск. пліјесан, в этом слове интонация была циркумфлектированная, и фонетический факт наблюдается именно в словацком.

² Гебауер говорит (I, 595), что в «пч. píše se kuře, ale v jazyku obecném služí se kúře». По всей вероятности, судя по ů, а не ou это скорее долгота новая, обязанная влиянию всей многочисленной группы основ на *-et* с бывшим наконечным ударением (house и под.), или диалектическая форма. В старо-чешском известна была и фонетическая форма, ср. kauře.

jehně (ср. и jěřátko, Geb., I, 97) — сербск. jǎgъе, jǎре, словинск. kúre, gen. sg. kúreta), под влиянием остальных форм парадигмы, сокративших долготу в начале многосложного слова. Во vпище — vпоище вижу колебание *vъпищѣ и *vъпищѣ'. Любопытно, что в основах на -ep- и -er-, может быть, сохранена фонетическая форма асс. sg.: kámen, máteř (ср. и nom. sg. máť, máťě и др.-чешск. kám), при gen. sg. и далее — kamene, mateře, símé (nom.-асс. sg.) — semene, rámě — gamene. (Камней встречается только в диалектах). Объясняю это различие от основ на ет более тесной ассоциированностью форм при производительном суффиксе (-et), чем при непроезводительных (er, en).¹

6) Формы sg. fem. у adjectiva у part. praeter. на -lā-.

В nom. sg. fem. у adjectiva (у форм нечленных) и part. praet. на -la при циркумфлектированных корнях в формах двусложных ожидается долгота: ср. сербск. nága, jíva, kříva, píla, bíla, dála и под.² Мы имеем, однако, в результате влияния остальных форм парадигмы последовательно-проведенную краткость: nah — naha, živ — živa, křiv — křiva, pil — pila, byl — byla, žil — žila и под.

Нужно, впрочем, заметить, что, поскольку то же явление наблюдаем в польском и кашубском, нет уверенности, что оно произошло именно на чешской почве, а не раньше.

7) Теория количества чешских imperativ'ов представляет много спорного. Можно думать, однако, с серьезными основаниями, что, по крайней мере, в акутированном подударном на корне типе сокращение в singularis является результатом влияния многосложных форм pluralis и dualis: *múči > muči под влиянием mučivě, mučime, mučite (сербск. мѹчи — мѹчите); *slyši > slyši под влиянием slyšivě, -me, -te (ср. словинск. sliši — slišite); *máži > maži под влиянием *maživě (*mažěvě), *mažite (*mažěte) и под. (ср. сербск. мажи —

¹ Сравните соответственные данные для словинского в моей статье «Die Akzentzurückziehung im Slovenischen», Zeitschr. f. slav. Phil., II, 400 sqq.

² Русские формы для прилагательных не приводятся, так как в русском языке обнаруживается тенденция к нефонетическому обобщению в sg. fem. конечного ударения, ср. *слаба́, чиста́, права́* (раньше — *права*) — сербск. *слаба, чйста, права*.

мажите, словинск. máži — mážite); *búdi > budi под влиянием *buděte и под. (ср. сербск. бѹди — бѹдимо — бѹдите, словинск. bōdi — bōdite и т. д.); *vādni > vadni — под влиянием *vadněte и под. (сербск. вѣни — вѣните, словинск. véni — vénite).

8) Фонетические долготные формы 1 p. sg. praes. ind. вытеснены краткостными формами остальных лиц и чисел почти без остатка: т. е. др.-чешск. vízu : vidíš : vidí > др.-чешск. и диал. vizu, vidíš и т. д. Две лишь фонетические формы 1 p. sg., сохранившиеся в памятниках, — právi и vízi отмечены Гебауером (I, стр. 605).

9) Part. praet. на -vъ: biv, kryv, psav утратили долготу под влиянием фонетических форм на -vši < *vъši, -vše < *vъše и под. с краткостью: bivši, kryvši, psavši, tkavši и под.

II. В других случаях уклон в сторону обобщения краткостей в материальных группах, вероятно, поддержан ассоциированной формальной категорией того же грамматического значения. Сюда относятся:

1) Формы некоторых praes. indicativi III класса:

В группе типа *koljō : *kolti с исходными краткими гласными (o, e) в параллель долготному типу с новоакутовой интонацией (*pīšō' : pīšeši, *pīše) в формах 2, 3 p. sing. и далее появилась уже в праславянскую эпоху новоакутовая интонация краткостей, рефлектирующаяся в чешском в виде удлинения (ō > ō; é). Четкое свидетельство ее существования мы находим в словинском — kólješ, hōčeš, rólješ и в русских диалектах (Лека и др.) — *хлѹжи, нѹжит, нѹлут*.

Отсутствовала она в 1 p. sing., где ударение приходилось на конечное *o, а в чешском еще, согласно общему правилу о сокращении ó, é перед следующим слогом с сохранившейся долготой, в 3 p. plur.

В современном чешском в большинстве случаев долгота форм, где она была фонетической, утрачена под влиянием форм краткостных. Мнение Вондрака (Vergl. slav. Gramm.², I, 327—328), предполагающего, что сохранение или утрата рефлексов долготы в краткостных корнях у чешских глаголов этого типа стоит в связи с качеством согласного, которому предшествует соответственный гласный, мне представляется ошибочным. И сам Вондрак указал, что *chbceš* противоречит его положению о сохранении долготы перед звонкими. Остальные при-

видимые им примеры распределяются, я думаю, не по звонкости и глухоте следующего за гласным согласного, а в зависимости от наличия или отсутствия внятной пары из класса $-*aj\sigma$ — $*aj\epsilon\dot{\sigma}$ > $-aju$, $-\acute{a}\dot{\sigma}$. Ср. к *tešeš, klepeš, třepeš, češeš, šepceš, žebřeš* — *tesáš, klepáš, tře páš, česáš, šeptáš, žebraš*. Особняком стоит *stǔnu* и т. д.

2) В формах, соответствующих праславянским аористам $*bich\dot{\sigma}$, $*bichom\dot{\sigma}$ и т. д., фонетически ожидалась бы долгота (ср. сербск. *бих, бисмо, бисте, бисше*). Утрату ее, по всей вероятности, следует поставить в связь с влиянием префиксальных форм вроде $*robich\dot{\sigma}$, $*robichom\dot{\sigma}$, $*robiste$, $*robiše$, где фонетически в корневом гласном должна была являться краткость.

Особую группу представляют материальные части *adverbia* на $-o$ и $-ě$, ассоциированных с близко-родственными им *adjectiva*. В ряде случаев *adverbia* с акутированным в прошлом коренным гласным подверглись влиянию членных прилагательных, возобладавших над именными в историческую эпоху. Ср.: *čisto* (др.-чешск. нечленное *adjectivum číst*) — *čistý* (сербск. *чѣст*, словинск. *čist*; в членной форме — или, согласно известной теории А. Белича, изменилась акутовая интонация в новоциркумфлексовую, отраженную в чешском в виде краткости, или акутовая долгота сократилась перед долготой из стяжения); *ticho*¹ (ср. др.-чешск. *tích*) — *tichý* (сербск. *тих*, словинск. *tih*, Rad. 132, 122); *slabě* (ср. *sláb*) — *slabý* (сербск. *слаб*, словинск. *slàb*); *mile*, при *míle* (др.-чешск. *míl*) — *milý* (сербск. *мио, мѣла*, словинск. *mīl*, Rad. 132, 152); *pravě* (ср. *práv* и *právě* с дифференциацией значения, Gebauer, III, I, 282) — *pravý* (сербск. *прав*, словинск. *práv*), *jisto* (др.-чешск. *jíst*): *jistý*; может быть, *syto* (сербск. *сит*, словинск. *sit*): *syty*² и *syť*.

¹ Диалектическое *ticho* Вондрак, *Vergl. slav. Gr.*² I, 258, толкует, как эмфатическую форму.

² Неясными остаются словацк. *syty, do syť*: в обоих случаях ожидалось бы фонетическое сокращение.

III. Условия, в которых наблюдаются, наряду с обобщениями краткостей, и обобщения долгот, главным образом, сводятся к следующим случаям:

1) Разрешение пропорций.¹

а) В пользу краткостей пропорции разрешились в таких категориях:

а) У *partic. praeter.* на *l̥*. В глаголах типов $*rysati$, $*tkati$ ² формы с акутированным гласным уподобились формам, имевшим $*ā$ циркумфлектированное: *psal, psalo, psali, psaly, tkal, tkalo, tkali, tkaly* из $*rysāl\dot{\sigma}$, $*rysálo$, $*rysáli$, $*rysály$, $*tká\dot{\sigma}$, $*tkálo$ и т. д. (сербск. *ткало, ткали* и т. д., словинск. *tkàl, tkálo* и т. д.), по аналогии *bral, bralo, brali, braly* и под. из $*bryāl\dot{\sigma}$, $*bryálo$, $*bryáli$, $*bryály$ и под. (серб.-чакавск. *bràl, bráli* и под., словинск. *brā\dot{\sigma}, brálo*, вм. *bral\dot{\sigma}*).

Разрешение пропорции можно представить в виде $bráti: psáti, tkáti = bral: x = bral: psal, tkal$.

Подобные же отношения имели место и у типов $*bily$, $*kryly$, $*staly$: ср. $*byly$, $*vily$, $*daly$ (серб.-чакавск. *bíl, bílo, bíli, dál, dālo, dāli*, словинск. *bīl, bil\dot{\sigma}, bilí*). Пропорция — $byti: bití = byl: bil$.

Примечание. Не касаюсь вопроса, не было ли в форме *sg. fem.* изменения интонации в новоциркумфлексовую, *gesp.* в чешскую краткость. Словинский уполномочивает на такую догадку для интересующих нас типов *klāla, tkāla* и под.

По теоретическим основаниям возможно о таком же изменении думать и для *pl. neutr.* Есть, однако, основания в двусложных словах словинское изменение интонации в формах *part.* на *la* рассматривать как вторичное.

¹ Ср. W. Wundt. *Völkerpsychologie, Sprache*, I⁸, 445 и след.: *Äussere grammatische Angleichungen*. В этом разделе рассматриваю разрешение пропорций в родственных формах словоизменения. О других подобных явлениях см. в рубрике 3 (словообразование).

² Непроизводительную примету класса, входящую в состав слога, нахожу удобным рассматривать вместе с корнями.

б) У *supina*. Как можно думать на основании показаний западно-словинских говоров, в праславянском сушины у одних глаголов звучали с циркумфлексовой интонацией — *pítъ, *bъgátъ, у других же с акутовой — *bítъ, *kólъtъ, *tъkátъ (ср. в St.-Georgen'e pít, brāt, но bít, klāt, tkāt).¹ В чешском в соответствии последним случаям ожидалось бы *bít, *klát, *tkát. Обобщение краткостей, вероятно, следует отнести за счет противопоставления долготы в инфинитивах краткости в сушинах: brāti, píti:klāti, tkāti = brát, pít:x = brát, pít:klát, tkát.

с) Pronomina possessiva, соответствующие современным литературным náš, naše, naše, naši, váš, vaše, vaše, vaši, звучали раньше náš, naše, naši, váš, vaše и т. д. В двусложных формах á — фонетический рефлекс, соответствующий акутированной праславянской интонации: сербск. náš, наша, váš, ваша. В формах трехсложных и таких, где окончание сохранилось как долгота, фонетическим являлось сокращение.² В современных отношениях литературного языка можно уверенно видеть уподобление отношениям в родственных mŭj, moje и т. д., tvŭj, tvoje и т. д. Тесная ассоциированность этих слов с náš, váš, naše, vaše подтверждается и словацким, где, наоборот, нефонетической следует считать долготу в формах nom. sg. masc.: под влиянием mŏj:moja, moje, tvŏj:tvoja, tvoje, вместо *naš:paša, naše, *vaš:vaša, vaše, явились náš; váš:paša, vaša. По аналогии с теми и другими: sám, sama, samo.

β) В пользу долгот прпорции разрешились:

а) У gen. plur. Фонетическим было удлинение у этой формы в двусложных ā-основах с циркумфлексовым и кратким гласным корня и у oxytona: ср. чакавск. brādà, асс. sg. brādu — gen. pl. brád, lĭhà, асс. sg. lĭhù — gen. pl. lĭh. Поэтому диалект. strán, hláv можно считать архаизмами, а не новообразованиями. Диалектические же формы strák (nom. sg. straka), múk (nom. sg. muka) и под. — действи-

¹ Подробнее в статье «Die Intonation der slavischen Supina». Zeitschr. f. slav. Philol. IV.

² Ср. Trávníček. K vývoji čes. kvantity. I. náš, naše atpod., Sborn. prof. Jana Máchala, 1926, 349 sqq.

тельно новообразования, вызванные к жизни сильным разрушением акутированных существительных этого рода (*stráka, *múka, диалект. gŭba), утративших примету своей группы. В словацком, где группа эта исчезла фонетически, вследствие закона о сокращении акутовых долгот (закон Кульбакина), проведено последовательно и удлинение в gen. pl. — kŕáv, žiab, žníc, распространившееся и на многосложные, лишь относительно небольшая часть которых могла иметь его фонетически, именно oxytona и, может быть, те, где выступала в парадигме новоциркумфлексовая: besied, motýk и под.¹

Gen. sg. о-основ менял интонацию подударного акутированного гласного и заударного долгого носового, повидимому, на новоциркумфлексовую: чакавск. čas — gen. pl. čas, словинск. gen. pl. dĕl. Отсюда фонетическая краткость в этой форме в чешском: dílo — gen. pl. děl, léto — gen. pl. let, peníz — gen. pl. peněz. Наоборот, при циркумфлексированных подударных и заударных гласных фонетически являлась новоакутовая (в последнем случае на заударном для nom. sg. слоге), откуда фонетическая долгота в чешском (и словацком): чакавск. vlàs — gen. pl. vlášĭh, русск. вѣлос — gen. pl. вѣлос, чакавск. òbruč — gen. pl. obrúčĭh, чешск. tělo — gen. pl. tíl. Долгота должна была выступать и у oxytona: чакавск. brést — gen. pl. bréstĭh.

Так как многие акутированные в праславянском корни этих основ на чешской почве утратили фонетическую долготу, то они естественно получили gen. plur. долготные, по аналогии слов, искони имевших корень циркумфлексивный: ср. ходск. nom. sg. čas — gen. pl. čas. В словацком тоже čas. Что касается др.-чешского, то Гебайер (III, I, 56) пишет: «... podobá se, že v jednoslabičných genitivech těchto bývalo zdloužení také v stě... jisto to však není».

Примечание. Возможно, что продукты аналогии представляют диалектические gen. pl. от et-основ: prasát, kuřát и под.

¹ Сюда отношу префиксальные ā-основы, слова вроде motyka (словинск. motíka), образования с суффиксом -ava (словинск. dobráva) и под.

Относящиеся сюда показания других славянских языков, и особенно словинских *voṭrěšōūt* при *voṭrěšāat* — спорны и не дают оснований для твердых выводов.

б) У нечленных *adjectiva*. Отношения, характерные для акутовых корней — *sláb* : *slabý*, *prāv* : *pravý*, породили у отдельных циркумфлексовых прилагательных, где в обеих формах выступала краткость,¹ замену краткости в нечленной форме долгой (проникшей и в соответственные *adverbia*): так явились в чеш. *nāgъ > *nah* — др.-чешск. *nāh*, в чеш. *krīvъ > *křiv* — др.-чешск. *křiv*, *křivě* и даже в трехсложных — др.-чешск. *znamenit*, *spravedliv*, *velice* и под.

В конечном счете эта тенденция не оказалась сильной, и в современном языке мы имеем фонетические формы: *nah*, *křiv*, *křivě*, *tuho*, *tuze* (*túze* «очень» — аффективная форма, ср. *Vondrák*, *Vergl. slav. Gr.*² I, 258), *živ*, *znamenitě*, *spravedlivě*, *velice* и под.

Удержалось *mlád*, но только благодаря ассоциированности по смыслу со *stár*.

с) У *infinitiva*. Аналогия отношений «долгота в инфинитиве — краткость в сушине», характерная для ряда долготных типов (*bráti* : *brat*, *spáti* : *spat*, *víti* : *vit*, *líti* : *lit*, *mříti* : *mřet*, ср. словинск. *bráti* : *brāt*, *spáti* : *spāt*, *víti* : *vīt*, *líti* : *līt*, *mřėti* : *mřēt*, вызвала появление при сушинах *nest*, *vest*, *bost* инфинитивов *něsti* (при *nesti*), *věsti* (при *vesti*), *bŭsti*.

Примечание. Словацкие формы с согласным перед окончанием *niest'*, *hrýzt'*, *klást'* (ср. и *part. praeter. niesol*, *hrýzol*, *kládol*) представляют, вероятно, фонетическое удлинение в ре-

¹ На чешской почве я не нахожу надежных следов предполагаемого Беличем для праславянского языка изменения в членной форме циркумфлексовой интонации в новоактовую. Отдельные случаи вроде *skouřý* могут представлять членные формы к вариантам нечленных с ударением на конце. Что касается наиболее веско говорящих в пользу этой части теории Белича *pátý*, *devátý*, *desátý*, то по отношению к ним можно думать о действительно фонетических *deveřtjъ, *desetřjъ с новоактовой, аналогически проникшей и в *peřtjъ. Ср., однако, и *sám pát*, *sám desát* и под., *Geb.* III, I, 272, говорящие о конечном ударении в праславянском у нечленных форм. Другие догадки — в «Зап. Истор.-Фил. Відд.» Укр. Акад. Н., XIII—XIV.

зультате редукции конечного *i*. Формы *part. praet.* получили долготу или в результате постоянной ассоциированности с ними, или в части случаев, притом только у *mas. sg.*, фонетически из **neslъ'* и др., имевших конечное ударение (ср. русск. *неслѣ*, *неслѣ*).

д) У группы форм *praes. ind.* III класса.

Как отметил Ван-Вейк, *Arch. für slav. Philol.*, XXXVI, 373: «Im Čechischen entwickelte sich durch den Zusammenfall gewisser vor *e* palatalisierter Konsonanten mit den aus denselben Konsonanten + *j* entstandenen Gruppen die Neigung, die wenigen zu *ā*-Infinitiven gehörigen Präsentia ohne *j* umzubilden». С этим стоит в связи обычное отношение *beru* (1 *sg.*), *berou* (3 *pl.*), но *běřeš*, *běře* и т. д., т. е. тенденция проводить долготу, главным образом в формах, совпадающих внешне с теми, в которых действовала йотация.

Случаи проникновения долготы в 1 *sg.* и 3 *pl.* под влиянием остальных форм данной материальной группы встречаются, но только изредка, и широкого распространения не получили (ср. *Gebauer*, III, II, 375).

е) Особенно благоприятным условием для разрешения пропорции в пользу долготы следует считать тенденцию к различению омонимичных форм: так, повидимому, эта именно тенденция сыграла решающую роль у аористов: ясно, что формы вроде *véde* первоначально и, скорее всего, имеют долготу под влиянием параллельных акутированных аористов вроде *lěze или отдельных имевших конечное ударение: ср. сербск. *йде* (где сокращение *i* могло произойти уже на сербской почве). Тенденцию провести различие между формами 3 *praes.* и 3 *aor.* можно констатировать и в сербском и болгарском: сербск. *мѡже* (*praes.*) — *мѡже* (*aor.*), болг. *мѡже* (*praes.*) — *мѡже* (*aor.*).

2) Смысловые группы.¹

Как примеры явлений этого рода можно привести:

mlád в чеш. *mlad* (сербск. *млад*, словинск. *mlād*, русск. *молодой*) — в результате ассоциации со *stár* (сербск. *стѡр*, словинск. *stār*, русск.

¹ Ср. Wundt. *Völkerpsychologie, Die Sprache* I³, «Begriffliche Angleichungen», S. 448 sqq.

stárnyj). Ср. украинск. *starýj* под влиянием *mládeč* и чакавск. *stárek* «старший подмастерье на мельнице» под влиянием *mládek* «старший помощник мельника». ¹ *Нлоурý* вм. *hlurý* — русск. *лутый*, вероятно, под влиянием *moúdrý* (с долготой из новоакутовой: праславянск. *moúdrъ с конечным ударением).

Словацк. *šiesty, siedmy, ôsmu* (и параллельные факты в моравских говорах): ср. *piaty, deviaty, desiaty* (чакавск. *pěti, devěti, desěti*, словинск. *pěti, devěti, desěti*).

Obouti вм. *obuti «обуть» — под влиянием *zouti* «скинуть (сапоги, чулки и под.)».

Может быть, *snih — sněhu* вм. *sněh* по аналогии *děšt' — deště*.

Особый случай уподобления по родству понятий мы имеем в диалектических формах *ósle, wúsle, téle, týle, kúzle* (см. Gebauer, I, 595).

Очевидно, при живых суффиксах с большим количеством долготных образований в корне (ср. *house, -ete, dítě — ěte, hřibě, -ěte* и под.) оказывается возможным обобщение долготы и в тех словах, где фонетической она не была. Явление это, однако, широкого распространения не имеет.

Из материала Dušek'a (*Hláskosloví nářečí jihočeských*, II, 1896, стр. 46), могу еще привести *nůsal* «носик» — ср. *vůzal* «vozík», *nůžal* «ноžик» (*vůž, hůž*), хотя не исключена возможность, что форма *nůsal* имела ранее в говоре своим предшественником *nůsek*.

3) Особенно часто нефонетические долготы являются в процессе словообразования.

Ограничусь указанием нескольких наиболее продуктивных категорий.

Образования с суффиксом *-tel* от глаголов: *rouhatel* (*slovo nověji*) *utvořené*, Geb. I, 595: *rouhati*), *řídítel* (*říditi*) при фонетическом *ředitel* (ср. злинское *řiditel*, Bart., *Dialekt. mor.* I, 9), *dohlížítel* (*dohlížeti*). Ср. фонетические *kázati — kazatel, tázati — tazatel*.

Образования с суффиксом *-ař* от существительных: *drát — drátař, lék — lékař* (в моравских говорах фонетические *lekař, dratař*),

¹ *stárgъkъ фонетически дало бы *starek. Известное влияние должно было принадлежать еще и *stár*.

máslo — máslač (при *mýdlo — mydlač, víno — vinař* и под. Ср. Gebauer, I, 594). Таковы же отлагольные *písař — písati*.

Реже подобное производство при *ář*: *loutka — loutkář*.

Производные с суффиксом *-ač*. Ряд слов сохраняет долготу соответственных глаголов: *čihatí — číhač, dohlédati — dohlédač, dolézáti — dolézač, louskati — louskač, látati — látač* (при *latač*). Ср. моравские фонетические формы: *stříkat — stříkač, pomáhat — pomahač* (Bart. I, 9) и литер. *udavač (udávati)*.

Производные с суффиксом *-al*: *čmáratí — čmáral, dloubati — dloubal, kývati — kýval, obíratí — obíralka*.

Образования с суффиксом *-ík*: *král — králík* «кролик», *náhlý — náhlík* «горячка» (о человеке). Ср. и *-ice — králice* «самка кролика». Многие образования на *-ina*: *dávní — dávnina, písek — píština, písčina, houšť — houština*.

Отдельные на *-ice, -ička*: *část — částice, číslo — číslice, náhlý — náhlice, sítný — sítnice*.

Производные от глаголов на *-aná, -anka, -anina*: *čihatí — číhaná, číhanka, hádatí — hádanka, lámati — lámanina* («1) ломань, 2) перелом», *lámanka* «драная крупа», *látati — látanina, písati — písanka*.

Отдельные на *-ista*: *housle — houslista*.

Отдельные на *-dlo*: *čihatí — číhadlo, kývati — kývadlo* (при фонетическом *kyvadlo*), *svíratí — šviradlo* «щемить» — *šviradlo* «тиски» (при *svěradlo*), *kouřiti — kouřidlo, svítiti — svíidlo*. Ср. *páčiti* «ломать» — фонетич. *pačidlo* «лом, пешня», *stíniti* «бросать тень» — *stinidlo* «глазной зонтик, абажур», *strouhati — struhadlo*.

Образования на *-iště*: *sít, -u* «сит, ситник» — *sítiště* «ситовье», *číslo — čísliště* «циферблат».

Образования на *-ivo*: *kouřiti — kouřivo, léčiti — léčivo, loužiti* (при *lužiti*) — *louživo, svítiti — svítivo*; но ср. *páliti — palivo, písati — pisivo*.

В производных от форм вроде *holoubě*, осложненных суффиксом *(-át)ko*, долгота предшествующего этому суффиксу гласного сохраняется — *holoubátko, house — housátko*.

Образования на -ní: louskati — louskání, střídati — střídání, hvízdati — hvízdání.

Образования на -oví: dřín — dřínoví.

Производные на -ost': střídmy — střídmost', dílny — dílnost', okrouhly — okrouhlost'.

Adjectiva на -avý имеют долготу соответственных глаголов: dotykati — dotykový, houpati — houpavý (ср. и houpavisko), chvátati — chvátavý, chápati — chápavý. Ее же встречаем в производных от долготных прилагательных: dlouhý — dlouhavý. Ср., однако, třasati — třasavý (třasavisko), žíla — žilavý.

Примечание. Образования на -lavý имеют фонетическую краткость: сопоставьте pískavý и písklavý.

Вполне параллельны прилагательным на -avý и прилагательные на -ivý: dováděti — dovádívý, náhliti — náhlivý.

Образования на -atý: křídlo — křídlatý, vlákno — vláknatý.

Образования на -ní: křídlo — křídelní.

Производные на -ový: dřín — dřínový.

Как факты словопроизводства удобно рассматривать и префиксальные формы глаголов. Соответственные образования с акутированными корнями отражают большей частью в литературном языке фонетические краткости: dáti — podati, znáti — poznati.

Там, где выступают формы с долготой (главным образом, при -íti) вполне прозрачно влияние соответственных простых глаголов, и нефонетический характер этих образований даст себя знать многочисленными колебаниями: nalíti и nalíti, robíti и robíti и под. (см. Gebauer, III, II, 76).

По существу то же можно сказать об инфинитивах на -yti. Как ясно из bejti (< býti), не имеющего, однако, при себе параллельных *dobejti, *odbejti (Žer. Kat.), в древне-чешском соответствующий фонетический закон выдерживался (Geb., op. cit., 77). С течением времени все чаще -ýti проникает и в префиксальные инфинитивы: dobytí, přikrytí и под. (при фонетических dobytí, přikrytí). Книжная традиция не спасает последних форм, так как узус, особенно в западном

нареции, все более заявляет свои права на формы, совпадающие с простыми глаголами. Там, где $ý > ej$, в пользу обобщения действует то обстоятельство, что между формами krejti и pokrytí была бы слишком значительная качественная (не только количественная) разница (ср. и Geb., op. cit., 78). Этим же принципом, может быть, объясняется и преимущественное распространение аналогических форм в случае $u || ou$: plouti — vyplouti и под. (ср. и schnouti — uschnouti), хотя альтернатива $u || ou$ — распространенный факт чешского языка.

Особое направление аналогии отмечается в случае закрытых слов: pásti — napásti, krásti — vykrásti, nésti — přiněsti, uhrýzti — uhrýzti, хотя известно и употребление přiněsti, uhrýzti, и под. Гебауер утверждает (op. cit., 75), что «při typu $\overset{\sim}{\sim}$ trvá nyní jen některý spisovatel nebo časopis, jako pravidlo obecně ujal a ustálil se v jazyku spisovném typu $\overset{\sim}{\sim}$ ».

Особо следует оговорить образования с праславянским суффиксом -ьса (словацк. -са, чешск. -се). Здесь, повидимому, приходится исходить из различных индуцирующих категорий.

Производные от префиксальных слов в словацком обнаруживают краткость, если исходное слово имело краткость, и долготу, если оно было долгим: radca, vodca (radit', vodit'), но strážca (strážit'), vládcа (vládat'). Старое «фонетическое» образование имеем в dárca (удлинение в закрытом слоге рефлекса циркумфлексовой долготы — известное, кроме данной категории, еще в образованиях на -ька ср. dárkuňa).¹

Префиксальные выступают с краткостью корневого слога: zradca, zvodca, ochranca, obranca, obhajca, zbojca, zástupca.²

В чешском производные от префиксальных, повидимому, в ряде случаев фонетически удлинялись: dárce, vůdce, škůdce и под. Другие, вроде krádce, dávce (от dávati) с коренным гласным акутированным, подверглись их влиянию, хотя встречаем и kujce.

Производные от глаголов на íti почти последовательно провели краткость при долготе в основе глагола, но долготу — при краткости:

¹ Неясно sudca от súdit'. Из формы, параллельной ч. sudí «судья»?

² Správca, видимо, чехизм.

chvalce — chváliti, davce — dáviti, но rádce — raditi, plátce — platiti и под. Отступают mluvce, soudce.¹

Имеющие неслоговой префикс подчиняются этой же тенденции: zhouvce — zhubiti, smlouvce — smluviti, но slibce — slíbiti.

В других случаях имеем колебание влияний: ср. ochránce, от ochrániti и ochrance — от ochrana, opravce — oprava, opraviti и oprávce — oprávka = «oprava», dodavce — ср. dodavatel, dodavač, odbojce — odboj и фонетическое odbújce, odporce — odpor и фонетическое odpůrce, odplátce (ср. odplátka) и předplatce (ср. předplatiti).

Повидимому более первоначальны варианты с краткостью.

Там, где отглагольного существительного нет, кажется, выдерживается гласный глагола: odháněti — odhánce, obhájiti — obhájce.

Словопроизводство и вне пределов известных материальных групп являлось в чешском (и словацком) благоприятным условием для проникновения долгот: разрешение пропорций в словообразовании мы имеем, напр., при суффиксах -ька, -ька, -ькъ, -ькъ, -ько, -ько: по аналогии «фонетических» отношений brada:brádka, hlava:hlávka,² появлялись иногда kniha:knížka, děva:dívka (ср. děvka с другим значением) и под., у которых фонетически в закрытом слоге акутированный гласный удлинению не подлежал. Чаще, однако, наблюдается материальное уподобление основному слову: pata — patka, ruka — ručka (при фонетическом roučka и под.) — формы с циркумфлектированным гласным, который в закрытом слоге рефлектировался в этой категории в виде долготы.

В тех случаях, где производное слово сохранило в корневом слоге рефлекс акутированной долготы, слово производное получало иногда долготу по аналогии охутопа и новоакутовых, у которых производное выступало с новоакутовой, сохранявшейся в чешском и словацком как долгота: ср. hráze:hrázka (чакавск. grája), svíce:svíčka (русск.

¹ Snoubiti — snubce имеют при себе snoubce.

В формах brada, hlava, разумеется, краткость из других падежей (см. выше). — Фонетичность brádka и под. условна, так как ограничена морфологическими категориями.

свечá, свечý) и подобным образом míra:mírka (при фонетическом měrka), jáma:jámka (при фонетическом jamka) и др. (сербск. mjěra, jáma).

У neutra разрешению пропорций обязаны своим появлением dno:dýnko и пр.: ср. ucho:úško (словинск. uhō) и под. У masculina -nos:nůsek, had:hádek, vpuk:vpouček (ср. фонетические при циркумфлектированном корне -kus — kousek, chlad — chládek).

4) Случай, когда производные слова подверглись влиянию более употребительных производных.

Сюда относятся такие слова, как:

Словацк. brús, диал. brous (Dušek, II, 54), которое, повидимому, отвлечено из brúsek, brousek с тем же значением: ср. чешское фонетическое brus.

Bloud «дурачок» — из bloudek с тем же значением.

Др.-чешск. dár (Trávníček, Listy fil. XLVIII, 106) — из dárek с тем же значением.

Část' отвлечено из částka: ср. -á- в др.-чешск. čiest, gen. sg. čiesti (částka — форма фонетическая — см. Gebauer, I, 93).

Диал. kús имеет долготу под влиянием параллельного kousek (kúsek) с тем же значением. Это же можно предполагать и для диалектических chlád (ср. chládek), stán (ср. stánek) и некоторых других.

Возможно, что случаи этого же рода представляют sáně (при saně): ср. sánky и dvěře (при dveře): ср. dvěrce, dvěřce. Известные вероятности говорят также за вторичность řád «ряд, порядок», словацк. riad, польск. rząd — gen. sg. rządu — ср. pořádek, poriadek, porządek < *porěd'kь. Эпоха образования долготного варианта спорна.

Результат в пользу краткостей имеем, может быть, в děd, в м. *díd (сербск. djěd) из ласкательного dědek; kur (при kour) из kurek.

5) Наконец, проникновение долгот вместо фонетических краткостей в материальные группы бывает обязано особенно большому количеству долготных форм в соответственных парадигмах.

Таковы новочешские imperativ'ы koupřiž, soudiž, vstoupřiž и под. (Gebauer, I, 605), вызванные влиянием всей системы форм данных

глаголов: ср. инфинитивы — koupiti, souditi, vstoupiti, praesent. indic. koupím, soudím, vstoupím. Из диалектических подобных фактов см. подлужские (Podluží): uváž, napíš, nemlát' и под. (Trávníček, O českém jazyce, 44).

Таковы некоторые instr. sg. krásou, láskou и др.

Гебауер (III, I, 183) отмечает «Substantiva, ve kterých kráčení se děje, jsou většinou významu hmotného», и этот факт хорошо согласуется с отсутствием добавочного влияния многих краткостных форм dualis и pluralis у abstracta, instr. sing. у которых таким образом особенно предоставлен влиянию долготных форм singularis.

Описанные категории охватывают материал, который, мне кажется, с большими вероятностями может быть отнесен к эпохе особой жизни чешско-словацкой ветви. Упомяну явления отчасти спорные, что касается их хронологии, отчасти несомненно принадлежащие к более ранней эпохе, главным образом, западно-славянской. Сюда отношу следующие случаи:

Обобщения краткостей.

а) Типы на *ьба, *ьда. В положении перед ударением рефлексы долгот и в закрытых слогах выступают в чешском и словацком, как и в других славянских языках, в виде долготы. Между тем, в праславянских типах на *ьба, *ьда мы имеем почти сплошь краткости: чешск. střelba, družba, služba, sudba, tužba, словацк. mlat'ba, služba, družba «шафер» и под., но túžba, súžba, súdba; чешск. и словацк. vražda.

По поводу этих форм возможны две догадки:

Возможно, что в праславянском эти образования отразили сокращение долготы в инфинитивах, от которых произведены, т. е. *služiti, *soditi и т. п. Позже, в особой жизни славянских языков долгота в инфинитивах восстановлена была под влиянием praes. ind. Ср. др.-польск. bładzić, sędzić и под.,¹ словинск. čīnic, mlucēs, др.-чешск.

¹ Nehring, Arch. f. slav. Phil. V, 246; Кузьбакин, Изв. ОРЯС, 1906 XI, кн. 4, стр. 21—22; Vondrák, Další přísp., 7—8.

(Венец. Биол. 1506 г.) suditi, stupiti и под.,¹ но в образования на *ьба, *ьда уже, вообще говоря, не проникала. Ср. и сербск. служба, дружба и под.

Не исключена также возможность, что пом. sg. и другие формы с первоначально подударным окончанием утратили фонетическую долготу под влиянием краткости в форме асс. sg.: ср. *drūžьbъ > *družbu и *drūžьba' > *družba', *slūžьbъ > službu и *slūžьba' > *služba'. Возможность такого влияния подтверждается русскими и украинскими дружба, служба (ср. и более старое украинск. дружба́, Smal-Stockyj und Gartner, Gramm. der ukrain. Sprache, 119) и сербск. služba (Дубровник).²

б) Тип с суффиксом -ьсь. Суффикс -ьсь в праславянском выступал нередко при акутированных корнях: *brátьсь, *stárьсь, и потому фонетическими являются чешские формы gen. sg. starce, dat. sg. starci и т. д. Уже, повидимому, в западно-славянскую эпоху, проявилась тенденция обобщать краткость в подобных образованиях, независимо от первоначальной интонации и места ударения:³ Hradec, věnes, prašec, mudřec, skupec, slepec и под.: ср. русск. венец, gen. sg. вени́ц, мудре́ц, gen. sg. мудреца́, скупец, gen. sg. скупца́, слепец, gen. sg. слепца́, сербск. градац, gen. sg. гра́ца, ви́јенац, gen. sg. ви́јенца и под. Отгупления представляют фонетические формы: doubec, koutec, mládec и под. от корней циркумфлектированных или от oxytona. Реже в виду сходства с последними новообразования типа týn — týnes.

в) Praes. ind. и производные от него формы 1-го класса с былым конечным ударением.

Где бы ни искать исходного пункта грамматической аналогии, перенесшей в данный тип краткости, явление это приходится признать, как

¹ Grünenthal, Der westslavische Akzent, KZ, 50,3—4.

² Более сомнений вызывают словинск. družba, služba (при družbà, službà), у которых асс. sg. фонетически звучит družbô, službô. Они наталкивают на мысль, что, если собирательные значения «Gesellschaft», «Gefährten» предшествовали отвлеченным «Kameradschaft», «Dienst», индуцирующим мог оказаться и vocativus.

³ По крайней мере, мы находим ее, кроме чешского и словацкого, еще и в кашубском: ср. kùpc, bjięc, vjięc и под.

обще-западно-славянское, восходящим к эпохе до-чешской: чешск. třasu, třeseš, třese, польск. trzęsę, trzęsiesz, trzęsie, кашубск. (словинц.) trąsa, trąsëš и т. д.

г) Возможно, как замечено выше, что в западно-славянскую эпоху уходит и обобщение краткостей под влиянием остальных форм парадигмы в формах fem. sing. циркумфлектированных корней у adjectiva и partic. praes. на -la.

Обобщения долгот:

а) Имена на *e, gen. sg. -*ete с ударением на *e: чешск. house, gen. sg. housete, словацк. húsa, gen. sg. húsat'a, словинцк. gosè, gen. sg. gosèta, украинск. *уся́*, gen. sg. *уся́ти* и под., сербск. джѣте, gen. sg. джѣтета.

Долгота коренного слога в косвенных падежах нефонетическая (ср. сербск.). Обобщение ее имеем и в польском: gąsię — gąsiewicz.

В большинстве говоров эту же черту обнаруживает и кашубский: dřěva — dřěvica, dřěvaca, plur. dřěvaťa (F. Lorentz, Pomoranische Sprache, § 179). Не будет, кажется, смелым думать, что соответственная аналогическая тенденция начатками уходит уже в западно-славянскую эпоху. Это тем необходимее предполагать, что иначе трудно понять различие судьбы на чешской почве *kúre и *gōse: в чешском пом.-асс. sg. одинаково дал бы долготу, и типы эти соответственно смешались бы, если бы уже ранее не произошло их дифференциации, т. е. если бы у *gōse' и под. не обобщилась долгота во всей парадигме.

В некоторых случаях, повидимому, имеет место контаминация обоих типов: ср. gáče, gáčete, словацк. gáča, -at'a из *gáčē' и чешск. пом.-асс. pl. gačata из *gáčeta (тип *gáčē, -ēte).

б) Долгота в инфинитивах на -ati и -iti.

В инфинитивах на -ati с ударением в праславянском на *a* ожидается фонетическое сокращение долготы предшествующего слога. Такое сокращение мы действительно наблюдаем в кашубском — ср. словинцк. pjišac, dāxac (praes. ind. pjiša, dīša) и др.-польск. oglyendacz, pozędacz (Пулавская псалтырь). O. Grünenthal (KZ, L, стр. 3—4) указывает и чешские памятники, где инфинитивы этого класса выступают с краткостями — в Венец. Библии 1506 г. (Biblij Czeská w Venat-

kach tisstená) почти без исключений, в Северин. Библии 1529 г. (Biblij Czeska w starem mieste Prazskem wytisstena) и псалтыри 1530 г. с колебанием между долготой и краткостью. Последнее обстоятельство, при общей непоследовательности обозначения долготы в памятниках, не позволяет, однако, придавать слишком большое значение выводу Грюненталя.

Современные данные сербского, польского и чешского (со словацким) указывают на подударную долготу, которая обычно трактуется как результат влияния praes. ind.: ср. сербо-чакавск. pīšēš, pīše и т. д. (с новоакутовой), infin. pišat, pišāš, pišā — pišāt.

В виду приведенных выше показаний кашубского и др.-польского нельзя проникновение долготы в инфинитивы этого класса считать явлением праславянской или западно-славянской эпохи. Вернее, кажется, будет предположить, что в одну из этих эпох уходят корнями только начатки этого явления, достигшего полного своего развития лишь на почве отдельных языков.

Mutatis mutandis сказанное относится и к глаголам на -iti с ударением на *i* и с новоакутовой на корне в praes. ind. Ср. чешск. mlátiti, klátiti — русск. *молотить*, *колотить*: серб.-чакавск. mlátīš, mlátī — mlātīt.

С другой стороны кашубск. mlòcēsć (словинц.) и под., др.-польск. błędzić, fędzycz (ср. praes. ind. кашубск. mlóccis, mlóccī, др.-польск. fadziz, fadzy и под., хотя рядом встречается и fędzy).¹ Наблюденія Грюненталя в чешских памятниках говорят о краткостях инфинитивах в данном классе.

II. Для префиксов чешский (и словацкий) обнаруживает четкую тенденцию обобщать долготы.

а) Наиболее отчетливая тенденция к аналогическому проведению долгот наблюдается в префиксах у substantiva:

У основ на *ā* в чешском слились два типа: имевший праславянскую новоакутовую на префиксе и сохранивший долготу префикса перед кор-

¹ См. подробнее Nehring, Arch. f. slav. Phil. V, 1881, 246; Кульбакин, Изв. ОРЯС, 1906, XI, кн. 4, отд. 21—22; Vondrák, Další příspěvky k pauce o praslovanském přízvuku, 1924, стр. 7—8.

нем с новоциркумфлексовой: чакавск. *návada* и *prilika* (ср. словинские примеры с обратным распределением — *prilika* и *návada*). Совокупность их влияния сказалась, напр., в распространении у ряда краткостных префиксов аналогических долгот: *důvěra*, *průprava* (ср. *dověra*, *proprava* и под.). В словацком аналогичные формы реже — *dôvera*. Ср. также чешск. и словацк. *nádhera* с акутированным в прошлом префиксом, подлежащим сокращению.

В префиксы *rodъ-*, *отъ-*, *объ-*, *о-* долготы не проникли. Но диалектически известны и *puodkova*, *puodpora* и под. (Bart., I, 44).

От этих случаев следует отличать образования с былыми редуцированными в корне, в которых префиксы истари имели новоакутовую, или параллельный ей рефлекс краткости: словинск. *ótka* из **óđъ-тъка*, *óžga* из **óžъга* — чешск. *půtka*, *důtka*, словацк. *pôtka*, *dôtka*. Здесь нуждаются в объяснении не долготы, а краткости.

Osra, *ozva* могли, я думаю, долготу утратить фонетически, как другие начинающиеся на *o* формы с новоакутовой: *osm*, *ostr*. Для *rosta*, *romsta*, *rochva* (*rošva*), может быть, роль сыграло колебание долготы и краткости в других случаях при *ro-*.

Что касается *i*-основ, тоже проводших долготу в префиксах, то распространение здесь рефлексов новоакутовой, повидимому, специфически западно-славянское явление, хронологически уходящее в западно-славянскую эпоху: *námět'*, *nápast'*, *příchut'*, *závět'*, *souvrat'*, *zárověd'*, *přírověd'*, словацк. *zárač'*, *súvrat'*, *zárověd'*, *nárověd'*, в польском диалектически имеем *zápowędź*, *záviśc*, в кашубском (словинск.) *přístócn*, *zǎprǒvjéz*.

Представляется более вероятным, что путь западно-славянских языков был сходен со словинскими диалектами — происходило обобщение новоакутовой, перенятой от *ā*-основ. Наследие отношений вроде сербского типа *nápast* менее правдоподобно: ср. *zárověd'* — сербск. *zǎrovijed*.

Чешский и словацкий продолжают основную тенденцию, перенося долготу и на краткостные префиксы: *průtrž*, *průseč*, *průrověd'*, словацк. *prôrověd'*.

В *o*-основах *masc.* на обобщение долгот повлияло совпадение опять таки двух типов — имевшего новоакутовую на префиксе (типа не-пра-

славянского) и подударного на краткостном корне, где долгий префикс в положении перед ударением сохранялся, как долгота. И здесь тенденция обобщать долготы по отношению к первому случаю западно-славянская: польск. (сважэндз.) *zoduch*, кашубск. (словинц.) *nǎdǔbjég*, *nǎdkǎz*, *přístost*, *víklód* и под.; по отношению ко второму — ее мы находим и в сербском (ср. *závrat* и под.) и можем с большой вероятностью считать праславянской. Продукты дальнейшего подобного влияния в чешском — *důkaz*, *důraz*, *průdуч*, *průhled*, *průkaz*, *průjev*, ср. *dohad*, *doklad*, *prodуч*, *prohled*, *prokaz*, *projev*, словацк. *dôkaz*, *dônos*, *dôraz* (при *dosah*, *doklad* и под.).

Вне общей тенденции во всех основах остались: префиксы *ра-* и *пра-*, имевшие с самого начала только акутовую интонацию — сербск. *nǎгуба*, *nǎвлака*, *nǎмѣт*, *nǎвѣт*, *prǎдјед*, *prǎпѣп*, словинск. *pámet*, *pánoga*, *pákoř*, *práded* и под. — чешск. *raděra*, *ramět'*, *panoha*, *praděd*, *pradoba* и под. и *roz* — чешск. *rozbor*, *rozvoj* и под., — префиксы, не имеющие параллельных себе предлогов; в словацком, однако, в отдельных случаях выступает *ráz* с долготой спорного происхождения — *rázsocha*, *rázvoга*. Префикс **so-* который, рассуждая теоретически, должен был бы попасть в эту группу, в чешском, однако, тоже сплошь подвергся влиянию долготных префиксов — *součín*, *soumrak*, *soused*, в словацком тоже преобладает долгота *súsek*, *sústava*, *súvrat'*, но есть и колеблющиеся случаи — *súsed* и *sused* и под.

Префикс *pře* < **per* чаще краток в чешском: *přehrada*, *přehyba*, *přeluda*, *přesada* и под., хотя, вероятно, его же мы имеем в долготном виде в *příhrada* «перегородка», *příluda* «лесь, привидение, призрак». Избегать рефлекса долготы для чешского языка были смысловые основания — фонетическое совпадение с *pří*.¹ В словацком, где такой опасности смешения не было, колебание — *prebeda*, *presila*, но *prie-hrada*, *priesada*. Впрочем, не исключена возможность, что и *prebeda* «о горе!» и *presila* «перевес, превосходство силы» — чехизмы (ср. *přeběda*, *přesila* — с тем же значением).²

¹ Иначе V. Vondrák, *Příspěvky k nauce o praslov. přízvuku*, 1924, § 29.

² Ср. и Czambel, *Rukovät' spisovnej reči slovenskej*, 1915, § 14.

б) В тех случаях, где праславянский язык имел суффикс с ударением на конечном гласном, в чешском теперь выступает краткое *i*: *hlubina*, *bystřina*, *tišina* — русск. *глубина́*, *быстрина́*, *тишина́*. Любопытно, что и сербский язык (штокавское наречие), для которого также действует правило о сохранении долготы перед конечным ударением, представляет в данном случае формы с краткостями: *дубина*, *быстрина* «Klarheit», *тишина*.

Словинское наречие кашубского языка своими *glābjinā* < *glōbīna, *dālānā* < *dalīna делает правдоподобным, что диалектически смешались типы *īna (concreta) и *ina' (abstracta). Можно думать также и об обобщении накоренного ударения. Подобные кашубскому процессы могли иметь место и в чешском (со словацким).

Нужно ли думать, что *vīna i* было циркумфлектированным и поэтому именно сокращалось в чешском, кашубском и сербском? Такое различие судьбы предударной акутовой и циркумфлексовой долготы никак не может считаться доказанным для других случаев. Поэтому не следует придавать решающего значения в этом смысле штокавским — *nom. sg. дубина*, *acc. sg. дубину*, *nom. acc. pl. дубине*, *nom. sg. живина*, *acc. sg. живину*, *nom. acc. pl. живине*, которые только внешне напоминают подвижность ударения в парадигмах с циркумфлексовыми долготами. Здесь возможно влияние типа *abstracta* на *-ota*' — *nom. sg. срамота*, *acc. sg. срамоту* и т. п., не говорящее по существу о праславянских отношениях.¹

в) Диалектически *-ic*, как рефлекс **-eš* с акутированным носовым подвергся влиянию суффикса *-ic* < *ičь: *zajíc*, *měsíc* (Bart. II, 13, Hošek, 18 и др.) под влиянием *božic*, *králevic* и под. (ср. и *krajíc* *vm. литературного krajíc*).

г) Фонетические формы *chtíti*, *smíti* < *chčtětī, *sčmětī под влиянием префиксальных фонетических *zachtětī se*, *nesmětī* и под. получили *vm. i* примету *ě* — *chtětī*, *smětī*. Здесь известную роль могло

¹ Еще шире подобные влияния в Дубровнике. См. материал Решетара в «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten», 853. Объяснения чакавского *-īna* (с «новоакутовой» интонацией) следует искать исключительно на чакавской почве, хотя, может быть, разгадка и не столь проста, как думал Лескин, *Gramm. der serbokroatischen Sprache*, § 275.

сыграть оберегание приметы класса, обозначавшего непереходность. Существует, однако, и противоположное направление уодноображения, когда *i* проникает из префиксальных в инфинитивы префиксальные: *zahřmíti* при *zahřmětī*, *zarděti se* и *zarděti se*, вероятно, не без поддержки *i* *praes. indic.* (ср. *Geb. III, II, 76—77 стр.*). Примеров других подобных явлений не привожу.

Обобщения долгот наблюдаются в следующих категориях:

а) При суффиксах **-těk*, **-tько* часто удлиняется гласный предшествующего непроезвительного суффикса (ср. подобное явление у корневых элементов): *skřivan* — *skřivánek*, *beran* — *beránek*, *večer* — *večirek*, *člověk* — *človíček*, *jazyk* — *jazyček*, *kopyto* — *kopytko*, *koryto* — *korytko* (*korytce*), *hrdlo* — *hrdélko* и под.

б) В инфинитивах на *-ěti* словацкий обнаруживает сплошь долготу на *-ie*. Ее следует скорее всего возвести к влиянию форм *praes. indic.* с окончаниями *-iem*, *-ieš*, *-ie* из стяжения, т. е. в тех глаголах, где примета класса была производительной: *rozumiem*, *rozumieš*, *rozumie* — *rozumiet'* (но формы *part. praeter.* сохранили старину — *rozumel*, *-a*, *-o*). Распространению этой особенности и на другие глаголы, где *-ě* (*-tь*) было непроезвительно, могли помочь также фонетические инфинитивы как *mriet'* < *meřti'* и под. Меньше диалектическая область охвата другой, чешской черты, аналогичной данной: *volát*, *vorát* и под. под влиянием *volám*, *vorám* и под.

в) *Part. praet. passivi* на *-en*, *-ěp*. Повидимому, под влиянием *part. praet. passivi* на *-án*, *-ána* и т. д. диалектически произошло удлинение *-en* в *-én* (*-ýn*, *-ín*), а *-ěp* в *-ien*. Примеры из памятников см. у Гебауера, I, 603 и III², 2, стр. 105 и далее. Диалектические современные, напр., у Травничка, *O českém jazyce*, стр. 10, 11, 30: *je zameřtýno*, *peřino*, *zapřacino* и под.

Особых замечаний требует суффикс **-anьje*. В двусложных, как отмечено Гебауером (I, стр. 604), правилом является *-aní*: *braní*, *zvaní*, *psaní*. Краткость *a* следует считать фонетической и обязанной сокращению перед подударной в прошлом долготой конечного слога — **byřanьje'* > **brānī'* > *braní*. Редкие отступления в современном литературном языке относятся к случаям стяжений: *stání*, *lání* < *stojánьje,

*lájanje или к формам, получившим долготу под влиянием praes. ind.: *dáni* ср. *dám*, *Ikáni* ср. *Ikám* (*z-mrtvých-vstání* может отражать влияние *stání*). Отмеченные Гебауером случаи из памятников — *braganije*, *řwánj* и под., вероятно, стоят под влиянием соответствующих инфинитивов. Формы эти развития не получили.

У многосложных правило *-ání*: *volání*, *kouřání*, *rozvání*. Формы эти считаю фонетическими: из *kōrǎnje, *volǎnje получались фонетически *kōrǎnje, *volǎnje с новоакутовой, и эта долгота в чешском фонетически сохранялась. Древне-чешское и диалектическое распределение «*á* при предшествующей краткости: *a* при предшествующей долготе» отражает, повидимому, диалектически возобладавшее фонетическое явление — избегание трех рядом стоящих долгот. Под влиянием этих отношений диалектически, напр., в злинском говоре (Bartoš, I, 8) установилась нефонетическая долгота в случаях вроде *chod'ění*, *dovolění* при фонетических *pálení*, *trápení*.

Примечание. К эпохе уже западно-славянской, а возможно, и более ранней, относится обобщение долготы в подударном суффиксе *-no* в инфинитивах (но не в *partic. praeter.* на *-lъ*, *-la*), повидимому перенятой от форм, где акутированное *-no* было заударным и сохраняло долготу фонетически, ср.: чакавск. *gīnūt*, *kāpnūt*, пол. *gīnać*, *dźwignąć*, словинц. *hīnōc*, *časnōc*, чешск. *hynouti*, *dvihnouti*.¹

IV. Особо следует оговорить действие грамматических ассоциаций по отношению к чешско-словацкой флексии (геср. гласным основ в сочетании с флексивными приметами). Наряду с утратами былых конечных долгот, относящимися к конечным открытым слогам и носящим, повидимому, фонетический характер,² чешский и словацкий знают несомнен-

¹ Подробнее см. Л. А. Булаховский, ИОРЯС, XXXI, стр. 327.

² Такова чешская утрата *-á* в *nom.-acc. pl.* (в словацком *perá*, *polia* ее сохранение обязано поддержке форм *dat.* и *loc. pl.* на *ám*, *ách*), *-ý* в *instr. pl.* (ср., напр., моравск. *s chlapú*, *s chlapci*), диалектически даже окончаний стяженных — *gen. pl.* *řeći*, *instr. sg. bolesti*, ср. Hošek, 19; Dušek III, passim; Geb. I, § 509.

ные случаи аналитических удлинений, подчиняющихся заметной тенденции среди сходных окончаний одних и тех же падежей отдавать предпочтение долготным. Так, в большинстве говоров в окончании *nom. pl. ovc* проникла долгота из основ на *i* *masc.* с окончанием *ьje, давших в сочетании с основами на согласный контаминационные формы на *-é*: ср. Geb. III, I, § 322: «*Délka v hostě proti nesúce atd. vyvinula se trvám tím, že také hostie bylo dlouhé; změnou hostie — hostě vyměnila se kvalita koncovky, ale kvantita zůstala, a zdloužené -é pak přijato také do tvarů zemané, synové atp.*»

Диалектически праславянское окончание *i* выступает как *í*: *hoší*, *klucí*, *vojáci*, при чем это имеет место, повидимому, как раз у одушевленных, подпадающих влиянию *í* из *ьje (ср. Hošek, *Nářečí českomoravské*, I, *Podřečí Polenské*, 1900, Gebauer I, 599).

Правдоподобно, что долгота в формах *gen.-loc. dual. rukú*, *prsú* > *rukou*, *prsou* поддержана влиянием *dvú* > *dvou* (ср. ст.-слав. *дъвою*).

Эти случаи ограничены специальным условием — наличием в индуцирующей форме сверхдолготы из стяжения. Сюда же можно отнести древне-чешские глагольные формы *praes. ind.* вроде *rošně*, *pesě*, подвергшиеся влиянию других классов с долготой, частично из стяжения: *putá*, *korá*, *umí*, *vidí*, *mlátí* и под. Ср. Vondrák, *Vergl. slav. Gram.*,² 328.

В конечных закрытых слогах тоже осуществляется тенденция к обобщению долгот, в которой можно видеть своеобразное подчеркивание флексии, находящейся под известной угрозой в языке с начальным ударением (ср. латышск.). Сюда относятся проведение в большинстве говоров и в литературных языках окончаний *-ám* (*dat. pl.*) и *-ách* (*loc. pl.*) у *ā*-основ,¹ диалектические формы на *-ámi* — *s kravámi*,

Как свидетельствуют родственные языки, случаи с конечными гласными долгими, сохранившимися диалектически, имели на них новоакутовую интонацию (словинск. *z bogí*, *s pьsí*, посавск. *s koňí*). Диал. *-mí* объясню влиянием *-ý* (ср. словинск. *mí* вм. *mji, Lorentz, *Slovinz. Gramm.*, 287).

¹ Это, по всей вероятности, черта уже пра-чешско-словацкая: *-am*, *-ach* в юго-западных чешских говорах в согласии с их общим характером могут быть результатом позднейших, скорее всего, фонетических сокращений. Впечатление диалектического архаизма производит только *ходск. loc. pl.* на *-ach*

sestrámi (ср. напр. Bart. I, 40, 60, 84); в *o*-основах широкое распространение окончаний ūm (dat. pl.), ūv (gen. pl.) и ích (из -ěchъ), на значительно меньшей территории bch (судя по словацким chlapom, chlapov и чешским диалектическим chlapom — см. напр. Trávníček, O českém jazyce, 25, 45, 49 и под., полудолготы обладали в этом отношении меньшей влиятельностью, чем полные долготы); у *i* основ диал. (валашск.) формы instr. pl. očíma, ušíma (с долготою из gen. pl. očí, uší и др.).

23 XI 26.

Л. Булаховский.

при dat. pl. на -ám, что подает мысль о фонетическом моменте изменения *amъ в *ámъ (влияние закрывавшего слог m) — ср. и словацк. pám. Относящийся сюда материал, однако, может еще во многих отношениях быть предметом спора.

Славяно-скифские этюды.¹

IX.

Арабские писатели IX в., с Эль-Балхи во главе, говоря о делении Руси их времени, называют одну (третью) ее часть *Артания* и один город *Арт* или *Арс* или *Абарк*. Эти названия в данном виде — результат чтения современными нам арабистами арабских написаний рукописей.

Опытов объяснения приведенных названий очень много. В последнее время их явилось еще два: одно — Вл. Мошина, «Третье» русское племя», в пражском журнале *Slavia*, т. V, другое — С. Н. Быковского «К вопросу о трех древнейших центрах Руси», в Трудах Вятского Педагогического Института, 1928.

Не входя в разбор последних опытов, припомним рассказы ученых арабов. По Эль-Балхи, русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь живет в городе Куяба. Другое племя дальше первого, называется *Славия*. Третье племя называется *Артания*; его царь живет в Арте. Люди этого царя отправляются торговать в Куябу. Что касается Арты, мы не помним, чтобы кто-нибудь из иностранцев путешествовал там, так как жители Арты убивают всякого иностранца, проходящего в их страну. . . Русы торгуют с Хозаром, Румом и Великим Булгаром. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и так сильны, что наложили дань на пограничные области Рума.

Отказываемся от разбора мнений о названии *Артания*. Для нас представляется возможным связать его с одним из древних названий

¹ См. ИРЯС, т. I, кн. 2, стр. 376.

Кубани — Вардан, *Ὀυαρδάνης*, которое в наречии скифов приазовского края (произносивших название Дона — *Данави*, с начальным *т*, т. е. *Танави* — *Танаис* греков) должно было звучать *Вартан*.¹ Как видим, звуковая близость между *Артания* и *Вартан* почти полная.

Обращаем свое внимание на Тмуторокань и «Тмутороканский остров» Киево-Печерского Патерика. Свидетельство последнего памятника использовано С. Н. Быковским в связи с свидетельством Ибн-Даста (30-ые годы X в.). Этот араб говорит о стране *Русия*: она находится на острове, окруженном озером. Остров этот занимает пространство трех дней пути; он покрыт лесами и болотами. . . Слова Ибн-Даста подкрепляются рассказом Эль-Мухадесси (985—986 гг.): Русы живут на нездоровом острове, окруженном озером. . . Количество их около ста тысяч человек; они не имеют ни пашен, ни стад.

Остров Русов и Вартан, очевидно, одно и то же, одна и та же дельта Кубани, не раз на памяти истории изменявшая свою форму и некогда имевшая в себе острова, со всех сторон омываемые водой.²

Не входим в догадки о границах Вартана и о занятиях его жителей. Если они не были ни земледельцами, ни скотоводами, не были ли они рыбаками и, кстати, как вообще древние туземцы восточного берега Черного моря, — морскими разбойниками? Припомним, что говорит об этих туземцах Страбон (XI, 2): (они) «живут морским разбоем; . . . выходя в море и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, им содействуют *владельцы Боспора*» . . .

¹ Диалектические особенности скифского языка проявляются и в нынешнем названии реки: *Кубань*; древнее название — Хупани, *Ἰϋπανίς*. Птолемей дает два названия города на Кубани-Вардане: *Γέρουσα* и *Κορούσια*.

² «Исследование Герца показало, что дельта Кубани, которую мы привыкли называть Таманским полуостровом, распадалась в древности на ряд отдельных отрезков, которые можно назвать островами, как это и делают древние». М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, СПб. 1925, стр. 261. Таманский полуостров (вместе с Керченским) славится своими сопками или грязевыми вулканами. «Главная масса сопок расположена у обоих концов Кавказского хребта — на Апшеронском и Таманском полуостровах». С. П. Попов, Грязевые вулканы, «Природа», 1928, № 6, стр. 546.

Вопрос об Артании для нас исчерпан. Перед нами — вопрос о городе, где жил царь-владелец Артании. Всего чаще его называют *Артою*. Но арабские согласные буквы, представляющие в рукописи это название, можно читать и *рт*, и *рс*, и *брк*. . . Кажется, это место арабского текста испорчено переписчиками. Страна, где находится город Арта (так мы будем его называть), как-будто поддается определению. Это — та земля, где, по древнему преданию греков, местные жители убивали всех иностранцев, приходивших к ним волею или неволею, т. е. Таврический полуостров.

Около того времени, когда ученые арабы писали свои известия о русах, на Таврическом полуострове, в глубине его, находился город, упомянутый в известном чуде Стефана Сурожского, и в этом городе княжил князь Бравлин, старавшийся распространить свою власть на весь полуостров и потому теснивший византийские (= Рум арабов) города на южном берегу Крыма. Греческого текста жития и чудес Стефана до нас не дошло; древне-русский перевод его называет город Бравлина Новгородом русским. Повидимому, это — точный перевод греческого *Νέος πόλις τῶν Ρῶς*, а греческое название — перевод названия с тождественным значением на языке основавших город задолго до нашей эры скифов. Конечно, Бравлин и его подданные могли его называть другим названием, которое, может быть, знает Страбон или Птолемей, но которое угадать мы не беремся.¹

Местонахождения таврического Неаполиса в точности не установлено. Предположение Ю. А. Кулаковского и других ученых, что он был «в близости от Симферополя, к северу от него», заслуживает внимания,² но не решает вопроса.

Думают, что морские походы Руси в IX—X вв. имели исходным центром Керченский пролив, что оттуда пошел в 941 г. Игорь и туда он вернулся после своей неудачи. Несколько позднее, в 962—963 гг.,

¹ Птолемей знает в европейской Сарматии город или городище *Ναύαρον*, у Плиния есть *Navatum*. Если вторую часть названия связывать с лат. *āga* «скалы», *agista* «колос» и т. п. и с родственными и понимать «укрепление, возвышение», то можно считать греческое название переводом скифского прото-типа *Nav-aga.

² Прошлое Тавриды, 2 изд., 1914, стр. 25.

так называемая «Записка готского топарха» свидетельствует о возможности для «могущественного князя северных областей» защищать от степных врагов Херсонес и смежную с ним Готию. В XI в. русские еще владели обоими берегами Керченского пролива.¹ Автор Слова о полку Игореве вспоминает тмутороканскую достопримечательность — «тмутороканского болвана», как очевидец, но сообщает, что Игорь Слова отправился в поход через степь, чтобы «поискать града Тмутороканя».

X.

Птолемей знает в своей обширной европейской Сарматии города *Эркаб*² *Ἐρκαβον* и *Сарбак* *Σάρβακον*. С первым названием созвучно название городка в Дакии *Аркоба-дава*.

Вторые части названий *Эркаб* и *Сарбак* отличаются друг от друга только местом своих согласных, что приводит нас к мысли о порче в написании одного из них. Которого? Несомненно, второго. Иначе говоря, у Птолемея мы читаем *-бак-* вместо *-каб-* и потому должны восстановить название второго города в виде *Саркаб*.

Птолемей упоминает в самом центре европейской Сарматии о городе *Саре* *Σάρων*. Как будто это — то же название *Сар-каб, но с отброшенной второю частью, так как эта часть существовала в живом языке насельников Сарматии, как самостоятельное слово.

Получается возможность привлечения к приведенным выше названиям еще названия скифского укрепленного городка, повидимому, близ нашей Евпатории, севернее ее, — *Хаб* *Χάβον*. В виду хорошей осведомленности Страбона, о нем говорящего, можно признать это последнее название, с *х*, более точно переданным, чем названия с *к*, о которых у нас была речь выше.

Скифское **saga-* вполне объясняется др.-бактр. *sagah-* «голова, вершина», др.-инд. *śiga-* «голова», греч. *χάρα* и т. д. Ср. слав. Выше-

¹ Там же, стр. 85, 87, 90.

² Ср. у Птолемея названия городов *Νίσσοῦ* в Сарматии и *Νάισσο* в Мизии, из которых второе, известное кроме Птолемея и другим писателям, заслуживает предпочтения. Еще по два названия, повидимому, одного и того же города у Птолемея: *Ασίανον* и *Λήϊνον*, *Τράχων* и *Τορόχα*, в европейской Сарматии.

градъ и т. п. Этимология скифского слова *каб-* для нас не ясна. Но мы имеем на русской территории созвучные названия рек. Это — *Прихабка*, Смоленск. губ., *Вер-хобовка* в Орловской губ., *Хобна* в Минской губ. и т. д. Ср. славянские данные: вр. *у-хаб* «рытвина», *с-хаб* или *вс-хаб «часть белужьей тешки», *о-хабитися* и т. п., *хоб-от* «хвост», *хоботье*, *о-хоботье* «стебли с колосьями после обмолаота» и т. д. (см. словарь Бернекера).

XI.

Е. Е. Замысловский в своем исследовании о Герберштейне приводит сообщение поляка Меховского (XVI в.): «при слиянии Днестра с Бугом стояла крепость *Dzassow*, теперь разрушенная» (стр. 357). Если это название мы переведем с польской окраски на древне-русскую, мы получим *Днсовъ, что совпадает со второй частью названия *Ἐρ-δησσός*, принадлежавшего древнему городку близ Ольвии. Здесь, «на оконечности безлюдного (теперь) мыса, разделяющего Сосипцкий лиман от Березаньского», до сих пор видно городище с двойным ограждением со стороны материка — из земляного вала и из каменной стены.¹

Вторая часть названия *Ἐρ-δησσός* входит в состав названий прибрежных городков Балканского полуострова *Ἐρ-δησσός* (где ныне Варна) и *Σαλμου-δησσός* (южнее), а также города *Καρ-δησσός*, где-то в Скифии, упомянутого Гекатеом.

Греки словом **-δησος* или **-δησσος* не пользовались, но мы можем дать ему освещение при помощи др.-инд. данных *daśati* «он оказывает почестъ, охраняет», *daśpōti* то же; ср. греч. *δοκάνη* = *θήκη*, лат. *decet*, *decus*, слав. *десити*, *досити*. Его значение «убежище, укрепление»?

С первой частью *Σαλμου-δησσός* (а равно с первой частью названия городка на Днестре *Σαλμα-κάται*, о котором см. выше этюд I) может быть связано др.-инд. *śarman-* «Schutzdach, Schirm», лит. *szalmas*, герм. *helm*.

Какому языку принадлежали *-δησσος* и сложные с ним слова? Фракийскому? Но Ордеес — у устья Днестра, где никогда не были Фра-

¹ См. наши «Русско-скифские этюды», ИОРЯС, 1924, стр. 218.

кийцы. Скифскому? Но Салмидес лежал очень южно на берегу Черного моря, где не могло быть скифов. Даже Ордесс-Варна был в пределах Фракии.¹ Языку пелазго-киммерийскому? Договор Игоря с греками 945 г. говорит: «да не имеют власти Русь зимовати въ вустыи Днѣпра *Бѣлзбережси*, ни у святаго Ельферья». Начальная летопись под 972 г. сообщает, что Святослав «ста зимовати въ *Бѣлзбережси*² и бѣ глады великъ». . . . Как будто, др.-русский *Бѣлзбережъ* — то же, что *Днѣзъ.

XII.

Выше, в первом из настоящих этюдов, мы упомянули о городках по Днестру у Константина Багрянородного, с окончанием *-ката: *Кракно-ката*, *Сака-ката* и т. п. На том же Днестре, в горах, находится теперь поселок *Бакота*, ранее городок, упомянутый в Галицко-Волынской летописи, позже крепость. Древность поселка не подлежит сомнению; между прочим, в скале, где он стоит, сохранились пещеры, повидимому, остаток существовавшего здесь в древности пещерного монастыря, что связывает Бакоту с Таврическим полуостровом. Повидимому, *Ба-ката* принадлежала к числу не названных Константином Багрянородным городков и ее название также имеет в себе то окончание *-ката, о котором сказано выше. Не лишнее заметить, что существует еще *Бакота* — село в Кременецком у. Волынской губ.

Любопытно: у хорватов существует род с фамилией *Бакотич*.

XIII.

Древние греки имели предание о народе Киммерийцы *Κιμμερίοι*, которые когда-то жили на юге нынешней России и следы которого сохранились в историческое время в виде местных названий: *Киммерийский Востор*, *Киммерийские стены*, *Киммерийские переправы* и т. п. Геродот, сообщающий нам о Киммерийцах особенно много сведений, между прочим рассказывает, что где-то у Тираса-Днестра нахо-

¹ См. между прочим у В. В. Латышева, *Почтиа*, стр. 227—228.

² Так — в Радзивил. и Академич. списках летописи; в Лаврентьевском «въ *Бѣлобережси*».

дилась могила, *τάφος*, Киммерийских царей и что она была еще «видна» в его времена.¹

Кроме греков, Киммерийцев знали народы Малой Азии. У ассирийцев они называются *Gimir*, у древних евреев *Gomer*. Повидимому, сами себя киммерийцы называли *Gimer-*.

Как мы сказали, могила киммерийских царей была где-то у Днестра. Очевидно, там же по Днестру были поселения киммерийцев. Ввиду этого, заслуживает внимания одно местное название в Винницком у. Подольской губ. Это — поселок *Жмеринка*, расположенный на речке Баране, притоке Южного Буга, где ныне станция Югозападных жел. дорог того же наименования. Близ этого поселка, при впадении Черемоша в Южный Буг, находится местечко *Тиворов*, название которого, повидимому, дало название летописному племени *Тиверым*.² Сравнительно недалеко, по р. Ушице, притоку Днестра, археолог Хвойко нашел следы так называемой трипольской культуры. Рассмотрим малорусское название *Жмеринка* (поляки видоизменяют его в *Zmierzunka*). Древняя его форма должна звучать **Жмер-*; еще более древняя **Гьмер-*, *Gimer-*. Точно так же заслуживает нашего внимания местное название *Чемеровицы*, село в 40 км от Каменца Подольского на притоке Днестра, Жванчяке. С последним ср. *Чамеровская* волость, *Весьегонского у.*, *Тверской губ.*

Если во времена Геродота и Страбона еще существовали в южной России названия местностей, напоминавшие о киммерийцах, что особенно в том, что и теперь еще есть след этого народа? Ср. современные русские названия: Дон при греч. *Τάναϊς*, Кубань при *Ἰπταμῖς*.

XIV.

Известный список «всем градом Русской земли», дошедший до нас, между прочим, в Соловецкой Кормчей 1493 г. № 412 (858), состоит из нескольких частей разновременного составления; основная его часть,

¹ См. подробнее в наших «Русско-скифских этюдах», стр. 301—303.

² По документам оно известно с XIV в., когда Витовт отдал землю с этим названием Дашковичу.

югозападно-русского происхождения, составлена не позднее XIV в. Она знает «объ ону страну Дуная» Тернов, «ту лежитъ святая Пятница»,¹ а «на сей сторонѣ Дуная» Черн-город, т. е. *Маурокастроу* «Записки готского топарха», лежавший против Белгорода = Аккермана. В числе киевских городов ей известны не только Переяславль русский, Василев на Стугне, Юрьев, Остречьский, Пересечен, но также *Тмуторокань*. Последний городок не следует смешивать с Тмутороканью при Кубани. Это — другая, более или менее поздняя Тмуторокань, повидимому, очень скромный по величине и значению поселок, получивший от своего основателя название древнего удельного центра, подобно тому как получили громкие имена киевский Корсунь, витебский и черниговский Сурожи, московский Сурожик, тверская Корчева и т. п. Эта Тмуторокань не известна летописям, как не известны им и только что упомянутые Сурожи и Корчева. Но список «всем градом» не знает на юге России *Тиврова*. Очевидно, в XIV в. он, если существовал, был совсем ничтожным поселком. Зато список знает его на севере России, в той своей части, которая составлена уже в XV в. В нем мы читаем: «А се новгородскыи (города)... Ладога камень, Орѣшокъ, Корѣльскый.² *Тиверскый*³ за Волокомъ на Колмогорахъ въ Емци, на Вагъ Орлець, Торжокъ»...

Очевидно, южный Тивров когда-то был достаточно значительным городом, если в его честь один из новгородских князей назвал его именем вновь построенную крепость на Северной Двине в Новгородской области.

XV.

«В XII в. вместо хазар и их города Итиля упоминаются в той же местности Гузы, область и город *Саксин*... Историк монгольского периода Вассаф перечисляет владения старшего сына Чингиз-хана

¹ Мы пользуемся упомянутым списком 1493 г.

² Ныне Кексгольм.

³ Упомянут в 1-й Новгородской летописи под 1411 г.: «пришедь Свѣя войною и взяша пригородъ новгородскый *Тиверскый*» (о морском походе).

Джучи: *Саксин*, Кыпчак, Хорезм (низовья Аму-дарьи), Булгар, Крым и Укек».¹

Повидимому, мы имеем перед собой название нижней Волги с ее большим городом, что ныне Астрахань: *Saka-sina, первоначальное значение «Сакская река». Ср. название Астрахани у арабских писателей Итиль = Волга.

XVI.

Популярно написанная Ю. А. Кулаковским книжка «Прошлое Тавриды» (изд. 2-е, Киев, 1914) имеет на своих страницах такого рода рассказ.

«Превратившись из города в царство, Боспор являлся значительной силой и вел крупную торговлю продуктами тех стран. На первом месте стояли *хлеб* и рыба... Малоплодородная Аттика... нуждалась в хлебе и еще в V в. Боспор явился для нее экспортным рынком. Еще Сатир и Левкон (боспорские цари V и VI вв. до нашей эры) оказывали особое покровительство афинским купцам и предоставили им значительные привилегии: *хлеб* отпускался им беспошлинно, и афинские корабли имели право грузиться первыми. Аттика получала с Боспора половину нужного ей хлеба, что составляло 400 тысяч медимнов (около 200.000 гектолитров). *Боспор располагал огромными запасами хлеба*: однажды царь Левкон, во время дороговизны, выслал афинянам из Феодосии 2.400.000 медимнов... *Значительность хлебного экспорта заставляет предположить, что подчиненное варварское население занималось земледелием*» (стр. 16—17).

Обилие хлеба заставляет нас предположить, что в Боспорском царстве и близ его границ жили «варвары», подобные элинам-скифам близ Ольвии, оскифившиеся потомки киммерийцев, занимавшиеся тем же, чем и соплеменники их близ Днепра — земледелием, и имевшие города.

Повидимому, рассказ Геродота о выселении киммерийцев в Малую Азию должен быть понимаем так: *некоторая часть* киммерийцев,

¹ См. статью В. В. Бартольда, Русский Исторический Журнал, 1921, кн. 7, стр. 143—149.

именно киммерийцы из Крыма, ушла под напором скифов; что же до остальных, живших по Дону, они подчинились скифам и стали платить им дань, а потом оскифиллись.

XVII.

1. «Разрядная книга Полоцкого похода» царя Ивана IV 1563 г. дает нам название *Торонтово* озеро, близкое к названию реки (Западной Двины?) у Птолема *Турунт*.¹ Ср. др.-греч. название реки в южной Италии *Тáрас*, род. п. *Тáραυτος*, и др.-инд. *taganta-* «море».

2. «Описание Полоцкого рубежа» 1567 г. сообщает: «речка *Волта* впадала в Двину ниже Дрыси 15 верст, а от Полоцка 75 верст, повыше Друи 15 верст»; оно же упоминает: «до *Волта* озерка».²

Эти названия позволительно сблизить с названием чешской *Vltava* (басс. Эльбы) с типичным для западно-славянской территории окончанием *-ава*. Припомним названия чешск. *Vlha*, пол. *Wilga* = *Вьлга. Первая река — в бассейне Эльбы, вторая — в бассейне Вислы. Русск. *Вьма*, *Вьлга*, Волга.

3. То же «Описание» знает «ручай *Ньпръ*».³

4. Река Буг издревле называется и *Буг* и *Бог*. Ср. название притока *Пры* (басс. Оки), *Бужа* (сверх того сложные *Дорого-бужа* и т. п.)⁴ и название речки в Вологодской губ. *Божя* (сложные *Коро-божье*, озеро близ Борович, р. *Кобожя* и т. п.).

5. Купчая Антония Римлянина, дошедшая до нас в позднем списке, упоминает о речке или ручье *Донце* под Новгородом: «на верховье *Донцовое*, *Донець* въ Деревяницу, а Деревяница впадала въ Волховъ». Более поздние новгородские ямские книги 1587 г. говорят: «на ручью на *Донцъ*, ручьем *Донцом*, на речке на *Донце*». Кроме большого притока Дона, *Донцом* в бассейне этого Донца называется несколько

¹ Подробнее в XIV этюде «Русско-скифских этюдов», ИОРЯС, XXVII, 252.

² Временник М. Общ. Истории и Древностей, XXIV, стр. 2.

³ Там же, стр. 13.

⁴ «На ручью на *Лбуже*», Псковск. писц. книга 1585 г., стр. 248; вероятно, в связи с *Лба*, басс. Западной Двины (см. наши «Нов. русско-скифские этюды», ИОРЯС, XXXI, под цифрой 32).

небольших речек. Это — Северский Донец, Сажный Донец, Липовый Донец и др.

6. В Рязанских писцовых книгах, изданных Рязанскою Архивною Комиссией, мы читаем: «у речки у *Дунайца* на берегу», «на речке на *Дунайце*», «по врагу по *Дунаю*».¹

7. Новгородская писцовая книга конца XVI в., изд. В. В. Майковым, упоминает о речках под Новгородом: «ото *Гзени*», «за *Гзенью*», «за речкою за *Кзенью*», «за речкою за *Гзенью*». Новгородская летопись по сп. XIV в. знает эту речку под именем *Кземля*. Повидимому, древнейшая форма названия была *Кземль. Рядом с этим названием мы поставили² название притока Колокши (басс. Клязьмы) *Гза*, которое в рассказе Суздальской летописи о событиях второй половины XII в. имеет написание *Кза*, *Кза* (а также в так называемом Летописце Переяславля Суздальского), что позволяет нам восстановить его древнюю форму в виде *Кза.

Документ нач. XVII в. говорит: «на Язуе. . . *Кжеской* дороги».³ Речь идет о поселке Гжели, на речке *Гжель* или *Гжолке*, притоке Москвы.

Современные названия рек *Вжать*, *Ужать*, *Вжаль* (Орловской губ.) должны восходить к *Гж-*. В современном *Снежет* или *Снежатъ* мы, может быть, имеем потомство **Сне-кжж-*.

8. Одним из притоков Сяна носит название *Тапew* = *Таны, род. п. *Танъеве*. Оно так близко к названию двух речек *Птань* (одна — приток Днепра, другая — приток Дона), что отделить их друг от друга трудно. Конечно, русские названия более древни.

9. Название реки Минской губ. *Птич* в документах XV в. пишется *Бчиць*, женск. рода.⁴ Повидимому, мы имеем дело с традицией делового правописания. Древний гласный после *б* неясен; мог быть и *ъ*, мог быть и *ь*.

¹ Стр. 443, 445, 446.

² ИОРЯС, XXXII, стр. 15.

³ Смутное время Московского государства, вып. III. Чтения М. Общ. Ист. и Древн., 1915, кн. IV, стр. 65.

⁴ Клепачский, Очерки по истории Киевской земли, I, стр. 191.

Речка *Бечь* — в Орловской губ. (басс. Днепра).

10. Три речки басс. Днепра: *Бронка* и *Броница* в Минской губ., одна — *Броник* — в Волынской губ., и две речки на польской территории (одна — приток Вислы, другая — приток Вислоки) *Врей*, имеют одно и то же древнее название *Брънь. Оно так близко к готскому *вгруппа* = нем. *Вгруппен*, что трудно их разделить.

Но ср. русские названия *Брънь* и *Проня*.

11. Этимология греч. *λίμνη* «озеро, пруд», *λίμνην*, -ένος «гавань, залив, площадь», (*ἀγορά*) *λειμών*, -ώνος «луг, море» до сих пор не выяснена. К приведенным словам можно присоединить названия острова и пристани на нем *Λῆμνος*, дорийск. *Λᾶμνος*, и островов *Κάλυμνα* и *Ε-λύμνιον.¹

Приведем еще местные названия: приморского города *Σίμνηα* (в Ликии), приморского города *Τάμωνα* (на о. Эвбее), приморской местности *Ὀύμνηα*, -ων (в Пафлагонии), города *Εριμναί (в Фессалии), двух городов *Λάρυμνα* (в Локриде и в Беотии), реки *Αμνίας (в Пафлагонии), а также сообщаемое Гесихием греч. *μυχαρός* «молчаливый».

Все эти греческие слова напоминают нам др.-инд. название мифической реки *Јашпа*, принадлежавшее некогда также реке северной Индии, ныне *Јашпа Джумна*, и реке Туркестана *Аму*, и связанные с *Јашпа* названия русских рек *Не-мънъ (польск. *Niemien*, -тна, лит. *Nemunas*), *Ро-мънъ, *Ломна* и *Ломница*, *Ко-ломна*, *Лемна* и *Илемна* (вероятно, *Лъмъна), *Елимня*, *Нелимня, *Ремна*, *Кремна* и русских озер *Коломно*, *Лукомно*, *Удемно*, *Вымно*.² Главная часть приведенных слов, русск. *-мън- и греч. -μων-, -μν-, -μων-, -μην-, повидимому, одно и то же слово, означавшее в праарийской древности «тихое озеро, тихий залив» и т. п.

Ввиду этого мы решаемся поставить вопрос: нельзя ли к указанным группам греческих слов присоединить латинское *amnis* «река», не имеющее удовлетворительной этимологии, и несколько русских названий рек?

¹ Пользуемся словарем Папе.

² Более полный список см. в наших «Русско-скифских этюдах», ИОРЯС, XXVII, стр. 266.

Одна из речек бассейна Березины носит название *Мяна*. Это название входит, как составная часть, в названия рек, речек и озер: *Демяна*, *Демьянка*, басс. Шелони, Новгород. губ.; озеро *Демян*; *Демьянка* 1) Курской губ., 2) Смоленской губ., обе басс. Днепра; *Демьяниха* или *Демьяновка* Смоленской губ., басс. Днепра; *Демьян*, приток Иртыша, Тобольск. у.; *Голоманка* Киевской губ.; *Желемянка*, басс. Днестра; *Зеремяна* Волынской губ., басс. Днепра; *Румьянка* Смоленской губ.; *Бурмянка*, встречается в Рязанской писцовой книге XVII в.

Прибавим два озера: 1) *Манцо*, басс. Днепра и 2) *Деманио*, близ Полоцка, в Описании Полоцкого рубежа 1567 г.¹ Здесь -ма- из -мя-?

Близко к *Мяна* название *Сян*, реки в Галиции, не раз упомянутое в Галицко-Волынской летописи, ныне *Сян* и *Сан*.

Предполагаем, что в *Мана = *Ме-мна и др. основная часть названия *-мн- одного значения с *-мън-. Переход группы *чистый* *гласный* + *ми* в *ан* перед гласным на славянской почве известен: *гранъ, русск. *вяну*, *на-вяну*, при *вромъ*, *връмъти*,² *поманъ*, русск. *помянем* (1 л. мн. ч.) и т. п. при *мьнъти*.

12. Названия *Уперта* или *Уперть*, приток Упы (басс. Оки), *Усперт* Курской губ., *Перта*, приток Днестра, *Пертозеро* Олонецкой губ., *Пертница*, Минской губ. (басс. Уборти) составляют одну группу названий. С первым, если считать его *у* восходящим к *ж*, созвучно название реки Эриванской губ. *Амперт*,³ возможно иранского происхождения. Ср. *Протва* = *Пъръты Московской губ., озеро *Непоротское* Витебской губ., *Опороть*, *Уборть*; составные элементы не вполне ясны.

13. Приток Пилицы (басс. Вислы) носит название *Luciaza* = *Лютажа. Срв. *Лютежець* Киевской губ. Окончание то же в названиях *Веража* и *Вепряжа*.⁴

¹ Временник, стр. 9.

² Никким образом не от корня град-.

³ Некоторые сведения об этой закавказской реке см. в «Отчете о деятельности Академии Наук за 1927 г.», II, стр. 235. Близ этой реки гора Алагез, оз. Гокча, реки Архашан, приток Амперта, и Айгергель.

⁴ Последнее в Описании Полоцкого рубежа 1567 г.

14. Стефан Византийский приводит одно из древних названий Дуная *Ματόας*. Оно так близко к названию притока Эльбы в Чехии *Metuje*, что их можно соединить в одно целое. Ср. др.-инд. корень *tāu-*, *tāv-*, *tī* «быть сильным» (слав. *тыти*, *туж* и т. п.).

15. Речка *Збруч* на одной из старых карт сборника карт Кордта называется *Zebropce*, что следует читать в польском произношении *Zebgacz*. Ср. *Бруч*, Минской губ.

16. Названия озер *Go-plo* (между Одером и Вислой), *Лепле* или *Лепельское* («на озеръ на Лепль» — Описание Полоцкого рубежа 1567 г.), *Плин*, *Шепмино*, все в Витебской губ., — и рек *I-rep*, приток среднего Дуная, *Чепель*, приток Донца, *Лепля* в Арзамасском у., и т. п. восходят к **-пль-*, к тому же слову, которое мы имеем в чешском названии реки *Pli-sna*, русск. *Плиса*, *Плюсна*, *Плесна* и т. п. Ср. греч. *πελιός*, *πελλός* «серый», *πελαργός* «скворец», *πέλεια* «дикий голубь» и т. п.; но не следует забывать и лат. *palus* «болото» и т. п.

17. Название притока Эльбы у старых немецких писателей, несколько севернее нынешнего Магдебурга, *Tap-gega* = **Тжгъра?* (ср. название притока Тисы *Jagega*) своим носовым элементом позволяет нам предполагать, что в нижеследующих русских названиях *-у-* восходит к *ж*: *Турья*, озеро в Рязанской губ., *Тускорь*, река Курской губ.,¹ *Тусталь* в Волынской губ., *Туросна* и *Тутварка* в Черниговской губ. (срв. название *Твортъ*), *Туца* = **Ту-сца* в Смоленской губ., *Тухинка*, *Тунча* и т. п. Ср. др.-инд. *tama-*, слав. *тъма* и т. д.²

18. Названия речек *Бреза* (басс. средней Волги) и *Bzaza*, 1) приток Днестра, 2) горный поток в Галиции, восходят к **Бръза*. Ср. лат. *fragor* «шум» и родственные.

19. Названия *Негнад* и *Ногнад* принадлежат притоку Тисы на словацкой территории. С первой частью, восходящей к **Гър-*, мы связываем вторую часть русск. *О-горь* (басс. Днестра), др.-чешск. *Оягга*,

¹ Е. в. Марков в своем романе «Курские порубежники» (Русский Вестник, 1873, CV) склоняет это название то как слово мужского рода, то как слово женского рода.

² Ср. в наших «Новых русско-скифских этюдах» (ИОРЯС, XXXI) сказанное о *ку-* в *Ку-хрица* и т. п. (стр. 21—22). Ср. еще ст.-вр. *тъмо-зеленый*, *тъмо-хортый* (откуда современное *му-хортый*) и т. п.

Огга и *Оггё*, русск. *У-гга* и т. п.; вторая часть находится в русском названии притока средней Волги *Ел-надь* и в названии *Надва* = **Нады*, трех рек бассейна Днестра. Ср. др.-инд. *nadi* «река».

20. Приток Вислока на польской территории — *Stobnica*. Это название мы сопоставляем с русск. *Стобница* или *Стабница* (не знаем, где ударение), что восходит к **Стобъна* или *Стабъна*. Ср. лат. *tāneo* и родственные.

XVIII.

*Voisacq*¹ обратил внимание на одну глоссу Гесихия: *hamazakagan* «воевать» у персов, предполагая в ней иметь указание для объяснения греч. *Ἀμαζόνες* — амазонки, народ воинствующих женщин.

Едва ли эта глосса в данном случае может быть полезна. По нашему мнению, огреченное *Ἀμαζόνες* должно быть поставлено в связь с несколькими названиями скифских племен, образованными от прилагательного др.-иранск. *maza* «великий», именно с *Μαζαῖοι* народ на границе Паннонии и Далматии, с *Mazamacī*, скифское племя у Плиния, т. е. «самые великие, очень великие», с огреченным *Μασσαγέται*, в пределах средней Азии, *Μόσχοι* на северном Кавказе (= **maza-sag-?*) и т. п. По образованию оно однородно с названием народа в Азии *Σαχανοί* (Птолемей), т. е. восходит к **-mazana*. Вопрос: как объяснить начальное *a*? В ответ на него мы считаем возможным предположить, что это *a* в устах осмелявших слово греков заменило собой др.-иранское *hu-* «хорошо» и что первоначально название *амазонов*, народа, муж. р., звучало **hu-mazana* «хорошо великие». Сведения о месте кочевания этого народа мы имеем у Геродота IV, 110—117: не вдалеке на северо-восток от Азовского моря и от Дона. Понятно: произнося *Ἀμαζόνες* и понимая это название «бессосковые, не имеющие сосцов, грудей», греки перенесли на называемый так народ легенду о народе воинствующих женщин. Страна *амазонов* — *Θεμί-σχυρα*; с первой половиною названия ср. название скифского божества *Θαμι-μάσαδας* = *Повт-άρχης*.

А. Соболевский.

¹ Revue Archéologique, 1927, XXVI, 396.

К Слову о полку Игореве.

И. А. С. Орлов¹ обратил внимание на «плач» новгородцев по своему князе Мстиславе Ростиславиче, помещенный в Ипатьевском списке летописи под 1179 г. Приводим его целиком: «Наипаче же плакаху ся по немъ лѣпшии мужи новгородѣстии . . . и тако молваху плачущесе . . . добро бы ны, господине, съ тобою умрети . . . створшему толикую свободу новгородцемъ отъ поганыхъ, якоже и дѣдъ твой Всеволодъ свободилъ ны бяше отъ всѣхъ обидъ, ты же бяше поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже къ тому не можемъ тебе узрѣти, уже бо солнце наше заиде и во обидѣ всѣмъ остахомъ».

А. С. Орлов видит в приведенном тексте «след порчи»; именно, дедом Мстислава Ростиславича по всем спискам Ипатьевской летописи «ошибочно назван Всеволод», хотя несколькими строками выше он «правильно именуется Мстиславом».

Итак, по его мнению дело в «ошибке». Странна и ошибка, но не менее странна и похвалы: Мстиславу Ростиславичу за «сотворение свободы новгородцам от поганых», а его деду — за «освобождение» их «от всех обид», не говоря о жалобе «в обиде всем остахом». Домонгольский Новгород знал поганых только в лице язычников — чудь и литовцев, но до татарского разгрома литовцы не давали себя чувствовать Новгороду, и об «обидах» от них он не имел основания говорить. А чудь была ничтожна.

Как будто, плач новгородцев первоначально влагался в уста не новгородцев, а киевлян. Он был создан по случаю кончины не Мстислава

¹ ИОРЯС, XXXI, стр. 116 и сл.

Ростиславича, у которого не было деда Всеволода, а другого Мстислава, Мстислава сына Мономахова, действительно внука Всеволода (Ярославича), известных киевских князей, имевших дело с «погаными» — половцами и защищавших Киев от их тяжелых обид.

Если наше предположение верно, и в плаче новгородцев 1179 г., и во всем рассказе Ипатьевского списка о Мстиславе Ростиславиче под 1178 г.,¹ мы имеем перед собой извлечение из недошедшего до нас произведения русского дружинного творчества, упоминавшего об Мстиславе Владимировиче по случаю его кончины или по случаю какого-либо другого печального события, где пришлось вспомнить и о самом Мстиславе, и об его деду Всеволоде.

Первый был киевским великим князем в 1125—1132 гг., второй — в 1078—1093 гг.

Летописец или летописец, сделавшее извлечение, на месте половцев своего источника написал чудь и таким образом заставил князя «освободить» от нее «Новгородскую землю».

П. Н. И. Серебрянский в исследовании о древне-русских княжеских житиях² издал «плач великого князя Юрия Владимировича», по очень плохому позднему списку, несомненно вырванный из какого-то произведения. Вот он:

«(0) страшнаго, ужаснаго, великаго плача! О великаго плача и болѣзни исполни(ша)ся вси русстии князи; великий же князь Юрьи Всеволодовичъ отъ великаго кричания лежа (3 л. ед.) яко мертвъ на земли. И едва отлияша его, носяще по вѣтру, едва отдохну (ду)ша³ его . . .

«. . . Днесь кому приказываете мене, солнце мое драгое, мѣсяць мой прекрасный? Почто рано зашли есте? . . . Где, господине, честь и слава ваша? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на

¹ Мстиславу Ростиславичу «вложи Богъ въ сердце мысль блугу — поити на чюдъ . . . и рече имъ: братие, се обидять ны погани. А быхомъ помьстили себе и свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ».

² Чтения, 1915 г., кн. 3, стр. 162 (и отд. отт.).

³ В рукописи: отлиявше . . . отдохнувшя.

земли пуста¹ и зракъ лица вашего измѣнися . . . Не слышасте ли,² господине, словеса моихъ . . .

« . . . О земле, земле! о, дубравы, дубравы! Все плачете со мною! Како нареку день той и воспишу (?),³ вонже толико погibe государей и великихъ, храбрыхъ удалцовъ⁴ и не единъ не возвратися; вси равно умроша и едину чашу смертную пиша . . . ».

«Господами» в этом «плаче» называются те русские князья, которые погибли в битве на Калке. Как известно, это были южнорусские князья; Суздальская Русь в Калкском бою не участвовала. Повидимому несчастный бой с татарами был воспет каким-то дружинным певцом где-то в северо-восточной Руси, там, где имел значение великий князь Юрий. Отсюда его «плач». Но конечно, рядом с этим плачем, могли быть также «плачи» других северных князей, например, переяславского князя Ярослава.

III. Это ведет нас к «Слову о погибели Русской земли», где упоминаются оба князя Всеволодовича — младший, Ярослав, на первом месте, старший, Юрий, — на втором. Первый назван «нынешним», т. е. современником составления «Слова»;⁵ второй назван без эпитета; его имя указывает на дату «Слова» — до года битвы при Сити, где он пал, до 1238 г. Таким образом, «Слово о погибели Русской земли» может быть связано с Переяславом Залесским эпохи княжения в нем самостоятельного князя, и его главным содержанием, поведшим к его назва-

¹ Так в рукописи.

² Эта частица не лишняя ли?

³ См. ниже.

⁴ Слово *храбръ* в литературном языке древней Руси употребляется со значением «богатырь». Поэтому можно было бы смотреть как на позднюю прибавку на слово *удалцовъ*; но см. ниже.

⁵ Это наименование считается заимствованным из Слова о полку Игореве. Но заимствуются не обыкновенные слова, как «нынешний», а меткие названия, красивые фразы и т. п. К характеристике этого Ярослава: в житии Александра Невского он называется «кротким» и «мужелюбцем» (Серебрянский, стр. 110). Как известно, с Ярославом Всеволодовичем связано также «Моление» Давида Заточника, принадлежащее его дружиннику «бахарю» и составленное между Калкскою битвою и погромом Батия.

нию, должна быть считаема та же Калкская битва 1224 г., о которой мы упомянули выше.

Отсюда наше предположение: «Слово о погибели Русской земли» и «плач» великого князя Юрия — куски одного дружинного произведения, составленного в Переяславле Залесском в 1224 г. или вскоре после этого года.

IV. С «плачем» великого князя Юрия Всеволодовича тесно связан плач рязанского князя Ингваря Ингоревича «о братии побѣнныхъ отъ нечестиваго царя Батия», изданный по рукописи XVI в.¹ во Временнике Моск. Общества Истории и Древностей Российских (1852, кн. XV). Он введен в связь с рязанскими повестями об иконе Николая Зарайского, о кончине княгини Евпраксии и об Евпатии Коловрате. Его текст, не отличной сохранности, помогает нам исправлять напечатанный текст «плача» Юрия. Свежесть красок свидетельствует в пользу современности «плача» событиям.

Переиздаем «плач» Ингваря, не сохраняя мелочей орфографии.

После рассказа об отдаче тела Евпатия его дружине для погребения, мы читаем:

«Князь Ингварь Ингоревичъ въ то время былъ у брата своего у князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, Богомъ соблюденъ; и вкорѣ преиде во градъ Рязань . . . Видя брата² своя побѣнны отъ нечестиваго царя Батия и снохи своя и сродники своя и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, земля пуста, церкви пожжены, святыхъ образы ободраны и переколоты, и все узорчье взято рязанское и черниговское, и жалостно кричаше, яко труба рати гласъ пуцающа, и *отъ великаго кричанія лежаше на земли яко мертвъ. И едва отлягша его, и носяще по вѣтру едва отдохну душа его въ немъ.*³

«Кто бо не восплачется такія погибели, или кто не возрыдаеть о селицѣхъ народе людѣй, или кто не пожелитъ множество государей

¹ Вероятно, М. П. Погодина.

² Надо читать: браты? или братью?

³ См. выше, в «плаче» Юрия.

и храбрыхъ воеводъ и нарочитыхъ людей... напрасно нужною смертию скончашася, или кто не посточетъ сичеваго плѣненія?

«Князь Ингваръ Ингоревичъ похраняше снохи своя и сродники своя. И призва епископа и начаша собирати поны и дьяконы, которые Богомъ соблюдены, и похраниша труція мертвыхъ, и очисти мѣсто и осяти... И собраша людие, даша имъ мало утѣшенія, поминая братію свою и родство свое и все узорочье рязанское... вскорѣ погибе... Сія вся наиде грѣхъ ради нашихъ, ибо градъ и земля Рязанская... измѣнися доброта ея и отыде слава ея, и не бѣ что въ ней благо вѣдати,¹ токмо дымъ и земля и пепель... А церкви вси погорѣша, а сама соборная церковь внутри погорѣ и почернѣ... Не единъ бо сій градъ плѣненъ бысть, но (и) ини мнози... и не бѣ бо во градѣ пѣнія ни звона... въ радости мѣсто плачь всегда творяще и рыданія...

«Прииде князь Ингваръ Ингоревичъ, гдѣ побіени быша братья его отъ Батя: великій князь Юрьи Ингоревичъ Рязанскій и братъ его князь Олегъ Ингоревичъ Красной и братъ его Давыдъ Ингоревичъ Муромскій и братъ его Давыдъ Ингоревичъ Коломенскій² и Всеволодъ Пронскій и иніи князи мѣстные, воеводы крѣпкіе и многіе удалцы и рѣзвцы, воспитаніе и узорочье рязанское, лежаше³ на земли пусти, на травѣ ковылтѣ, никимъ не брегоми, и отъ звѣрей тѣлеса ихъ снѣдаема и отъ множества птицъ растерзаема, вси бо купно умроша и едину чашу смертную пиша.⁴ Видя же то князь Ингваръ Ингоревичъ, и возопи горькимъ гласомъ, вельми ревнѣи, слезы отъ очію испущающи яко струю сильну, утробою распалающи(ся), въ перси руками бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающи, яко органъ сладко вѣщающи. И рече сиче: о милая моя государя⁵ братья! Како успе, животе мой драгій? Мене единого сира остависта въ толицѣ погибели суца! Почто азъ преже васъ не умрохъ?

¹ Надо читать: видати?

² Повидимому, было два брата с именем Давыдъ.

³ Надо читать: лежаша?

⁴ Ср. во Временнике (стр. 16) перед повестью об Евпатии: «и многие князи местные и воеводы крѣпкіе и удалцы и рѣзвцы и узорочье и воспитаніе рязанское, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни единъ отъ нихъ возвратися вспять, вси вкупѣ мертви лежаша...»

⁵ Во Временнике: государя. Далее ряд форм двойственного числа.

Како заиде, свѣте очію моею? Гдѣ отошли есте, сокровище живота моего? Почто не промолвите ко мнѣ, цвѣте мой? И прекрасніи виногради мои многоплодніи, уже не подасте сладость души моей?¹ Чему, государи, не возрите ко мнѣ и не промолвите со мною? Ужели забыли есте брата вашего, (отъ) единого отца рожденнаго — великаго князя Ингоря Святославича, и единимъ сосцемъ воздоеннаго,² честнаго плода и святыя утробы матери нашея великія княгини Агрипѣны Ростиславовны?... многоплоднаго винограда уже не подасте сладости души моей! Кому приказываете мя, солнце мое драгое, рано заходящее, мѣсяцъ мой красный, скоро погібшій? Звѣзды восточны, почто рано зашли есте? Гдѣ честь и слава ваша? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусти, никимъ не брегоми, ни чти приемлете;³ измѣни бо ся ваша слава и зракъ лица вашего премѣнися во истѣбніе! Милая моя братья, дружино ласковая, уже не повеселюся съ вами; свѣте мой свѣтлый, чему помрачилися есте? Немного бо порадовахся съ вами... юность бо не отыде отъ васъ, а старость не постиже васъ! Аще услышитъ Богъ молитву вашу, то помолитесь о мнѣ, братѣ нашемъ, да вкупѣ умру съ вами! За веселье плачь и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь явися ми... Прочто язъ преже васъ не умрохъ, дабы не видѣлъ смерти вашея и своя погибели... Не слышите ли, господіе, бѣдныхъ моихъ словесъ, жалостно вѣщающи...

«О земля, земля! О дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той или воспишу его, вонъже погибе толико государей и многое узорочье рязанское, храбрыхъ удалцов, ни единъ же отъ нихъ не возвратися вспять, но вси равно умроша и едину чашу смертную испиша... Се бо въ горести душа моя, языкъ мой связается, уста загражаются, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣваетъ,⁴ крѣпость изнемогаетъ.

«Бысть убо тогда многи туги, скорби и слезы и воздыханія и страха и трепета и всѣхъ злыхъ находящихъ на ны грѣхъ ради нашихъ. Князь

¹ Там же: моея.

² Там же: воздоеннымъ.

³ Там же: приемлемо.

⁴ Во Временнике: отпусмеваеть.

великій Ингварь Ингоревичъ воздѣ рущѣ на небо, со слезами глаголаше: Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ мя избави мя! Пречистая Владычице Богородице, Мати Христа Бога нашего, не остави мене во время печали моея! О великіе страстотерпици и сродницы наши Борисъ и Глѣбъ, будите мнѣ грѣшному помощники въ бранехъ на супостаты наша! О братіе мои, государи, помогаите ми во святыхъ своихъ молитвахъ на агаряни внуци¹ измаильтескаго рода!»

Пропускаемъ краткій рассказъ о погребеніи убитыхъ рязанскихъ князей и переходимъ къ ихъ похвалѣ. Именъ ихъ нетъ, но судя по ряду форм двойственного числа, похвала имеетъ въ виду только двухъ князей старейшихъ, взрослыхъ и женатыхъ; другіе погибшіе братья были, повидимому, подростками. Похвала составлена несомненно современникомъ, рязанцемъ, судя по упоминаніямъ о пиrowаніяхъ — дружинникомъ. Позвоительно предполагать, что этому дружиннику принадлежитъ и переделка «плача» Юрія Владимірскаго въ «плачъ» Ингваря Рязанскаго. Время — до битвы на Сити.

«Тѣи бо государи — рода Владиміра Святославича, сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговскаго... баше бо родомъ христоролюбивые и братолюбивые, лицемъ красни и очима свѣтли, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легки, къ бояромъ ласковы, къ прѣзжимъ прѣвѣтливы, на пиrowаніи тчивыи,² церквамъ прѣлежны, до государскихъ потѣхъ отчѣи,³ ратному дѣлу велми искусны, на недруги велми храбры, половцомъ грозны, къ братіи своей и къ ихъ посланникомъ величавы, мужественно⁴ умъ имуща, въ правдѣ же и истиннѣ пребываѣта, чистоту душевную и тѣлесную безъ порока соблюдаѣта, святаго корени отрасли и Богомъ насажденнаго сада цвѣти прекрасная, воспитани быѣта во благочестіи, милостивы, со всяцѣмъ наказаніемъ духовнымъ, отъ самѣхъ пеленъ боговозлюблены, о церквахъ Божіихъ велми печашеся,⁵ пустошныхъ беседъ не творяща, срамныхъ глаголь не

любяща, злоправныхъ человекъ отвращашеся, а со благими всегда бесѣдоваѣта, божественныхъ писаній всегда во умиленіи послушаѣта, ратнымъ же во бранехъ страшни являѣся и мнози врази возстающіи нанѣ¹ побѣдиша и во всѣхъ странахъ славно имя имяще, къ греческимъ царямъ велику любовь имуща, и дары отъ нихъ многіе взимаѣта, и во брацѣ цѣломудренно живяѣта, смотряюща своего спасенія, въ чистой совѣсти и крѣпости, и разумно держа земное царство, а небесному приближаяся, плоти угодія не творящи, соблюдающіи тѣло свое по брацѣ чисто и грѣха непричастна, государскій бо санъ держаща, а посту и молитвѣ прѣлежаща, и честь отъ всего мира прѣимаѣта, а крестъ Христовъ на рамя своемъ ношаѣта, а святыя дни святаго поста чисто храняѣта, а по вся святыя посты причащаѣтася святыхъ пречистыхъ тайнъ и многи труды и побѣды по правой вѣрѣ показаша, съ погаными половци часто бѣяѣся за святыя церкви и за православную вѣру, а отчину свою отъ супостатъ безъ лѣности храняща, а милостину неоскудно дающе, и ласкою своею многихъ отъ невѣрныхъ царей, дѣтей ихъ и братію къ себѣ прѣимаѣта и на вѣру истинную обраѣтаѣта».

С «плачемъ» Рязанскаго князя представляетъ очень много общаго «плачъ» вдовы Димитрія Донскаго по умершемъ муже. Текстъ «Слова о Димитрії Донскомъ» приспособленъ къ московской обстановкѣ; темъ не менее одни и те же выраженія, фразы въ обоихъ плачахъ бросаются въ глаза. Можно сказать: московскій «плачъ» — переделка рязанскаго.

За «плачемъ» Московской великой княгини следуетъ краткій рассказъ о погребеніи Димитрія Донскаго, а за нимъ слова, не имеющие себе соответствія въ рязанскомъ «плаче»:

«О страшно чюдо, братіе,³ и дива исполнено!... О трепетное видѣніе и ужась обдержаше! Слыши, небо, и внуши, земле!... Нудить мя языкъ ясѣе рещи. Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій князь земли Русьскыя Дмитрій Ивановичъ, аеръ возмутися, земля трасаѣся...»

¹ Не лучше ли читать: на Агаряны внуки?

² Изъ тѣхъ.

³ Надо читать: тчивыи? охочіи?

⁴ Надо читать: мужественъ?

⁵ Надо читать: печашаѣся?

¹ Надо читать: на ны?

² Изданъ въ тексте Софійскаго Временника: т. I, стр. 390—394.

³ Отмечаемъ это обращеніе, то же, что находится не разъ въ Словѣ о полку

Следует пространная похвала Димитрию, со сравнением покойного с Авраамом, Исааком, Моисеем. Автор называет себя «недостойным». Повидимому, это было духовное лицо, писавшее вскоре после кончины Димитрия.

Похвала Димитрию вполне самостоятельна и не имеет связи с похвалою рязанским князьям, приведенной выше.

Савва, еп. Крутицкий, в своем Житии Иосифа Волоцкого (по изданию Невоструева, стр. 32),¹ предлагает нам поздний отзыв «плачей» — «плач князей и бояръ и благородныхъ отроковъ» при виде умирающего юного князя Иоанна Борисовича. Когда князь «бысть безъ дыханія», они «начаша велими гласы възвити, глаголюще: «О возлюбленный княже, милый! Гдѣ твоя сладкая очима доброта? Гдѣ очи свѣтлы на насъ и радости възирающей? Гдѣ устнама радостное и любовное оклабление? Почто мы напередъ тебе не умрохомъ? Что насъ на скорби оставляеши? Уже намъ тебя, свѣта очю нашею, на земли сей не видѣти: отходиши бо, свѣте, отходиши отъ насъ, и не вѣмъ, камо отходиши, а насъ оставляеши! Гдѣ твоя любовь? гдѣ привѣтъ? гдѣ твое сладкое и умиленное слово? гдѣ наша честь и слава? вся ли во что же быша, вся погибоша!... А нинѣ же бжющесе о землю глаголюще: о земле, прими насъ напредъ государя нашего, еже бы мы не видѣли смерти государя нашего».

«Плачи» в древней Руси были очень распространены. Они нередки даже в летописях. Иногда их называют *караньями*; глагол *карити* «причитать над умершим» — в летописи по Ипатскому списку под 1262 г. До-монгольское «Слово нѣкоего христолюбца» (по изданию Н. К. Никольского)² имеет перечень такого рода: «ворожа, куксы, рожаничная (= рожаницам) трапеца, моление коровайное (= перед короваем), *оканная желтня и каранья на пирахъ*». В другой редакции того же Слова мы читаем: «отгонита зависть, клевету, хулу, ересь, лихоимание, рѣзоимство, изгойство... , обьяденье, пьянство, идоломоление, чародѣйство, наузоношение, волхованье, ворожю, кусты, рожаничную тра-

¹ Написано в половине XVI в.

² Материалы для истории древне-русской письменности, стр. 113. Сборник ОРЯС, т. 82.

пезу, моление коровайное, приповѣданье навемъ, оканая желтня и каранья» (Сборник 1491 г. Публ. Библ.).¹

Пиры и «бесѣды» были одним из мест для «окананных» плачей. Если Слово о полку Игореве, исполненное на великокняжеском дружинном пиру, где могло быть киевское духовенство, не свободно от упоминаний о Велесе, Дажьбоге, Стрибоге, Трояне, то другие однородные произведения, включавшие в себе «плачи», на пирах и беседах простых людей, могли иметь в себе языческо-мифологический элемент в более яркой сохранности и в большем обилии.

В. А. И. Лященко в своих «Этюдах о Слове о полку Игореве»² дает ряд интересных соображений о времени составления Слова. Между прочим он говорит: «Относить написание нашего памятника ко времени после приезда Владимира Игоревича из плена вообще нет серьезных оснований» (стр. 138). А этот приезд был после 25 сентября 1187 г., тогда как несчастный бой Игоря Святославича был в мае 1185 г. почти тремя годами ранее. По словам А. И. Лященко, автор Слова, когда писал первую часть своего произведения, с «плачем» Ярославны включительно, — еще «не знал» об удачном побеге Игоря (стр. 144). Отсюда наблюдения А. И. Лященко над взаимными отношениями Слова и Ипатской летописи (ее рассказа о походе Игоря) и в результате их заключение о «влиянии» летописи на Слово и о «создании» Слова в 1185 г. (стр. 158).

Мы охотно соглашаемся с заключением автора о создании Слова в 1185 г., но с ограничением: та только часть Слова написана в 1185 г., осенью этого года, которая оканчивается «плачем» Ярославны. В этой части о Владимире Глебовиче Переяславском говорится как об израненном, но еще живом; не раз говорится о «ранах» Игоря, которые к 1187 г. уже зажили; ярко рассказывается об опустошительном набеге

¹ Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1896 г., стр. 110—111. Разница между *жалением* и *караньем* нам неизвестна. *Приповѣданье* — посвящение. С *карити* срв. др.-инд. *kāṅi* — «поэт», греч. *χάρῖς*, *χάρῖς* «глашатай» и др., слав. *чарь*, *чародѣй* и т. п.

² Известия ОРЯС, XXVI.

половцев на южную Русь; энергично призываются русские князья к отпору и мести. Все это могло быть составлено только под самыми свежими впечатлениями событий, непременно в Киеве и непременно в дружине тогдашнего киевского великого князя Святослава Ольговича. Иное дело, другая часть Слова, следующая за плачем Ярославны, ничем не связанная ни с этим плачем, ни вообще с первой частью Слова, хотя принадлежащая, почти несомненно, ее автору, почитателю Бояна. Заключительные слова этой второй части: «пѣвши пѣснь старымъ княземъ, потомъ молодымъ пѣти: слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу; здрави (будете) князи и дружина, поборая за христьяны на поганья пѣлкъ».

Если некоторая связь между первой частью Слова и рассказом летописи чувствуется, то этого нельзя сказать о второй части. Здесь даже имя половчина, помогавшего Игорю бежать и вместе с ним бежавшего, — половецкое: Овлур, Влур, тогда как летопись несколько раз называет его Лавор, т. е. Лавр.

Как будто, вторая часть принадлежала первоначально другому произведению, не Слову о полку Игореве, где главным предметом были «трудныя повѣсти» о неудачном походе Игоря, — произведению, где воспевались, главным образом, «старые» князья, старые сравнительно с немолодым уже Игорем. В первой части только рассказ о сие Святослава мог бы быть назван «пѣснью старымъ князьямъ», и то с большою натяжкой. Очевидно, произведение, в которое первоначально входила эта вторая часть, было прославлением за борьбу с погаными князьями, предшественников Игоря в этой борьбе. Правда, перед рассказом о сие Святослава имеется фраза: «а мы уже, дружина, жадни веселия». Но она совершенно не связана ни по смыслу, ни по словам, ни с предшествующим текстом, ни с последующим; она — какой-то обрывок не дошедшего до нас куска Слова. Ср. мнение об этом месте Слова П. Л. Маштакова.¹

Наше мнение таково: Слово о полку Игореве оканчивается «плачем» Ярославны; это — естественный и эффектный финал произведения,

финал не только поэтический, но — вероятно — и музыкальный. К нему была (кем и когда — не знаем) присоединена, по связи содержания, часть другого произведения, подобного Слову, но в других тонах, составленного приблизительно через три года после Слова тем же дружинным певцом. Как это произведение называлось, о каких старых князьях, о каких событиях и подвигах говорило, мы не можем даже догадываться.

VI. Слово о полку Игореве упоминает о «босом» волке. Комментаторы Слова обыкновенно поправляют *босой* на *бусый*, представляя себе волка по цвету шерсти не серым, а дымчатым. Напрасно! Один из служивых помещиков московской Руси XVI в. носит имя *Босой Волк*. Его потомки в XVII в. уже называются по фамилии Босоволковы. Кажется, этот род существует и теперь.

Очевидно, старая Русь знала не только обыкновенного волка, но также какую-то его разновидность, именованную *босой волк*. Как известно, летопись XII в. упоминает как о ценном, редком мехе — о *белом* волке. Приходилось слышать, что такой волк существует еще в наши дни в лесах северного Заволжья и Сибири (в Сибири, говорят, попадается и красный волк). Не этот ли белый волк у охотников в старину назывался *босым*?

Малорусские говоры (см. словарь Гринченка) употребляют *босий* в значении «белоногий»: босая корова и т. п. Не был ли особенно белоногим белый волк?

К *мла* Слова. «Дневальные Записки Тайного приказа» 5 ноября 1662 г. отмечают: «шоль дозжикъ мглюю и снѣгъ».¹

К *обѣсия* Слова. Житие кн. Ольги, Сильвестра: «елень вьсхити царя рогом за пояс, и обѣсия на рогу его» (= повис), л. 85.

К *паперсь* Слова. «Описание казны митрополита Никона» упоминает, как часть конской сбруи: «паперсть серебряная, — плащи (бляхи) золочены... по лазоревой тесмѣ».²

¹ Чтения, 1908, кн. 1, стр. 159.

² Временник, кн. XV, стр. 66.

¹ Известия ОРЯС, т. XXIII, кн. 2.

В статейном списке посла в Персию Васильчикова (к. XVI в.) мы читаем: «седло и узда и паперсть, ковано серебромъ».¹

В «чуде» Варлаама Хутынского 1460 г. (Сборник Румянцевского собрания № 154, XVI—XVII вв.) мы встретили несколько раз употребление формы *было* в значении «было бы»: «добро ти было, чадо, здѣ жити», и т. п., то же, что в начальных строках Слова.

А. Соболевский.

Поп Сильвестр и Домострой.

1. КТО БЫЛ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ПОП СИЛЬВЕСТР?

«Послание и наказаніе отъ отца къ сыну», принадлежащее Сильвестру и им составленное для сына Анфима, предлагает нам ряд автобиографических данных о Сильвестре.

«Въ Новѣгородѣ и здѣ, на Москвѣ, вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста, изучихъ, кто чего достоинъ (кто к чему способен), многихъ грамотѣ и писати и пѣти, иныхъ иконного писема, иныхъ книжнаго рукодѣлія, овѣхъ серебрянаго мастерства и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлій; а иныхъ всякими торговли изучихъ торговать...».

«Мужскій полъ поженили у добрыхъ людей и все тѣ, далъ Богъ, свободны, своими добрыми домами живутъ, многи во священническомъ и во дьяконскомъ чину и въ дьяцѣхъ и въ подьячихъ и во всякихъ чинѣхъ, кто чего догодился и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти. Ови рукодѣльничаютъ своими промыслами, а многіе торгуютъ въ лавкахъ, многи и гостьбы дѣютъ въ различныхъ земляхъ всяки(ми) торговыми».

«А Божією милостію, во всехъ тѣхъ нашихъ вскормленникѣхъ и послуживцѣхъ ни соромота, ни убытокъ, ни какая продажа отъ людей, ни людемъ отъ насъ, ни тяжа отъ насъ не бывала...».

«Отъ юности и до сего времени на поруку не давалъ никого, ни меня не давалъ никто во всякихъ вещехъ, и на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ, ни искивалъ, ни отвѣчивалъ. А видѣлъ еси самъ — въ рукодѣльяхъ и во многихъ во всякихъ вещехъ мастеровъ всякихъ было много: иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, и плотники,

¹ Труды Восточного Отдела Русского Археологического Общества, т. XX, стр. 94.

и каменщики, и всякіе,¹ и кирпищики, и стеныщики,² и всякіе рукодѣльники; деньги имъ даваны на рукодѣлье напередъ, по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и болши; а многи были чмуты³ и бражинки. И со всеми тѣми мастера въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, разлѣзлося⁴ безъ остуды, и безъ пристава, и безо всякія кручины . . .».

«Кому что продаывалъ, все въ любовь, а не въ омань;⁵ не полюбить кто моего товару, и азъ назадъ возьму, а деньги отдамъ. А отъ купли и отъ продажи ни съ кѣмъ брань и тяжба не бывала; ино добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣ, и иноземцы; никому ни въ чемъ не слыгивано,⁶ ни манено,⁷ ни пересрочено, ни въ рукодѣльи, ни въ торговли».

Сильвестр говоритъ сыну: (ты) «изученъ всякому закону христіанскому и промыслу доброму, во всякихъ торговлехъ и во всякихъ товарѣхъ наказанъ, . . . съ добрыми людьми водишися и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть . . .».

«Работныхъ своихъ всехъ свободихъ и надѣлхъ, и ины окупихъ изъ работы и на свободу попускахъ. И все тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ . . .».

«Былъ Божіею милостію отъ всехъ почитаемъ и всеми любимъ и всякому и въ потребныхъ⁸ уноровилъ, и рукодѣльемъ, и службою, и покореніемъ, а не гордынею . . .».

Прибавимъ еще признание Сильвестра во второмъ послании его къ кн. Шуйскому-Горбатову:

¹ Далее пропущено слово? Или это «всякіе» попало сюда изъ следующей строки?

² Слово изъ другихъ памятниковъ намъ неизвестное. Повидимому означаетъ техъ мастеровъ, которые въ храмахъ у стенъ ставятъ подмостки (леса) для иконописцевъ, когда происходитъ расписываніе этихъ стенъ.

³ Плут, обманщикъ.

⁴ Разошлись, покончено.

⁵ Обман.

⁶ Солгано.

⁷ Отделался обещаніемъ?

⁸ В продуктахъ? См. Домострой — о продаже излишковъ ненужныхъ для хозяйства.

«Видиши грѣшника въ житейскихъ пребываніихъ изобилующа и славно живуща, якоже азъ, окаянный».

Приведенные данные рисуютъ намъ Сильвестра не только какъ «мастера», учившаго грамоте, пению, церковному обиходу и выведившаго молодыхъ людей въ священники, дьяконы, подьячие, книжные писцы, но также какъ иконописца, серебряныхъ делъ мастера и торговца. Очевидно, онъ торговалъ иконами и серебряными изделиями, но преимуществу теми, которые идутъ на украшеніе иконъ (цаты, венцы, басма), церковныхъ книгъ (евангелие) и вообще храмовъ (кресты, лампы). Такихъ священниковъ было не мало, между прочимъ, въ Москвѣ XVI в. и XVII в.; они владели лавками въ гостинныхъ рядахъ и, повидимому, часто были более торговцами, чемъ священниками. Свои изделия Сильвестръ называетъ «рукодѣліемъ». Сверхъ того, онъ принималъ видное участіе въ росписи стенъ фресками въ церквахъ и монастыряхъ. Сильвестръ призываетъ на сына благословеніе Николы (Мирликийскаго), Петра и Алексія (митрополитовъ Московскихъ), Сергія и Никона (Троицкаго Сергіева монастыря), Варлаама (Хутынскаго), Кирилла (Белозерскаго) и Александра (Свирскаго?). Какъ будто въ этихъ именахъ мы имеемъ указаніе на храмы и монастыри, гдѣ происходила иконописная работа Сильвестра.¹

Какъ торговецъ разнообразнымъ товаромъ и иконописный мастеръ, Сильвестръ имелъ дела, между прочимъ, съ иноземцами. Мы не знаемъ, что именно онъ покупалъ у нихъ (можемъ догадываться: серебро-металл, краски, шелковые и др. ткани). Трудно делать даже предположенія, что онъ могъ продавать имъ. Но у его сына и воспитанника была съ иноземцами и «великая» торговля и дружба, что, вероятно, и привело этого сына къ видному мѣсту на таможенномъ дворѣ (въ Новгородѣ?), едва ли не въ чинѣ дьяка, гдѣ у него въ подчиненіи были не только сторожа, но и подьячие.

Сынъ, которому Сильвестръ писалъ уже после сорока лѣтъ деятельности, былъ далеко не молодъ; очевидно, онъ жилъ своимъ домомъ съ женою и детьми и велъ свои торговые дела независимо отъ отца, какъ торговецъ заграничными товарами (въ Новгородѣ?).

¹ «Жалобница» Сильвестра собору указываетъ на хорошее знакомство его съ иконописнымъ деломъ и съ иконописцами.

II. КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ДОМОСТРОЙ?

«Послание и наказание отъ отца къ сыну», составляющее 64-ю главу Домостроя по Коншинскому списку и сродным с ним, является несомненным произведением Сильвестра.¹ Его имя вместе с именем его сына, находится в первой же его строке; автобиографических подробностей так много, что о внесении его имени в чужой анонимный труд не может быть речи.

Но кому принадлежит собственно Домострой?

В Погодинском списке Домостроя № 1137, Коншинского типа, первая глава начинается словами: «Благословляю я, грѣшный Селивестръ, и поучаю и наказую и вразумляю своего сына Анфима и его жену Пелагѣю . . .», и как будто представляет древнейшее чтение этой главы. Можно бы было видеть здесь заимствование из «Послания и наказания отъ отца къ сыну», но этому препятствует присутствие в первой главе имени жены Пелагеи, отсутствующего в Послании и наказании.

Список М. Общества Истории и Древностей, старший из до нас дошедших, дает нам первую главу без имен, но с важным следом первоначального текста: не названный по имени *сын*, совсем не кстати, именуется *единочадным*. Очевидно, этот эпитет был в прототипе первой главы, близком к Погодинскому списку. И здесь мы не можем видеть заимствования из Послания и наказания: в последнем Сильвестр дважды называет сына *единочадным*, т. е. дает синоним к слову *единочадный*.

Приходим к заключению, что первая глава Домостроя первоначально имела в первых строках своих имена Селивестра, Анфима и Пелагеи, из них имя Анфима с эпитетом *единочадный*, т. е. имела ясное свидетельство принадлежности ее Сильвестру, а вместе с нею и вообще первоначального Домостроя.

Теперь перед нами спорный вопрос об авторе Домостроя. Только что приведенные нами данные давно известны. Они до сих пор не удовлетворяли исследователей. В виду этого обращаемся к языку Домостроя.

¹ Главная его часть, оканчивающаяся благословением и прощением сына, написана раньше, чем заключительные советы сыну по случаю назначения его к таможенным делам. Но хронологическая разница едва ли сколько-нибудь значительна.

Послание и наказание считаем бесспорным произведением Сильвестра. Повторяем: обилие автобиографического материала убеждает нас в этом вполне.

Посмотрим словарные данные текста Домостроя.

При значительной разнице в количестве словарных данных, мы все-таки замечаем в Послании и наказании целый ряд таких слов и групп слов, которые находятся, иные не раз, — в собственно-Домострое, но не принадлежат к числу обычных, часто встречающихся в московских текстах XVI—XVII вв.

Это — *порядня* (хозяйство), *обиход*, *рукоделье*, *рукодельник*, *рукодельничати*, *промысл*, *вежество*, *дружба*, *телесная чистота*, *без лукавства*, *без хитрости*, *покорение*, *укоризна*, *посмех*, *остуда*, *уроки* (жалованье), *скорбный* (несчастный), *нужный* (нуждающийся), *волхвы и кудесники*, *хлеб и соль и питье*, *рабы и рабыни*, *сажати за стол*, *богобоязливый*, *потребная*, мн. ч. (продовольствие), *нелицемерная любовь*, *кручиновато дело*, *по силе*, *смотря* (по делу, по вине, по человеку и т. п.), *разсужати*, *сметити* — *сметати*, *наказовати* — *наказую*, *обзиратися* (оглядываться), *пользоватися* — *пользуюсь*, *просмеивати*, *укоряти* — *укаривати* и т. п.

Из этих слов и выражений прежде всего остановимся на *кручиновато дело*. Это сочетание слов в других памятниках нам не встречается; едва ли это — не местное, не новгородское выражение; оно находится в Послании и наказании на стр. 68 печ. издан., а в списке Коншинском в 38 главе.¹

Риторическое: *нелицемерная любовь* также представляет из себя значительный интерес. Мы читаем: «истинную правду и *любовь нелицемѣрную ко всемъ*» (Посл. и нак., стр. 63) с одной стороны и: «милосердіе и *нелицемерная любовь ко всякому*» (сп. Конш., гл. 23), «милость и *нелицемерную любовь во всемъ*» (гл. 25), с другой.

Риторическое: «милото *душетѣльного* друга хмельново питія», Посл. и нак., стр. 63; рядом: «отъ всякихъ *душетѣльныхъ* дѣлъ *душетѣльныхъ* и временныхъ помощи», сп. Конш., гл. 23.

¹ Мы пользуемся изданием А. С. Орлова.

Живое: «все то мирено *хлбомъ да солю да питьемъ* да подачею (подаркомъ) в Посл. и нак., стр. 68, находит себе повторение в сп. Конш.: «почестку (почестъ) учинишь *хлбомъ да солю да питьемъ*» (гл. 40).

Живое: «изучихъ (научихъ) *кто чего достоинъ*, многих грамотъ и писати и пѣти», Посл. и нак., стр. 66; ср.: «людей . . . дворовыхъ держати, чтобы были рукодѣльны, *кто чему достоинъ* и какому рукодѣлю ученъ» в сп. Конш., гл. 22. Значение: «кто к чему способен». В других текстах XVI—XVII вв. в этом значении мы не знаем.

Живое, в Посл. и нак.: «*съ собою сажай за столъ*», стр. 67, имеет повторение в сп. Конш.: «*у себя за столъ сажати*» (гл. 60).

Риторические сочетания в Посл. и нак.: «*отъ праведныхъ трудовъ, въ неправеднымъ богатствѣ, въ неправеднымъ имѣннѣ, въ праведнымъ убожествѣ*», стр. 62; при: «*отъ праведныхъ трудовъ, всякаго неправеднаго стяжанія, праведнымъ стяжаніемъ*», — в сп. Конш. гл. 25; «*отъ своихъ праведныхъ трудовъ*», гл. 22; «*добрыми дѣлы и праведными труды*», гл. 22.

Еще в Посл. и нак.: «*посмѣхъ каковъ или укоризна, кто въ посмѣхъ поноситъ*», стр. 65; в сп. Конш.: «*съ укоризною и съ поношеніемъ*», гл. 27; «*отъ людей укоръ и посмѣхъ*», гл. 15; «*укоризна отъ сусѣдъ и посмѣхъ предъ враги*», гл. 17; «*за посмѣхъ не выпшто*», гл. 47.

В Посл. и нак.: «*благословилъ . . . благословеннымъ стяжаніемъ*», стр. 62; ср. в сп. Конш.: «*благословенными плоды и праведнымъ стяжаніемъ*», гл. 25.

В Посл. и нак.: «*домочадцевъ одъвай и корми довольно*», стр. 64; ср. в сп. Конш.: «*государи бы людей своихъ . . . кормили и поили и одъвали и въ теплѣ бы жили и во всякомъ покоѣ*», гл. 22.

В Посл. и нак.: «*(жена) умѣла бы сама и печи и варити*», стр. 64; ср. в сп. Конш.: «*печи и варити, все бы сама государыня умѣла*», гл. 29.

В Посл. и нак.: «*не итѣвайся на жену, а жена на тебе, наказуй наединѣ, да наказавъ примолви и жалуй и любви ея*», стр. 65; ср. в сп. Конш.: «*мужу жену свою наказовати и пользо-*

вати страхомъ наединѣ, и понаказавъ пожаловати и примолвити . . . мужу на жену не итѣвайся, а женѣ на мужа, всегда жити въ любви», гл. 38; «*(жену) наединѣ поучити да примолвити да пожаловати, а никакоже не итѣвайся ни женѣ на мужа, ни мужу на жену*», гл. 38; «*того примолвити и пожаловати ѣтвою и питиемъ*», гл. 60; «*за то служба примолвити и пожаловати и ѣть подати*», гл. 33.

В Посл. и нак.: «*на сусѣдствѣ и съ знаемыми любовно живи*», стр. 67; в сп. Конш.: «*на сусѣдствѣ кто не добръ*», гл. 24, 25.

В Посл. и нак.: «*всякому уноровилъ и рукодѣлемъ и службою и покореніемъ*», стр. 65; в сп. Конш.: «*поучати мужу своя жена . . . какъ мужу своему уноровити*» (гл. 29, заглавіе).

В Посл. и нак.: «*не просмѣивалъ, ни укаривалъ никого*», стр. 65; в сп. Конш.: «*ни бражничати, ни просмѣивати*», гл. 24.

В Посл. и нак.: «*гостей прѣзжихъ у себя корми*», стр. 67; в сп. Конш.: «*у прѣзжего гостя*», гл. 40.¹

В Посл. и нак.: «*(во время молитвы) не бесѣдовати, ни обзиратися*», стр. 62; в сп. Конш.: «*(в церкви) стояти никуда не обзираяся*», гл. 13.

В Посл. и нак.: «*говорити правило единогласно, чисто, а не вдвое . . .² со вниманіемъ слушати*», стр. 62; в сп. Конш.: «*пѣти внятно и единогласно . . . единогласно пѣти и со вниманіемъ слушати*», гл. 12.

В Посл. и нак.: «*все бы государское было всегда въ счетъ и въ смѣть и въ письмѣ*», стр. 70; в сп. Конш.: «*то бы было все въ счетъ*», гл. 54; «*все въ счетъ живетъ*», гл. 60; «*то бы было все въ мѣртъ и записано*», гл. 52; «*въ счетъ бы было все*», гл. 29.

В Посл. и нак.: «*на дорогѣ не разобьютъ*», стр. 67; в сп. Конш.: «*ограбить или покрадетъ или разобьютъ*», гл. 24; «*разбивать и красть*», гл. 28.

Прочтем по странице или по две из Послания и наказания и из Домостроя. И здесь и там нет «извитія словес», того украшенного

¹ Купца.

² Не в два голоса.

высокого слога, которым пленяли современников Зиновий Отенский и др. современники Грозного и митр. Макария, и которым умел писать и Сильвестр (см. ниже); но вместе с тем нет и подъяческой простоты изложения, дающей точность и ясность, но чуждой какого-либо чувства и стремящейся к сухому однообразию, к шаблону. Оба произведения написаны одинаково живо, оба с лирическими местами, оба с жаром и настойчивым убеждением.¹ Нет препятствий считать их вышедшими из под пера одного автора.

Возможно, что по Домострою прошла рука какого-нибудь редактора; скорее всего — того лица, которое написало нехитрое «Предисловие» (сп. М. Общ. Ист. и Др.) и которое не знало ничего об авторе Домостроя. Эта рука ограничилась расстановкою глав и незначительными выпусками и прибавками отдельных слов, вызванными бытовою разницею между автором Домостроя и редактором: первый был состоятельный новгородец, а последний — обычный московский грамотей.

Мелкие различия: *волокида*, *маломожной*,² *всегда* и т. п. в Посл. и нак.; *волокига*, *маломощной*, *вседы* и т. п. в сп. Конш. и др., — принадлежат переписчикам.

Попробуем сделать характеристику автора Домостроя.

Это — человек с хорошими средствами, имеющий (точнее: имевший) многочисленных «домочадцев», рабов и рабынь и ведущий большое хозяйство. Он принимает и угощает гостей, заботится о поддержании дружбы или знакомства с добрыми людьми и боится «остуды» (охлаждения) в отношениях. Он строг с женою, детьми, домочадцами; но умеет оценить и приласкать усердного и тактичного слугу, искусного и честного работника, добросовестного продавца. Он — опытный и внимательный хозяин. У него все на счету и на письме. Он требует, чтобы все было на своем месте и сберегалось тщательно. От своей ласки и гостеприимства он получает выгоду. Он — талантливый финансист. Он умеет везде и во всем получать честную выгоду, покупая в дешевое время и продавая в дорогое, покупая оптом и выгадывая на мелочах, заботясь о

¹ Отмечаем в Послании и наказании начало: «милое мое чадо *дорогое*»; далее, стр. 69: «чадо мое *любимое*».

² Это слово — в списке М. Общ. Ист. и Др. и в Послании и наказании.

бытости и вообще хорошем содержании «людей», т. е. холопов и кабалных, отпуская их на волю, дружески угощая хлебом и питьем продавцов и покупателей, сотрудников и соперников и т. д.

Домострой по списку Московского Общества, изданному Забелиным, в главе 38 (стр. 97—100),¹ имеет текст, отсутствующий в списках Коншинском и родственных. Этот текст несомненно принадлежит автору Домостроя, т. е., по нашему мнению, Сильвестру. В нем мы находим несколько слов и сочетаний слов, отмеченных нами выше: *вѣжство*, *рабы и рабыни* (стр. 98), *посмѣхъ и укоризна* и соромота (стр. 98), *оговоровъ и посмѣховъ и укоризнъ* (стр. 99), *въ посмѣхъ и во укоризну положиши* (стр. 100), *осужаетъ и укоряетъ* или *просмѣхаетъ*, о людехъ не переговариваютъ и не *пересмѣютъ*, *разсудити*.

В указанном тексте есть два замечания автора. Одно: «якоже впереди писано есть»; другое: «писано о томъ же въ главѣ 26 и 32». Он видел, что повторяет самого себя. Отсюда ясна причина отсутствия этого текста в Коншинском списке.

III. ДВА СЛОВА О «ПОСЛАНИЯХЪ» СИЛЬВЕСТРА.

Сильвестру несомненно принадлежат два послания к князю Шуйскому-Горбатову ок. 1553 г., дошедшие до нас в сборнике к. XVI в. Новгородской Софийской Библиотеки № 1281. Они изданы 1) Н. И. Барсовым в Христианском Чтении (1871 г., март) и 2) Голохвастовым в его труде «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания» (Чтения в Моск. Общ. Ист. и Др., 1874, кн. 1 и отл.).

Написанные более высоким слогом, чем Домострой, не совпадая по содержанию ни с Посланием и наказанием, ни с Домостроем, они все же имеют ряд слов и сочетаний слов, общих им с этими произведениями. Мы отметили (пользуемся изданием Н. И. Барсова):

чистоту тѣлесную вельми храните (стр. 23), твоя ради добродѣтели и *немилемѣрныя* *любве* (стр. 39), доволящихся царскими дарми — *уроки* своими (стр. 23), *нужднаго* ничимъ не успокоитъ... видя *нужнаго* (стр. 17), *душетѣльныхъ* страстей (стр. 39), отъ

¹ В сп. Конш. ей соответствует глава 35.

ваших *праведныхъ трудовъ* и *стяжаній* (стр. 23), истиннаго *праведнаго закона* (стр. 13), христіанскаго *праведнаго закона* (стр. 13), въ благочестивой *вѣрѣ наказуетъ* (стр. 14), злословіе и *укореніе* (стр. 38), съ *благоразуміемъ* (стр. 33), *промышленіе* (стр. 23), рабу и *доброхоту* (стр. 16), бояре и *доброхоты* (стр. 15),¹ *печалуйтеся* о общемъ народѣ (стр. 23), (царь) *вотчиннику* отдасть, *помѣстѣйцомъ* устроить тя (стр. 39). С последнимъ уменьшительнымъ ср. уменьшительные в Домострое, сп. Конш., гл. 61: «Богъ послать свое *подворейце* или *деревеньку* или *ласточку* въ торгу»...

Софійскій сборникъ № 1281, в которомъ дошли до насъ посланія Сильвестра къ кн. Шуйскому-Горбатову, имеетъ на своихъ страницахъ передъ этими посланіями анонимное посланіе къ царю Ивану Грозному, смело написанное человекомъ хорошо известнымъ царю и несомненно духовнымъ лицомъ. В немъ видятъ Сильвестра.

Препятствій видѣть Сильвестра в авторѣ посланія къ царю, кажется, нетъ. Но словарный матеріалъ въ этомъ посланіи очень скуден: оно состоитъ по преимуществу изъ выписокъ изъ св. писанія и т. п. источниковъ. Можно отметить нападки автора на широко распространенный въ то время въ Москвѣ, даже среди приближенныхъ царя, содомскій грехъ, съ требованіемъ отъ царя принятія меръ противъ откровенныхъ содомлянъ. Этотъ грехъ упоминается не только в Домострое, но и в Стоглаве.

IV. ЖИТИЕ СВ. ОЛЬГИ.

Рукопись Погодинскаго собранія № 744, к. XVI в. — нач. XVII в.,² в новомъ переплете, на 102 листахъ в 4^о, повидимому, извлеченіе изъ большаго сборника, — имеетъ на первой страницѣ на нижнемъ поле приписку киноварью: «списано любомудрецемъ Селивестромъ прозвѣтеромъ царствующаго града Москвы».

Прекрасный полууставъ приписки отличенъ отъ полуустава текста. Никакихъ подозрѣній в подделкѣ этой приписки не можетъ быть.

¹ Глаголъ *доброхотати* в Посланіи и наказаніи, стр. 66.

² На л. 73-м: «молитесь за царя и великаго князя *Феодора* и со благопробытнымъ супружествомъ его и со благороднѣйшими *чады* его і со благовѣрными ему братіями». В Степенной не о *Феодоре*, а об *Иване*. Переписчикъ Погодинскаго списка, заменивъ имя царя, все прочее сохранилъ безъ перемены.

Житіе Ольги, съ описаніемъ обретенія и перенесенія ея мощей и съ похвалами ей, Владимиру и Борису и Глебу, и за нимъ особое, пространное «Слово похвальное на память Ольги», богатое историческими данными (для насъ не имеющими цены) — то самое произведеніе, которое находится в началѣ Степенной книги, но съ значительными пропусками и съ незначительными вариантами. Некоторые места какъ будто не отделаны, нечто в родѣ черноваго наброска; обыкновенно они опущены в Степенной книгѣ. Во всякомъ случаѣ в Погодинской рукописи, иначе говоря в отдельномъ житіи, мы имеемъ старшую редакцію сравнительно съ Степенной книгой.¹

Заглавія отдельныхъ частей (= глав) одни и те же и в Житіи, и в Степенной книгѣ, но не всегда на однихъ и техъ же местахъ текста. Можно сказать, что иногда заглавія эти болѣе уместны тамъ, где они находятся в Житіи, например, на оборотѣ 32-го листа Житія: «Пришествіе блаженна Ольги къ патриарху...», или на 41-мъ л.: «Поученіе блаженна Ольги», или на 52-мъ листѣ: «Завѣтъ къ сыну блаженна Ольги...».

Варианты Житія обыкновенно старше соответствующихъ вариантовъ в Степенной книгѣ. Например, Житіе: «по многихъ же лѣтахъ при великомъ князи Ярославѣ Владимеричи выгребомъ кости ихъ (Ярополка и Ольга Святославичей) и крестивше положиша ихъ во церкви святыя Богородица в *Володимери*». В Степенной книгѣ (стр. 23) вместо послѣднего слова: «юже Владимиръ созда».

Житіе: «(патриархъ) молитву и приношеніе *совершитъ* къ Богу о души моеи...». В Степенной (стр. 24): «молитву и *совершеніе сотворитъ* къ Богу...».

Житіе (похвальное слово): «не токмо бо одѣвается яко ризою Богъ, но и положи тму за *кровъ свой*...». В Степенной: «за *кровъ свою*» (стр. 33).

Житіе: «всяко глумленіе возненавидѣ и всякая *пустошная умышленія* упраздни...». В Степенной «*пустотная помышленія отъ сердца* своего упраздни...» (стр. 33).

¹ Пользуемся изданіемъ Археографической Комиссии.

Житие Ольги

(из того, что опущено в Степенной книге)

(л. 81) Христолюбивая же Ольга о сихъ никакоже не внимаше, не якоже нѣдци, не токмо невѣрніи, но і благочестивіи, помрачавшася миролюбіемъ, прилежаще обычаю живущихъ (л. 81 об.) во странахъ, невѣріемъ прелщенныхъ, иже любяху играніа, позоры и всякія глумныя утѣхи въ ловитвахъ животныхъ, не внимающе святыхъ писаній, якоже божественная правила апостольская і отечская запрещають сиче: аще кто емля животная уловляемыя отъ пса или отъ звѣря или отъ орла или отъ иныя птицы, аще умереть не заколено отъ рукъ человѣка, сихъ не подобаетъ ясти, въ души бо мѣсто кровь ихъ есть. Подобно сему, аще кто медвѣдя или иная животная въ различная игралица прехищраа и глумы дѣя і на позоры человѣки събирая і ло (л. 82) витвамъ прилежай і урыстаніе творяй на конехъ и на колесницахъ и пѣши, і самоборства, прочая боренія и всякія екомрашьства, і не токмо самъ сіа творяй, но и слушаяй сихъ въ сладость, тѣло есть таковымъ прещати, яко да отъ сихъ глумленій престануть и къ покаянію да обратятся и епитемію да очистятся; не покоряющихъ же ся, но въ тѣхъ же пребывающимъ, тяжекъ судъ предлежитъ имъ; истинно-вѣрніи же и въ православіи живущіи, вси боашіися Бога, таковыхъ богоненавистныхъ пустошныхъ дѣлъ укланяхуся, Божиимъ (л. 82 об.) страхомъ огражаеми, и яже угодна Богови въ сихъ упражняхуся, образъ имуще и начертаніе началницу православія нашему русскому роду достохвальную въ премудрости блаженную великую княгиню Ольгу, иже преже просвѣщенія безбожныхъ дѣлъ поганскихъ ненавидяше і укланяшеся ихъ; по просвѣщеніи же благими дѣлы сугубо подвизашеся и къ Богу приближашеся, і не во глумленіи, ни во играхъ, ни въ утѣшныхъ ловитвахъ, отъ нихъ же ни едино благихъ приобрѣтеніе не бываетъ, но токмо грѣхомъ приобщеніе і тщеты имѣнію и многимъ неповиннымъ (л. 83) кровемъ пролланіе, і наченшу животныхъ і окончивающе многообразнымъ человѣкогубительствомъ въ различныхъ играніихъ и въ ловитвахъ животныхъ, идѣже неволею собираемо бѣ людское множество не Бога ради, и ту многи дни держиміи пребываху, отъ злыхъ же приставниковъ лихоимственныхъ ради посуловъ неповинно

истязаеміи і неправедно оклеветаеміи, и сихъ ради многіа бѣды мнозѣмъ случахуся, опальствомъ і всякими проторы и лишеніемъ имѣнія і узаміи і темницами і зѣлымъ на стражбахъ истомленіемъ, отъ нестерпимымаго мраза на поляхъ на яснѣ и въ лѣсахъ, и во блатехъ, всячески озлобляеми, снѣгомъ и студенію, градомъ и ранами, і многими видами живота лишаеми, отъ звѣрей уязвляеми, ови же умерщвляеми и в водѣ скончаваеми и древесы убиваеми и ины многи напасти содѣловахуся таковыми злыми стремленьми въ ловитвахъ, ихъ же и въ грѣхъ нещечаху і о семъ вины не полагаху, но паче радовахуся и во утѣшеніе сіе вмѣняху, глаголюще: велми утѣшихся, и покаанія о сихъ не полагаху, ни вниманіемъ страха Божіа, и сего ради не богораднаго изволенія, ни людскія ради пользы, мнози многожды вмѣсто худаго того прибытка отщегншася не токмо многоаго своего имѣнія, но закупъ и живота своего, с ними же и душевнаго прибытка, и вмѣсто веселія і малосладостныя утѣхи въспримаху с плачемъ горкимъ многообразное уязвленіе і нещечною смрътію незапное животу премѣненіе.

Блаженная же Ольга дивно препроводи лѣта живота своего; когда еще и невѣрна бѣ, і тогда многихъ въ вѣрѣ живущихъ благими обычи превзыде; егда же просвѣщена быти сподобися благодатию святаго крещенія (л. 84 об.), и тогда наипаче пустошныхъ глумленій ни слышати не хотяше, но все бяше тцаніе ея, еже бы угодная Богу сотворити, и невѣрныхъ людей въ благочестіи быти желаше, себѣ же внимаа и храня себе, да не постражеть нѣчто, яко пострадавши иже быша царствующіи въ царствующемъ градѣ, аще и благочестиви, иже бяху въ лѣта сунруга ея Игоря самодержьца і въ лѣта свекра ея Рюрика самодержьца, иже тогда достохвальная царица Феодора по смерти мужа своего богоненавистнаго царя Феодора съ сыномъ своимъ благочестивымъ царемъ Михаиломъ какову ревность о Бозѣ показа(85)ша и каково велико дѣло сотвориша и колики подвиги положиша о поклоненіи святыхъ иконъ і како преславно утвердиша правовѣріе. (И в таже лѣта Феодоръ епископъ Едесскій крести Маавію царя перскаго)¹ и како послѣди вышереченный царь Михайлъ уклонися въ пїанство и глумы і каково немилоч

¹ Подчеркнутое, в скобках — в подлиннике зачеркнуто. Ср. Степенн. кн. изд. Археогр. Ком., стр. 34.

стивное погубленіе пріять упивъся отъ воспитенника своего Василя Македоника. Василию же царствующу въ Царѣградѣ, і нѣкогда шедшу ему на ловь, и обрѣте елень великъ зѣло; і воздвиже мечь свой царь, хотя ударить еленя оного, елень же въ (л. 85 об.) схити царя рогомъ за поясъ, и обѣлся на рогу его. И притекъ нѣкто разрѣза поясъ; и спасеся царь, и вмѣсто еже бы даровати челоуѣка оного, повелѣ ему главу отсѣщи, рекъ: како на царя обнажилъ еси мечь? И мало пребывъ царь, отъ язвы рога еленева умре. Сынове же его Левъ і Александръ царствію наслѣдницы быша. Левъ же царь премудрости стяжа, и сътвори свѣтилны и стихѣры евангельскія, и божественому Марку повелѣ накончати четверопѣснецъ великіа суботы, і сотвори цѣль канонъ, Марко же и недовѣдомыхъ въ уставѣ главы изложи, како пѣ(86)ти . . .

(87 об.) Царь Александръ царству пріемникъ бысть і упражняеся в питаніи и во играніи и во птицахъ и во псѣхъ, и по лѣте едіномъ упивъся сниде, идѣже псы щенятся, і взя щеня у суки, и невидимо уязвлен бысть, и за два дни мнозѣ крови текущи умре.

И что ради умре? не Бога ради, ни любви ради Божіа, ни челоуѣчскія ради любви, но любя псы, отъ нихъже и умре, яко и отецъ его Василіе, любя ловитву, на ловитвѣ отъ еленева уязвленія умре; якоже нѣкогда перскаго царя дѣти изыдоша на ловь; и изрѣшися едина лань отъ тенега; царевичи же два брата (88) гнаста постигнути ю и пустиста ю¹ стрелѣ на ню, і устрѣлиаста сами братъ брата в сердца свои, и внезапно живота лишашася. Сіа ловитвы нечестивіи творять, свои поганскіи обычаи держаще. Сій обычай мнози имуще, и благочестивіи таковая же творять, аще и законъ правовѣрія имуще, но обаче діаволомъ прельщени супротивенъ благочестію законъ показашу, презирающе божественая правила, о нихъ же выше речено. И кое полезное утѣшеніе, или имѣнію приобрѣтеніе отъ псѣя любви и (об.) ловитвы? утѣшенія нѣсть, ино токмо смерть . . .»

Далее (л. 89) — нечто о греческих императорах, до Ольги не относящееся.

Как можно видеть из приведенных мест Жития, опущенных в Степенной книге, они направлены против ловитв, или охоты, и могли быть

² Надо читать: *по*?

неприятны и царю и многим сильным сего мира, которые часто были страстными охотниками.

Житие Ольги написано своеобразным высоким слогом, и имея содержание, во всех отношениях отличное от содержания Домостроя, по слогу стоит особняком. Но всетаки некоторое сходство в мыслях и в отдельных словах и сочетаниях слов мы находим.

Домострой по сп. Общества Истории и Древностей, гл. 8, перечисляет греховные забавы («богомерзкія дѣла»): плясаніе, скаканіе, гуденіе, бубны, трубы, сопсли, и медведи, и птицы, и собаки ловчи, *творящей коньское уристаніе*, всяко бесовское угодіе, и всяко *безчиніе и безстрашіе* (стр. 22). В Домострое по сп. Коншина и сходным, гл. 23, нет упоминания о медведях, птицах, собаках и конском уристаніи. Житие Ольги, упоминая о греховных забавах, резко говорит о *птицах* и *псах* (об охоте) и пользуется словами: «упражняеся . . . во *птицахъ* и во *псѣхъ*» (л. 87), «*уристаніе* творяи на конехъ» (л. 81).¹

Мы выше выписали из главы 8-й Домостроя слово *безстрашіе* в значении: отсутствие страха перед богом, отсутствие богобоязливости. В той же главе прилагательное: «кто *безстрашенъ* и *безчиненъ* страху Божіа не имѣеть». Житие имеет *безстрашіе* в том же значении (л. 90).

Домострой часто говорит о *чистоте*, особенно о *телесной чистоте*. То же в Житии, которое дает целую похвалу *чистоте*: «соблюдая *чистоту* душевную и *тѣлесную*» (л. 37), «о *чистотѣ тѣлесной*» (л. 26), «въ *чистотѣ* и цѣломудріи» (л. 18), и др.

Домострой употребляет слово *прибыток* в значении «барыш». Житие: «худаго сего *прибытка*» (л. 84).

Отметим еще в Житии: *единочдадо* сына остави (л. 57), *душе-тѣльную* бесѣду (л. 29), не возведе *укоризны* на свое ложе (л. 80), *поношеніе* и *смѣхъ* составят о мнѣ, всѣхъ *потребныхъ* изобильное доволство (л. 55), аще бы *потребныхъ* царствію твоему *попросилъ* еси (л. 30), бабою своею *наказуемъ* (л. 44). Конечно, эти данные не вески.

¹ Слово *уристаніе* взято из Кормчей. См. «Материалы . . .» Срезневского.

Отличительная черта словаря Жития — частое употребление слов *самодержец* и производных, *царь*, *господствовать*, *скипетродержатель* и т. п., причем видно желание автора показать чрезвычайную высоту государственной власти.

Отметим еще (вульгаризм?): *дани и выходы* (несколько раз).

Житие Ольги во всех отношениях близко к собственно-Степенной книге в ее главной части и трудно сомневаться, что значительная ее часть написана Сильвестром. Только приведение в порядок (редактирование) материала и та отдельная часть Степенной, которая близка по форме к летописи, могут быть признаваемы за труд благовещенского протопопа Андрея, товарища Сильвестра по служению в Благовещенском дворцовом соборе. Подробнее см. в критическом отзыве нашем об исследовании П. Г. Васенка «Книга Степенная Царскаго родословія», СПб, 1906, в «Отчете о 23-м присуждении премий Д. А. Толстого», Сборник ОРЯС, 1907, т. 82.

А. Соболевский.

Из переписки Н. А. Полевого с А. А. Бестужевым.

Знакомство Полевого с Бестужевым относится к 1822—1824 гг. В одну из своих поездок в Петербург, быть может связанную с хлопотами о разрешении «Московского Телеграфа», Полевой имел случай познакомиться с издателем «Полярной Звезды». Это знакомство не было чисто внешним, официальным, как напр. с Кюхельбекером, в журнале которого («Мнемозина») Полевой сотрудничал; здесь произошло быстрое сближение на почве общего недовольства окружающей действительностью и искания новых путей в области журналистики и литературы. По словам Бестужева, они «сердцем понимали друг друга».

Блестящие произведения французской романтической школы — предмет их общих восторгов и поклонения — были еще впереди; но отрицание классических заветов и стремление к перестройке нашей поэтики в эту пору проявились у них одинаково ярко.

Сторонники социальных реформ,¹ они были и литературными реформаторами, и наветы В. С. Филимонова² и неудачное выступление Кс. А. Полевого на страницах болгаринского журнала (1824 г.)³ были бессильны серьезно и надолго подорвать раз установившиеся тесные дружеские отношения издателя «Московского Телеграфа» и Бестужева.

² Ср. Н. Полевой. Новый Живописец общества и литературы. М. 1832.

¹ Филимонов, Владимир Сергеевич (род. в 1787 г., ум. в 1858 г.), плодовитый стихотворец и прозаик.

³ «Литературные Листки» 1824, ч. IV, стр. 156—164. — «Полярная Звезда» на 1825 год, стр. 22. — «Русский Вестник» 1861, т. 32, стр. 285—286. — Кс. Полевой. Записки. СПб, 1888, стр. 139.

Завязавшаяся с 1831 г. между ними переписка¹ является красноречивым памятником их духовной близости и общего их страдания в ненормальных, тяжелых условиях николаевского режима.

Н. Козмин.

Письма Н. А. Полевого к А. А. Бестужеву.²

1.

20-го декабря 1830 г. Москва.

Милостивый Государь
Александръ Александровичъ.

Ваше письмо было для меня неожиданною радостью, посланіемъ съ того свѣта. Благодарю, сердечно благодарю Васъ за него, за содержаніе его. Сколько лѣтъ, сколько событій! Во все это время я любилъ Васъ, и тотчасъ узналъ Васъ, воскресшаго Лазаря, въ Сынѣ Отечества.³ Что мнѣ въ имени! Бестужева я угадаю въ тысячѣ. Душевное удовольствіе принесло мнѣ извѣстіе Ваше, что и я не былъ забытъ Вами, что Вы признаете даже не бесполезность моего литературнаго существованія во все это время. Такое сознаніе есть моя награда, чистая и единственная, Вы не узнали-бы меня теперь: я постарѣлъ тѣломъ, и еслибы съ этимъ не соединялось какой нибудь старости умственной — признаюсь: игра не стоила бы свѣчь. Мысль, что не даромъ пропадають годы, производимые въ трудахъ, и что есть люди, умѣющіе цѣнить жертву добру, среди пошлаго нашего времени, и толпы, недостойной любви и уваженія — только это меня укрѣпляетъ. Не думайте, чтобы я струсилъ осужденій, желалъ похвальной молвы — нѣтъ! у меня достанетъ силы души на прервеніе, и есть столько ума, чтобы взвѣшивать понятія моихъ любезныхъ соотчичей. Но надобно Вамъ хорошо знать литературу нашу за послѣдніе пять лѣтъ... что это сдѣлалось? Хаосъ, нестройство; старое упало, новаго нѣтъ. Я живу теперь совершеннымъ пустыннымъ, и печатно и общественно. Утѣшаюсь тѣмъ, что даю теперь послѣднюю битву глу-

¹ Письма А. А. Бестужева к Н. А. Полевому напечатаны в «Русском Вестнике», 1861, т. 32, стр. 285—335; 425—487.

² Собрание М. И. Семева (Пушкинскій Дом).

³ Речь идет о повести «Испытаніе», присланной А. А. Бестужевым из Дагестана Н. И. Гречу и напечатанной в Сыне Отечества, 1830, т. XIII, стр. 117, 181, 245, 309, без имени автора.

тому и ничтожному Аристократизму литературному. Съ паденіемъ его, останется по крайней мѣрѣ чистое поле.¹ Люди явятся. Въ началахъ разрушенія лежатъ семена возрожденій. Намъ, нынѣшнимъ литераторамъ, не быть долговѣчными. Таково наше время. Счастливъ, кто возьметъ у будущаго вексель, хоть на одну строчку въ исторіи. Надѣюсь, что буду еще имѣть случай писать къ Вамъ обо всемъ этомъ послѣ. Теперь спѣшу съ моею благодарностію и согласіемъ на Ваше предложеніе. Присылайте сколько хотите. Вамъ всегда почетное мѣсто. — Какъ скоро почтамытъ станетъ принимать посылки, отправлю къ Вамъ мою Исторію, которой 3-го тома за холерою не могъ я нынѣ допечатать:² все болѣло, бѣжало, не работало. Въ будущемъ году надѣюсь выдать пять или шесть томовъ, ибо остальные, думаю, затруднятся разными обстоятельствами. Мы живемъ въ историческіе годы, и Цензоръ наши страхъ какъ не любятъ такихъ годовъ. Чѣмъ ближе къ новому, тѣмъ труднѣе писать. Но — испытаемъ. Помню, что Вы разгадывали и прежде Карамзина.³ Его время прошло безъ возврата. Слово становится недостаточно; надобны мысли. Вы не повѣрите, какъ Карамзинъ, и все карамзинское нынѣ упало. Можетъ быть, мы вытягиваемся на цыпочки; все однакожъ лучше, нежели сплестись, чтобы уравнивать себя съ пигмеями.

Простите, что я сѣлъ на своего коньба. Назовите меня мечтателемъ; но лучше сидѣть на деревянномъ коньбѣ, и думать, что ѣдешь, нежели сидѣть на мягкихъ креслахъ, и не хотѣть двинуться. Прошу Васъ препоручить мнѣ все по литературной части; охотно буду Вашимъ комиссіонеромъ, и все постараюсь исполнить. Угодно-ли Вамъ литературныхъ сплетней? Я буду Вашимъ исправнымъ лѣтописцемъ. Но *перваго* письма

¹ В полемике с Пушкиным Полевой считал Бестужева своим надежным союзником. «Пушкин, по словам Бестужева, имел зародыш аристократии давным давно: он не раз писал, что предок его «немец честен», выехал из-за моря; с другой стороны он забирается в Ганнибалы, хоть и проданные за поларшина фризу. Это очень забавно в наш век» («Русский Вестник», 1861, т. 32, стр. 444: письмо к Кс. А. Полевому от 18 мая 1833 г.). — В. К. Кюхельбекер тоже не прочь был протестовать против аристократизма, так как издание произведений «для немногих» было ему не по душе. Еще в 1824 г. он выступал против Жуковского, не называя его по имени. «Из слова русского богатого и мощного», говорил он, «силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий приспособленный для немногих язык, un petit jargon de coterie» («Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 38).

² Цензурное разрешение дано 28 августа 1830 г., но печатание очень затянулось.

³ Ср. «Полярную Звезду» на 1823 год, стр. 15: «Время рассудит Карамзина, как историка»...

не хочу марать ими. Буду ждать Вашего ответа, и, начавъ сердечнымъ удовольствіемъ о полученіи отъ Васъ вѣсти, закончу надеждою, что эта вѣсть не будетъ послѣднею.

Имѣю честь быть, Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою.

Николай Полевой.

Дек. 20 д. 1830 г.

Москва.

2.

18-го марта 1831 г. Москва.

Мнѣ казалось, почтеннѣйшій мой Александръ Александровичъ, что Кавказъ разтолстѣлъ и загородилъ дорогу почтѣ. Такъ думалъ я, ожидая болѣе двухъ мѣсяцевъ отвѣта на мое письмо отъ 26 Декабря. Онъ полученъ; заставилъ погрузить, заставилъ и порадоваться. Приложенія при немъ достойны Васъ: отъ одного я хохоталъ такъ весело, какъ давно со мною не случалось; другое прелестно. Братъ мой, обожатель иѣмцовъ, говоритъ, что Вы заключили въ Вашу повѣсть философскую мысль. Пишите, пишите, и давайте сюда, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Въ этомъ отношеніи, положеніе Ваше самое поэтическое. Не грусти и не жалѣй, человекъ, *отличенный Зевеса любовью!* Миръ Изящнаго, миръ Души, тогда развивается вполне, когда душа, какъ старая руина, стоитъ уединенно, обросшая лѣсомъ, загроможденная дикими скалами. Жить въ такой ruinѣ трудно, но тамъ Поэзія! Наша пошло-спокойная жизнь походитъ на домъ, свѣтлый, большой, стоящій Тверской части, на Тверской улицѣ, въ которомъ жить можно съ довольною удобностью, но гдѣ ни одна великая мысль не придетъ въ голову, а счастье зѣваетъ. Буря, разторгшая Васъ со всѣмъ міромъ, да не прогремитъ даромъ. Ради Бога, забудьте Вы міръ и людей, какъ они забыли Васъ, творите свои фантазмагорические міры, и вѣрьте, что жизнь дана намъ <для того, чтобы> создать что нибудь, прибавить что нибудь въ сумву нищаго человечества, а не для того, чтобы проскучать и продосадовать ее съ себѣ подобными, которые, обещаятыя, достойны всякихъ жертвъ, но частью, по одинокѣ — болѣею частью не стоятъ добраго слова. Есть *избранные* — много-ли ихъ? И гдѣ сыщешь ихъ въ вѣтошномъ ряду страстей и глупостей.

Теперь не успѣваю писать къ Вамъ. Послѣшаю только отправить нѣсколько *хозяйственныхъ* строкъ. Вотъ онѣ: Сегодня, съ тяжелою

почтою, послалъ я къ Вамъ требуемаго Нибура¹ (свой экземпляръ, ибо его здѣсь всего раскупили, а изъ Петербурга ждать было-бы долго). Къ этому присовокупляю 6 книжекъ Revue Française² (это лучший журналъ въ Европѣ; его издаетъ Гизо), прибавилъ *Гофмана*,³ отъ котораго Европа съ ума сходитъ, и котораго, вѣроятно, Вы не вполне еще знаете, и — Мицкевича.⁴

Видите какой наборъ. Я не зналъ, что послать; хотѣлось бы что бы Вы *отвели душу*. Но далѣе *что* и *какъ* послать, надобно переговорить съ Вами. Чтеніе бездна неизмѣримая. Увѣдомьте меня: есть-ли у Васъ словари, и книги нужныя для справокъ? Также *Омиръ*, *Шекспиръ*, *Гете*, *Шиллеръ*, *Байронъ*, *Данте*? Эту шестерню вѣковъ не посылаю потому только, что, можетъ быть, они у Васъ уже есть.

Посылки мои всѣ могутъ быть на такомъ положеніи, или основаніи, что не нужное и громоздкое и дорогое можете послать мнѣ обратно, выписывая только для прочтенія. — Удобно-ли Вамъ это? Есть-ли у Васъ также мѣсто и удобство имѣть при себѣ сотни двѣ книгъ, которыя должны составить Вашу собственную библиотеку? Я отобралъ-бы Вамъ двѣ сотни жемчужинъ (о деньгахъ, ради Бога, ни слова. Чортъ съ ними!).

Разрѣшите мнѣ предварительно всѣ эти вопросы. Съ будущею почтою пришлю къ Вамъ тетрадку, а не письмо. Простите.

Вашъ Полевой.

Марта 18 Д. 1831 г.

Москва.

Доброму и милому Ивану Ивановичу,⁵ товарищу Вашему, пожмите за меня руку. Полевой любитъ его, ибо онъ Васъ любитъ.

¹ Бартольд-Георгу Нибуру (1776—1831) посвящена Полевымъ «Исторія русскаго народа». Вестужев также интересовался Нибуром и просил Полевого выслать в Дербент «Римскую Исторію» («Русскій Вестник», 1861, т. 32, стр. 292, письмо Вестужева от 29 января 1831 г.).

² Выдающийся органъ французской периодической печати (1828—1830 гг.), по направленію сходный с Le Globe. Об этомъ журнале см. «Московский Телеграфъ», 1828, № 7, стр. 380—381.

³ Многие произведенія Э. Т. Гофмана в русскомъ переводѣ впервые появились на страницахъ «Московского Телеграфа».

⁴ О Мицкевиче в «Московскомъ Телеграфѣ» писали П. А. Вяземскій (1827, ч. XIV, № 7, стр. 191—222) и самъ Н. А. Полевой (тамъ же, стр. 226).

⁵ Ошибка или описка Полевого. Следуетъ читать: Ивану Петровичу (Жукову, штабс-капитану Куринскаго пехотнаго полка).

3.

25-го сентября 1831 г. [Москва].

Не вините ни почту, ни чересовъ, ни чуму, ни холеру, незабвенный мой Александръ Александровичъ — вините одного меня, *меня*, въ моемъ молчаніи, безсовѣстномъ, непростительномъ! Съ марта молчу я, не писалъ къ Вамъ ни одной строчки,¹ когда и безъ того цѣлые мѣсяца идетъ отъ Васъ, или къ Вамъ письмо — я полгода промедляю, не отвѣчаю даже на ваши письма — истинную утѣху души моей, высокое наслажденіе моего сердца! Да, я говорю это Вамъ, какъ на исповѣди, и божусь всѣмъ, что еще есть для меня въ мірѣ драгоценнаго — это святая правда! Причина молчанія во мнѣ самомъ и болѣе ни въ комъ и ни въ чемъ. Не знаю, извѣстна-ли кому наша переписка, не знаю, что могутъ изъ нея заключить. Но чистый совѣстью, не боюсь я никого и ничего. Дайте мнѣ хоть въ воображеніи поцѣловать, и вѣрно обнять Васъ! Испытанный жизнью, Бестужевъ самъ не можетъ видѣть и цѣнить себя, но я вижу, чувствую, понимаю его — и Богъ знаетъ чемъ-бы (*sic!*) не заплатилъ, если бы могъ его теперь укрыть въ мои объятія, могъ самъ укрыться на груди *человѣка* отъ *людей*. Да, мой незабвенный Александръ Александровичъ, они истерзали, измучили меня. Это звѣри, это какіе-то centaury съ человѣчьими рожами и съ звѣринными остальными членами. Не выключаю и себя. Хаосъ души моей мнѣ самому часто непонятенъ. Грущу, терзаюсь, не видя въ себѣ самомъ опредѣленнаго, чистаго стремленія къ небесамъ. Чувствую, какъ земля проситъ своего. Казалось-бы пора рѣшить задачу бытія для самого себя, пора опредѣлить цѣль земной жизни. Разсчетъ короткій, дѣло ясно. Судьба представила мнѣ рѣдкій удѣлъ какого-то *экономическаго* счастья. Рожденный бѣднымъ купцомъ, съ заботами о существованіи своемъ и многочисленнаго семейства, я успѣлъ физически укрѣпить ихъ и свое бытіе. Этого мало: она дала мнѣ средства сдѣлаться почетнымъ въ ряду моихъ согражданъ; драгоценное *добро* *имя* замѣняетъ въ глазахъ ихъ недостатокъ денегъ, и имя Полеваго они считаютъ честью. Этого мало: семейство у меня премилое.

Если-бы Вы знали моего брата (Ксенофонта, а не Петра — онъ соименникъ товарищу младшаго Кира, ученику Сократа, а не Апостолу Петру) — такой души рѣдкой: это Волеанъ подъ ледяною корою. Онъ меня любитъ, какъ любовницу, а я еще болѣе, ибо чувствую, что онъ *мое* созданіе. Шестеро малютокъ моихъ прелестны; младшій сынъ настоя-

¹ См. предшествующее письмо от 13 марта.

ній Ангель.¹ Остальное семейство мое добрѣйшія, благородныя души. Вотъ физическій міръ мой. А метафизическій? Не буду скриваться передъ Вами, сказавъ, что чувствую свое прекрасное назначеніе содѣйствовать благу отчины такимъ дѣломъ, котораго никакая сила запретить мнѣ не можетъ — разумью, *литтературу*. Литтературное поприще въ Россіи необозримо, и въ десять лѣтъ литтературнаго бытія я уже успѣлъ во многомъ быть полезнымъ — это я слышу, чувствую, понимаю. Работа для меня ничего не стоитъ; работаю больной и здоровый, веселый и печальный, съ цѣлью и безъ цѣли, съ совершенною увѣренностью, что вся награда въ *трудѣ*, не ожидая ничего, даже думая, что въ нашъ вѣкъ всеобщихъ переломовъ, политическихъ, моральныхъ, ученыхъ, нельзя и работать на вѣка. Этотъ метафизическій міръ для меня тѣмъ дороже, что я самъ его создалъ для себя, самъ образовалъ себя для этого міра, беру съ бою, безъ покровительства, безъ выслуги, смѣло объявляя войну пошлой знаменитости и сильному невѣжеству. Двадцати лѣтъ началъ я учиться, самъ, безъ руководства, въ глуши, только съ братомъ, на книженки, купенныя изъ бѣднаго остатка денегъ, которыхъ у меня было тогда меньше, нежели ничего.² Мысль: что теперь, *въ Россіи*, могу причислять себя къ людямъ, знакомымъ со всѣми Европейскими идеями — мысль усладительная! Вотъ Вамъ свѣтлая сторона моего бытія, милый мой Александръ Александровичъ! Теперь загляните въ темную. Съ чего начать? Можетъ быть, съ того, что каждый дерзнувшій выступить далѣе битой дороги, платить за это тяжело и ужасно, и въ себѣ и въ людяхъ! Человѣкъ — кусокъ мяса — требуетъ *счастья*, котораго никогда и никто не смыскалъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ счастья для тѣхъ, которые прыгаютъ черезъ людскія головы. Чувство вѣчной дѣятельности духа, вѣчной борьбы не есть счастье: это трудъ, а счастье есть отдыхъ. Мнѣ мало того дыханья, которымъ дышутъ всѣ; я не могу плясать подъ тотъ оркестръ, подъ который всѣ танцуютъ — и прощай миръ души! Бури страстей, тайныя въ душѣ съ малолѣтства никогда не разыгрывались у меня въ вихряхъ порока и низкихъ страстишекъ; никогда и не разыграются. — Но каково же это? Мѣлкое честолюбіе, мірская любовь, свѣтская дружба, не были моими идолами. Той, которую любилъ-бы я, прежде всего сказалъ-бы: «умремъ вмѣстѣ!» и посмотрѣлъ-бы, какъ она стала вывертываться у меня свою ручьку и шептать: онъ сумасшедшій! и съ ловкимъ

¹ Вероятно, Алексей, скончавшійся 29 апреля 1839 г. См. Кс. А. Полевой. Записки. СПб. 1888, стр. 467—468.

² Об этомъ периодѣ своей жизни Полевой рассказываетъ въ предисловіи къ «Очеркамъ русской литературы» (СПб. 1839, ч. I, стр. XXXIV—XLII).

вниксеномъ спряталась-бы за какую-нибудь, пустоголовую фигуру. *Буттеръ-бродовля* души! Такъ во всемъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе. И какое-же слѣдствіе? Недовольство другими? Это еще не бѣда, но — ужасное *недовольство самимъ собою* — это Жанъ-Полевъ демонъ, который однимъ погтемъ сколупнулъ солнце съ неба — онъ начнетъ терзать, мучить, и силу этого демона я испытываю вполне. Онъ отравляетъ мнѣ все; онъ ясно показываетъ мнѣ мое безсиліе, мою неосмысленность, мое ничтожество, какъ человѣка, какъ гражданина, какъ писателя. Не называйте этого честолюбіемъ, тщеславіемъ — нѣтъ! Это какое-то странное волненіе души, отъ котораго часто кровь кипитъ во мнѣ, какъ въ котлѣ, и бросается вся въ сердцу и въ голову. Мѣряю честолюбіе другихъ — какъ ничтожно; прикидываю счастье иныхъ — какая гадкая проза... Но я не могу изъяснить Вамъ ничего болѣе, и если изъ моихъ разбросанныхъ словъ Вы ничего не поняли — не поймете никогда и ничего. Страннѣе всего, что я не впадаю отъ этого ни въ сплинъ, ни въ хандру; наружность моя спокойна; ни одной душѣ не сказывается душа моя; люди дивятся моей дѣятельности, не чувствуя, что эта дѣятельность у меня лекарство, и похожа на прогулки, которыя ведутъ дѣлать больному. Одно, что осталось — дѣйствовать къ добру, сколько могу, и мысль, что если это дѣйствованіе должно убить меня, то смерть, при совершенномъ обезсиденіи на поприще (*sic*) дѣятельности, конечно есть все то, что должно человѣку сдѣлать. Иногда самъ удивляюсь своей *жизучести*, иногда это мнѣ досадно даже... скорѣе-бы, скорѣе!.. Но видно еще не время! Воображаю себѣ солдата, который шелъ въ битву. Если-бы онъ дошелъ, то отличился бы какъ герой, но — длинный переходъ въ безплодной, безводной степи уморилъ его, и не дошедши до непріятельскихъ батарей — онъ упалъ и умираетъ отъ голода и усталости... Это я! Можетъ быть, никто не подозрѣваетъ въ хладнокровномъ издателѣ Телеграфа такое странное созданіе. Это мнѣ часто бываетъ забавно! И какъ немногаго людямъ надобно? Трогай ихъ краешкомъ сердца, кусочкомъ души — этого товара такъ мало у нихъ, что они изумляются обилію его у Васъ. Говорятъ, что я дѣлаю добро; но — ради Бога! если бы я этимъ не былъ, я былъ-бы чудовище; объ этомъ и говорить нечего, мнѣ вѣдется, такъ какъ нечего хвалить человѣка, если онъ не бездѣльничаетъ. Моя идея *добра и счастья* — душитъ меня — она неисполнима...

Но я забылся, пишу, пишу — не имѣю силъ прочесть написаннаго, но чувствую, что я до сихъ поръ говорилъ *только о себѣ*. Неужели я такъ самолюбивъ? Неужели мое я такъ любозытно? Но я хотѣлъ раскрыть себя передъ Бестужевымъ — пусть онъ любитъ или ненавидитъ меня, зная хорошо. Но еще нѣсколько словъ: не написалъ-ли я, что я не люблю

людей? Это клевета на себя! Не сказалъ-ли, что они нигуда не годятся, что я ихъ ненавижу, презираю? Это клевета на нихъ! Они глина и Богъ; но Богъ въ каждомъ изъ нихъ есть; въ рудѣ каждаго человѣка хоть крупинка чистаго золота всегда сохраняется. Не слишкомъ-ли много мы отъ нихъ требуемъ? Зачѣмъ спрашиваемъ у каждаго, чего должно спрашивать только у избранныхъ? Чувствую, что на меня находитъ мой добрый *стихъ*... Мысль о Васѣ отравляетъ его въ эту минуту... Милый Бестужевъ! послушайте — почувствуете-ли Вы свое *перерожденіе*, чувствуете-ли, что ветхій Адамъ свалился съ Васъ какъ чешуя съ глазъ Савла, при громѣ бѣдствій и бурѣ страданій, Вами испытанныхъ? Разгадайте, узнайте эту свѣтлую идею и дорожите жизнью, дорожите собою! Уже десять лѣтъ я Васъ знаю; какое сравненіе между тѣмъ вихреннымъ Бестужевымъ, котораго видѣлъ я нѣкогда въ шумѣ Петербурга, и Бестужевымъ, который писалъ *письмо къ Эрдману*, съ Лены и съ Кавказа.¹ Вотъ гдѣ онъ, этотъ Бестужевъ — въ письмахъ ко мнѣ! въ этой драгоценности, которую будутъ читать и плакать черезъ нѣсколько вѣковъ. Только тѣмъ, которые прошли, узнали тяжелую школу бѣдствій, такъ чувствовать и мыслить. Сличаю себя съ Вами — какая разница, какое разстояніе! Не знаю, что такое безпорядочное, нестройное вижу въ себѣ, и какая гармонія, какая свѣтлость, какая ровная сила въ Бестужевѣ. Ваша поэзія не имѣетъ нужды въ стихахъ, даже въ *словахъ* — сказать-бы, если бы другіе безъ словъ могли понимать ее. Вамъ тяжело, милый мой Александръ Александровичъ, тяжело физически, но — иногда приходитъ мнѣ въ голову: не все-ли прекрасное есть молитва отъ Демона земли, или вопль страдающихъ въ когтяхъ этого Демона? Гёте говорилъ, что онъ сошелъ-бы съ ума, если-бы не написалъ *Фауста*. Какая задача для рѣшенія! Мнѣ думается, мнѣ мечтается, что Бестужеву не суждено погибнуть за Кавказомъ, что ударить часъ соединенія его со мною, что минута мира возвратитъ его намъ — ахъ! я готовъ-бы молиться не только Богу, но какъ Гальба искать алтарей новыхъ боговъ, и ихъ утруждать моею мольбою! — До тѣхъ поръ — ради всего великаго и прекраснаго, храните себя — Вы сами храните, а Богъ не погубитъ безвременно ни такой души, ни такой головы. Знаете-ли, что все узнаютъ каждую Вашу строчку? Западаетъ-ли она въ болото Тифлисскихъ вѣдомостей, садятъ ее въ помѣщичій огородъ Греча, или является она въ Телеграфѣ, все равно — она узнана и оцѣнена! Вотъ тутъ-то и является въ каждомъ нѣчто божественное. Вѣдь есть-же нѣчто связывающее другимъ: это гений

¹ «Московский Телеграфъ», 1881, ч. 41, № 17, стр. 37—73.

Бестужева! Вашъ Бѣлосоръ¹ прелесть неоцѣнимая. Никогда *Ирвинъ*² не казался мнѣ такъ сѣлъ и соченъ. *Ужасное гаданье* — созданіе глубокое и высоко-поэтическое.³ Еще не принимался я за Аммалата-Бея — для чего?⁴ Берегу, когда мнѣ будетъ или слишкомъ тяжело, или очень хорошо — тогда или украшу имъ часъ скорби, или увеличу имъ минуту радости. Такъ читаю я Шекспира и Байрона. И Вы упоминаете о пересылкѣ Аммалата-Бея къ Гречу? Послушайте — это было въ послѣдній разъ и въ первый — и болѣе никогда уже я отъ Васъ этого не услышу? Если бы можно было, я не позволилъ бы въ страницахъ Греча являться ни одной буквѣ Марлинскаго.⁵

Но на сей разъ довольно. Читайте, судите меня, браните или хвалите — кто самъ себѣ не отдаетъ въ себѣ (sic) отчета, передъ кѣмъ загадка бытія запутывается тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе идетъ онъ по пути жизни — чѣмъ тому оправдываться, что сказать... Это письмо писалъ я къ Вамъ въ три приема, и такъ буду отнынѣ дѣлать. Моя исповѣдь, біографія, все что пробѣгаетъ въ головѣ, рѣшаюсь я отнынѣ ежедневно записывать на листочкѣ бумаги и этѣ (sic) записыванья по прошествіи каждой недѣли или двухъ, посылать къ Вамъ — это будутъ мои *письма* къ Вамъ — иначе не могу, и Вы будете по полугоду не получать ни одного слова. Обѣсть съ тѣмъ, чтобы *писать письмо* къ Вамъ — я не въ силахъ; я захохоталъ на другой страничкѣ...

Нѣсколько хозяйственныхъ словъ. Все, что Вы заказывали, было посылано и посылается къ Вамъ. Только патронцовъ, или дудочекъ нельзя было заказать, потому что здѣсь всѣ обязаны подпискою не дѣлать ничего подобнаго, безъ спроса правительства — слѣдственно: игра не стоила свѣчь. И еще помню, что не послана доннынѣ матерія на какое-то черкесское одѣяніе. Вы забыли написать сколько аршинъ ее надобно, а по названію никто не могъ здѣсь растолковать что это: куртеа или огром-

¹ «Сын Отечества» 1831, №№ 34—42.

² Вашингтон Ирвинг (1783—1859) былъ довольно популяренъ въ Россіи, и въ журналахъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія помещено не мало его произведеній. См. «Московский Телеграфъ», 1826, №№ 2—4, 11—12; 1827, №№ 17—19; 1828, №№ 5—6; 1832, № 21. — «Сын Отечества», 1825, ч. 102. — «Московский Вестникъ», 1828, №№ 10, 11. — «Литературная Газета», 1830, № 56; 1831, № 32. — «Телескопъ», 1832, № 12 и мн. др. Были и отдельные изданія; напр. въ Москвѣ въ 1830 г. вышелъ переводъ «Итальянскихъ Разбойниковъ», сделанный Георгіемъ Реслеромъ.

³ «Московский Телеграфъ», 1831, №№ 5—6.

⁴ Тамъ же, 1832, №№ 1—4. Эта «кавказская быль» посвящена Н. А. Полевому.

⁵ А. А. Бестужевъ сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» Н. И. Греча.

ный халатъ. Пишите, заказывайте — все исполнено будетъ. Между тѣмъ, я еще у Васъ въ долгу, и давно-бы послалъ къ Вамъ мой долгъ, но — какъ это сдѣлать? *Можно*-ли по обыкновенному Вашему адресу? Боюсь повредить Вамъ даже и неумышленнымъ поступкомъ. Увѣдомьте. Посылаемъ Вамъ при семъ Notre Dame de Paris В. Гюго — произведение, изумившее Францію.¹ Въ два мѣсяца вышло этой книги шесть или семь изданій. Не предупреждаю суда Вашего, и потомъ скажу Вамъ мое мнѣніе. Кланяйтесь Ивану Петровичу.² Ему собственно отдѣльная книга. —

Вашъ всегда

Н. Полевой.

Въ 25-е Сент. 1831 г.

¹ Романъ В. Гюго былъ восторженно встреченъ въ Россіи. Лишь немногіе писатели (напр., Пушкин) относились къ нему критически. См. И. Панаевъ. Литературные воспоминанія. СПб. 1876, стр. 41. — «Московский Телеграфъ», 1831, № 9, стр. 143.

² Жукову.

Понятие о тиранне в древнерусской литературе в сравнении с западной.¹

Первое произведение древней русской литературы, в котором мы встречаем понятие о тиранне, это — Начальная летопись, или Повесть временных лет. Летопись есть произведение историческое, и потому от ее автора нельзя ожидать обсуждения теоретических вопросов политики. Понятия о тиранне он касается попутно, при изложении различных событий и отношений, и из отдельных его замечаний можно заключить о наличии у него, в этом отношении, некоторых вполне определенных взглядов. Летописец различает два типа князей: праведных и неправедных. Один князь любит суд и правду, заботится о надлежащем устройстве правительственных и судебных учреждений, назначает соответственных правителей и судей. Другой, напротив, о правде не заботится, проводит время в веселии и предоставляет действовать вместо себя своим советникам. При этом летописец очень часто изображает этих советников, как молодых людей или юношей, желая этим, вероятно, указать на неосновательность подаваемых ими советов. Особенно резко эти черты выражены в летописи под 1015 г., где рассказывается о Святополке Окаянном, который представляется образцом неправедного князя. Летописец занят вопросом: как объяснить себе это явление, как оправдать тираннию в общей мировой экономике? Он решает эту проблему в духе своего религиозно-правственного мировоззрения. Ссылаясь на пророка Исаию, летописец учит, что бог дает власть, кому хочет, и поставляет

¹ В настоящей статье автор не имеет ввиду ни сообщить новый материал для истории понятия о тиранне в древнерусской литературе, ни даже исчерпать материал уже известный. Его цель — *составить* русскую и западную литературу в этом вопросе, для чего ему кажется достаточным *пока* ограничиться *главнейшим* материалом, какой дает та и другая.

в кесари и князя, кого найдет нужным. Если какая земля окажется правую перед богом, он дает ей праведного князя, любящего суд и правду. И когда в стране власть принадлежит праведному князю, то много прегрешений ей отпускается. Наоборот, злых и лукавых князей бог дает за грехи народа, и этим наводит большее зло на землю, так как за злые действия князя будет отвечать вся страна.

Эти немногие замечания слишком незначительны, чтобы можно было говорить о цельном и разработанном учении о тираннии. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что русский начальный летописец выразил в них вполне определенно свое отношение к главнейшим проблемам, которые встают пред всяким подобным учением. Представляет проблему уже самое *понятие* тиранна. В каком случае монарх заслуживает этого имени? Чем именно тиранн отличается от настоящего монарха? Обозревая мировую литературу, посвященную тираннии, нетрудно подметить в ответе на этот вопрос два основных направления; одно из них можно назвать идеалистическим, другое — реалистическим. Одни обращают внимание на то, соблюдается ли правительством известный *принцип* или нет, совершенно независимо от результатов, к которым приводит управление. Так, Платон усматривал различие между βασιλεύς и τύραννος в том, что первый действует по законам, κατὰ νόμους, а второй — по своему капризу, κατὰ τὴν ἑαυτοῦ διάνοιαν и потому создает беззаконие.¹ Другие считают важным, чьи *интересы* соблюдает правитель — общие ли интересы народа, или же свои собственные. В первом случае это — монарх, во втором — тиранн. Таков, приблизительно, взгляд Аристотеля.² Летопись совершенно определенно *становится на первую из этих двух точек зрения*. Ее интересует не польза, а правда, и сущность извращенной монархии она видит в отсутствии законности и справедливости. Заслуживает внимания и оправдание тираннии в духе провиденциализма. Из него само собой вытекает решение наиболее острого вопроса, а именно — о повинении тиранну. Хотя летописец такого вывода не делает, но разумеется, если

¹ Resp. 291; Definitions: βασιλεύς, τύραννος.

² Pol. VI (iv) 1295 a.

тиранн также поставлен богом, как и подлинный князь, то нужно признать, что сопротивление ему ни в каком случае невозможно.

Идеи, высказанные в Начальной летописи, надолго определили отношение к этому вопросу в русской литературе. Немало можно было бы указать произведений, в которых высказываются подобные же мысли. В виде примера можно назвать «Слово о судьях и властелех», автором которого некоторые считают митрополита Кирилла II (ум. 1281 г.). Здесь проводится такое же резкое различие между двумя князьями. Бог поставил князей вместо себя быть пастухами и стражами людей и оберегать стадо людское от волков. Неправедные же князья сами стали волками и губят стадо христово. Они держат неправедных властелей, которые творят неправедный суд и не смотрят на правду, но продают ее. К таким князьям автор применяет характерное выражение ап. Павла (Римл., I, 18), что они «держат истину в неправде». Но как и в летописи, мы не находим здесь никаких выводов в смысле возможности сопротивления неправедному князю. Считая всех князей, без различия, наместниками божими, автор допускает их ответственность только перед богом. Поэтому, обращаясь к князьям, которые «не судили в правду, и не сохранили закона», он угрожает им страшным и скорым судом Божиим.¹

Совершенно иное нужно сказать о сочинениях Иосифа Санина, одного из крупных церковных писателей XVI в. (1440—1515 гг.). Взгляды его вообще представляют любопытное сочетание консерватизма с чисто радикальными идеями. Объясняется это, главным образом, личными склонностями Санина и складом его ума, а также, отчасти, и обстоятельствами, при которых ему пришлось действовать, и которые вызвали его к литературной деятельности. Два вопроса в особенности волновали тогда русское общество и, в частности, церковные круги: это, во-первых — ересь жидовствующих и, во-вторых — судьба монастырских имуществ, которым тогда угрожала секуляризация. Санин горячо встал за единство церкви и за сохранение незыблемым ее учения. Он требовал от вел. князя Ивана III решительных мер, вплоть до казни еретиков. Столь же энергично он отстаивал неприкосновенность монастырских имуществ.

¹ Православный Собеседник, 1864, ч. I, стр. 368—374.

Правительство же не всегда было на его стороне в том и в другом вопросе, в особенности оно проявляло колебания относительно еретиков. Санин то оказывался на стороне вел. князя, то против него; по крайней мере, он мог опасаться, что вел. князь не будет действовать во всем согласно с его планами. Это обстоятельство, может быть, содействовало образованию у него критического взгляда на княжескую власть.

В своих многочисленных посланиях, рассуждениях, а особенно в Проветителе, Санин развивает целое учение о княжеской власти, основу которого составляет мысль о поставлении князей богом.¹ Задачу власти он определяет очень широко, так что она обнимает не только светские дела, но и церковные. Но Санин вовсе не представляет себе княжескую власть беспредельною. Первое условие, которое он предъявляет к князю, это — *соблюдение закона и правды*. Отсюда он делает вывод в область реальной политики. Так как на законе (церковном) основывается неприкосновенность монастырских имуществ, то князь не имеет права ими распоряжаться. Вообще, Санин — против безусловного уподобления государственной власти всемогуществу Божию. Текст Матф., 22: «воздадите кесарева — кесареви, а Божия богами» он толкует в том смысле, что царю нужно воздавать только царскую честь, но отнюдь не божественную. Он разъясняет эту мысль еще определеннее: князю нужно служить и подчиняться только *«тлешнъ, а не душевнъ»*.² При этих условиях покорение царю, по мнению Иосифа, не только вполне дозвоительно, но и содействует развитию в человеке страха Господня.

Совсем иное дело — тиранн. О нем Санин говорит так: «Аще ли есть царь, надъ челоуѣки царствуя, надъ собою же имать царствующа скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ, — невѣріе и хулу, таковой царь не божій слуга, но діаволь, и не царь, но мучитель». Санин ссылается на Евангелие (Лук., 13, 22) и утверждает, что таких царей

¹ Подробный разбор этого учения см. в книге В. Е. Вальденберга, Древнерусские учения о пределах царской власти, 1916, стр. 201—222.
² Проветитель, Слово 7-е. Казань, 1857.

и Христос не называл царями.¹ Здесь признаками мучителя, тиранна выставляются три черты: 1) его подчинение греховным страстям, 2) неверие, которое можно понимать, и как отступничество от правой веры и 3) лукавство и неправда, т. е. несоблюдение закона. В другом месте он называет мучителем царя, «иже небрегій о сущихъ подъ нимъ», т. е. который не заботится о своих подданных.² Таким образом, Иосиф внес в понятие тиранна новые черты. Его характеристика касается тиранна не только, как правителя, но и как человека, т. е. говорит о его личных качествах, при чем указывается, с одной стороны, нравственный признак (пороки), с другой — церковно-религиозный (неверие). Это, до известной степени, сближает Иосифа с теми писателями Западной Европы, которые, описывая тиранию, имели в виду не известную систему управления, а только порочный и преступный образ действий данного государя. Таков напр. Макиавелли. Любопытно у Иосифа еще и то, что в понятие тиранна он вносит некоторый *реалистический* элемент, указывая на неправильное отношение тиранна к интересам населения, причем этот реализм уживается у него с идеалистическим взглядом на тиранна, как на человека, действующего не по закону.

Но самое замечательное в учении Санина — это то, как он решает вопрос об отношении населения к тирану. Здесь у него нет никаких колебаний. *Тиранн*, говорит он, — не божий слуга, но *слуга дьявола*; своим образом действия он делает себя слугою сатаны. К нему, следовательно, неприменимо учение ап. Павла о происхождении властей от бога. Он не богу служит и, значит, его нельзя считать орудием божественного промысла, как думал летописец. Такого царя или князя, прибавляет Санин, «да не послушаеши на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію претитъ». Правильность своего вывода он доказывает, во-первых, ссылкой на трех отроков, не покорившихся Навуходоносору, а во-вторых, общим указанием на «пророков и апостолов», которые не покорились повелениям нечестивых царей и за

то приняли мученический венец.¹ Это учение с полным основанием может быть названо *революционным*, — тем более, что Иосиф характеризует тиранна слишком общими чертами, допускающими весьма широкое толкование, и, таким образом, предоставляет решение вопроса в каждом частном случае самому населению, вернее, отдельному гражданину.

Подобные же воззрения проводил и ближайший последователь Иосифа — митрополит Даниил (1522—1539 гг.). Он тоже высказывает мысль, что князья и владыки имеют власть только над телом, но не над душою. Поэтому повиноваться им следует лишь до тех пор, пока их веления согласны с волей божией. Если же они расходятся с волей божией и требуют действий «безмѣстныхъ и душевредныхъ», то не следует им повиноваться, хотя бы они мучили до смерти. Подкрепляет Даниил свою мысль тем, что бог создал душу «самовластною» т. е. свободною, чтобы она могла различать добро и зло.² В другом месте он высказывается еще определеннее. Так как повиноваться властям следует «господа ради», то, заключает митр. Даниил, если они «что *внѣ воли господней* повелѣвають намъ, да не послушаемъ ихъ».³ Собственно понятия тиранна или подобного ему у митр. Даниила нет, но от этого его учение становится не менее, а пожалуй, еще более резким, чем учение Иосифа Санина. Иосиф допускает возможность неповиновения только мучителю, Даниил же говорит о власти вообще, значит, — и о власти вполне законной, и запрещает повиноваться даже ей, если она предписывает нечто противное закону божію. С другой стороны, он несколько более определенно, чем Иосиф, формулирует условия, при которых возможно правомерное неповиновение власти, и это отчасти ослабляет революционный характер его воззрений.

Следующий по времени автор, у которого находим понятие тиранна, Максим Грек (ум. 1556 г.). Но он не продолжал направления Иосифа и его последователей, а скорее вернулся к тем взглядам, которые проводила предшествующая Иосифу литература. Данного вопроса он касается в двух сочинениях: «Главы поучительны начальствующимъ правобѣрно»

¹ Просветитель, Слово 7-е, стр. 324—325.

² Там же, Слово 16-е, стр. 604.

¹ Там же, стр. 325, 601.

² Слово 8-е. Ркп. Гос. Публ. Библ., Фг № 522, л. 238 об. и 240.

³ Там же.

и «Слово, пространѣе излагающее нестроения и безчиния царей». В первом из них Максим рисует идеал истинного царя и, в противоположность ему, говорит о неправедном царе. Главную добродетель царя составляет *правда*, под которой Максим понимает, главным образом, правый, нелицеприятный суд. Только тот царь, который действует в духе правды и соблюдает законы, может притязать на имя самодержца. Если к этому он присоединяет две другие добродетели — целомудрие и кротость, то он является истинным царем и одушевленным образом царя небесного. Наоборот, если царь находится во власти пороков, подчиняется страстям и похотям, то он уже перестает быть образом небесного царя и становится «безсловеснаго естества чловѣкообразно подобіе». Особенно же подчеркивает Максим неправду его действий, проявляющуюся, по преимуществу, в сребролюбии и в грабительских поступках. Во втором произведении он жалуется, что между нынешними царями мало таких, которые соответствуют своему назначению; большинство же из них правильнее должны быть названы не царями, а «насильниками». Характеризуя этих насильников, Максим указывает те же черты, а именно лихоимство и неправду, но присоединяет к ним еще одну: насильник не принимает «общеполезное совѣтованіе добродетельныхъ», или, как Максим выражается в другом месте, не принимает «священническое учение духовное, ниже совѣтованіе многоискусныхъ старцевъ». Иначе говоря, насильник действует всегда единолично, признает только свою волю и свой каприз. В этой мысли отразился один из главных общественных интересов эпохи. Любопытно, что в характеристике насильника встречаются у Максима те же наивные черты, какие мы видели в летописи: он проводит время в пирах и в веселии, т. е. пренебрегает своим делом.¹ Еще важнее, что из различия между царем и насильником Максим не делает, как и летопись, никаких политических выводов, так что приходится заключить, что насильнику народ должен так же покоряться, как и истинному царю. Следовательно, различие это имеет одно только нравственное значение, как порицание царям, уклонившимся от идеала, и как проповедь исправления.

¹ Сочинения, 1860, т. II, стр. 157—185 и 319—338.

Пятьдесят лет спустя мы встречаем горячие выступления против тирании царя Ивана Грозного в сочинениях Курбского, в его Истории царя Московского, в его посланиях к Ивану Грозному, к старцу Вассиану и других. Но сочинения Курбского тем существенно отличаются от всех ранее рассмотренных, что в них нет никаких общих, теоретических рассуждений о тирании. Курбский выдвигает против царя Ивана ряд очень тяжелых обвинений: он бичует его личные пороки, его распущенный образ жизни, обвиняет его в жестокости и т. д., словом выставляет его, как тирана во всех отношениях. Но он совсем не поднимает вопроса о том, что такое тиранн, и как к нему следует относиться. Однако, некоторые общие черты всетаки можно извлечь из его сочинений. Он изображает царя, как злого, жестокого и коварного человека, вообще, как человека безнравственного.¹ Конечно, Иван Грозный и был, в значительной степени, такой человек, но внесение этой черты в его характеристику, может быть, свидетельствует о наличии у Курбского и соответственных общих взглядов. Это видно напр. из сравнения с летописью. Замечания летописца о тирании приурочены, как мы видели, к истории Святополка Окаянного, который тоже отличался беззастенчивостью в выборе средств и, вообще, безнравственным образом действий. И однако, в общей характеристике тирана, которую дает летописец, эта черта отсутствует. Остальное же в изображении Грозного вполне отвечает литературной традиции. В его лице Курбский изображает тирана, как человека, *пренебрегающего законом*: он дает волю «естественному самовластію», отрекается от евангельских заповедей, постановлений церковных соборов и даже от законов естественного права.² Он окружен ласкателями, льстецами, которые потакают его слабостям и направляют его исключительно на дурные поступки.³ Как и летописный тиранн, он проводит время в пьянстве и в различных телесных удовольствиях.⁴ Наконец, Курбский называет Ивана Грозного «споспѣшникомъ

¹ Сочинения Курбского. Русск. Ист. Библ., т. XXXI, 1914, стб. 1—2, 150, 269, 270, 291 и др.

² Там же, стб. 150, 270, 311—312, 323—324 и др.

³ Стб. 269 и др.

⁴ Там же.

великаго дракона, который сопротивляется богу и ангеломъ его».¹ Эта черта в особенности любопытна. Если вся остальная характеристика, предлагаемая Курбским, могла быть продиктована действительным характером и образом действия Ивана Грозного, то здесь перед нами чистая идея, которая *может быть объяснена только из литературныхъ вмятинъ*. Очевидно, мы имеем в словах Курбского отголосок того направления мысли, которое отказывается видеть в тиранне власть от бога и производит его, как это делал Иосиф Волоцкий, от дьявола. Разумеется, Курбский должен был отсюда сделать и вывод, подобный тому, какой делал Иосиф, в смысле права не повиноваться тиранну. Такого вывода *expressis verbis* Курбский нигде не делает; но он, конечно, молчаливо предполагается всем смыслом его сочинений, посвященных Ивану Грозному, и, может быть, еще больше фактическими отношениями его к царю. Тем самым, что он покинул Ивана Грозного, он показал, что не считает себя обязанным ему повиноваться, и это свое право он энергично защищает в ответ на обвинение в измене, которое предъявил ему царь.²

Несколько интересных мыслей, относящихся так или иначе к учению о тиранне, находим в некоторых из повестей и сказаний, посвященных событиям Смутного времени. Все они совершенно определенно проводят различие между царем и тиранном. Первый, это самодержавный, истиннейший царь; он поставлен от бога и «царюетъ вправду», соблюдая «первыхъ царей уставы» и, вообще, держа себя соответственно достоинству царской власти. Тиранна повести иногда прямо называют этим именем,³ но чаще они пользуются другими выражениями, а именно: лжецарь, самоцарь, мнимый царь, не сущий царь. Все эти термины имеют один и тот же смысл; они дают понять, что данное лицо является царем только по имени, по титулу, а на самом деле оно есть нечто совсем другое. «Мнимымъ царемъ» называют, напр., Шуйского, «лжецаремъ» — Лжедмитрия. Говоря о таких мнимых царях, повести иногда указывают на их жестокость; напр. о Шуйском говорится, что он

«мучительно правяща власть»; что «народъ въ тиранствѣ живуще подъ властію его».¹ Но гораздо чаще и последовательнее проводится другая точка зрения, а именно, что тиранн или мнимый царь *не опирается в своей власти на право*. Если внимательно вчитываться в повести, то можно подметить, что они говорят приэтом о двояком нарушении права. Власть тиранна является неправомерной, во-первых, в том смысле, что она *приобретена незаконнымъ способом*, т. е. путем насилия или обмана. Так, о Шуйском говорится, что он «самохотно *восхищеніемъ* наскочивше на царство»; о Борисе Годунове, что он, «*вымавъ*, приобрѣтъ си царство». В таком же роде высказываются суждения и о Лжедмитрии.² С другой стороны, тех же царей упрекают в том, что они *осуществляют* свою власть *неправомерно*, т. е. своими действиями нарушают право. В особенности определенно такой упрек высказывает кн. И. Хворостинин в своей повести по адресу Лжедмитрия, о котором говорит, что он «беззаконію изволи совѣтомъ нечестивымъ». Его охотно с этой целью сравнивают с Юлианом Отступником, который в древней русской книжности рассматривается вообще, как воплощение всяких беззаконий. Характерно еще выражение, употребляемое в отношении Лжедмитрия, что он поставил «самодержавіе выше челоѣческихъ обычаевъ»; иными словами, он правил произвольно, не считаясь с установленными общественными взглядами и действующими законами.³ Наконец, немаловажный элемент учения о царе и тиранне, которое развивают повести Смутного времени, составляет их отношение к теократической идее. Без всякого колебания, повести производят от бога одних только «истинныхъ» царей, ложные же цари, тиранны получают власть, по их убеждению, *от дьявола*. Кн. Шаховской прямо говорит: «иже приключившаяся власть отъ дѣвола, во истинѣ не стоять и благочестія не хранить». По поводу Лжедмитрия он высказывает интересную общую мысль: «дѣволъ на высоту вознести можетъ челоѣка. . . подобаетъ убо разсудити образы разумѣнія и власти различія, въ чesомъ разньствуеть

¹ Стб. 158.

² Стб. 131.

³ Русск. Ист. Библ., т. XIII, изд. 2, 1909, стб. 546.

¹ Там же.

² Там же, стб. 326, 360, 363, 377, 389.

³ Там же, стб. 535, 539—541; сравнение с Юлианом, стб. 366, 496, 1291.

вещь его».¹ Повести останавливаются даже на таком вопросе: как примирить поставление ложного царя дьяволом с обрядом венчания и миропомазанием, которое совершается над этим царем? Ответ дается весьма решительный: ни одно из этих церковных действий не сообщает ложному царю никакой благодати, потому что от этих действий сохраняется одна видимость, на самом же деле его венчают и мажут *бесы* по приказанию дьявола. Столь последовательного проведения этого взгляда не знает предшествующая литература, не исключая и литературы юсифлянской.² Однако, в другом отношении повести оказываются менее последовательными, чем Иосиф Волоцкий. Ни в одной из них нельзя найти и намека на то, чтобы они допускали правомерное сопротивление тиранну, хотя бы даже пассивное. Наоборот, они совершенно определенно высказываются в том смысле, что тиранну следует повиноваться так же, как истинным царям. Относительно Шуйского, напр., Авраамий Палицын указывает, что ему целовали крест; нарушить присягу нельзя и, следовательно, надо «возложить упование на Господа». В таком же духе говорит и Тимофеев в своем Временнике.³ Таким образом, соображения чисто религиозные заставляют авторов повестей допустить некоторую непоследовательность: производя власть тиранна от дьявола, они тем не менее признают эту власть обязательной — в такой же мере, как и власть от бога.

Наконец, мы находим ясно выраженное понятие о тиранне в некоторых произведениях, вышедших из среды раскола. Обвиняя царя Алексея Михайловича в содействии церковным преобразованиям Никона, приверженцы старой веры принуждены были относиться критически и, до известной степени, враждебно к власти царя. Этому содействовали также те меры воздействия, которые принимало правительство относительно раскольников. Поэтому мы встречаем у них отношение к Алексею Михайловичу, как к царю неистинному. В произведении, известном под названием «Щить Вѣры» и приписываемом иноку Авраамью, читаем: «ты нынѣ, царю, нечестивый еретикъ и новый отступникъ правосла-

ная вѣры и восточныя соборныя церкви и новый же въ Руси царь, мучитель и гонитель святыхъ прозовешися. И воистину есть и будетъ такъ: понеже лести вѣру ять паче истины Христовы и яже с правдою не восхотѣлъ еси *разсудити праведнѣ*, но *насилемъ* своимъ и властію вся твориши мучителики и помогаеши отступникомъ».¹ Алексей Михайлович — не царь, а мучитель, и это, во-первых, потому, что власть его опирается не на правду, а исключительно на силу, а во-вторых, потому, что он отступил от правой веры. Само собою разумеется, что для учителей раскола, которые встали как раз за правую веру, неизбежно должен был возникнуть вопрос: до каких пор следует повиноваться мучителю? Ответ был ясен. В 4-ой Соловецкой челобитной находим прямой отказ исполнить распоряжения правительства и выражение готовности принять мученический венец: «вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царьской, и отъ сего мятежнаго житія переселити насъ въ оное безмятежное и вѣчное житіе».² Некоторые же представители раскола шли так далеко, что находили невозможным возносить за царя молитву, как за «благовѣрнаго» государя, так как он изменил правой вере, и нельзя желать ему победы над защитниками этой веры.

Этим исчерпывается все существенное, что заключает в себе древняя русская литература по вопросу о тиранне. Можно было бы указать еще два крупных и важных источника. Это, во-первых, слово «О свободѣ святыхъ церкви», относящееся к началу XVI в., автором которого считают доминиканца Вениамина,³ и во-вторых, «Разговоры объ владательству» Юрия Крижанича. Но они не могут дать материала для характеристики отношения к этому вопросу древней *русской* письменности. Первое из них есть совершенно чуждое растение на русской почве: вся аргументация автора, приводимые им исторические примеры и т. п. свидетельствуют с очевидностью, что он стоит на основе западной образованности, а не русской, и вращается в круге идей, древней Руси известных только в слабой степени. Достаточно сказать, что

¹ Стб. 869.

² Стб. 373 (Временник Ив. Тимофеева).

³ Стб. 399 и 1007.

¹ Субботин, Материалы по истории раскола, т. VII, стр. 213.

² Субботин, ук. соч. т. III, стр. 210.

³ Чтения в Общ. Ист. и Древн., 1902, кн. II.

главным аргументом является у него теория двух мечей. Что касается Крижанича, то его отношение к древнерусской образованности, вообще говоря, совершенно иное. Будучи европейски-образованным человеком, он прекрасно владел в тоже время источниками русской образованности, и его привлекали темы, интересовавшие и русских людей его времени. Поэтому его сочинения, по крайней мере, некоторые из них, могут быть свободно поставлены в один ряд с произведениями русских авторов. Но относительно его учения о тирании этого сказать нельзя. Хотя в этом вопросе он проявляет значительную самостоятельность в отношении западной литературы, но весь характер его теории, постановка вопроса, даже различие, которое он проводит между тиранией, как формой государственного устройства, и тиранией, как способом управления, — ясно показывают, что здесь он продолжает западные литературные традиции и, в конце концов, опирается на Аристотеля. Поэтому и Крижанича, несмотря на его духовную близость к древней Руси, осторожнее будет не привлекать для истории данного вопроса.

Какие же выводы можно сделать из приведенного обзора древнерусской литературы? Первое, что бросается в глаза, это — единство в определении самого понятия тиранна. Все авторы и памятники, касавшиеся вопроса, согласно видят в тирании человека, *незаконно правящего государством*. Иногда указывают при этом на незаконность самого приобретения власти (*tyrannus quoad titulum*), но большинство имеет в виду то, что тираны своими действиями нарушают нормы права (*quoad exercitium*). Это — господствующее направление в древнерусской литературе. Можно указать всего два-три случая, когда в определении понятия тиранна проскальзывает нотка утилитаризма. У Иосифа Волоцкого мучителем является князь «небрегий о сущихъ подъ нимъ»; памятники Смутного времени указывают на жестокость ложного царя. Но в обоих случаях — это выставляется, не как единственная черта тиранна, не как его *specifica differentia*, а лишь в дополнение к его незаконному образу действий. Таким образом можно сказать, что древнерусская литература обнаруживает в этом вопросе определенное тяготение к тому направлению мысли, которое может быть связано с именем Платона.

Если сравнивать русскую литературу в этом вопросе с западной, то нужно будет сказать, что там такая точка зрения на тиранна тоже была очень распространена, *но вовсе не была господствующей*. Можно назвать авторов, которые в описание тиранна совсем не вводят признак незаконности. Так, Эгидий Римский приводит четыре признака тиранна: 1) он стремится не к общему благу, а к частному, 2) — к *bonum delectabile*, а не *honorificum*, 3) интересуется деньгами, а не добродетелью, 4) желает *custodiri ab extraneis*.¹ Также приблизительно у Фомы Аквинского.²

Во взгляде на тиранна литература и отдельные авторы выражают свое мнение о том, что они считают неправильным, ненормальным строем государственных отношений. Следовательно, из этого учения можно делать вывод а *contrario*: что в данном случае считается самой важной и наиболее существенной принадлежностью *правильного, нормального* государственного строя? Исходя из этой мысли, следует признать, что древнерусская литература рассматривает, как непереносимое условие правильной государственной власти *закономерность* ее действий. И действительно, таков был господствующий взгляд на государственную власть в древней Руси. До конца XVII в. найдется лишь очень небольшое число литературных памятников, в которых проводится противоположное воззрение. Строго говоря, таких произведений, в которых государственная власть понималась бы как абсолютная, вполне неограниченная, в древнерусской литературе и совсем нельзя назвать; и там, где она с первого взгляда кажется неограниченной, на самом деле можно говорить только о незначительности ограничения. Само собою разумеется, что эта особенность русской литературы не может быть объяснена никакими внешними и случайными влияниями. Но все-таки ее не бесполезно поставить в некоторую связь с тем фактом, что в древней Руси до конца XVII в. не была известна классическая формула абсолютизма: *princeps legibus solutus est* (Dig. I, 3, 31), и мы ни в одном памятнике не встречаем ни упоминания о ней, ни ее обсу-

¹ De regimine principum, p. II, cap. 6.

² De regimine principum, lib. III, cap. 11.

ждения.¹ Между тем, на Западе она очень рано стала темой политических рассуждений. Образовалось на Западе и несколько направлений в ее понимании или в отношении к ней. Наиболее решительные приверженцы формулы утверждали, что монарх не связан никакими законами — ни положительными, ни законами естественного права. Так думали Гоббс, Спиноза и сторонники теории *regime di stato*, во главе с Макиавелли.² Более умеренное направление понимало под *leges* одни только *leges civiles*, т. е. освобождало монарха от подчинения положительному законодательству, но в тоже время объявляло обязательным для него естественное право. Таких было большинство. К этому решению склонялись и монархисты, и некоторые демократы, — и католические мыслители, и протестантские: Иоанн Салисбюри, Эней Сильвий, Бодэн, Суарец, Куяций, Донелл, Горн, Гемминг, Винклер, Пүффендорф и многие другие должны быть причислены к этой группе.³ Наконец, были мыслители, которые совсем отвергали римскую формулу и настаивали на том, что *princeps legibus tenetur*, высказывались за *potestas legibus adstricta*, т. е. признавали обязательным для монарха не только естественное, но и положительное право. Но в этой группе не было полного единства, и можно назвать очень немного авторов, которые бы без всяких оговорок признавали положительное право обязательным для монарха. Большинство считало нужным делать те или другие различия. Так, Фома Аквинский, который вообще колебался в этом вопросе, допускал обязательность положительных законов лишь *quoad vim directivam*, но не *quoad vim coactivam*;⁴ Гуго Гроций находил нужным различать *rex ut rex* от *rex ut privatus*;⁵ другие различали *leges fundamentales* и обыкновенные законы.

В древней русской литературе, наоборот, разногласий в этом вопросе не было: она вся насквозь проникнута мыслью об ограничении княжеской и царской власти правом. Иногда эта мысль высказывается в мягкой

¹ Древнерусские учения, стр. 56—57.

² Hobbes. De cive, cap. XII, § 1; Spinoza. Tract. politic., cap. III, §§ 2 и 5; cap. IV, § 1—3; Machiavelli. Il Principe, cap. 3 sub fine.

³ O. Gierke. I. Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, 1880, стр. 266—301.

⁴ Там же, стр. 283; ср. стр. 267.

⁵ De iure belli ac pacis, lib. II, cap. 14, § 1—2.

и скромной форме, но иногда, напротив, в очень резкой, как это мы видим напр. в Слове Сирахове на немилостивые цари, где автор прямо обращается к царям: «Отъ бога держава вамъ бысть, яко слуги божіе есте, то почто не храните закона, ни по совету вышняго ходите, — каколи не судите по праву, но злата дѣля погубяете истину». Эти слова встречаются и в ряде списков чина царского венчания. Некоторые авторы требуют от царя только соблюдения правды, закона божия и т. п., т. е. имеют в виду одно только естественное право. Но зато в целом ряде памятников указываются вполне положительные нормы, как-то: правила св. апостолов, определения церковных соборов, постановления византийских императоров и другие. Таким образом, можно сказать, что понимание тирании, как незаконного управления государством, не есть случайное явление в древнерусской литературе, а находится в связи с общим ее направлением в области политических понятий.

Второе, что следует отметить в древнерусских учениях о тирании, это их *тяготение к нравственной точке зрения*. Проявляется эта точка зрения, главным образом, в характеристике тирана и в описании его образа действий. Тирана рисуют, как человека, подверженного различным слабостям, как раба своих страстей, как человека жестокого. Такая нравственная характеристика имеет преимущественно психологическое значение: она или должна объяснить, что заставляет тирана вступить на путь беззакония, или она показывает, как в зеркале, гибельные последствия беззакония. В других случаях можно говорить о влиянии собственно религиозного мировоззрения. Оно выражается в том, что тирана обвиняют в неверии и в хуле на бога: о его незаконной деятельности говорят, что он стадо христово отдает на поругание, его обвиняют в том, что он требует от подданных совершения душевредных действий.

Далеко не все эти черты тирании, которые мы находим в русской литературе, составляют общее место в литературе мировой. Само собою разумеется, что в античной литературе мы не встретим религиозно-церковного взгляда на тирана. Но мы почти не найдем в античной литературе и нравственно-психологического взгляда в том виде, какой он имеет в русской литературе. Там совсем не было в ходу изображать

тиранна, как безнравственного человека, а психологией пользовались больше всего, как мы это видим яснее всего на примере Платона, в форме обрисованья общественно-психологической почвы, на которой появляется тиранн. Тиранн — раб страстей, есть тема *поздней* греческой литературы; она появляется в эпоху эллинизма и представляет оборотную сторону другой темы, — о свойствах истинного царя. Истинный царь властвует не только над людьми, но, прежде всего, над самим собой; нельзя быть хорошим государем, не будучи хорошим человеком. Это уже определяет краски для изображения тиранна. В наиболее ярком виде характеристика тиранна, как беспутного и злого человека, ищущего только удовольствий, является у Диона Хризостома; от него она перешла к Фемистию, а затем и в византийскую литературу.¹ На Западе же этот взгляд не получил распространения и встречается не часто. Тоже самое нужно сказать о религиозно-церковной точке зрения. Взгляд на тиранна, как на отступника от правой веры, как на нарушителя церковных законоположений, который и от подданных требует нарушения заповедей, можно встретить редко. В большинстве случаев, подобные черты отсутствуют в характеристике тиранна, даже у католических писателей. Выше приведена была характеристика, которую дает Эгидий Римский, и которая заключает в себе черты исключительно светского и, если так можно выразиться, языческого мирозерцания. Отсутствует элемент церковности в определениях, которые дают Фома Аквинский, Мариана, Бодэн, Спиноза и многие другие.² В качестве примера автора, у которого религиозно-нравственная точка зрения выступает более или менее ясно, можно привести Иону Орлеанского (IX в.), который имя тиранна усваивает государям *imprie vel injuste crudeliterque principantibus*.³

В вопросе об отношении к тиранну и о пределах повиновения ему древнерусская литература представляет, в некоторых отношениях,

¹ Dionis Chrys. Or. 2, § 75, or. 32, § 26, or. 62, § 5 sqq.; Themistii, Orationes, ed. Dindorf, pp. 6, 14, 43.

² Mariana. De rege et regis institutione, lib. I, cap. 5: *discrimen regis et tyranni*; Bodin. Six livres de la republique, I, II, ch. 4.

³ De institutione regia, cap. III.

параллель к западным учениям. Общее между ними то, что *здесь и там было два направления*, из которых одно требовало от подданных такого же безусловного повиновения тиранну, как и истинному монарху, а другое допускало, при тех или других условиях, возможность неповиновения и сопротивления. Античная философская литература не могла здесь сообщить новой политике никаких традиций; для нее не существовало этих острых вопросов, — всякая ли власть от бога, дозволено ли пожертвовать жизнью тиранна, чтобы избавить целый народ от мучений и т. п.¹ Все подобного рода проблемы возникли гораздо позже и — едва ли в этом можно сомневаться — под сильным влиянием христианства. Отчасти по поводу различных исторических событий, а отчасти независимо от них, западные писатели стали задаваться вопросом о смысле слов ап. Павла о происхождении всех властей от бога (Рим., 13, 1-7). Оба направления наметились уже в IX в. Гинкмар Реймский проводил мысль, что все цари, и добрые, и злые, царствуют по воле божьей, согласно планам божественного домостроительства. Он только находил нужным, ссылаясь на Ос. гл. 8, указывать на различное отношение воли божьей к тем и другим: *bonus reges Deus facit, malos permittit*.² Еще определеннее этот взгляд проводится в сочинении Гуго Флерийского (XI в. — XII в.) *Tractatus de regia potestate*. Он без всяких оговорок принимает формулу ап. Павла, *quod non sit potestas nisi a Deo*. Опираясь на Ос. гл. 13, он говорит: *rex bonus hominibus datur Deo propitio, et pravus Deo irato*.³ Подобная же теория проводится и в сочинениях Иоанна Салисбургийского, Фомы Аквинского и других.⁴ Она, очевидно, родственна тому взгляду на тиранна, который мы видели в русской начальной летописи и в некоторых других памятниках, где появление тиранна объясняется грехами народа, которые должны быть, по плану творца, таким образом искуплены. Одновременно с этим развивался на Западе и другой взгляд. В IX в. Седулий

¹ Cp. H. Schmidt. Die Lehre vom Tyrannenmord, 1901, pp. 5—19.

² De regis persona et regio ministerio, cap. 1; Migne, s. I, t. 125.

³ Lib. I, cap. 1 и 4; Migne, s. I, t. 163.

⁴ P. Gennrich. Die Staats und Kirchenlehre Iohannis von Salisbury, 1894, p. 95—97; Thomas Aq. De regimine principum, lib. III, cap. 7: *instrumentum divinae iustitiae ad puniendum delicta hominum*.

Скотт утверждает, что злые цари не от бога и, что очень любопытно, ссылается при этом на текст Ос. гл. 8, который Гинкмар приводит в доказательство противоположного взгляда: *ipsi regnaverunt et pop ex me; principes exstiterunt, et ego ignoravi*.¹ Салисбюри, и за ним и другие, прямо называют тиранна образом дьявола (*imago diaboli*) и злобы Люцифера (*Luciferianae gravitatis*).² Это соответствует в русской литературе тому направлению, родоначальником которого был Иосиф Волоцкий. Резче же всего было на Западе разногласие по вопросу об отношении народа к тиранну. В средневековой литературе Гуго Флерийский решительно отрицал возможность неповиновения тиранну. Его ожидает божие наказание, и людям можно действовать против него только молитвою. Некоторое отклонение от этого принципа Гуго допускает лишь в отношении особого вида тираннии — *rex haereticus*. С ним возможна борьба, но только со стороны церкви и только духовным оружием — наставлением и анафематствованием. Рядовой же католик, если ему ставится на выбор, *aut haeretico foveat aut pro defensione fidei catholicae subeat mortem*, должен избрать смерть.³ Иначе говоря, и в этом случае Гуго допускает только пассивное сопротивление. Представителем другого взгляда является Фома Аквинский. Он, правда, советовал тиранна *tolerare ad tempus*, во избежание худшего зла. Но это только совет благоразумия. Принципиально же он допускал возможность низложения тиранна, но требовал только, чтобы этот акт был совершен не *privata praesumptione aliquorum, sed auctoritate publica* т. е. организованно. И в этом случае он считал, *non iniuste rex potest institutus destitui vel refragari eius potestas, si potestate regia tyrannice abutatur*.⁴ Салисбюри проводил взгляд, что самый верный для народа путь, чтобы освободиться от тиранна, это — с покорностью возложить надежду на божью помощь и, в тоже время, отказаться от греховной жизни. Но рядом с этим мы находим у него и другую мысль, а именно, что писание (Матф., 26, 52) не осуждает

тех, кто действует против тиранна более решительными мерами вплоть до убийства.¹

Этим только и ограничивается (т. е. наличием двух направлений) сходство между западными учениями о тираннии и русскими. В остальном же оказывается между ними очень большое различие. Во-первых, русские учения, даже самые крайние, как учение Иосифа Волоцкого, не идут дальше *пассивного* сопротивления и отказа в повиновении тиранну, или отказа от молитвы за государя, как мы это видим у представителей раскола. Западные же учения допускают и оправдывают активное неповиновение — низложение и убийство тиранна. Представителей этого взгляда можно найти одинаково, как среди католиков (Салисбюри, Мариана), так и среди протестантов (Альтузий, Юний Брут). Правда, было на Западе не мало писателей, которые энергично восставали против этого учения (Бодэн, Гроций, Гентилис и др.) и опровергали право народа на убийство тиранна; тем не менее, это учение находило себе немало сторонников, как в средние века, так и в новое время. Во-вторых, немаловажное различие заключается в *обосновании* права подданных на неповиновение. Большинство западных теорий, в которых проводится эта мысль, принадлежит XVI в. и отчасти XVII в., и все они имеют определенный *демократический* характер. Они исходят из идеи договора между монархом и народом, и тиранн для них есть государь, нарушивший условия договора. Таков ход мыслей у Буханана, Юния Брута, Буше, Альтузия и других.² В русской же литературе таких теорий указать нельзя. Есть и в ней демократические учения, но они имеют строгий монархический характер и не допускают возможности неповиновения царю (Пересветов). Учения же о тираннии представляют тиранна, не как нарушителя договора, а как отступника от веры, мучителя, нарушившего закон. Отсюда и учение о неповиновении тиранну получает особый смысл. У западных монархистов подданные отказывают монарху в повиновении, потому что он нарушил *их права*; и очевидно, что этот отказ есть *право* подданных, а отнюдь не их обязанность. У русских же

¹ Liber de rectoribus christianis, cap. 8; Migne, s. l., t. 103.

² Gennrich, op. cit., pp. 73, 76.

³ Tractatus de regia potestate, lib. I, cap. 4, 7, 8.

⁴ De regimine principum, lib. I, cap. 6; Cp. Frohschammer. Die Philosophie des Thomas von Aquino, 1889, p. 486.

¹ Gennrich, op. cit., pp. 98—100.

² R. Treuman. Die Monarchomachen, 1895, p. 49—72; E. Armstrong. The theory of the Huguenots. The Engl. Historical Review, IV, 1889, pp. 30—33.

«монархомахов» неповиновение подданных вытекает из того, что царь *нарушил закон* — главным образом, закон божий — или требует от подданных его нарушения. А так как закон обязателен для подданных, то они, следовательно, *обязаны* не повиноваться тиранну. Таким образом, отношение подданных к тиранну, при всем видимом сходстве русской и западной литературы XV—XVII вв., конструируется там и здесь далеко не одинаково. Больше сходства можно найти у русских учений с учениями католического средневековья и с учениями иезуитов. Средневековые католические писатели и иезуиты строят понятие тиранна не на общественном договоре, а так же, как и русские книжники, на законе божием. Неповиновение тиранну вытекает и у них из того, что он нарушил закон.¹ Однако, и здесь сходство далеко не полное. Прежде всего, католические теории отделяет от русских их стремление поставить государство в подчинение церкви и папе, между тем, как направление Иосифа Волоцкого и его последователей, учения раскола и проч. исходят, напротив, из мысли о подчинении церковных учреждений и дел государству. А затем — и это в данном случае гораздо важнее — католические теории рассматривают сопротивление тиранну, как *право* подданных, а не как их обязанность.² В русских же учениях понятие обязанности является здесь не случайно, а вытекает из самого существа дела: повиновение закону божию оставляет *абсолютную* обязанность подданных; поэтому, если тиранн своими действиями делает такое повиновение невозможным, они, очевидно, должны оказать ему сопротивление. Вот почему Иосиф Волоцкий говорит: «такого царя или князя да не послушаеши».

Из всего сказанного вытекает, что древнерусские учения о тиранне представляют нечто своеобразное по сравнению с учениями западно-европейскими. Нужно разумеется признать, что в древней Руси политические учения не имели такого широкого развития, как в соответствующие

¹ Schmidt, pp. 27—33, 42—46; Gennrich, p. 75.

² Thomas Aquinas. De regimine principum, l. I, cap. 6 (текст см. выше); Салисбюри: *licuit eum decipere et honestum fuit eum occidere* (Gennrich, op. cit., p. 97); Mariana. De rege et regis institutione, ed. 2, 1611, lib. I, cap. 6: *An tyrannum occidere fas sit*, pp. 58—60 (*posse, fas est*, etc.).

века на Западе Европы. Находясь вне традиций античной философии, на основе которой развивалась западная политическая литература, древняя Русь не могла создать таких многосторонних и в научном смысле законченных политических трактатов, каковы «Six livres de la république» Бодэна, «Левиафан» Гоббса и им подобные. Но это не помешало ей выработать в области политической мысли довольно отчетливые понятия. Это мы и видим на примере учений о тиранне. В этих учениях встречается много такого, что мы можем найти и в западных учениях. Но знака равенства поставить между ними нельзя, и можно думать, что во всемирной политической литературе русские учения о тиранне должны занять некоторое особое место.

В заключение следует коснуться вопроса об источниках древнерусских учений о тиранне. Западная литература не оказала на русскую в этом отношении никакого влияния. Выше были названы два автора, один XVI в., другой XVII в., которые такое влияние испытали в очень значительной степени, но оба они иностранцы. Являясь исключением, они только подтверждают независимость русских авторов от Запада. Вообще говоря, в русской политической литературе и до XVIII в. можно найти ссылки на крупные имена, принадлежащие европейской литературе, напр., на Аристотеля, Цицерона и других. Но в учениях о тиранне следы западного влияния подметить трудно. То же самое нужно сказать в известном смысле и о византийском влиянии. Оно не могло быть значительно уже по одному тому, что в византийской литературе учение о тиранне было развито очень слабо. Можно назвать всего двух-трех авторов, у которых вообще встречается эта тема. Вопросы же о том, следует ли и при каких обстоятельствах оказывать тиранну сопротивление, и как далеко оно может идти, — эти вопросы в византийской литературе не обсуждались вовсе. Самые термины *τύραννος*, *τυραννεία*, *τυραννίς* и др. употреблялись в византийской литературе большей частью не для обозначения злоупотребления властью, а в смысле захвата власти, мятежа, бунта и т. п. Такой смысл придается этим выражениям напр. у Пселла, Некавмена и других. О византийском влиянии на русские учения о тиранне можно говорить самое большое, лишь в том смысле, что Византия могла внушить русской

литературе, или укрепить в ней, известное мировоззрение, которое для большинства русских учений о тиранне составило существенную основу. В остальном же они сложились совершенно самостоятельно.

В. Вальденберг.

1926 г.

Первая комедия Сумарокова.¹

В 1750 г. Сумароков, уже известный, как автор многочисленных песен, элегий, эпистол и двух трагедий «Хорева» и «Гамлета», особенно прославивших его, обогатил русскую литературу еще одним европейским жанром — комедией «Тресотиниус». Этим произведением закончилось введение в русскую литературу всех видов поэзии, достигших на Западе такого широкого развития. Этою же пьесой начал Сумароков целый ряд произведений, в которых, несмотря на все скромные их поэтические достоинства, не имел он среди русских писателей соперников, вплоть до 1766 г., когда появился «Бригадир» Фонвизина.

Русская литература близко подошла к французскому классицизму, в то время, когда он, насчитывая почти два века своего существования, был уже на склоне своего развития. Уже трагедии Вольтера внесли свою философскую насыщенность немало нового в историю этого жанра. В 1738 г. вышла в Лондоне первая «мещанская» драма «Джордж Барнвель или Лондонский купец»; вскоре вызвала она многочисленные подражания на континенте, и около половины XVIII в. во Франции преобладающее место занимают уже драмы Нивелль-де-Шоссе,

¹ Статья была написана еще в 1918—1919 гг., дополнена и исправлена в конце 1925 г., когда и передана в редакцию ИРЯС. В предыдущем же томе ИРЯС напечатана статья В. А. Филиппова «К вопросу об источниках комедий А. П. Сумарокова. Мольер. Итальянская комедия. Современная действительность» (стр. 184—220), материал и некоторые выводы которой частично совпадают с данной статьей. Интересные замечания о причине литературной вражды между Сумароковым и Ломоносовым (правда, несколько более позднего периода, чем нас интересующий), находим мы в книге Г. Гуковского «Русская поэзия XVIII в.», изд. «Academia», Ленинград, 1927.

Дидро, Мариво.¹ Со всем этим материалом и мог ознакомиться свободно владевший иностранными языками Сумароков.

Но помимо чтения, к его услугам был пестрый и разнообразный репертуар петербургских театров. Более чем вероятно, что видел он еще спектакли, которые устраивали придворные слуги и мелкие чиновники, пользуясь пережитками давнего репертуара петровской эпохи.² В 30-х—40-х гг. видел он итальянских актеров импровизированной комедии, одна труппа которых сменяла в течение 30-х гг. и начала 40-х гг. другую.³ В 30-х же и 40-х гг. гостят в северной столице немецкие труппы Каролины Нейбер, позже Аккермана; тогда же прибыла первая французская труппа под руководством Сериньи.⁴ Словом, не выезжая из Петербурга, мог Сумароков познакомиться со всеми достижениями европейского театрального искусства.³ Эта воспринятая им театральная культура больше всего могла отразиться в первой его комедии: оставаясь в течение всей своей литературной деятельности более подражателем, чем оригинальным писателем, все же с течением времени Сумароков делался более самостоятельным по отношению к обрабатываемым образцам и вносил большую долю своего личного в создаваемые им писания.

1.

«Тресотиниус» — одноактная комедия близкая к фарсе, с очень несложным содержанием. Схема действующих, содержание и способы интриги традиционны для классической комедии. Оронт, проникнутый

¹ Petit de Julleville. Le théâtre en France⁵. Paris, 1901, ch. X. — Histoire générale du théâtre en France. T. IV. La Comédie. Dix-huitième siècle, par Eug. Lintilhac. Paris, 300—332. — Б. Лансон. История французской литературы XVIII в. Перев. П. О. Морозова. СПб. 1899, стр. 31—40.

² Н. Бродский. Театр в эпоху Елизаветы Петровны. История русского театра. Под ред. В. В. Каллаша и Н. Э. Эфроса. М. 1914, т. I, 102.

³ Вопросу об итальянской commedia dell'arte в России посвящена мною отдельная работа.

⁴ См. кроме указанной статьи Н. Бродского еще и статьи: С. Шамбинаго. Театр времени Петра II и Анны Иоанновны, там же.—В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России при Анне Иоанновне. Ежегодник имп. театров, 1913, №№ III, IV, VI и отдельно. — Изучение иностранных гастролей в России представляет очередную, очень сложную задачу в изучении истории русского театра.

необычайным почтением к учености педанта Тресотиниуса, решает выдать за него свою дочь Клариссу, несмотря на то, что она, любя Доранта, никак с этим согласиться не может. Интриги, собственно говоря, нет. Ни Кларисса, ни Дорант не предпринимает на глазах у зрителя никаких шагов для того, чтобы устроить свое счастье. Под конец лишь выясняется, что они уговорили подьячего заменить в брачной записи имя Тресотиниуса именем Доранта. Комедия заполняется второстепенными по существу моментами. Сначала Тресотиниус читает посвященную Клариссе песенку; затем является педант Бобембиус, желающий узнать мнение Тресотиниуса о том, какое написание буквы «твердо» правильнее. Затем приходит «офицер самохвал» Брамбарбас, назойливо предлагающий свою руку Клариссе. Он высмеивает педантов, оскорбляет подьячего, но вслед за ним является «забияка» Ераст, защищающий Тресотиниуса и обращающий в позорное бегство оскорбленного его трусливого хвастуна. А далее идет сцена подписания брачного контракта, — счастливый финал комедии.¹

Комизм, — если о нем можно говорить в применении к этой комедии, — состоит в обрисовке действующих лиц. Таковы три педанта с их витиеватою, переполненной повторениями, речью со страстным задором спорящие о пустяках; таков гротескный Брамбарбас; таков и подьячий, с первых же слов приступающий с просьбами о подачках. Короче, — все фигуры изображены даже не гротескно, а карикатурно. Движения (физического) в комедии собственно нет; оно ограничивается тем, что Брамбарбас угрожает подьячему шпагой и вариацией той же сцены, когда «... Ерасть вынимаеъ противъ него шпагу. Брамбарбасъ, вынувъ свою, бѣжитъ отъ него, держа шпагу за спиною и отмахиваясь... Ерасть съ шпагой къ нему... еще приступаетъ... Брамбарбасъ, ставъ на колѣни...» просит прощения.²

Как видим, все просто в этой комедии. Схематизм и условность жанра доведены до крайности. Психологическую мотивировку поступков

¹ Российский Феатр. М. 1786, т. XV. — Сочинения А. П. Сумарокова. М. 1787. Издание второе, т. V, стр. 297—324.

² Соч.², V, 316—317.

заменяет шаблон французской комедии, по которому после посрамления противников наступает желанный для любовников конец.

Ближайшее знакомство с источниками комедии раскрывает нам, что возникла она под разнообразными влияниями: мотивы личной мести скрестились тут с литературной и спенической эрудицией писателя. И из всего этого богатого материала Сумароков, не имевший вообще дара к сложной комедии, неопытный еще в этом жанре, мог соорудить лишь одноактную пьеску с крайне несложным содержанием. Рассмотрение тех приемов, которыми воспользовался Сумароков в этой первой своей комедии, представляет вполне понятный интерес для характеристики этого писателя.

По вопросу об источниках «Тресотиниуса» сделано еще очень мало. В тех немногих и беглых заметках, которые уделялись литературой этому первому опыту Сумарокова в новом для него жанре, упоминалось обыкновенно о том, что в главном лице комедии выведен Тредьяковский,¹ а в лице другого педанта Ломоносов.² Как характерный для XVIII в. образец литературной полемики, приводился обыкновенно спор о «твердо», приобретший таким путем особую популярность.³

¹ Об этом говорил еще Белинский в заметке «Речь о критике Никитенка». Сочинения, под ред. С. Венгерова, СПб. 1904, VII, 372. — Рецензия на книгу С. Булича: «Сумароков и современная ему критика», Современник, 1854, № 7, отд. II, стр. 9. — Н. С. Тихонравов. О заимствованиях русских писателей. М. 1899. Соч. III, вып. 2, стр. 207. — П. Пекарский. История Императорской Академии Наук. СПб. 1865, т. II, 151—152. — С. Соловьев. История России, изд. 2, т. XXIII, кн. V, 876. — Галахов. История русской словесности. М. 1894, т. I, 104. — В. Солнцев. А. П. Сумароков, как драматург. Ежегодник императорских театров, 1892—1893, стр. 396. — И. Иванов. История русской критики. СПб. 1898, ч. I, 138. — В. Сиповский. Из истории русской комедии XVIII в. ИОРЯС, 1917, I, 207. — Мнение это проникло даже в энциклопедические словари и учебники. См. Энциклоп. Словарь «Просвещения», т. XVIII, 125. — Brockhaus. Conversation Lexikon, XV, 504—505. — Е. Петухов. История словесности. Курс средней школы. 1918, I, 224. — А. П. Стеблев. Исторический обзор русской литературы XVIII и первой четверти XIX в. М. 1912, 78—79.

² В. Сиповский. История русской словесности. 2-е изд. СПб. 1908, II, 73. — А. Лобода. Лекции по истории новой русской литературы. Киев, 1912, ч. I, 107.

³ См. хотя бы учебный курс П. Смирновского. Пособие при изучении истории русской словесности. М. 1909, ч. II, 150—151.

Что касается других источников этой комедии, а именно литературных, то находим мы очень мало указаний по этому вопросу. Еще Тредьяковский, узнав себя в Тресотиниусе, написал большую статью¹ о литературной деятельности Сумарокова и о данной комедии в частности.² В этой статье он упрекал его, между прочим, в том, что почти вся его комедия взята «из сочинений барона Голберга».³ Это утверждение рассерженного писателя осталось незамеченным исследователями и не вызвало попыток к проверке. Больше повезло другому указанию Тредьяковского — на Мольера, у которого будто бы позаимствовал Сумароков некоторые детали своей пьесы:⁴ эта мысль его — а может быть и независимо от него — встречается и позднее,⁵ но в настолько глухой и неопределенной форме, что нуждается, конечно, в проверке.

Таким образом, литература о Тресотиниусе указывает две категории источников этой пьесы — личные, навеянные недоразумениями с врагами, и чисто литературные. Обратимся теперь к анализу этих источников и постараемся выяснить, под влиянием каких настроений и каких литературных произведений была создана первая русская комедия, построенная по псевдоклассическому образцу.

2.

Комедия «Тресотиниус», как свидетельствует ее автор, «зачата 12 Января 1750, окончана Января 13 1750».⁶ Краткий срок, в течение которого она была написана, является тем более знаменательным, что это была первая комедия Сумарокова.

¹ «Письмо, въ которомъ содержитсяъ разсужденіе о стихотвореніи, понынѣ на свѣтъ изданномъ отъ автора двухъ одъ, двухъ трагедій и двухъ епистолъ писаное отъ пріятеля къ пріятелю». 1750. А. Куник. Сборник материалов для истории Имп. Академии Наук. СПб. 1865, вып. II, 435—500.

² Там., 437—441, 442.

³ Там., 441.

⁴ Там., 442.

⁵ В. Саводник. Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 3. М. 1915, 368. — «Беседы». Сборник Общества Истории Литературы в Москве. М. 1915, I, Протоколы заседаний, 68.

⁶ Соч. 2, V, 298.

Биография нашего писателя не располагает достаточно подробными материалами, чтобы определенно можно было говорить о его настроениях в это время, безошибочно указать те факты, которые отразились в этой пьесе. Между тем, какие-то определенные события несомненно должны были послужить поводом к созданию этой пьесы. В этом убеждают нас личные нападки, которые ясно дают различить себя в этой пьесе. Припомним соответствующий материал.

Главным лицом пьесы, наиболее интересным для нас в данный момент является Тресотиниус, об учености которого говорит отец Кларисы Оронту:

« . . . . . онъ знает по Арапски, по Сирски, по Халдейски, да диво не знает ли онъ еще и по Китайски, и на всѣхъ этихъ языкахъ стихи пишетъ, какъ на Русекомъ языкѣ ».¹

« . . . онъ говорить, что кто не умѣетъ по Сирски и по Халдейски, тотъ еще не прямой человекъ. Вотъ такъ то онъ сказываетъ ».²

Тресотиниус является в дом Оронты и, витиевато приветствуя свою будущую супругу Кларису, читает сочиненную в ее честь песенку; не встретив со стороны своей слушательницы ожидаемого восхищения, он пытается разъяснить ей достоинства его песни: «Изволь, красота моя, да только изволь прочесть съ рассужденіемъ, это вить не *о мѣста*, *мѣста драгія*, эту пѣснь и содержаніе ея не всякъ разумѣть будетъ, тутъ такія есть тонкости, что они отъ многихъ и ученыхъ закрыты ».³ Как видим, Тресотиниус считает достоинством своей песни ее малопонятность, противопоставляя ее популярной песенке Сумарокова,⁴ которая, наряду с другими произведениями этого поэта того же жанра, проникает около того времени в провинцию,⁵ входит потом и в печатные песенники.⁶

Клариса остается, однако, глуха ко всем поэтическим достоинствам песенки Тресотиниуса и пользуется приходом другого педанта — Бобем-

биуса, чтобы оставить поэта. Бобембиус пришел в дом к незнакомому ему Оронту, чтобы узнать мнение Тресотиниуса о том, какое *твердо* правильнее: «о трех ногах, или об одной ноге».¹ Тут и происходит знаменитый ожесточенный спор. И только по просьбе Оронты соглашается впоследствии Бобембиус забыть свои разногласия и вместе с третьим педантом Кеаксоксимениусом подписывает брачный контракт.

Таков сатирический материал этой пьесы, направленный против педантов. В нем могут быть выделены две стороны: 1) общий тон фигуры Тресотиниуса — центр сатиры Сумарокова; 2) элементы, определенно указывающие на известную личность.

Тресотиниус обрисован грубыми и резкими чертами, дававшими полное основание к обвинению Сумарокова в карикатурности этого типа.² Говорит он чрезвычайно высокомерно; речь его переполнена ненужными повторениями. Песенка, которую он преподносит Кларисе, напоминает худшие произведения Тредьяковского:

Красоту на вашу смотря, распалился я ей! ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голось кровь зажегъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлоюшибла съ ногъ.

Видѣть мнѣ тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мнѣ есть не благо,
Что живешь въ моей крови . . . и т. д.³

В еще худшем виде выступает Тресотиниус в отношениях своих к отцу своей невесты. Явно обнаруживая свои корыстные намерения,⁴ наш педант сразу меняет тон и становится грубым, как только контракт подписан.⁵ Автор не щадил тут черных красок, желая уязвить своего

¹ Соч.², V, 299.

² Соч.², V, 300.

³ Соч.², V, 303.

⁴ Соч.², VIII, 256—257.

⁵ Болотов. Записки.

⁶ Чулков. I, № 63; см. Всеобщий Песенник, 1800 (I, № 233), описанный в ст. П. Рулина. Українська пісня в старовинному російському співаннику. Записки Істор.-Філол. Відділу Укр. Академії Наук, т. IV, 1923, 158—162.

¹ Соч.², V, 304.

² См. хотя бы И. Порфирьев. История русской словесности. Казань, 1891, ч. II, отд. I, стр. 236.

³ Соч.², V, 301—302. — См. В. Сиповский. Русская лирика. Вып. I. XVIII век. СПб. 1914, стр. 40.

⁴ Соч.², V, 319—322.

⁵ Соч.², V, 322, 223.

врага. Конечно, не следует искать сходство портрета с оригиналом: именно тут имея желание написать пасквиль на своего врага, допуская шарж в общей его обрисовке, удалялся Сумароков в деталях от своего оригинала. Зато намекал он на всем известные факты, изображал признаки, по которым можно было узнать оригинал нашего педанта.

Тредьяковского могли современники узнать в Тресотиниусе уже по самому имени, созвучному с фамилией оригинала. Далее, не были, конечно, тайной для небольшого придворного круга зрителей те отношения, которые существовали у автора комедии с другими писателями и, в частности, с Тредьяковским и Ломоносовым. Эти три лица занимали первенствующее положение на петербургском Парнассе 1740—1760 гг. Перейдем поэтому к выяснению их взаимоотношений.

Куник относит возникновение вражды между Ломоносовым и Тредьяковским к 1740 г.,¹ но первая известная мне дата — это 1743 г., когда Сумароков, Ломоносов и Тредьяковский выступили с переложением 143-го псалма.² А месяцем позже уже Тредьяковский оспаривал у Ломоносова перед Академией свой приоритет в вопросе о стихосложении.³ Три года спустя возникло между тремя писателями разногласие об окончании имен прилагательных множественного числа, перешедшее затем в ожесточенный спор, разгоравшийся неоднократно с новою силой.⁴

¹ А. Куник. Сборник материалов, ч. I, XLVIII—XLIX.

² А. Куник. Ib. II, 419—434. — Биларский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1865, § 32, стр. 50. — Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН. СПб. 1891, под ред. и с примечаниями М. И. Сухомлинова, т. I, примечания, стр. 220—237. — П. Пекарский. История АН, II, 104—106.

³ Биларский. Материалы, § 33, стр. 50—51. — П. Пекарский. История АН, II, 83—85.

⁴ В. Тредьяковский. Разговор об орфографии... Сочинения, изд. Смирдина, СПб. 1849, т. III, 197—198. — Об окончании имен прилагательных см. П. Пекарский. Дополнительные известия к биографии Ломоносова. Записки АН, СПб. 1866, т. VIII, пр. № 7, стр. 102—116. — Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, СПб. 1898, т. IV, стр. 1—4 и прим. 3—26. — О дальнейшей полемике см. в Сочинениях М. В. Ломоносова, СПб. 1893, т. II, 132 и прим. 136—139. — А. Афанасьев. Образцы литературной полемики прошлого века. Библиографические записки, 1859, № 17, стр. 518—520. — См. П. Пекарский. История АН, II, 113—114.

У Сумарокова существовало по этому вопросу особое мнение, не согласное с мнениями ни Ломоносова, ни Тредьяковского.¹

Но, если и существовали в это время какие-нибудь трения между тремя писателями, носили они пока что еще характер мирной конкуренции; открытые столкновения начались, как можно полагать, только с 1748 г.

8 октября этого года Ломоносов и Тредьяковский получили от академической канцелярии предложение освидетельствовать в 24 часа представленную в рукописи трагедию Гамлет, «не окажется ли во оной чего касающегося кому для предосуждения; что же касается до штилю, оно имѣть такъ остаться, какъ написано».² Ломоносов дал краткий отзыв, в котором свидетельствовал, что не нашел в трагедии ничего предосудительного.³ Тредьяковский, отозвавшись в общем тоже благосклонно, отметил все же некоторые стилистические недостатки.⁴ Таким образом, и на этот раз не могло быть еще у Сумарокова серьезных поводов к неудовольствию на своих ближайших конкурентов.

Но почти в то же самое время⁵ Ломоносов и Тредьяковский получили предложение рассмотреть две эпистолы Сумарокова — «О стихотворстве» и «О русском языке». 12 октября Тредьяковский дал уже в своем «репорте» в канцелярию оценку этим произведениям Сумарокова. Между прочим, он писал следующее: «коль они ні ізрядны, і ні достойны свѣта; однако ешчебъ ізряднѣ і достоинѣ того быть могли, ежелибъ въ нихъ, особливо жъ въ первой, меньше было сатиры, а большебъ она походила на епістолу. Въ ней толь великое чтется язвительство, что не порокі пішущіхъ больше пятнаются, сколько самі писатели, такъ что

¹ К типогрaфским наборщикамъ. Соч.², VI, 309. — Примечание об орфографии. Соч.², X, 842.

² П. Пекарский. История АН, II, 122—130. — Материалы для истории Академии Наук, СПб. 1897, IX, 457, № 572.

³ П. Пекарский. История АН, II, 130—131. — Материалы, IX, 460—461, № 576.

⁴ П. Пекарский. История ИАН, II, 130—131. — Материалы, IX, 461. — Биларский. Материалы для биографии Ломоносова, 114—115, № 66.

⁵ Академическое предложение, очевидно, не сохранилось: его нет в цитируемых мною источниках.

і звательный падежъ одного употреблень, і только что не собственное имя...».¹

Слова Тредьяковского не лишены были основания: в окончательной, появившей в печать, редакции «Эпистолы» читаем мы следующие строки:

«.....»

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

А ты, Штивеліусъ, лишь только вратъ способенъ...»²

Намек был ясен и не для одного Тредьяковского: кого же другого мог Сумароков противопоставлять Ломоносову, как не вечно соперничавшего с ним Тредьяковского?

Ломоносов отнесся к «Эпистоле» гораздо снисходительнее и почти в тот же день, когда Тредьяковский подал свой «репорт» в Академию, он писал ему между прочим, следующее:

«Что же надлежит до стиховъ Александра Петровича, то не имея къ себѣ прямо ордера, въ канцелярію репортовать не могу; но только на ваше письмо вамъ отвѣтствую и думаю, что гдну сочинителю сихъ эпистолъ можно пріятельски посоветовать, чтобы онъ ихъ изданіемъ не торопился и что не същеть ли онъ чего нибудь самъ, чтобъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ персонъ отгнѣнить нѣсколько надобно было...»³ Что именно имел тут в виду Ломоносов — сохранившися ли в окончательной редакции нападки на Тредьяковского, или, бывшие, возможно, в первой редакции шпильки против него самого — сказать трудно. Во всяком случае мы знаем, что после первых отзывов Сумароков несколько исправил свою эпистолу, но умиливать Тредьяковского этим не смог. В поданном им в следующем месяце «репорте» он решительно заявляет, что «поносительныхъ тѣхъ сочиненій по самой безпристрастной совѣсти» апробировать не может, в виду того, что хотя эти *эпистолы и испра-*

¹ Материалы, IX, 473—474, № 579. — П. Пекарский. История АН, II, 131—132.

² Соч. 2, I, 357. — П. Пекарский, История АН, II, 133, видит в эпистоле и другие намеки, как на Тредьяковского, так и на Ломоносова, но, если и следует цитируемые им места понимать таким образом, то намеки эти должны казаться очень невинными.

³ Билярский. Материалы, 115—116, № 67.

влены,¹ «однако извѣтельство изъ нихъ не только не вынято, но еще оное въ нихъ і умножено». Тем не менее, вынужден был все же Тредьяковский признать, что в рассмотренных им сочинениях «нѣтъ ничего противнаго, какъ закону, такъ і Государству».² Очевидно, первый рапорт еще более ожесточил Сумарокова, и он усилил и без того ясные намеки на Тредьяковского. В то же время Ломоносов стал на защиту Сумарокова: «Сатирическіе стихи, которые въ нихъ находятся ни до чего важнаго не касаются; но только содержать въ себѣ критику нѣкоторыхъ худыхъ писцовъ безъ ихъ наименованія» — явный оскорбительный намек на Тредьяковского. А далее, ссылаясь на Кантемира, оправдывал Ломоносов подобную «критику».³ После этого отзыва эпистолы были напечатаны.⁴

Таким образом, в результате рассмотрения Ломоносовым и Тредьяковским сочинений Сумарокова, не создалось у поэта антагонизма по отношению к первому из них; отношения же со вторым обострились. Трудно, конечно, судить, кому принадлежит инициатива в этой ссоре; нельзя определенно утверждать, что именно Сумароков бросил вызов Тредьяковскому в своей эпистоле, что последний ничем не вызвал его. Во всяком случае, налицо взаимное раздражение между Тредьяковским и Сумароковым к концу 1748 г., за год с малым до написания «Тресотиниуса».

Это — последнее, документами засвидетельствованное столкновение между тремя писателями до создания комедии. Трудно предположить, чтобы весь 1749 г. прошел без всяких осложнений: слишком узок был круг их встреч — двор и Академия — центры, к которым тяготела литературная и ученая жизнь того времени. Кроме того, сама скороналительность создания пьесы, к тому же *первой* комедии, наводит на мысль, что был, очевидно, какой-то ближайший стимул к ее написанию, произошла, очевидно, какая-то новая ссора, не оставившая следов в официальных документах. И весьма возможно, что могло это столкновение

¹ Курсив мой. П. Р.

² Материалы, IX, 535, № 650. — П. Пекарский. История АН, II, 132.

³ Материалы, IX, 554—555, № 674. — П. Пекарский. Там же, II, 132—133.

⁴ Материалы, IX, 598—599, № 726.

произошли где нибудь в частной обстановке. «Невозможно теперь добраться» пишет Булич, «до действительных причин ссор тогдашних писателей между собой. Пустые и ничтожные, вероятно все они выходили из общего источника — самолюбия».¹

Обращаясь теперь к наиболее выпуклому в сатирическом отношении месту комедии — знаменитому спору о «твердо». Анонимный рецензент книги Булича о Сумарокове в «Современнике» видит в этом споре намек на спор о букве «і».² П. Пекарский, по мысли которого эта комедия изобилует намеками на Тредьяковского,³ находит, что этот спор о «твердо» написан явно в подражание «Разговору об орфографии».⁴ Обращаясь к названному сочинению,⁵ вышедшему в свет в 1748 г.,⁶ не находим мы в нем специального рассуждения, посвященного изображению буквы *T*, но зато имеются обширные рассуждения о правописании *e* и *ѣ*⁷ или, что еще интереснее для нас, — рассуждения о предпочтительности написания *i* перед *и*.⁸ Тредьяковский находил, что *i* десятиричное лучше, ибо оно более отвечает идее нового гражданского алфавита — приблизить его к латинскому.⁹ В этом вопросе расходился он с Ломоносовым, предпочитавшим *и* восмеричное и печатавшим таким образом свои произведения,¹⁰ но высказавшимся в этом направлении впервые в изданной в 1757 г.¹¹ грамматике.¹² И вряд ли приходится

¹ С. Булич. Сумароков и современная ему критика. СПб. 1854, стр. 60.

² Современник, 1854, № 7. Критика, стр. 9.

³ П. Пекарский. История АН, II, 131—152.

⁴ П. Пекарский. Там же, II, 151.

⁵ «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи». Сочинения Тредьяковского. Изд. Смирдина. СПб. 1849, т. III, 1—318.

⁶ Сошиков, 9612.

⁷ Сочинения Тредьяковского, III, 102—126.

⁸ Пь., III, 90—93.

⁹ Пь., III, 92.

¹⁰ См. «Краткое руководство к красноречию... печатано в Типографии Академии Наук. 1748 г.» — Сочинения Ломоносова, изд. АН. СПб. 1891, т. I.

¹¹ В своем отчете за 1751 г. Ломоносов отмечал между прочим, что «собранные прежде материи о сочинении грамматики зачать приводить въ порядокъ» (Биларский. Материалы, 163, № 99). Работу свою над грамматикой отмечает Ломоносов и в 1753, 1755, 1756 гг. (ib., 249, 303, 306). Напечатана была грамматика только в 1757 г. (Сочинения Ломоносова, IV, прим. 27).

¹² § 88. Сочинения, изд. АН. СПб. 1898, IV, 45; пр. 116—117.

сомневаться в том, что возникали у Ломоносова по этому поводу споры с Тредьяковским. Очевидно, один из отголосков этих споров и проник в комедию.

Конечно, в этом споре Ломоносов и Тредьяковский не приводили таких аргументов, как Бобемблус и Тресотиниус, которые ссылаются лишь на древне-восточные языки.¹ Это сознательный шарж со стороны Сумарокова. Но зато он остался верен действительности, подчеркнув вспыльчивый характер своих литературных врагов.

Следует отметить, что по вопросу о буквах для обозначения звука *i* Сумароков держался особого мнения, не соглашаясь ни с Тредьяковским, ни с Ломоносовым. В противовес им, отстаивающим каждый одно какое-либо начертание, находил Сумароков нужным сохранить оба, приближаясь таким образом к понятиям недавно упраздненной орфографии.²

В «Разговоре об орфографии» Сумарокова мы находим, между прочим, изложение беседы автора с Ломоносовым о начертаниях *ѣ* и *e*. «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего он *ѣ*, а не *e* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: «Ета де литера стоитъ подпершися; и слѣдовательно бодрѣе: отвѣтъ издѣвочень, но не важень».³ Этот ответ Ломоносова, напоминает собою аргументацию слуги Кимара, предпочитавшего «твердо треножное» в виду его большей устойчивости.⁴ Возможно, что именно это вспомнил тут Ломоносов, давая свой «издевательский» ответ автору Тресотиниуса.

¹ Соч.2, V, 305—306.

² «Разговор об орфографии». Соч.2, X, 15—16, 36—37. Сумароков пишет между прочим следующее: «Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семь противурѣчилъ, и признавался по розысканіи точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ письменно со мною въ ономъ согласиться, или по частымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ, не хотѣлъ согласиться, до времени» (ib., 16). К какому времени относится «Разговор», мне не известно; думается, что ко времени после 1767 г., т. е. после смерти Ломоносова. Если Ломоносов действительно переменял свое мнение, то случилось это уже позже 1755 г., когда он кончил свою грамматику.

³ Соч.2, X, 10—11.

⁴ Соч.2, V, 305.

Остановлюсь еще на одной детали. Тресотиниус требует от подьячего заменить в слове «запись» «землю» на «зело». ¹ Пекарский ² вполне справедливо усматривает в этом намек на Тредьяковского: в «Разговоре об орфографии» последнего встречаем мы требование об употреблении «зело»; аргументация — ссылка на введенный при Петре Первом алфавит. ³ В этом вопросе Сумароков опять таки не был сторонником Тредьяковского ⁴ и разделял мнение Ломоносова, признававшего общераспространенное тогда «земля». ⁵ И вообще Сумароков был невысокого мнения об орфографической системе Тредьяковского, отзываясь о ней гораздо резче, чем о различных мнениях Ломоносова. Тредьяковский, как он говорит, «въ молодости своей старался наше правописание испортить простонароднымъ нарѣчіемъ, по которому онъ и свое правописание располагалъ: а въ старости глубокою и еще учиненною самимъ собою глубочайшею словенщиною...». ⁶

Таковы те факты, которые нашли свое отражение в этой пьесе. Мы видим, что Сумароков сближал свою комедию с действительностью не столько общим образом своего литературного врага, сколько отдельными намеками, которыми он давал понять, кого следует разуметь в Тресотиниусе.

Тредьяковский не мог, конечно, промолчать на все те обиды, которые нанес ему Сумароков этой пьесой. Подзадориваемый ассессором академической канцелярии Тепловым, ⁷ он написал обширное письмо, содержащее критику на произведения Сумарокова. Эта статья была готова уже меньше, чем через два месяца после появления в свет «Тресотиниуса» ⁸

¹ Соч. 2, V, 319—320.

² П. Пекарский. История АН, II, 152.

³ Сочинения В. Тредьяковского, III, 87—88.

⁴ Соч. 2, X, 11.

⁵ Грамматика, § 87. Сочинения Ломоносова, IV, 42.

⁶ Соч. 2, X, 15. — 1750 г., когда был написан Тресотиниус, должен быть отнесен скорее к старости, чем к молодости Тредьяковского, родившегося в 1703 г.

⁷ П. Пекарский. История АН, II, 152. — А. Куник. Сб. мат., вып. II, стр. 436.

⁸ Уже 8 марта 1750 г. Тредьяковский писал Разумовскому: «Сочинилъ я критику по приказу бывшего академическаго ассессора Григорія Теплова на нѣкоторыя сочиненія Господина Александра Петрова сына Сумарокова» (А. Куник,

и содержала в себе подробный и придирчивый анализ сочинений этого писателя. Автор говорит здесь как бы от лица друга Тредьяковского и возмущается теми нападками, которые позволил себе Сумароков по адресу этого писателя. ¹ «Тресотиниус» получил чрезвычайно резкую оценку; эта пьеса «недостойна имени комедии, и всеконечно неправильная, да и вся противна регуламъ театра... Въ ней нѣтъ ни начальнаго оглавления, ни должнаго узла, ни приличнаго развязанія. Да и не дивно: она сочинена только для того, чтобъ ей быть не язвительною токмо, но и убойственною чести сатирую, или лучше, новымъ, но точнымъ пасквилемъ, чего впротчемъ на театрѣ во всемъ свѣтѣ не бываетъ: ибо комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убойенія чести въ нѣкоторомъ чловѣкѣ». ² А далее Тредьяковский замечает, что под Тресотиниусом «автор разумѣлъ общаго нашего друга, означая его только что неточнымъ прозваніемъ». ³ И, как часто это делалось в те времена, Тредьяковский, желая причинить своему противнику чувствительную неприятность, обвинял его чуть ли не в плагиате: «авторова комедія почитай вся взята изъ сочиненій барона Голберга, а особливо персона Капитана Самохвала». ⁴ А немного дальше он добавляет: «Его и Шти-веліусъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ тожъ не чужой, а именно изъ помянутого жъ Голберга, а сей самый Тресотиниусъ Молиеровъ Трисотень». ⁵

Сумароков не оставил, конечно, выпадов своего противника без ответа и в любопытном «Ответе на критику», составленном вскоре ⁶

Сб. мат., II, 436); собственно говоря, у Куника — 1751 г., но это явная ошибка или даже опечатка. Во-первых, на стр. 496 мы видим 1750 г.; во-вторых, Тредьяковский говорит лишь о двух трагедиях и одной комедии Сумарокова, в то время, как этот автор в продолжении 1750 г. сочинил еще трагедию «Синав и Трувор» (Материалы, т. X, СПб. 1900, 877—678, № 906) и комедию «Чудовищи» (Соч. 2 V, 250), полную намеков на Тредьяковского.

¹ «... извѣстный Господинъ Пиить, послѣ употребленныхъ въ эпистолахъ своихъ къ нему обидажъ и язвительствахъ, не токмо не рассудилъ за благо унятьса, но еще оныя и отчасу больше и несноснѣйше размножилъ» (А. Куник, Сб. мат., II, 437).

² А. Куник. Сб. мат., II, 437—438.

³ *Иб.*, II, 438.

⁴ *Иб.*, II, 441.

⁵ *Иб.*, II, 442.

⁶ «Ответ на критику» был написан между 8 марта и 21 июля 1750 г. т. е. между окончанием «Письма» Тредьяковского (см. выше, стр. 246) и пер-

после письма Тредьяковскому, возразил ему по всем пунктам; приведут тут лишь касающееся интересующей нас комедии.

«Жестоко озлобясь и браня меня, говорить он, что Тресотиниус мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подь именемъ Тресотиниуса находить онъ себя, ежели сия Комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у насъ такой же Русской незнающей педантъ былъ, какой подь именемъ Тресотиниуса у меня представленъ. А Капитанъ Брамбарбасъ, по характеру своему взятъ изъ Терентіева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ; но почти переводчикомъ. Что жъ имя Брамбарбаса взято изъ Гольберга и въ томъ онъ ошибается; ибо Гольберговъ офицеръ въ Нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ Дацкомъ подлинникѣ, онъ не Брамбарбасомъ называется».¹

Сумароков не ограничился этимъ ответомъ Тредьяковскому, но в том же году осмелъ его в лице Критициондуса в комедии «Чудовищи».² Но и на этом не замолкла ихъ взаимная вражда. Варьируясь, она жила еще очень долго; но освещение дальнейшихъ ее перипетий выходитъ уже за пределы нашихъ задач.³ Намъ предстоитъ примирить лишь те мнения

вымъ представлениемъ «Синава и Трувора» (Соч.², III, 121; см. Лонгинов. Русский театр в Петербурге и Москве. Сборникъ ОРЯС, т. XI, стр. 7). В «Ответе на критику» Сумароковъ упоминаетъ о том, что онъ пишетъ трагедию «Синава и Трувор» (Соч.², X, 105).

¹ Соч.², X, 102—103, § XIX.

² Соч.², V, 257—270, 289—293, 295—296. Ср. С. Соловьев. История России, кн. V, т. XXIII, 876—877.

³ Не намереваясь исчерпать соответствующую литературу, укажу лишь главнейшее: Сочинения Ломоносова, изд. АН, с примечаниями М. И. Сухомятина, т. II, 132, 287; Примечания, 136—139. — С. Шевырев. Любопытные документы из портфелей Миллера. Москвитянин, 1854, т. I, отд. IV, стр. 1—4. Перепечатано в изданных П. Ефремовым «Материалахъ по истории русской литературы XVIII в.». СПб. 1867, 161—167. — Примечания Грота к «Сочинениямъ Державина». Изд. АН, СПб. 1870, т. III, 189—190. — А. Афанасьев. Образцы литературной полемики прошлого века. Библиографическое записки, 1859, № 15, 457—476. — «Дополнение к известію о русскихъ писателяхъ Штелина». Сочинения Н. С. Тихонравова. М. 1899, т. III, ч. 2, стр. 74, пр. 1. — Записки Тимковского. Русский Архив, 1874, № 6, стр. 1453—1454. — П. Пекарский. Дополнительные известія к биографии М. В. Ломоносова. Записки АН, т. VIII, пр. № 7. СПб. 1865, стр. 105, 106, 116. — П. Пекарский. История АН, СПб. 1873, т. II, 104—106, 193—194, 212, 213, 344. —

Сумарокова и Тредьяковского, которые касаются литературной истории «Тресотиниуса». Мы видим, что Тредьяковский обвинял Сумарокова в заимствованияхъ у Гольберга и у Мольера, и что Сумароковъ энергично протестовалъ противъ этого.

Къ рассмотрению вопроса о литературныхъ образахъ, использованныхъ Сумароковымъ для Тресотиниуса, мы и переходимъ.

3.

Но прежде, чемъ говорить об отголоскахъ той или иной пьесы в «Тресотиниусе», рассмотрим, что именно изъ этихъ комедій, на которые указывалъ и Тредьяковский и, возражая ему, самъ автор, — могло быть знакомо Сумарокову.

В. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Чтения в Обществе Ист. и Древн. Рос., 1865, I, 59—61. — Будилович. Ломоносов, как писатель. Сборникъ материаловъ для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб. 1871, стр. 13, 51, 52, 56, 57, 99—100, 284. — С. Булич. Сумароков и современная ему критика. СПб. 1854, стр. 194, 195, 197—200. — С. Соловьев. История России, кн. V, т. XXIII, 873—877. — Т. Глаголева. Отзывы современниковъ и потомства о литературной деятельности Ломоносова. — М. В. Ломоносов. Сборникъ статей подъ ред. В. В. Сиповского. СПб. 1911, стр. 155—159. — Что касается дальнейшихъ враждебныхъ отношений Сумарокова с Ломоносовымъ, то по мнѣнію П. Пекарского они в значительной степени были отголосками борьбы двухъ придворныхъ партий — Разумовскихъ и Шуваловыхъ (История АН, II, 533—537, 551—654). Прозвище «Трисотенъ» довольно прочно укрепилося за Тредьяковскимъ среди его современниковъ. В одной анонимной сатире встречаемъ мы по адресу Тредьяковского следующий эпитетъ: «... Трисотенъ угодникъ нашъ» (А. Афанасьев, *op. cit.*, 474). Къ 1755 г. относится стихотворение Ломоносова, вышучивающее некоторые мнѣнія Тредьяковского: «На что же, Трисотинъ, къ намъ тянешь и не кстати?» (Соч. Ломоносова, II, 132). Наконецъ, одна эпиграмма начинается словами: «Съ Сотиномъ, — что за вздоръ? — Аколасъ примирился...» (*ib.*, 153; Примечания, стр. 232). В словахъ: «Какъ много разъ театръ казалъ на смехъ Сотина...» можно видеть прямой намекъ на представления «Тресотиниуса»; слова же: «Аколасъ написалъ: Сотинъ лишь врать способенъ» являются отголоскомъ цитированного уже выше стиха изъ «Эпистолы о стихотворствѣ» — «А ты, Штивелюсъ, лишь только врать способенъ». Охотно употреблялъ Ломоносовъ и другое прозвище, которымъ награждалъ Сумароковъ Тредьяковского — Штивелій, Штивелюсъ. Ср. хотя-бы эпиграмму, начинающуюся словами: «Я мужа бодрога изъ давнихъ лѣтъ имѣла...» (Сочинения М. В. Ломоносова, II, 287 и обширные примечания, стр. 391—399).

Holberg, «может-быть наиболее великий комический гений после Мольера», как определяет его один автор,¹ написал более 30 комедий,² которые пользовались большим успехом, как на родине,³ так и вне ее; очень рано стали известны его комедии в немецких⁴ и французских⁵ переводах. С 1740 г. в течение 30 лет — говорит исследователь его творчества Robert Prutz — «владел этот датский поэт немецкой комедией, и многочисленные поэты и актеры, которые и сейчас занимают почетное место в истории немецкого театра, сделались великими в его школе».⁶

Сумароков мог познакомиться с этим писателем и в Петербурге, где в конце царствования Анны Иоанновны играла труппа знаменитой Каролины Нейбер,⁷ сподвижницы Лессинга.⁸ В 1747 г. прибыла в Петербург и пробыла там 5 лет труппа Аккермана, выдающегося театрального деятеля того времени.⁹ И, очевидно, не без влияния этих

¹ М. В.-н. Biographie Universelle. Paris, 1817, X, 475.

² A. Legrelle. Holberg, considéré comme l'imitateur de Molière. Paris, 1864, 35.

³ Meyer's Konversation Lexicon 4. Leipzig, 1889, VIII, 651—652.

⁴ Немецкий перевод Laub'a появился в Аугсбурге в 1774 г. и содержал 18 пьес; позднее появились и более полные переводы (М. В.-н, ib.).

⁵ Словарь исторический, или Сокращенная библиотека (М. 1790, IV, 486—487) указывает, что одна книга его комедий была переведена на французский язык уже в 1712 г. Очевидно, имеем мы здесь ошибку и должны видеть 1732 г., так как первые пьесы Гольберга относятся лишь к 1722 г. (предисловие R. Prutz'a к его переводу комедий Гольберга, которым я в этой работе буду пользоваться: Holberg's ausgewählte Komödien. Leipzig. Verlag des Bibliographischen Instituts. I, 12). Французский перевод 25 пьес Гольберга появился в 1746 г. в Копенгагене. Biographie Universelle. Paris, 1817. X. 475. — Lanson. Manuel bibliographique. Paris, 1911. III, 605 № 205.

⁶ R. Prutz. Holberg's ausgewählte Komödien, I, 15.

⁷ Штелин. Краткое известие о начале русского театра. Санкт-Петербургский Вестник, IV, 1779, август, 87—88. — П. Арапов. Летопись русского театра. СПб. 1861, стр. 39—40. — С. Шамбинаго. Театр времени Петра II и Анны Иоанновны. История русского театра под ред. В. Каллаша и Н. Эфроса. Изд. «Объединение». М. I, 99.

⁸ Исследования о Каролине Нейбер остались мне, к сожалению, неизвестны. Вынужден был ограничиться, поэтому, справочниками: Meyer's Konversation Lexikon. Lpzg. 1889, XII, 68—69; R.-l.-n. Biographie Universelle, XXV, 335—336.

⁹ Алексей Веселовский. Западное влияние в русской литературе⁴ М. 1910, стр. 55. — Meyer's Konv. Lex. Lpzg. 1890. I, 93. — В 1749 г. Аккерман был в Москве. См. Schütz, Allgemeine Encyclopädie Ersch und Grober. Lpzg. 1878, I, 928. — Allgem. Deutsche Biographie. Lpzg. I, 37—38.

гастролей немецких актеров, с одной стороны, и огромной популярности Гольберга в Германии, с другой стороны, появлялись его произведения в русских переводах в течение 50 гг. и 60 гг. XVIII в.¹

Тредьяковский обвинял Сумарокова в том, что он взял у Гольберга своего Брамбарбаса. Сумароков довольно наивно отвечал, что такого имени нет в датском оригинале, что оно встречается только в немецком переводе. Конечно, только через немецкое или французское посредство и мог Сумароков познакомиться с этой комедией. А самое имя его хвастливого героя указывает, что именно в немецком переводе он с нею и ознакомился. Комедия Гольберга «Jacob von Tyboe eller den storlatende soldat»² в одном из ранних немецких переводов носила название «Brambarbas oder der großsprechlicher Officier».³ По мнению Сухомлинова, это имя

¹ Отрывки из Гольберга напечатаны были в «Ежемесячных Сочинениях» 1757 г., V, 161, 266, VI, 475; 1758 г., IX, 262. В 1759 г. в «Трудолюбивой Пчеле», стр. 748. В 1778 г. — в «Санкт-Петербургском Вестнике» напечатано «Рассуждение о позорищах» (IV, 15—23). См. А. Н. Неустров. Указатель к современным изданиям 1702—1806 гг. СПб. 1899. Комедии Гольберга стали знакомы русской публике только с 60-х гг. В 1760 г. выходит в переводе А. Нартова «Генрих и Пернилла» (Сопиков, 5334; 2 изд. 1764 г.); в 1765 г. — «Превращенный мужик» того же переводчика (Соп., 5566); в 1774 г. «Гордость и Бедность», пер. П. Кропотова (Соп., 5340, 2 изд. 1788 г. — Соп., 5341); в 1776 г. «Плуте, или ссора между бедностью и богатством», пер. А. Нартова (Соп., 5552). См. «Драматический Словарь» 1787 г., стр. 30—38, 106—108. — Лонгинов. Русский театр в Петербурге, стр. 14, 20—22, 24, 27, 37. — Все это переводы, конечно, с немецкого. Единственный перевод с датского («Оловянный-политик») принадлежит Егору Классену и относится к 1830 г. (Соп., 5527. С. Смирдин, 2-ое прибавление. 11706). В изд. Рогожина мы имеем 1730 г., но это явное недоразумение: имени такого переводчика в XVIII в. мы не знаем и у Геннади (Словарь, II, 137) мы читаем 1830 г. В 1779 г. эта комедия была переведена на русский язык Кириаком. В. П. Семеновым. Собрание старающегося о переводе. СПб. 1914, стр. 81. — О других переводах из Гольберга см. у Сопикова, 2146, 2148, 4747, 4878, 8201, 9234, 11086—11088, 11285, 11856. Судьба Гольберга в России посвящена в недавнее время на датском языке специальная работа Ad. Stender-Petersen'a: «Holberg og den russiske komedie i det XVIII de Århundrede». Holberg-aarbog 1923, 1925, оставшаяся мне, к сожалению, недоступной.

² Впервые поставлена в 1724 г. — Prutz, Ausgewählte Komödien I, 13.

³ Примечания М. И. Сухомлинова к Сочинениям М. В. Ломоносова, СПб. 1893, II, 393. Этот перевод вышел в 1741 году в Gottsched's Deutsche Schaubühne. Meyer's Konv. Lexic. III, 312. В переводе Robert Prutz'a заглавие этой комедии передано точно (Ausgew. Komödien, II, 5). — Термин Brambarbas вообще пользуется популярностью у немецких переводчиков. Плавтовский «Miles

было взято переводчиком Гольберга из сатирического стихотворения Менке, в котором осмеивается хвастун Brambarbas.¹ Но гораздо вероятнее предположить, что оно пришло из итальянской commedia dell'arte или commedia sostenuta, где оно часто встречается.² Это тем более возможно, что влияние итальянской комедии, особенно импровизированной, несомненно сказалось в драматургии Гольберга;³ стоит вчитаться хотя бы в эту пьесу.⁴

Оправдываясь и выхватывая из рук Тредьяковского одно оружие, Сумароков подменял его другим, далеко не таким острым: «капитанъ Брамбарбасъ по характеру своему взять изъ Теренціяева Евнуха».⁵ Обращаясь к этой пьесе латинского автора, мы действительно видим в ней обработку плавтовского «Miles gloriosus»,⁶ но интересно для нас, что эта же комедия отразилась в «Jacob von Tyboe» Гольберга.⁷ Со-

gloriosus» в изд. Universal Bibliothek озаглавлен «Der Brambarbas» (№ 2520). Prof. Neumann пишет об этом имени: «Brambarbas, ursprünglich der Name eines lächerlichen Grosssprechers zuerst bei Philander von der Linde und Gottsched gebraucht...»; от этого же имени образован и глагол «brambieren» (Vorwärts. Unterhaltungsblatt, 1918, № 246).

¹ Сочинения М. В. Ломоносова, II, примечания 393—394. То же мнение встречаем мы и в заметке Meyer's Konv. Lex. III, 312 (Leipzig, 1890).

² I. L. Klein. Geschichte des Dramas. B. IV. Das italienische Drama. Lpzg, 1866, s. 906.

³ На роль литературных влияний в творчестве Гольберга существует два взгляда. Один представлен R. Prutz'ем, автором специально посвященной Holberg'у монографии, оставшейся мне, к сожалению, неизвестной (Ludwig Holberg, sein Leben und seine Schriften, nebst einer Auswahl seiner Comoedien, von Robert Prutz, Kotta, 1857). По его мнению, на Гольберга оказала преимущественное влияние итальянская commedia dell'arte. Автор другой очень ценной монографии A. Legrelle (op. cit.) видит в творчестве датского драматурга преимущественное влияние Мольера (pp. 27—34 и passim; о взглядах Prutz'a там же).

⁴ Ср. характерную фигуру вдохновителя интриги, несомненного потомка Brighell'ы (может быть через Мольера?) Iesper'a, традиционные фигуры офицера (в итальянской комедии — капитана) и педанта (в итальянской комедии — доктора) — обрывки итальянской импровизированной комедии.

⁵ См. выше стр. 252.

⁶ В. И. Модестов. Лекции по истории римской литературы. Полное издание. СПб. 1888, стр. 120—121.

⁷ Примечания R. Prutz'a в цит. издании II, 429. — Biographie Universelle, X, 473. — Benicken. Allg. Enc. Ersch und Gruber, Leipzig, 1833, Zweite Section, X, 12. — Обращаясь к пьесе Теренция, мы замечаем, что Гольберг-

стороны Сумарокова это был не более, как отвод глаз: мы видели, что указания его на немецкий перевод и самое имя Брамбарбаса определенно указывают на то, что он знал эту комедию Гольберга.

С Теренцием он мог познакомиться еще в Сухопутном Шляхетном Корпусе;¹ в примечаниях к своей «Епистоле о стихотворстве» он аттестует его «лучшим римским комиком».² Через два года после выхода в свет «Тресотиниуса», эту комедию перевел Тредьяковский, но перевод остался в рукописи;³ русские переводы появились в печати значительно позднее.⁴

Таким образом, «Евнух» Теренция мог отразиться в комедии Сумарокова или непосредственно, или через те элементы этой пьесы, которые проникли из нее в пьесу Гольберга.

Таким же путем, хотя и с меньшей долей вероятности, могла отразиться и другая пьеса, послужившая, по мнению Prutz'a⁵ одним из источников комедии Гольберга — вошедшая в «Le théâtre italien de Gherardi» — комедия «Les Promenades de Paris» Magnin.⁶ Итальян-

позаимствовал у латинского писателя очень немногое — 8 и 11 явления V акта, сцены, в которых хвастливый воин идет приступом на дом, в котором живут дамы и быстро ретируется, встречая отпор (V, 7—8. Comédies de Térence. Traduit en français avec le latin à côté... Nouv. édition. Strasbourg. MDCXXXVII, pp. 77—82. — Ср. Umpfenbach, v. 1025—1094). Хвастовство Tyboe не отражает деталей теренциевского Trason'a.

¹ Кадеты изучали латинский язык. А. Висковатов. Краткая история первого кадетского корпуса. СПб. 1839.

² Соч. 2, I, 358.

³ П. Пекарский. История АН, II, 168—169.

⁴ В 1773—1774 гг. вышло 5 пьес Теренция, в том числе и «Евнух». Драматический словарь 1787 г., стр. 16, 50, 52—53, 150. См. Сопиков: 5281, 5282, 5284 II, 5371 II, 5371 Па, 5667 II.

⁵ Ausgewählte Komödien, II, 429.

⁶ Le Théâtre Italien de Gherardi ou Le Recueil général de toutes les comédies & scènes françaises jouées par les comédiens Italiens du Roy, pendant le temps qu'ils ont été au service de sa Majesté. A Amsterdam. 1701, VI. Сравняя эту пьесу с комедией Гольберга, можем мы найти очень немного отголосков ее, если вообще можно говорить о них. Общая этим пьесам схема: у девушки три поклонника: капитан, дворянин и судейский. Последний, как и Stygotius у Гольберга, уверен, что, ему будет оказано предпочтение. Тем не менее, руку девушки получает капитан, значительно смягченный по сравнению с типами итальянской комедии и Гольберга. Общее можно найти лишь в одной детали:

ские труппы гостили в Петербурге в 1730—40 гг.; по известию Штелина¹, кадеты Сухопутного корпуса даже принимали участие в разыгрывавшихся там итальянских интермедиях. Таким образом, знакомство Сумарокова с этим театром несомненно. Напечатанные В. Н. Перетцем сценарии не содержат «Les Promenades de Paris», но зато несколько последних пьес этого собрания² напоминают по своему стилю пьесы из сборника Gherardi — офранцуженную commedia dell'arte, перешедшую почти полностью к записанному тексту.³

Остается еще сказать несколько слов о знакомстве Сумарокова с Мольером. 1750 год, когда была создана эта пьеса — это было время, когда Мольер не достиг еще в России той популярности, какую узнал он во второй половине 50-х гг., после учреждения придворного русского театра.⁴ На рубеже же 50-х гг. Мольера популяризовали почти исключительно иностранные антрепризы: ставила его французская труппа Сериньи,⁵ был он и в репертуаре немецких актеров Аккермана.⁶

Сумароков упоминает о Мольере в «Епистоле о стихотворстве», причем обнаруживает довольно верное понимание творчества французского писателя, отмечая в нем стремление «оуждать» дурные нравы.⁷

слуга судейского ищет концертного певца (VI, 101—104); в качестве такого певца является капитан со своим слугою (ib., 130—131; ср. у Гольберга I акт, явл. 4 и следующие).

¹ Санктпетербургский Вестник, 1778, IV 87—88.

² Итальянские комедии и интермедии, игравшие в С.-Петербурге в 1733—1735 гг., ч. I. Тексты. Петроград, 1917, №№ 35, 37, 39.

³ Ср. Oskar Klinger. Die Comédie italienne in Paris nach der Sammlung von Gherardi. Strassburg, 1902, §§ 175—178, 209—221.

⁴ Об истории Мольера в России: В. Филиппов. Мольер в России XVIII в. Библиографическая справка, «Беседы», Об. Общ. Ист. Лит. в Москве, М. 1915, стр. 110—133. — П. Рулин Русские переводы Мольера в XVIII в. ИРЯС, 1928, т. I 221—244.

⁵ П. Арапов, op. cit., 42.

⁶ Devrient. Geschichte des deutschen Schauspielkunst. Berlin, 1905, I, 342 — цитирую по В. Филиппову. Факты и легенды в биографии Волкова. Голос Минувшего, 1913, VI, 24.

⁷ Каковъ въ трагедіи Расинъ былъ и Вольтеръ,
Таковъ въ комедіяхъ искусный Молиеръ.

Какъ славить напримѣръ тѣхъ Федра и Мерона,
Не меньше и творецъ прославленъ Мизантропа.

А в примечании к эпистоле автор называет Мольера «преславнымъ французскимъ комикомъ или паче славнѣйшимъ изъ всехъ комиковъ на свѣтъ». Сумароков сообщает даты рождения и смерти писателя и замечает: «лучшія ево комедіи суть: Мизантропъ, Лицемѣрь, Школа Женъ, Школа Мужей, Ученныя Женщины и Амфитріонъ».¹

Таким образом, знакомство Сумарокова с «Ученными Женщинами» несомненно. Из этой пьесы он позаимствовал имя своего главного героя,² удобное и по некоторому созвучию с именем высмеиваемого им Тредьяковского.³

Мы видели таким образом, как много пьес могло послужить источниками для первой же комедии Сумарокова. Обладавший вообще обширной начитанностью,⁴ писатель уже к 1750 г. несомненно был знаком

Мольеровъ Лицемѣрь я чаю не падеть

Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ доколь пребудеть свѣтъ.

(Соч.², I, 353). В трех первых действиях «Тартюф» действительно представляет собою законченное целое с более логичным концом, чем в пяти. А дальше Сумароков еще раз говорит о Мольере:

Смѣешься страсти зря, представь мне ихъ примѣромъ,

И представляя ихъ, ступай за Молиеромъ. (ib., 357).

¹ Соч.², I, 354—355.

² Мольер окрестил своего героя Trissotin'ом, имея в виду бездарного поэта Cotin'a; в некоторых первых изданиях имя героя звучало еще ближе к его прототипу: Tricotin, и только затем изменилось оно в Trissotin. — Oeuvres de Molière, изд. серии «Les Grands Ecrivains de la France», ред. Despois & Mesnard, Paris, t. IX, p. 9 (ниже сокращенно: GE).

³ Сходство имен Мольеровского и Сумароковского героя дало П. Мартынову повод отождествлять обе комедии: в находящейся в Парижской Национальной Библиотеке рукописи «Тресотинуса» он видел перевод «Les Femmes Savantes». P. Martinoff. «Les manuscrits slaves de la Bibliothèque Nationale de Paris». Paris, 1858, p. 107, п. 2. Это замечание вызвало возражение В. Родиславского (Мольер в России. Русский Вестник, 1872, № 3, стр. 65, 3), перегнувшего палку в другую сторону и не нашедшего даже ничего общего между двумя этими комедиями. В 1913 г. в московском Обществе Истории Литературы, в прениях по докладу В. А. Филиппова «О Мольере в России в XVIII в.», М. Н. Розанов «отметил, что влияние Мольера на русскую литературу и театр несомненный факт, в частности засвидетельствованный Сумароковым, доказываемый его Тресотинусом». — «Беседы», Сборник Общ. Ист. Лит. в Москве. Протоколы заседаний. М. 1915, I, 68.

⁴ В 1775 г. совершенно разоренный Сумароков (см. М. Лонгинов. Последние годы жизни Сумарокова. Русский Архив, 1871, 1637—1717) решился продать

е рядом пьес, о которых говорилось выше. Остается лишь проделать последнюю часть работы — установить, чем именно обязан Сумароков каждому из этих источников и как соединил он эти заимствованные из пьес разных направлений элементы.

4.

Одна из последних комедий Мольера «Les Femmes Savantes» посвящена осмеянию педантизма, захватившего некоторых современниц французского драматурга. Интересы изображенных им трех женщины ограничены поэзией, философией и наукой, и все, находящееся вне этой сферы, подвергается ими осмеянию. Эта страсть к науке, закрывающая все горизонты, и служит узлом, завязывающим всю пьесу.

Комедия эта построена по той же схеме, которой пользовался Мольер во многих пьесах. Он часто изображает семью, глава которой охвачен одной сильной страстью, лишаящей его способности трезво смотреть на все окружающее; это и отражается в первую очередь на судьбе младших членов семьи. Так и в «Ученых Женщинах» всемогущие дамы намереваются выдать не разделяющую их увлечений Генриетту за бездарного поэта Триссотена; благодаря ловко раскинутой дядюшкой Генриетты интриге, обнаруживаются корыстные намерения Триссотена, и брак его с Генриеттой расстраивается.

Комедия Мольера, помимо яркой бытовой картины, дает ряд живо очерченных характеров, и тип молодой девушки, в большинстве комедий трафаретный, приобретает в данной живые и симпатичные очертания, трогая драмой молодой души. Е. Faguet,¹ М. Доннау² и другие авторы справедливо помещают «Les Femmes Savantes» в ряду лучших Мольеровских

свою библиотеку: «Книгъ осталось у меня мало — писалъ онъ неизвестному корреспонденту — да и тѣ я нынѣ продать намѣренъ съ четыреста волумовъ и съ полтора ста участныхъ сочиненій, на примѣръ: оперъ, комедій, трагедій и проч., тому по малости подобнаго: желать бы я чтобы сіи книги птавшия такъ долго мою музу, достались въ хорошія руки...» Русский Вестник, 1842, т. VI, отд. IV, стр. 91.

¹ E. Faguet. En lisant Molière. Paris, 1914, p. 82.

² Moris Donnay. Molière. Paris, 1911, p. 335.

комедий, как по серьезности поднятых вопросов, так и по мастерству психологии.¹

Комедия Гельберга далека от тех серьезных задач и тем, которые видны в комедии Мольера. Пьеса датского драматурга — обычная комедия интриги, главной пружиной которой являются слуги. И, если справедливо мнение Faguet, что «il y a dans «Les Femmes Savantes» une comédie, une farce et une thèse», то элементы фарса уравновешены в ней более серьезными приемами комического эффекта. В комедии же Гельберга интрига и фарс составляют ее существо, на них и построена вся пьеса. Содержание ее несложно и шаблонно. Молодая девушка Люцилия имеет трех поклонников — хвастливого капитана von Tyboe (по его имени и названа пьеса), магистра Stygotiusa и молодого человека Леонарда.² Мать Люцилии склоняется на сторону первых двух, как более богатых; сердце молодой девушки, конечно, принадлежит Леонарду. Ловкая служанка Люцилия обливает из окна водой Tyboe, а затем и Stygotius'a. В более грубой форме этот прием встречается в ранних фарсах Мольера и в commedia dell'arte. Оскорбленные ухаживатели нападают на дом Люцилии, но Леонард обращает их в бегство и получает таким образом руку Люцилии. В таких тонах выдержана вся пьеса.

Хотя примитивный «Трессотиниус» Сумарокова и далек от серьезной и полной значения комедии Мольера, все же он является отблеском ее, хотя и тусклым. Мольеровской пьесе Сумароков обязан более, чем простой комедии веселой интриги — Гельберга. Сумароков принял фабулу мольеровской пьесы, огрубив и упростив ее. Как видим, схема обеих

¹ Ib., 351—352.

² Перед нами здесь схема, элементы которой даны еще в commedia dell'arte. Помимо любезного любовника выступают портреты других претендентов, характерные маски которых дают богатый материал для яркой игры. В итальянской импровизированной комедии такими претендентами являются капитан и доктор (или Панталон). Дальнейшая эволюция комедии удлиняет этот ряд, пользуясь случаем показать смешные характеры. В «Чудовищах» их уже три — петиметр, ябедник, педант; в «Чудаках» Я. Княжнина еще больше: Ветромах, оставные майор и судья, и два стихотворца. К 1811 г. относится комедия «Женихи» Иванова, таким же образом построенная. Наиболее значительным моментом этой эволюции является «Женитьба» Гоголя, в первой редакции называвшаяся «Женихи». Ср. однотипность заглавий: «Чудовищи» — «Чудаки» — «Женихи».

комедий одна: молодую девушку выдают за смешного, корыстолюбивого педанта, потому что располагающие ее судьбою родители помешались вдруг на учености. Слабым отражением ученой женской компании является несколькими лишь штрихами очерченный Оронт; еще слабее изображено в нем почтение к учености: о нем свидетельствует почти исключительно лишь цитированная выше рекомендация Тресотиниуса.¹

На счет Мольера могут быть отнесены еще некоторые детали пьесы. Таковы: 1) появление Бобембиуса в незнакомом ему доме с целью узнать мнение Тресотиниуса о «твердо». В «Les Femmes Savantes» этому соответствует появление Вадюса. Начав с взаимных комплиментов, и сумароковские, и мольеровские ученые очень быстро переходят ко взаимным оскорблениям. Есть конечно, и разница в развитии сцены спора. Сумароковские педанты даже при всей своей горячности сохраняют ученый характер спора, мольеровские — очень скоро переносят его на личную почву. Разнятся и темы споров: у Мольера — разные мнения о сонете одного из них; у Сумарокова — предмет разногласий мельче: то или другое написание буквы.² 2) Тресотиниус бранит своего будущего тестя за неправильную речь; Филаминта — за то же служанку.³ 3) Выше мы указывали, что заставляя Тресотиниуса требовать написания «зело» вм. «земля», Сумароков имел в виду орфографические воззрения своего противника. Весьма возможно, что натолкнула его на это сцена, в которой одна из ученых дам просит:

¹ См. выше, стр. 242, сл. Приведу аналогичные параллели из Мольера. В «Les Fâcheux» ученый Charitides говорит, что он составил анаграммы на имя короля на французском, латинском, греческом, еврейском сирийском, халдейском и арабском языках (Oeuvres, изд. GE, III, 85). В «Le Mariage forcé» Rançasse спрашивает Сганареля, на каком языке ему говорить; при этом он перечисляет языки: итальянский, испанский, немецкий, английский, латинский, греческий, еврейский, сирийский, турецкий, арабский (Oeuvres, изд. GE, IV, 38—39). Этот же прием усвоил и Гольберг. Когда его поэт Петрониус получает предложение написать стихи, он спрашивает о языке и перечисляет языки: французский, датский, немецкий, итальянский, испанский, московский, эламский, месопотамский, латинский, шверинский, iubisch (Ausgew. Kom., II, 20). Очевидно, такое перечисление языков было популярным среди приемов комического эффекта.

² Соч.² V, 304—306. — Oeuvres, GE, IX, 140—162.

³ Соч.² V, 322—323. — Oeuvres, GE, IX, 187—191.

Mais au moins, en faveur, monsieur, de la science,
Veuillez, au lieu d'écus, de livres et de francs,
Nous exprimer la dot en mines et talents
Et dater par les mois d'ides et de calendes.¹

Наконец, общими местами, необходимо из самой фабулы вытекающими, являются: 1) угрозы разгневанных поэтов отомстить сатирами и стихами за то, что не они были предпочтены другим женихам.² 2) Такова же сцена чтения стихов с смакованием и разъяснением отдельных красот их.³ У Гольберга, правда, Stygotius собственных стихов не читает, но зато они играют существенную роль в другой связи. 3) Таким же необходимым здесь местом является угроза Тресотиниуса защищать свое мнение «до последней капли чернил»; его мы встречаем в «Le Mariage Forcé».⁴

Таким, образом, мы можем на счет Мольера отнести общую схему «Тресотиниуса» и отдельные детали этой комедии. Следует отметить, что в своей пьесе Мольер, как и в других случаях, воспользовался некоторыми деталями из разных авторов, но они не относятся к отмеченным выше местам.⁵

Наиболее существенными отклонениями «Тресотиниуса» по сравнению с «Les Femmes Savantes» являются: 1) замена всей ученой компании одним лишь бледноочерченным отцом и 2) введение нового конкурента — капитана.

Отец мог быть введен Сумароковым по разным соображениям. Во-первых, при общем упрощении комедийной схемы, вместо трех женщин нужно было дать нечто менее сложное. Во-вторых, отец является более традиционной фигурой комедии, чем мать, встречающаяся довольно редко. В третьих, возможно, что натолкнула его на это комедия малоизвестного писателя de Veure'a «Le Faux Savant», если только можно быть уверен-

¹ Oeuvres, GE, IX, 121—123.

² Соч.² V, 324. — Oeuvres, GE, IX, 226—227.

³ Соч.² V, 301—302. — Oeuvres, GE, IX, 119—132.

⁴ Соч.² V, 306. — Oeuvres, GE, IX, 33.

⁵ Cailhava. Molière, comme l'imitateur. L'Art de Comédie. Paris, 1779, III, 489—499. — Despois et Mesnard, Notice. Oeuvres, GE, IX, 35—41.

ним, что Сумароков знал эту пьесу.¹ Вместо группы ученых женщин здесь один лишь отец девушки, с величайшим почтением относящийся к «Le faux pedant» Полимоту.

Что же касается самого капитана, то история с ним несколько сложнее. Припомню соответствующий материал.

При появлении своем на сцену этот «офицер самохвал» рекомендует себя следующими словами:

«... Я Капитанъ, который былъ на шестидесяти баталіяхъ, на шестидесяти приступахъ, въ шестидесяти партіяхъ...»²

Нагнав страху на ученых педантов, он выгоняет их: «Покаместъ въ цѣлы, подите вонъ, и говорите о премудрости своей въ другомъ мѣстѣ, а у меня война, а не Сирской языкъ и не Семирамидина чашечка въ головѣ».³ А по уходе ученых Брамбарбас припоминает со своимъ сержантом в присутствии слуги Оронта свои подвиги:

«Брамбарбасъ. Я удивляюся, какъ они смѣютъ съ такимъ говорить человѣкомъ, который побѣдами съ великимъ Александромъ сравнялся... (Сержанту) Ты меня довольно знаешь; однако я думаю, что ты со мною безъ ужаса ни одного слова выговорить не умѣешь? такъ ли?»

Сержантъ. Такъ ваше превосходительство, отъ вашего высоко-родія вся вселенная трепещетъ.

Кимаръ. Мнѣ о славныхъ вашихъ побѣдахъ еще никогда слышать не случилось.

Брамбарбасъ. Я тебѣ объявлю. Нѣкогда пришло мнѣ въ лобъ пушечное ядро, хотя и на излетѣ, которое меня съ мѣста не здвинуло, а я ево ухвативъ, бросилъ назадъ, и имъ человѣкъ съ десять побилъ, въ другоредъ остановилъ я одинъ цѣлой полкъ. Третье мое дѣло, однимъ взмахомъ себѣ я дватцать головъ. Четвертое мое дѣло, кулакомъ проломилъ я городскую стѣну. Пятое мое дѣло... Сержантъ, что бишь пятое то дѣло?

¹ Впервые играна в Париже в 1728 г. Théâtre des auteurs du second ordre. Paris, 1816, t. V, 1—105. Значительно позже, в 1790 г. эта комедия была переведена М. Поповым и представлена в 1790 г. Архив Дирекции Императорских Театров, т. I, отд. III, стр. 159, № 66. — В.

² Соч. 2, V, 307.

³ Соч. 2, V, 308.

Сержантъ. А пятое ваше дѣло, помнится мнѣ то, что мы бѣжавъ отъ шьянова солдата, въ безпамятствѣ бросились въ рѣку и чудъ было не утонули.

Брамбарбасъ. Онъ человѣкъ шутливой, и часто едакія слова говорить.

Сержантъ. Для того часто едакія говорю слова, что часто едакія съ нами исторіи бывають.

Брамбарбасъ. Не о томъ дѣло...¹

Тем не менее, при приближении опасности трусость Брамбарбаса не знаетъ границъ. Оскорбленный им Тресотиниусъ присылаетъ вместо себя «забіяку» Ераста, который, не теряя времени на разговоры... «вынимаетъ противъ него шпалу, Брамбарбасъ, вынявъ свою, бѣжитъ отъ него, держа шпалу за спиной и отмахиваясь».

«Кимаръ. Знать, что эта акція-та все протчія, которыми вы прославились, превосходить.

Ерастъ со шпалой къ нему.

Брамбарбасъ. Сержантъ, не ранень ли я?

Ерастъ еще приступаетъ.

Брамбарбасъ. Сержантъ, живъ ли я еще?

Ерастъ еще приступаетъ.

Брамбарбасъ ставъ на колѣни. Храбрый Генераль, пощади меня, я смерти не боюсь, того только ужасаюсь, что осиротѣють дѣти, а они и такъ полусироты, матери не имѣють...

И, когда Кимаръ указываетъ ему на несоответствие такого поведения с громкими подвигами, о которых он говорил выше, Брамбарбас оправдывается тем, что уж устарел.² Самонадеянность капитана проявляется и в его любовныхъ делахъ. Задумавъ жениться на Кларисе и зная ее нерасположение к нему, он, тем не менее, решительно приступаетъ к объяснению с нею.

Брамбарбасъ. Я имѣю намѣреніе на васъ жениться, будетель вы на это согласны?

¹ Соч. 2, V, 316—317.

² Соч. 2, V, 316—317.

Клариса. Вы, без данных околичностей, любовь свою кратчайшими словами объявляете.

Брамбарбасъ. Мы любимъ такъ, какъ намъ наша должность вѣлеть, по солдацки. Идемъ напрямикомъ. Однако я думаю что мнѣ легче крѣпость взять и побѣдить армію, нежели побѣдить и взять сердце ваше. Я до книгъ хотя и не охотникъ, однако еготъ стишокъ, мнѣ очень полюбился:

Я мнилъ, что я рожденъ къ единой только брани,
Карать противниковъ и налагати дани;
Но богъ любви тобою ту ярость умягчилъ,
Твой взоръ меня вздыхать и въ словѣ научилъ.

Клариса. Что до вашей объявленія касается, такъ я его не приемлю; а что надлѣжитъ до стиховъ, которыя вы сказали, такъ я очень удивляюсь, что вы ихъ не запомнили: люди ваша сложенія больше въ воинскихъ упражняются мысляхъ.

Брамбарбасъ. Я очень сожалѣю, что ты по молодости своей, авантажей своихъ не знаешь, и отиѣтаешь то, что бы другая твоя сестра съ радостью исполнила. Что славные быть можетъ, какъ быть преславнаго солдата женою, которой былъ съ лишкомъ во сто компаніяхъ, и которой превзошелъ всѣхъ героевъ, даромъ, что многія изъ нихъ на триумфальныхъ вѣдали колесницахъ».¹

Таковъ Сумароковский потомокъ Плавтовскаго «Miles gloriosus». Обратимся теперь къ Гольбергу, на котораго указывалъ еще Тредьяковский.

Прошлое Ясавъ'a вопъ Тубое тоже ознаменовано громкими подвигами. Много рассказываетъ онъ объ осадѣ одного изъ брабантскихъ городов, когда два часа пришлось ему сражаться съ целымъ гарнизономъ, когда, прислонившись къ церковной стѣнѣ, онъ нарубилъ передъ собою целую гору труповъ. Онъ выигралъ более двадцати баталій; Голландія, Брабантъ и весь светъ говорятъ о немъ. Когда все это не производитъ должнаго впечатленія на Stygotius'a, онъ начинаетъ угрожать ему и, обращаясь къ дамамъ, говоритъ: «держите меня, или я однимъ ударомъ рассеку этого парня на куски...».³ Послед-

¹ Соч.², V, 313—314.

² Ausgewählte Komödien, II, 26—27.

³ Ausgewählte Komödien, II, 46.

ствиемъ ссоры Тубое съ Stygotius'омъ являются приготовления къ схваткѣ. Офицеръ является съ четырьмя солдатами и встречаетъ педанта съ четырьмя студентами. Оба противника боятся одинъ другого и въ конце концовъ решаютъ примириться, чтобы соединенными силами напасть на домъ ставшихъ къ нимъ безжалостными женщинъ.¹ Тубое одушевляетъ свое войско передъ штурмомъ, но при появленіи одного лишь Леонарда испытываетъ необычайный страхъ, обращается въ бегство и, получивъ ударъ эфесомъ шпаги, кричитъ: «А! А! Я смертельно раненъ, проколотъ насквозь».²

Аналогия между поведеніемъ обоихъ героевъ полная; у Гольберга эта демонстрація трусости показана шире, возможно, не безъ влияния «Евнуха» Теренція.³ Правда, герой Гольберга несколько скромнее въ своемъ хвастовствѣ, чемъ самохвалъ Сумарокова. И возможно, что это усиленіе сделано не только въ плане сильнаго гротеска, но и подъ влияніемъ специальныхъ образовъ.

Хвастливый воинъ — одинъ изъ наиболее популярныхъ типовъ мировой комической литературы, зарождавшійся всюду, где были для этого условія въ военномъ бытѣ. Иностранца хвастуна видимъ мы еще въ медвежьей драмѣ,⁴ въ новогреческой комедіи 'Αλαζών, въ «Miles gloriosus» Плавта, въ «Eupuchus» Теренція.⁵ Особого развитія, можетъ быть наиболее яркаго, достигъ онъ въ итальянской commedia dell'arte къ моменту испанской оккупации.⁶ Тамъ и выработался типъ невероятнаго хвастуна, подвиги котораго не вмещаются уже въ пределахъ нашей планеты. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ исполнителей этой роли Francesko Andreini написалъ целую книгу объ исполненіи этой роли. Capitano Spavento спасаетъ миръ отъ новаго потопа, вогнавъ все ветры и воды въ огромную тучу и наглухо завязавъ ее; онъ воюетъ со звездами; путешествуя на драгоценнейшей галерѣ, онъ срываетъ по пути своемъ все острова. Онъ помешанъ на великомъ, грандиозномъ, превосходящемъ

¹ Ib., II, 71—79.

² Ib., II, 81—82.

³ См. выше, стр. 252.

⁴ Александръ Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики. Собрание сочиненій. СПб. 1913, т. I, 365.

⁵ В. И. Модестовъ. Лекціи, 106, 120.

⁶ L. Moland. Molière et la comédie italienne. Paris, p. 46—50. — A. Bartoli. Scenari inediti. Firenze. 1880. Prefaz. pp. XIX—XX. — К. Миклашевскій. La commedia dell'arte. Ч. I, II, 1914—1917, стр. 71—76.

все обычные рамки; рождение этого героя, его обед, всякое действие — все совершается в титанических размерах.¹ Словом — перед нами гипертрофия хвастливости.

И очень возможно, что не без влияния *commedia dell'arte* усилил Сумароков хвастливость своего героя. С ярким типом капитана он мог познакомиться на спектаклях итальянской импровизированной комедии. Правда, в дошедших до нас сценариях капитан появляется на сцену только один раз, потеряв уже наиболее характерные свои черты и ничем не выделяясь среди других разновидностей типа «лишнего любовника».² Это обстоятельство не является специальной особенностью именно этих сценариев. К этому времени тип капитана отмирал уже в итальянской импровизированной комедии.³ Но самый тип настолько ярок, что достаточно было Сумарокову хотя бы несколько раз увидеть его, чтобы сохранить наиболее характерные черты его в своей памяти.

Еще на одной детали следует остановиться. В «Тресотиниусе» встречается тип «забияки», который решительно расправляется с врагом своего друга. Подобный тип встречается в упоминавшихся уже мною сценариях 1733—1735 гг.⁴ Такие же «забияки» — «*spadassins*» появляются и в «*Précieuses Ridicules*» Мольера.⁵ Но и помимо этого, самая элементарность ее и грубый комический эффект должны были доставлять ей успех на каждой примитивной сцене.⁶

Закончив рассмотрение источников Сумароковского «Тресотиниуса», подведем итоги.

¹ *Le bravure del Capitano Spavento, divise in molti ragionamenti in forma di dialogo, di Francesco Andreini da Pistoia, Comico Geloso, in Venetia, 1624.* Цитирую по F. Bartoli, pp. XX—XXV.

² В. Н. Перетц. Итальянские комедии и интермедии. Петроград, 1917, стр. 89, 93—94, 96.

³ К. Миклашевский, *op. cit.*, стр. 81.

⁴ В. Н. Перетц. *Op. cit.*, стр. 71, 73, 76, 79, 81, 116, 155, 198.

⁵ *Oeuvres, GE, I, 362, 363.* В пьесе «*Les Originaux*» появляется *baron Bretonville*, «*un faux brave, vetu en spadassin*» и ведет себя хвастливо и драчливо. — *Téâtre des auteurs du second ordre.* Paris, 1816, X, 182.

⁶ В польской *szorkie* на сцену неоднократно врывается *korieniak* — забияка, который расправляется с негодными ему лицами (В. Н. Перетц. Кукольный театр. СПб. 1895, стр. 51. — Из «Ежегодника Императорских Театров». Сезон 1894—1895 гг. Пр. 1). Чисто внешнюю связь с этой фигурой имеет и «буян» в Петрушке (*ib.*, стр. 90).

В основу комедии положена была фабула «*Les Femmes Savantes*» Мольера — с сокращенным контингентом лиц. Вместо трех ученых женщин мы видим одного лишь отпа, гораздо слабее демонстрирующего свое почтение к учености. Но зато Сумароков вводит лишнего, третьего, педанта — по собственной инициативе и офицера самохвала — под влиянием Гольберга. Из 13 действующих лиц у Сумарокова оказалось только 10. Значительно короче пьеса Сумарокова и по своему объему. Диалоги и реплики в ней коротки и передают лишь самое необходимое. Он далек от тех излишних чувств, которые мы видим у героев Мольера.

На счет Мольера должен быть отнесен и ряд деталей пьесы Сумарокова — самая форма осмеяния негодного ему лица путем изображения его спора с другим ученым, специально явившимся в знакомый ему дом, чтобы поговорить на интересовавшую его тему и другие, более мелкие моменты.

Под влиянием Гольберга ввел Сумароков в комедию третьего претендента на руку девушки — Брамбарбаса, хвастовство которого усилено благодаря реминисценциям из итальянской *commedia dell'arte*. Наконец, скорее всего на ее же счет должно быть отнесено введение в пьесу фигуры забияки.

Таковы те выводы, которые могут быть сделаны об источниках этой пьесы. Написанная сгоряча, с одним лишь желанием осмеять рассердившего его чем-то Тредьяковского, она полна отражений широкой сценической эрудиции Сумарокова. Больше всего воспользовавшись Мольером, наш писатель создал тем не менее комедию, которая и по своему идейному содержанию, и по стилю, и по объему далека была от серьезной комедии великого французского писателя. Не овладев еще к тому времени техникой комедиописания, Сумароков дал лишь неглубокий фарс, с несложными приемами комического эффекта.

П. Рулин.

Запрещенные песни о Константине и Анне.

I.

В «Этнографическом Обозрении»¹ Ив. Чеканинский напечатал следующую редкую историческую песню, вариантов которой я больше не знаю.

ПРО КНЯЗЯ КОСЕНЬКИНА И КОРОЛЕВИШНУ АННУ.

При городе при Кунпанье,
 При новом славном большом базаре,
 Стоит новая палата,
 Да из себя она больно прекрасна,
 Для людей она убога.
 Во той новой во палате
 Жьвет пан-сударь со паньей,
 Косенькин наш князь со Анной,
 Со королевишной со паньей.
 Косенькин ее не злюбае,
 На кровать спать не пушает;
 Ой на кровать спать не пушает —
 Одеальца не дает,
 Со кроватушки толкает.
 Косенькин князь премудрой,
 А Анна то ево ешно мудрее:
 Пойду к царю я к Олександру:
 «Ой ли царь ты наш великой,
 Ты великая надежа,
 Разсуди нас с Косенькином:
 Косенькин меня не злюбае,

На кровать спать не пушает,
 И одеальца не дает,
 И со кроватушки толкает.
 Скоро царь слово промолвил:
 «Ой вы слуги, мои слуги,
 Запрегайте пару коней,
 Пару коней вороную,
 Во карету золотую»
 Скоро письмо писала,
 С поштальоном отправляла
 Она ко князю Косенькину:
 «Прощай князь Косенькин —
 Я поворилась в свою землю».

Записана эта песня (когда — И. Чеканинский не помечает) в дер. Выдриной, она же Саввина, на реке Чуне в Восточной Сибири, от Н. М. Смолина 65 лет. В деревне Выдриной 65 дворов, население русское, старожильческое. Фамилия крестьян Смолиных «пользуется здесь большим уважением, они ведут свою «родовую» (линию) от перво-населенника Саввы, который пришел в Сибирь из России, откуда точно неизвестно. Три старика Смолины, — два двоюродные брата и сын одного из них, спели Ив. Чеканинскому две былины и шесть исторических песен. И былины и песни хорошей сохранности и оригинальны по композиции, с обычной восточно-сибирской поэтикой. Никаких пояснений к интересующей нас песне сказитель не сделал («вот тоже старинна песня»).

Что приводимая песня про великого князя Константина Павловича (сына Павла и брата Александра и Николая Павловичей) и его жену Анну Федоровну, — в этом сомнений быть не может. Немногочисленные исторические данные о браке, жизни и разводе Константина Павловича ясно и определенно подтверждают это. Вот эти данные.

Первая жена Константина Павловича, дочь наследного принца Франца-Фридриха-Антоня, впоследствии герцога Саксен-Заальфельд-Кобургского, до приезда в Россию Юлиана-Генриетта-Ульрика, родилась 11 сентября 1781 г. В 1795 г. по вызову Екатерины II она с двумя сестрами и матерью приехала в Россию, в Петербург, и 14½ лет вышла замуж за 17-летнего великого князя Константина. Новобрачные полу-

¹ Этнографическое Обозрение, 1915, 1—2.

чили в подарок от Екатерины в наследственное владение роскошный, только что отстроенный Мраморный дворец. «Стоит новая палата, да из себя она больно прекрасна, для людей она угрожа».

Кроме того Анна Федоровна стала получать на расходы по 30 тысяч рублей ежегодно. Константин сначала был влюблен в свою жену, «но отцовская природа и казарменное грубое воспитание скоро взяли свое, и очень скоро жизнь молодой великой княгини при дворе стала невыносимой». По своей резкости, несдержанности, упрямству, Константин не мог внушить крепкой сердечной привязанности кроткой Анне Федоровне. В 1801 г. Константин отправился в заграничный военный поход — с Суворовым, в Италию — а через два месяца и Анна Федоровна навсегда выехала из России, «в которой она не знала счастья».¹

Положение, в которое попала Анна Федоровна, не было неожиданностью: известный по 1812 г. генерал Ростовчин, близкий ко двору и хорошо знавший все царское семейство, предсказывал «нерадостную жизнь» невесте Константина. Вскоре же после брака мать Анны Федоровны «жестоко обманулась в счастье дочери». И вскоре же расхождение супругов стало неизбежным. «Первым виновником супружеских несогласий был сам Константин, его вешелывый крутой характер, его казарменные привычки». Среди лиц, так или иначе сопричастных со двором, ходили рассказы о том, как Константин Павлович ни свет ни заря вводил в спальню жены солдат и будил молодую супругу барабанным боем. Общим царским невесткам — Елизавете Алексеевне (жене Александра I) и Анне Федоровне жилось при дворе очень не сладко, но последней несравненно хуже: мало того, что ей доставалось от строити-вой и властной свекрови, но она тяжело терпела и от «невозможного характера мужа, которого он никак не мог обуздать. Его грубые выходы, отвратительный тон в обращении, отсутствие всякого такта, превращали супружескую жизнь в настоящую каторгу».²

¹ Русский биографический словарь, ч. 2, стр. 193—195.
² Н. М. Романов. Императрица Елизавета Алексеевна. СПб. 1908, стр. 251—252.

Константин сам сознался в прошении императору Александру, что он «не имеет ни дарований, ни сил, ни духа, необходимых для самодержца»...¹ «В самых юных годах очутился он в казарме, между гатчинскими офицерами, грубыми, никогда не бывавшими в хорошем обществе, у которых был свой язык, с примесью непотребной брани, похабных поговорок, ямских сравнений, солдатских острот, вечный разговор о фрунте, о водке, картах и девках. Самые гвардейские генералы были горькими питухами».² Но Константин «не был ни жесток, ни коварен, ни мстителен, ни властолюбив. Напротив: мягкосердечие, щедрость, великодушие, ревность в исполнении должности составляли существенную часть его характера. Но эти добродетели доведенные до излишества, составляли его пороки»...³

Из статьи Пыпина «Дела о песнях в XVIII в.» (ИОРЯС, т. V, кн. 2) видно, что солдатская среда особенно интересовалась придворной жизнью в Петербурге (все дела о запрещенных песнях возникали исключительно в солдатской среде). Конечно и Константина Павловича, солдата по существу своему, получившего и чисто казарменное воспитание, — солдатская масса Петербурга знала и жизнью его интересовалась. Конечно, до тонкости, через дворцовую прислугу знали петербургские казармы и о семейной жизни Константина. Солдат, а может быть и офицер, и сложил песню про Константина и Анну. Зная о их семейном несогласии, — в казарме, возможно, не догадывались об истинных интимных тонких причинах несогласия и по своему, элементарно просто, рисовали обстановку ссоры: поссорился муж с женой, хотя бы и князь с княгиней, — муж и не пускает жену спать на кровать, не дает ей одеяла, толкает с кровати, — обстановка супружеской ссоры, хорошо известная всем в крестьянской и мещанской среде.

Косенькин ее не злобают,
Ой, на кровать спать не пушшает,
Одеяльца не дает...

¹ «Великому князю Константину Павловичу невозможно было царствовать». Читения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1871, кн. 3, стр. 132.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр. 135.

Отъезд княгини Анны за границу автор иначе и не представлял себе, как в золотой карете:

Запрягайте пару коней,
Пару коней вороную,
Во карету золотую...

Составленная в казарме тотчас после отъезда Анны Федоровны за границу, в 1801 г., песня была, конечно, тайной и пелась с великой опаской. Из Петербурга песня проникла в Царство Польское и там продолжала бытовать. Интерес к песне там поддерживался тем, что в Варшаве много лет жил и был всеми очень хорошо знаком Константин Павлович, как глава войск там стоящих. Повидимому, здесь появились названия «пан», «панья», «королевишна».

Живет пан-сударь с паньей,
Косенькин наш князь со Анной,
С королевишной со паньей.

Но и здесь в Варшаве песня пелась с большой осторожностью, в самых интимных компаниях. За участие в восстании 1831 г. какой-нибудь из его участников был выслан в Сибирь и попал на жительство в дер. Выдрину. Здесь песню переняли местные жители, Смолины. И в Сибирь, в Выдрино песня проникла именно после восстания 1831 г., а не 1863 г. В последнем случае 65-летний Н. К. Смолин мог бы еще помнить, кто привез песню к ним на Чуну. Да к 1863 г. песня потеряла всякий интерес уже и в Варшаве: Константин был давно в могиле, его жену Анну даже не помнили.

Ив. Чеканинский записал уже значительно испорченный вариант. Песня с выпавшими строками, с извращенным смыслом слов. Начинается песня:

При городе при Кунпанье...

Едва ли может быть сомнение в том, что первоначально это был не город Кунпанья, а кампанья — война. 65-летний неграмотный Смолин просто забыл название города, а может быть названия и не было, и чтобы как-нибудь начать песню Смолин просто сфантазировал, придумал назва-

ние города помудренее (Петербург ведь тоже мудреное слово для неграмотного). Тем более, что «кампания» — слово Смолину знакомое: до этого он сам спел Чеканинскому песню «про турецку кампанью» (Этногр. Обзор., 1915, стр. 109). А еще вернее предположить, что слово «кампанья» было и в первоначальном тексте песни: напр., «князь Константин уехал в кампанью» (с Суворовым). Княгиня Анна «Скоро писмецо писала, с поштальоном отправляла, она ко князю Константину».

II.

В песенниках русских с начала XIX в. и вплоть до 80-х гг. много раз печаталась следующая песня-романс:

Звук унылой форто-пьяно,
Выражай тоску мою:
Я люблю хотя и рано,
Облегчи тоску мою.

Удали ты на минуту
Грусть душевну от меня,
Я пью чашу скорби люту,
Пожалей хоть ты меня.

Ото всех я сокрываю
Злой судьбы моей предел,
И с тобой лишь проливаю
Токи слез; вот мой удел.

И когда со тяжким стоном
Я припомню клятву слов,
Слов священных пред престолом,
Где свидетель бог богов.

Где же клятва? Все презренно:
Верность, честность, долг, любовь,
Но поступком сим пронзена
Сохраню я святость слов.

Судья правый, бог хранитель,
Внемли сердца томный глас,
Вод и суши сотворитель
Взгляни с трона ты в сей час.

Я колена преклоняю;
 Новой жизни жду с небес,
 К тебе руви простираю,
 Быв покрыта током слез.

В жертву сердце непорочно
 Тебе, боже, приношу,
 И во всем тебя не ложно,
 Сердцем веры... я прошу.

Посели в нем чувства новы,
 Разогрей охладну кровь,
 Надень сброшены оковы,
 Вспламени опять любовь.

Мы берем песню-романс из «Новейшего отборнейшего всеобщего песенника», С.-Петербург, 1808 (стр. 14). В песеннике песня помещена в разделе «нежных». В первый раз песня напечатана в 1805 г., затем в 1808, 1809, 1810 (3 раза), 1814, 1817, 1818 (2 раза) гг. В песеннике этого года под песней значится: «сочинена знаменитой особой». Затем песня напечатана в 1819 г., в 1820 г. (3 раза), 1821 г. (опять приписка «сочинена знаменитой особой»), в песенниках 1822, 1825, 1827, 1829, 1830, 1833, 1834, 1835 гг. Последний песенник «Гурьяновский», в нем под песней пояснение: «жалоба супруги на неверность мужа» (часть 7, стр. 24). Еще песня напечатана в песенниках 1844, 1851, 1859 (2 раза) и 1877 гг. После 1877 г. песня уже не печатается.¹ В Гурьяновском песеннике в первом четверостишии вместо «я люблю хотя и рано» стоит «я люблю тирана».

Продержавшаяся в моде три четверти столетия и только в песенниках напечатанная 27 раз, песня, конечно, была чрезвычайно популярна. Она переписывалась множество раз и попала даже в старообрядческие сборники. П. И. Мельников-Печерский в своем замечательном «Отчете о современном состоянии раскола», писанном им в 1854 г. по поручению министерства внутренних дел, после поездки в Нижегородскую губ.

¹ Годы печатания песни в песенниках приведены по каталогу песен В. И. Чернышева.

² Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии, т. IX. Сборник в память П. И. Мельникова, стр. 280.

в 1853 г., пишет между прочим: ... «раскольники вместо песен употребляют даже произведения светской литературы (примеры)... Даже известную (курсив мой) «Звук унылый фортепьяно» скитские жители (в Семеновском у. Нижегородской губ.) употребляют вместо псалмов». А в примечании добавляет: ... «чтобы в слове «фортепьяно» избежать неприличного в псалме слова «пьяный», раскольники заменили его словом «фортнежный», а чтобы не петь про «любовь к тирану», они поют: «я люблю хотя и рано». Тонкий знаток раскола в данном случае ошибался: он знал «знаменитую» песню в одной редакции, позднейшей, в скитские же тетрадки песня попала из песенников до 1818 г.

В литературе нет и намека — кто был автор этой песни. Не то в устном предании. В 1926 г. известный знаток иконописи В. И. Успенский совершенно твердо говорил мне, что это песня «первой разведенной жены Константина Павловича»; это совершенно уверенно все утверждали во время его молодости в Тульском у.; песню особенно любили в семьях сельских батюшек, пели там ее хором. Присутствующий при наших разговорах М. И. Успенский сказал, что есть еще песня о той же великой княгине:

Зачем тиран тиранись,
 Ты мучаешь меня,

дальше слов он не помнит. Нынче при возобновлении разговоров о песне, сестра братьев Успенских вспомнила, что в молодости у них на родине еще пели такую запрещенную песню:

Отдай своей царице
 Прекрасной молодой
 А мне простой девице
 Дай... покой...

дальше она также не помнит.

Показания Успенского относительно песни «Звук унылый» по моему твердо устанавливают авторство этой песни.

В 1862 г. В. Ф. Одоевский с голоса 80-летней дамы записал прекрасный, самый лучший и полный вариант песни царицы Евдокии Лопухиной, заключенной Петром в монастырь; песню дама в детстве,

т. е. в 1790-х гг. переняла от няни.¹ Что же удивительного, что в 80-х гг. прошлого века в подмосковной провинции прекрасно знали, кто автор песни «Звук»; это поддерживало интерес к песне, которую П. И. Мельников в 1854 г. именует «знаменитой». Время тогда было в провинции совершенно спокойное, сытое, интересов никаких, и при таких условиях даже знание и пение песни разведенной жены бывшего наследника престола представляло захватывающий интерес и даже некоторого рода жуткость.

О происхождении песни «Звук» можно предложить такую гипотезу: в 1796 г. в Петербурге происходили всенародные торжества по поводу брака 17-летнего Константина Павловича и 15-летней принцессы, только что волею Екатерины превратившейся из Юлианы-Ульрики Саксен-Заальфельд-Кобургской в православную Анну Федоровну. В городе были пышные торжества, гулянье, угощения, иллюминации и пр.; Константину был подарен только что отстроенный Мраморный дворец, куда молодая чета сейчас же и переехала. Все это народ видел и запомнил. Последовавшие вскоре нелады между супругами сейчас же стали известны сначала всем во дворце, а затем всему городу. Песня «Звук» составлена в разгар ссоры супругов еще до отъезда за границу *самой*, очень умной, талантливой, с характером и волей, Анной и ею пелась еще тогда, когда надежда на примирение еще теплилась, когда еще не было предпринято отчаянного решения навсегда оставить во всех смыслах холодный Мраморный дворец и навсегда покинуть Россию. Напршивается мысль, что едва ли почти девочка Анна, всего три года прожившая в России, и едва ли даже хорошо усвоившая русский язык, могла сочинить такую песню. Может быть, песня была сочинена какой-нибудь придворной приближенной камеристкой, Анне смета, ей понравилась, ею усвоилась, в свою очередь ею пелась, а потом вскоре песня твердо и навсегда была прикреплена к ее имени.

Даже удивительно: многие цари и царицы или крупные исторические деятели проходили, не оставив в народном песнетворчестве и творчестве вообще никакого следа, а совсем еще ребенком приехавшая

¹ Песни, собранные Киреевским, вып. 8, стр. 107.

в Россию и через 4 года также еще девочкой (18½ лет) выехавшая обратно навсегда жена Константина на целый век осталась в песнях, вызвала самозванство, проявилась в легендах.

Но возвратимся к песне «Звук». При дворе поняли, запомнили, и с великой осторожностью стали петь, может быть только шептать «Звук унылый фортепьяно». С 1801 г. по отъезде Анны Федоровны интерес к песне усилился, она распространилась за пределы двора, сделалась модной, а ореол «запрещенной» усилил к ней интерес, придал песне особый смак. Песня уже широко бытовала по Петербургу и Москве, но только в 1805 г. решились песню напечатать впервые в песеннике. Прекрасно знали, «чья» песня «Звук», но издатели ставили под песней только «нежная». В 1818 г. рискнули напечатать пометку: «песня знаменитой особы». «Высокой особы» тогда еще не рискнули печатать, так как это уже сразу указывало бы что песня из дворцовых, тогда совершенно недосыгаемых для всякого трактования сфер.

Здесь уместно сказать о тайных, «запрещенных» песнях вообще. Тайные, запрещенные песни, это такие, которые петь было неудобно, так как они задевали сильных мира сего, — правителей, царей и пр. и которые тем с большим удовольствием пелись в народе, хотя и с опаской. Иногда песни просто запрещались, а если в пении их люди попадались, следовали нещадные наказания. Одна из ранних песен этого рода: песня жены Ивана Грозного (?) «Царь сослал царицу в монастырь».¹

Ужь что это у нас в Москве приуныло,
Ужь как царь на царицу прогневился,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как во тот ли во город во Суздаль,
Как в тот ли в монастырь во Покровский...

С этой песней какая то путаница: или песня эта не жены Иоанна, или относится не к Марфе. Иоани был женат семь раз, Марфой звали его одну жену — Марфу Васильевну, урожденную Собакину (третью жену). Через две недели после свадьбы она умерла. «Еще в невестах она лишилась здравия, — писал потом о ней сам Иоани, — и через две

¹ Песни, собранные Киреевским, вып. 6, стр. 202—204.

недели преставилась девою».¹ «Должна была отказаться от света и заключилась в монастыре Тихвинском» четвертая жена Иоанна Анна Алексеевна Колтовская (Карамзин). Заточил еще в монастырь Иоанн известную Василису Мелентьеву, вдову, с которой Иоанн даже не венчался: он взял только молитву для сожительства с нею, и Василиса в памятниках называется не «супругою» а «женищем». Муж Василисы был заколот опричником, но и ее недолге царь постриг в Новгороде за то, что заметил «ю зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни».²

Царица Марфа Матвеевна была жена брата царя Петра I — Федора Алексеевича. Сослана еще была в монастырь и пострижена Петром его сестра Марфа Алексеевна, сообщница царевны Софьи. Едва ли можно однако сомневаться, что песня касается жены Иоанна. Нет указаний, что бы песня была запрещена, но это, конечно, несомненно, в Иоанново время в отношении песни об его особе.

Песня, или известный плач Ксении Годуновой, в знаменитой записел для Ричарда Джемса

Сплачется мала птичка
Бела перепелка...

и второй вариант:

Сплачется на Москве царевна
Борисова дочь Годунова...

И об этой песне тоже неизвестно была ли она запрещена, но тоже несомненно, что такой ревнивый к своей власти и всего боящийся царь, как Василий Шуйский, конечно, жестоко бы преследовал всякого, кто бы вздумал цением песни о несчастной Ксении вызывать жалость к ней и ея несчастному брату. Может быть и уникальность песен Джемса можно объяснить тем, что при Шуйском и даже при Михаиле Романове на Москве страшно было петь их, и только вдали от Москвы, в далеких Холмогорах, когда в нем совершенно уверились, что «не пре-

¹ Карамзин, т. 9, стр. 194.

² Соловьев, 1894, т. 6, стр. 323.

даст», какой-то смельчак решился записать в книжку Джемса песни Ксении Годуновой.

В песне царицы Евдокии Лопухиной мы имеем уже несомненно запрещенную песню

Возле реченьки хожу млада,
Меня реченька стопить хочет.

Еще в 1870 г. в журнале «Заря» за сентябрь напечатана выдержка из бумаг историка И. П. Шульгина, что «за песню Лопухиной при Петре II канонир Носов, певший ее, был бит шпицрутенами». А. Н. Пыпин в 1900 г.¹ почти целиком печатает «Дело о песне от 1729 г.» — о песне, сложенной в народе по случаю пострижения первой супруги Петра Великого царицы Евдокии Федоровны. Суть дела в том, что в Ревеле канонир Авр. Гаврилов сказал «слово», а на допросе показал, что пьяный канонир Иван Носов «пел песню, касающуюся к чести ее величества государыни Евдокии Федоровны «Постригись моя немилая» и пр. Гаврилов, унимая его, Носова, говорил: для чего де он Носов такую песню поет, ибо де за такую песню в прошлом 1704 г. в Азове при боярине Степане Ловчикове Штокова полку солдат, а как зовут он Гаврилов не упомянул, наказан батогами». Носов сознался, что «пел песню с простоты своей в пьянстве, а не с умыслу и касается ли та песня чести ее величества, он не знал и запрещения о той песни ни от кого не слышал».

Дело кончилось очень печально для доносчика: поверили, что Носов пел песню с простоты, даже и не подозревая, что песня запрещена, тем более, что имя царицы в песне не упоминалось и «за ложное того слова сказывание учинить ему Гаврилову наказание — вместо кнута гонять шпицрутенами и послать в Гилян».²

Также печально для доносчика кончилось «Дело о дьячке Тимофее Делифовском, доносившем на пристава Трофима Спиридонова, что он пел песню о Петре Первом и Екатерине Первой». Дьячек новокрещен (из татар) села Шакулова, Свяязского у., Тимофей Делифовский за

¹ ИОРЯС, 1900.

² Дела о песнях в XVIII в., т. 5, кн. 4, стр. 256—258.

насильное блудодеяние новокрещенки, находясь под караулом при казанской консистории донес, что карауливший его пристав Трофим Спиридонов между прочими разговорами зашел песню:

Зверочие мой зверочик,
Полуношной мой зверочик,
Повадилса зверочик
Во садочик к Катюше ходить...

и пояснил, «что за эту де песню напредь сего бивали кнутом, что де государь император с государыней императрицей жил, когда она еще в девицах имелась и для того де эту песню сложили». Свидетели и сам пристав показали, что песни он не пел. Делифовского били кнутом за ложное показание.

В «Деле о солдате Тверского штата Никите Ершове» следствие производилось уж не о самой песне, не составлявшей уже решительно никакого криминала даже в то строгое время (1743 г.), а о комментарии к песне, в котором усмотрены «непристойные слова» в отношении императрицы Елизаветы Петровны. И это дело возникло по доносу солдата Ингерманландского полка Саввы Поспелова на солдата же Тверского штата Никиту Ершова. В Твери в канцелярии при колодничей избе солдат Поспелов говорил капралу Шишкину, что «741 году стоял он Поспелов во дворце... на карауле в канун восшествия на престол государыни (Елизаветы), а царица вышла на крыльцо и соизволила петь песню «Ох, житье мое, житье бедное» и пр. Солдат Никита Ершов, слыша это, сказал: «вы смотрите, баба де бабье и поет». Ершов на допросе показал, что говорил ли он эти слова «не помнит, был безмерно пьян, но если на него свидетели то покажут, он спорить не будет». Ершова «дабы впредь он имел предосторожность, били плетью нещадно».

«Дело от 1751 г. о солдатке Агафье Яковлевой, певшей песню про царицу Марфу Матвеевну и говорившей о рождении императрицы Елизаветы» также не о песне собственно, а о словах по поводу песни. И это дело возникло в солдатской среде, по доносу сержанта Ивана Артемьева на жену канонира Агафью Яковлеву. Агафья пришла в дом Артемьева просить его жену быть восприемницей его дочери и у него

на квартире зацела песню, в которой упомянула речи такие, что «кто слышал про слезы царицы Марфы Матвеевны?» Артемьев просил Агафью перестать петь, а Агафья не унималась и сказала, что «когда... Петр первый изволил шествие иметь в Швецию, то де знаю я, что нынешняя государыня императрица Елизавета Петровна прижита до венца...» Агафья созналась, что непристойные про царицу слова она говорила «с сущей своей простоты в пьянстве своем, что де тогда она была весьма пьяна... с чего де ей оные слова говорить в мысль пришло, Агафья и сама не знает... а впредь в том если изобличена будет, и за то подвергает она себя смертныя казни». Агафью били кнутом, кроме того ей, донощику и свидетелям объявили указом, «с подпискою под страхом смертныя казни, чтобы они о вышеозначенных непристойных словах... разговоров ни с кем не имели и ни через что никому не розглашали, а содержали бы то в высшем секрете до кончины живота своего».

«Дело о песне сложенной в народе на императрицу Екатерину Вторую» (1764 г.) отличается от прочих тем, что «фельдмаршал и всеподданнейший раб» Петр Салтыков самой Екатерине сообщает песню, «которая здесь между простым народом в употреблении, в рассуждении глупости безумного и по всему виду подлаго сочинителя больше презрения и смеху достойна, нежели истязания, от кого бы она произошла, чего впрочем и сыскать едва ли возможно». Приводим первые две строки этой песни:

Мимо рощи шла однихонька,
Однихонька молодехонька...

Песня от лица Екатерины, которая рассказывает, что в роще гуляет ее муж с Лизаветою Воронцовою, и обдумывает, как сгубить им Екатерину. Умная Екатерина приказала А. А. Вяземскому написать Салтыкову, что «хотя оная песня и не стоит большого уважения, да чайтельно, что она ныне уже и не так часто между подлаго народа в употреблении»... но все же лучше было бы... если бы песня «забвению предана была, с тем однако, чтобы оное было удержано безприметным образом, дабы не почувствовал никто, что сие запрещение происходит от высшей власти»... Из дел о песнях видно, какой интерес представляли песни

из дворцовых сфер в народе, главным образом в казарме, в солдатской среде, как там ими интересовались. Понятно поэтому, что и песня о Константине и Анне была интересна в солдатской среде и через нее попала и в далекую сибирскую деревню.

III.

Около 1808 г. в Москве в доме скопца А. Т. Колесникова, близ Серпуховских ворот появилась таинственная личность, приписанная под именем мещанской дочери г. Москвы Елены Павловны. Личность эта выдавала себя за богородицу и великую княгиню Анну Федоровну. Скопцы принимали ее с большим почетом и уважением и пользуясь ее титулом успешно вербовали новообращенных в свою секту.¹ Довольно долго работала «княгиня» и «богородица» в Москве и в 1819 г. по вызову бога Селиванова отправилась на гастроли в Петербург.

В 1819 г. по Петербургу стали ходить слухи, что в доме купца Васильева, смежном с домом известного миллионера-скопца Мих. Назар. Солодовникова, где жил тогда скопческий христос Кондратий Селиванов, «имела пребывание девица редкой красоты», скопческая богородица, которая «слышно было приехала из Москвы в недавнем времени». Эта скопческая богородица между прочим, распускала про себя слухи «что она де никто иная, как великая княгиня Анна Федоровна, супруга Константина Павловича». Явление столь высокой особы в кругу скопцов,² привело их в чрезвычайный восторг и покорило ей безусловно. В Петербург богородицу пригласил сам бог Селиванов, скоро в ней впрочем разочаровавшийся и от нее отвернувшийся: «богородица» и «княгиня» своей красотой и ловкостью совершенно отвлекла было от него его любезных детушек. «Возвратясь в Москву, самозванка стала действовать еще отважнее: разъезжала открыто по городу, вертела делами, распорядилась общей казной и вероятно соскучась своей ролью — скрылась, захватив с собой значительную часть скопческих сокровищ». Только

¹ Ливанов. Раскольники и острожники, т. 4, стр. 414 и др.

² Там же.

³ Надеждин. Исследование о скопческой ереси. 1854. По Кельсиеву, Сборник правит. сведений о раскольниках. Лондон, 1862, стр. 108—110.

уже в 1829 г. она обнаружилась в остроге в Раненбурге, уездном городе Рязанской губ. при чем сами скопцы тогда довели, что «та которую они чтли как богородицу и великую княгиню — мещанская жена города Лебедяни, разведенная по суду с мужем за распутное поведение». Ливанов определяет ее подробнее: «оказалось, что она была Ирина Николаевна Голева, дочь лебедянского 3-й гильдии купца, в 1800 г. 15 лет от роду вышедшая замуж за лебедянского мещанина Катасанова. Прожив с мужем два года, она бежала от него в г. Арзамас и поступила в Алексеевский общежительный монастырь. Через два года ее из монастыря выгнали, она уехала в Киев и поступила в Фроловский девичий монастырь. Высланная и оттуда, Катасанова пробралась в Москву и поступила в Ивановский женский монастырь. Живя в Москве, она познакомилась с дочерью Колесникова и с ним самим, где ей и внушили проделанную ею авантюру... По приговору рязанского суда, которому было неизвестно о том, что она выдавала себя за великую княгиню, Катасанова была наказана плетьюми и водворена на жительство в Лебедянь. В 1831 г. она пробралась однако в Серпухов и в доме скопца Сидорова опять начала было входить в роль богородицы и великой княгини, но скоро, в том же году, она была задержана и отправлена в острог, где и кончила свою карьеру».¹

Так безапелляционно сообщает Ливанов. Но осторожный Надеждин находит, «что сведения об этой самозванке чрезвычайно спутаны». Известный архимандрит Досифей просто называет ее «непотребною женщиною». В 1810 г. она приезжала из Симбирска с купцом Семеном Михайловым и его сестрою, и она может быть та личность, которую симбирские скопцы называли «животною книгою».²

Кто бы ни была «богородица» и «княгиня», встает вопрос, как могло вероятно малограмотной, а то и совсем безграмотной мещанке прийти в голову начать выдавать себя за великую княгиню, которая уже 10 лет была за границей? Ни Надеждин, ни тем более Ливанов этим вопросом не интересуются. Между тем дело может быть объяснено: у Надеждина мы находим сведения, что дядя А. Т. Колесникова, в доме

¹ Ливанов, op. cit., т. 4, стр. 414.

² Кельсиев, III, стр. 89, прим. 112.

которого поселилась Катасанова, Фед. Евс. Колесников был замечательный человек. В Москве он имел дом, в котором не жил, предоставив его брату, а сам все разъезжал, постоянно бывал в Петербурге, постоянно бывал при дворе и даже пользовался благоволением Екатерины II, которая в шутку прозвала его «масоном» за то, что он был в коротких связях и большой дружбе с Н. И. Новиковым. «Масон» часто ездил в Сибирь по торговым делам купца Жигарева. Это Колесников тотчас после смерти Екатерины, по поручению Павла, вывез из Иркутска Кондратия Селиванова, который был тогда там в ссылке, для свидания с императором (легенда, что Петр III спасся и в лице Селиванова живет в Иркутске). Колесникова знал хорошо и Александр I, и вдовствующая Мария Федоровна; с Колесниковым Селиванов, по изгнании французов, посылал Александру I просфору, которую Колесников вручил ему на фронте в самый канун Лейпцигской битвы, за что и получил почетную саблю. Так как Колесников был скопец, то не удивительно, что именно он внушил, научил, как начать самозванство, и все время руководил Катасановой в роли великой княгини, что было нужно ему для каких-то своих, а может быть и общескопческих целей.

У скопцов имя Анны Федоровны было так популярно, что могла появиться самозванка с ее именем и в течение 15 лет, пользуясь ее именем, вызывать глубокое почитание и делать большие дела. Оказывается, что и раскол также не избег преклонения перед Анной Федоровной. П. И. Мельников-Печерский в своем замечательном «Отчете о современном состоянии раскола»¹ перечисляет имена лиц дома Романовых, пользовавшихся у старообрядцев особым почитанием. Оказывается «время от времени у раскольников ходили толки» об укрывательстве Константина Павловича и мнимых сыновей его» и Мельников не сомневался, что если бы «нашелся обманщик, дерзнувший назвать себя одним из этих имен и обещал бы расколу разные льготы, то конечно раскольники приняли бы его сторону». В скопчестве, говорит Мельников, веруют, что «спаситель пришел вторично на землю в лице императора Петра III и доселе (1854 г.) находится в стране Иркутской (где был

¹ Сборник в память П. И. Мельникова. Действия Нижегород. Губ. Уч. Арх. Комиссии, т. IX.

в ссылке Селиванов), а вместе с ним император Александр I, цесаревич Константин Павлович, императрица Елизавета Петровна и Елизавета Алексеевна (жена Александра I) и даже *здравствующая доселе* (Анна Федоровна умерла в 1860 г.) супруга Константина Павловича *Анна Федоровна*.¹ Выше мы уже приводили известие того же Мельникова, что в раскольничьих скитах на Керженце песню-романс Анны Федоровны «Звук унылый фортепяно» поют вместо псалмов.²

IV.

Но оказывается и наши православные монастыри не избежали почитания Анны Федоровны. И об этом также уже есть целая хотя и небольшая литература. Начал ее «Неизвестный», который оставил «собственно-ручные записки неизвестного автора», хранившиеся в ученом архиве Тамбовской Архивной Комиссии и в 1915 г. ею изданные.³ Независимо сего, до обнаружения записок, еще в 1881 г. тамбовский историк И. И. Дубасов в «Историческом Вестнике» (март) напечатал об этом же заметку «Загадочная монахиня». Хранитель Тамбовской Арх. Комиссии А. И. Самоцветов собрал «Новые сведения о монахине Анне», а председатель Тамбовской Комиссии А. Норцев прочел в Комиссии доклад (в ноябре 1911 г.): «Легенда о пребывании в Тамбовской губ. вел. княгини Анны Федоровны», и вместе с вышеуказанными материалами напечатал его в трудах Комиссии.⁴

Излагаю суть дела пользуясь всеми этими печатными источниками. В июле 1852 г. из Петербурга через пересыльную тюрьму «без документов», но *под именем* коллежской асессорши А. И. Степановой, в Усманский женский монастырь приехала старушка лет 70-ти, в карете, с серым говорящим попугаем. Приехала в тяжелой карете на 15 лошадях, высланной ей губернатором. Ее сопровождал из Петербурга чиновник Голощапов, который обратно не вернулся, вскоре умер. Встретила в монастыре старушку игуменья, а вскоре к ней приезжали губернатор

¹ Мельников, *op. cit.*, стр. 248.

² *Иб.*, стр. 280.

³ Изв. Тамбовск. Уч. Арх. Комиссии. Вып. 56, стр. 14—44. Тамбов, 1915 г.

⁴ Известия Тамбовской Уч. Арх. Комиссии, 1915, вып. 5.

граф Е. П. Толстой и местный епископ Варлаам, пробывшие по три часа. Поселилась старушка в доме игуменьи, в трех комнатах; посуду, белье и пр., привезла с собой, привезла и очень тяжелый сундучек. Жила приезжая в монастыре совершенно уединенно, скромно, тихо, никуда не показывалась, даже в церковь ходила только по большим праздникам; работала, молилась дома, очень успешно лечила всех, монашкам тонко предсказывала будущее. Обладала приятной наружностью, изящными манерами, была чрезвычайно чистою, говорила совершенно правильно по-русски, с еле заметным немецким акцентом; по-немецки изъяснялась прекрасно. По ее собственным словам, она странствовала 13 лет пешком, 8 лет была в Иркутском монастыре, которым управляла, полгода была в Мариинской больнице (в Петербурге), в схиму была пострижена в Старом Иерусалиме. В схимнической одежде никогда не ходила, только всегда в белом апостольнике и, повидимому, носила вериги. Филарет Московский знавал ее под именем игуменьи Иерусалимской. В последнее время жила около Александро-Невской лавры, а духовником ее был архимандрит Мельхиседек. Про себя она говорила разное, повидимому нарочно путая: «Я господская, вольноотпущенная». Другим говорила: «Я арестантка». Третьим: «Муж мой печник, печи делает и не служит». Некоторые монахини от нее слышали: «Муж мой знаменитого рода и я тоже не простая. После венца просила мужа дать мне три дня покоя, муж не согласился, и я ушла от мужа в самый день свадьбы и долго должна была скрываться от его преследования. Семь дней пробыла на необитаемом острове, с которого взял меня английский пароход и отвез в Иерусалим, там я жила семь лет, вернулась в Россию с вольчим билетом и живу по монастырям». С радостью она выслушивала о себе самые невероятные предположения, как о преступнице, не обращала никакого внимания на похвалу и лесть, если же ее начинали хвалить и называли постницей, она начинала вертеться, плясать и петь: «ты не шей мне, матушка, красный сарафан». Принимала старушка очень немногих, два-три раза был у нее тамбовский архиерей, которому она отдавала на хранение и свой сундучек с золотом. Однажды у нее был ее племянник, нестарый человек в простом полушубке, а потом монашки стали распространять, что он очень похож на Александра II (по портретам). Белье у ней было

тонкое, полотняное, с царскими гербами. После ее смерти остался между прочим имуществом золотой наперстный крест с надписью: «Царевна Анна». Немногие лица пользовались ее доверием; впоследствии рассказывали, что она была хорошо известна самым высокопоставленным лицам нашей аристократии, как светской, так и духовной. Ей нельзя было долго прожить в одном монастыре: ее ненавидели игуменьи, они боялись ее нелегального положения и забот и хлопот о ней, и старались поскорее сбить ее с рук, не пренебрегая для этого и интригами; простые же монашки ее очень любили. В 1858 г. старица Анна переехала в Кирсановский монастырь; в 1859 г. в Тамбовский, где прожила до 1861 г., откуда по болезни, по указу синода, переведена в Пензенский монастырь. Из Тамбова отправили ее в самое половодье. В селе Пойме она оставалась в карете целые сутки в воде, простудилась смертельно, в Пензу приехала совершенно больной и через 4 дня умерла. Завещала она похоронить себя в простом гробе, но непременно обитом внутри белым атласом. Игуменья Надежда поскупилась и гроб обила коленкором; гроб оказался короток и узок; сделали новый гроб и обили атласом. Похоронена она в Пензе 23 апреля 1861 г., в Троицком девичьем монастыре, в приделе Иоанна Богослова; на ее могиле плита: «Старица божия Анна».

Вот все что известно о загадочной монахине Анне. Начал литературу о ней «неизвестный автор», оставивший «собственноручные записки», который лично знал монахиню, сносился с ней, и даже в 1858 г. писал от ее имени прошение «на высочайшее имя». Теперь выяснилось, что этот «неизвестный» — ее крестник, поляк Владислав Никифорович. В своих записях, всего в 5 страничек, Никифорович просит «извинить, что писано урывками и несвязно». Писание Никифоровича мало того что несвязно, но еще крайне туманно, полно недомолвок, нарочитых таинственностей, как будто нарочно автор желает сделать свое произведение загадочнее, а свою особу важнее. Напр.: «лично ее отношение ко мне ограничивается благотельным влиянием, не представляющим интереса для посторонних» (стр. 34). Он «имел дело с тамбовскими властями касательно частых посещений матушки Анны». Его «вызвал тамбовский губернатор Н. П. Синельников и с большим интересом выслушивал», он получал опрос-

ные пункты от воронежского полицейского чиновника. Желая ли играть в таинственность или действительно опасаясь (тогда, в 50-х гг. ведь не шутили, ср. дела о песнях) Никифорович напустил в свою заметку туману и заинтересовал местных людей старицей Анной. Он же первый высказал предположение (не прямо, а обиняками), что старица Анна и вел. кн. Анна Федоровна — одно лицо. Во второй части своих записок, приведя все известные данные о Анне Федоровне и переходя к старице Анне, Никифорович говорит: «при всей незначительности моего авторитета, я, основываясь на достоверных данных, которых разоблачать не считаю себя вправе, осмеливаюсь думать, что она проживала большей частью в России, с искренней любовью ко всем верным сынам ее, с чистой верой в бога и великую будущность России в нынешнее царствование и по неисповедимым путям Божиим допущено оригинальное *qui pro quo* для высших целей, недоступных ограниченному нашему пониманию». Однако, ясно намекая, Никифорович ни разу не отождествил открыто старицу Анну с Анной Федоровной. В 1861 г. это было, повидимому, совершенно невозможно. Даже 20 лет спустя, в 1881 г. историк И. И. Дубасов, печатая свою заметку «Загадочная монахиня» (Исторический Вестник, март), ни разу не назвал старицу Анну Анной Федоровной, хотя, конечно, он прекрасно знал легенду. И только уже в 1915 г., переживя первую русскую революцию (1905 г.) Норцев позволяет себе эту вольность.

Никто не сообщает, чтобы и сама белая монахиня называла себя Анной Федоровной; только Дубасовым приведены ее слова: «теперь они обижаются на меня, зато после узнают кто я и раскаются» (стр. 24).

Конечно, совсем не то было в быту монастыря, среди живых людей. В монастыре ходили слухи (говорили промеж себя тихонько), что старица Анна — супруга в. кн. Константина Павловича. Самоцветов писал свои «новые сведения о монашине Анне» со слов монахини тамбовского Вознесенского монастыря матери Анфисы, 70 лет, которая много раз бывала у старицы Анны и ей прислуживала (Анфисе было тогда 20 лет). Это же говорят и другие монахини: Епидифора, Райфа и Павла. Про старицу Анну в монастыре составлены были даже стихи, но Анфиса их не помнит.

Киреев в статье «Белая монахиня»¹ говорит, что в детстве, 40 лет назад, слышал про белую монахиню, которую тогда считали за вдову Константина Павловича. Впрочем Киреев совершенно безосновательно допускает, что «это могла быть известная Екатерина Филипповна Татаринова или кто-нибудь из ее близких».

Последний писавший о старице Анне, Норцев, сопоставив все нами изложенное, называет это *легендой*, «за степень достоверности которой нельзя ручаться», но он считает необходимым дальнейшее исследование вопроса. «Данные», говорит Норцев «должны быть в делах губернатора Данзаса, но кажется эти бумаги все уничтожены». И. И. Дубасов искал документов и сообщает: «...несмотря на все наши поиски в Тамбовских архивах, мы не нашли документов, но в петербургских архивах по всей вероятности они есть». Можно быть уверенным, что при более тщательных поисках в губернских светских и духовных архивах документы о «белой монашине» отыскать можно, и по нашему мнению Дубасов не отыскав документов, просто не доисследовал, не довел до конца своей работы.

Возможно ли однако допустить, что «белая монахиня» была княгиня Анна Федоровна?

В 1801 г. Анна Федоровна уехала из России навсегда, поселилась она в 18 км от Женевы и уже в Россию больше не возвращалась. Константин Павлович в 1814 г., возвращаясь из Парижа, посетил жену в Швейцарии и убеждал ее вернуться в Россию, «выражая надежду, что их потомство будет на престоле». Анна Федоровна решительно отвергла предложение, отказалась вернуться, «заявив Константину об обязанностях, удерживающих ее за границей навсегда». Теперь разрыв был уже неизбежен и окончателен: в виду фактов, представленных Анной Федоровной супружество стало невозможным. Вернувшись в Россию Константин стал хлопотать о разводе. Мать его, Мария Федоровна, долго и настойчиво уговаривала сына не разводиться, «обвиняя во всем его легкомысленный крутой нрав», твердо отрицая, что «его честь требует расторжения брачного союза», и утверждала, что «разводом будет

¹ Русская Старина, 1889, июль.

оскорблена добрая слава той, которая носит имя Константина», указывая между прочим и на то, что он, Константин, первое лицо после государя, и это даст «худой пример народу». Но если уже тем не менее развод необходим, Константин должен исподволь подыскать себе в жены ровню при одном из немецких дворов. В ответ на это Константин сочинил и распевал песенку:

Избави мя боже от пожара,
Наводнения и немецкой принцессы...

Так развод тогда и не состоялся. Развод состоялся уже в 1820 г. 20 марта этого года Александр I издал манифест в котором говорится: «...по вниманию к домашнему положению великого князя цесаревича в долговременном отсутствии супруги его вел. кн. Анны Федоровны, которая еще в 1801 году удалясь в чужие края, не возвращалась и впредь, по личному ее объявлению, возвратиться не может» — Константину дан был развод и он женился второй раз морганатическим браком на польке Иоганне Лович. Таким образом, разрыв Анны Федоровны с русским двором был полный, хотя изредка ее посещали за границей члены императорской фамилии. Так «Московские Ведомости» за 1857 г. отмечают посещение Анны Федоровны Константином Николаевичем и Марией Николаевной. В указе от 8 августа 1860 г. сообщается о смерти Анны Федоровны и по поводу этого события при дворе наложен траур на 14 дней. О смерти Анны Федоровны напечатано в Готском Альманахе за 1861 г., в отделе «Саксен-Кобург-Готы». Таким образом, судя по официальным данным — сомнений в том, что Анна Федоровна всю жизнь прожила за границей и там умерла — быть не может.

Возникает вопрос: каким образом Анна Федоровна всю жизнь с 1801 г. по 1860 г. прожившая вне России, и не оставившая никакого следа в истории и даже мало известная лично, все же возбудила такой интерес к себе: создались песни, легенды, самозванство? Ответ может быть дан такой: 130 лет назад, при несомненно меньшей относительно сложности жизни в России, чем в наше время, события при дворе даже частного, личного характера возбуждали очень большой интерес в народе, живо и скоро становились достоянием общества, сначала

в Петербурге и Москве, затем кругами расходясь и по остальным частям страны. Из приведенного обзора «дел о песнях» видно, что в народе живо трактовались и комментировались, составлялись песни о пострижении Петром жены Евдокии Лопухиной, очень хорошо были известны песни царицы Елизаветы, составлена была и распевалась в народе песня от имени Екатерины II. И теперь, в нашем случае, разлад в семье Константина, а тем более совершенно необычный отъезд его жены «в чужие края» сейчас же вызвал в солдатской среде песню о «князе Константине и королевичне Анне». Хорошо составленная песня-романс «Звук унылый» своей прикосновенностью, принадлежностью к Анне так заинтересовала поющую Россию, что только в песенниках была напечатана 27 раз, а помят этот романс и до настоящего времени. Авантюристка Катасанова ловко воспользовалась отсутствием живой «высокой особы» в пределах России и целых 15 лет с большой пользой для себя носила ее имя в среде особенно расположенной, в силу своей крайней неуравновешенности, к разного рода самозванцам.

Загадочная ссыльная монахиня сначала в Усманском, затем в других монастырях вызвала сильный интерес к себе. Монашки терялись в догадках — «кто бы это могла быть, эта странная, повидимому очень родовитая монахиня?». И не могли ничего лучшего придумать, что это жившая где-то за границей несчастная в семейной жизни Анна Федоровна, года которой подходили к годам ссыльной «белой монахини». Вся жизнь Константина сложилась как-то необычно. Ранняя женитьба, сначала расхождение, а затем и развод с женой, женитьба на подданной, но с отнятием за наследниками прав на престол, роль в Декабрьском восстании, двусмысленное поведение в Польше, результатом чего была катастрофа русского дела там, внезапная смерть, которая сейчас же вызвала легенды: или о том что Константин погиб не своей смертью (отравлен, отравился по приказанию Николая I), или что он и не умирал совсем, а жив (сидит в Петропавловской крепости, скрывается у скопцов), — все это ходило по России, поддерживало интерес и к его первой жене и давало легкий повод увидеть в загадочной «белой монахине» Анну Федоровну.

в которых факты решительно опровергают мнение Г. Т. Сiniusаева о принадлежности той или другой песни творчеству нашего драматурга.

Так, напрасно приписывается Островскому песня Мити («Бедность не порок», д. I, явл. 2):

Красоты ее не можно описать!..

Черны брови, с поволокою глаза.

Ужь и где ж эта родилась красота?..¹

В действительности, Митя поет подходящие к его настроению стихи из народной песни: «Как за реченькой слободушка стоит», в которой описывается красивая дочь вдовушки. О ней говорится:

Брови черны, с поволокою глаза;

Где родилась такая красота?

Красоты ее не можно описать... .

(«Великорусские народные песни», изд. под ред. А. И. Соболевского, т. II, № 440, из песенника 1810 г.; см. также песенник 1818 г., № 254; Песенник Матвеева, М. 1859, № 31 и др.).

Относительно песни «Сирота-ль ты моя, сиротинушка», которую поют Груша и Еремка в народной драме: «Не так живи, как хочется» (д. III, явл. 4), Г. Т. Сiniusаев останавливается в нерешительности: стилизация это на народный лад, или подлинная народная песня? Последнее вне всякого сомнения. Два варианта этой песни дает собрание Соболевского (т. VI, №№ 393, 394), два есть у В. Н. Добровольского («Смоленский этнографический сборник», ч. IV, стр. 295 и 597), один дает А. Пивоваров («Донские казачьи песни», Новочеркасск, 1885, стр. 6).

В «песне» Еремки «Уж и я-ли твоему горю помогу» Г. Т. Сiniusаев видит авторскую импровизацию-стилизацию (ИОРЯС, т. XXVIII, стр. 29), но Еремка только продолжает начатую раньше песню «Куманечек, побывай у меня». В данном случае Островский дает лишь вариацию одного стиха этой песни (см. Соболевский, VI, № 346, где особенно близкий текст: «Уж и я ли *тому* горю помогу»).

¹ Текст Островского я беру по более исправному 9 изданию Думнова, М. 1890.

Русская песня у Островского.

Дополнения и заметки к статье Г. Т. Сiniusаева: «Островский и народная песня» (ИОРЯС, 1923, т. XXVIII).

Интересное и ценное исследование Г. Т. Сiniusаева отличается однако неполнотой материала и неточностью некоторых показаний.

И исследователю текстов Островского, и литературному критику, и артисту, и просто серьезному читателю, необходимо помочь в разъяснении и разьяснении подлинного или, по крайней мере, близкого текста тех песен, которые даны в пьесах Островского. Последний создавал свой театр для общества, хорошо знавшего русскую песню. Нескольких слов ее было достаточно, чтобы определить лицо, положение, среду, развитие поющего. Масса современных зрителей и читателей пьес Островского совершенно в ином положении: для них песня текста, не известная от начала до конца, не раскрашивает, а затемняет картину. Нам нужен комментарий, и в этом отношении работа Г. Т. Сiniusаева не вполне удовлетворяет читателя. Почтенному исследователю русской песни у Островского не всегда удавалось найти в массе источников для изучения русской песни текст более или менее близкий к приведенному у нашего драматурга. Кто знает, как трудно производить подобные разыскания, тот, конечно, не будет много осуждать автора статьи за этот недочет. К сожалению, Г. Т. Сiniusаев не всегда ограничивается в подобных случаях простым признанием неимения необходимых данных. Нередко он решает, при недостаточном материале, делать заключения или предположения, в подобных случаях вообще весьма опасные.

I. Нельзя, конечно, на основании не найденной песни приписывать сочинение ее самому Островскому, и мы можем указать немало случаев,

Стих о Лазаре убогом, приведенный Островским в драматической хронике «Козьма Захарыч Минин Сухорук» (начало IV действия) никак нельзя считать «мастерским переложением народного стиха» (ИОРЯС, стр. 37): весьма близкие варианты стиха о Лазаре, дает сборник Филиппова («40 народных песен, собранных Т. И. Ф.», М. 1882, стр. 11, № 2) и П. И. Якушкин (Сочинения, стр. 504)¹). При этом у Якушкина напечатан вариант, записанный в *Москве* А. А. Григорьевым. Это делает нам совершенно ясным источник ознакомления Островского с данным текстом и народной поэзией вообще: друзья-песенники и народ, в частности московские слепцы-нищие.

Песня Резвого «Боялися девки да серого волка» («Воевода», д. I, сц. I, явл. 3) вызывает замечание Г. Т. Синохаева: «Это очевидно — перл из сокровищницы самого Островского»... (ИОРЯС, стр. 39). Но песня эта напечатана А. И. Соболевским (IV, № 707, по песеннику 1810 г.), мной — по записи в с. Солнечной Горе Клинск. у. Моск. губ. (Сборник ОРЯС, т. 75, стр. 69), А. Васнецовым («Песни северо-восточной России», М. 1894, стр. 57), Добровольским («Смоленский этнографический сборник», ч. VI, стр. 446).

Комментируя сказку Недвиги («Воевода», д. III, явл. 8), Г. Т. Синохаев указывает, что «Островский, в случае надобности, создает такие удивительные по своей художественности образцы, которые иногда невозможно отличить от подлинных произведений народной словесности». Это в известной степени справедливо; однако Островский в данном случае пользуется и готовым материалом наших песен и сказок. Там, где на первый взгляд кажется художественное первосоздание, внимательным осмотром обнаруживается искусная мозаика. Предлагаем для конца сказки Недвиги сравнить конец шуточной песни «Ах, Иванушка на печке лежит»:

Ах, вот тебе полтина,
А жене твоей холстина,
Уж как сыну коня заломи-голова,
А дочери коза лубяные-глаза!

¹ В ссылках на источники прибегаю к сокращениям, принятым у Г. Т. Синохаева и А. И. Соболевского.

(Собол., VII, № 276, из песенника 1780 г.; Сахаров, «Сказания русского народа», 1837, ч. II, стр. 235). Подчеркиваю стихи, буквально совпадающие.

Не следовало приписывать Островскому и прибаутку «На тебе шапка круга»... («Димитрий Самозванец и Василий Шуйский», ч. II, сд. 4), потому что в основе ее лежит народный стишок:

Сурик, сурик на двери,
Кто прискочит тот дери.
У сурика праздник,
Сурик шапочку шьет:
Шапочка-то круга,
О четыре угла...

(А. Е. Бурцев, «Обзор русского народного быта северного края», 1902, т. III, стр. 59). То же, в форме еще более близкой к Островскому, в Сборнике ОРЯС, т. 82, стр. 16 (примечания Ф. Е. Корша к исследованию П. К. Симони о песнях Р. Джемса):

Сидит Сурик на ели,
На Сурике шапка;
Шапка-то круга,
На четыре угла.

Здесь текст Островского так же мозаичен, как и в предыдущем случае.

Песня Максима Редрикова («Тушино», сц. 4-я) «Прикажи-ка нам, хозяин, поскакать, поплясать» — тоже не сочинена Островским, как предполагает Г. Т. Синохаев на стр. 49; это бурлацкая песня, в которой, действительно, бурлаки характеризуют города Поволжья от Астрахани до Балахны:

Прикажи, сударь хозяин,
Прикажи нам, господин,
Поить, погулять,
Про все города¹) сказать,

¹ У Островского по-народному и лучше: города.

Про все низовые,
 Про все верховые!
 Ох, зачать ли, не начать
 Со синя моря, с косы,
 Славной Астрахани!
 Чисто-шепетно пройти — в мати Астрахани;
 Во бурлаки порядиться — во Горянским ряду...

(Собол., VII, № 423; начало и конец песни нами пропускаются. Ср. также: VI, № 449. См. еще: Д. К. Зеленин, «Описание рукописей ученого архива Русск. Геогр. Общества», стр. 1053, Пермск. губ.).

Песня бобыля Бакулы («Снегурочка», прол., явл. 4) «У Бакула-бобыля, ни кола, ни двора», конечно, не навеяна стихотворением Никитина (ИОРЯС, стр. 54); она почти буквально повторяет слова народной песни «У ворот девка стояла, рукавом девка махала»:

За Невою за рекою что живет мужик бобыль.
 У того ли бобыля ни кола нет, ни двора,
 Ни кола нет, ни двора, ни скота, ни живота...

(Собол., IV, № 565, из песенника 1780 г.).

Нельзя, конечно, видеть «художественную переработку народной песни» (ИОРЯС, стр. 59) и в песне Брусилы «Купался бобер». Песня эта известна нам и в живом обращении, и во множестве печатных вариантов; в основе они однородны, в частности в них много разнообразия. Это разнообразие создавалось исполнителями и хранителями песни; оно — существенная особенность народной поэзии, не писанной, живущей на устах. Текст Островского, пожалуй, самостоятельный (не из хорошего песенника), но совсем не лучший. В стихах «Нейдет ли кто, не сыщет ли что» — чувствуется недостаток и ритма, и смысла, и синтаксической связи¹). Дальше странно, что *одну* шубу хотят подарить *многим* *девкам*. В других печатных текстах нет подобных неловкостей (ср.

¹ Пример, — если тут нет искажения, — наглядно говорит, что Островский давал тексты народных песен в том именно виде, в каком знал их в пении, не исправляя неудачных мест, присвоенных песням плохими певцами.

Собол., V, №№ 192—194; VII, №№ 452, 460—462; Шейн, «Великорусс», № 556. Особенно красивы и складны варианты с лисой, предупреждающей бобра: Собол., V, № 194; VII, № 461).

Г. Т. Синюхаев готов приписать Островскому и стишок «Чуден в свете человек» произносимый Юсовым в час своего падения («Доходное место», д. V, явл. 2). Но это — надпись под лубочной картинкой 1820—1824 гг., озаглавленной «Суета сует», напечатанной у Ровинского («Русские народные картинки», кн. IV, стр. 551, № 734).

Факты, таким образом, ясно показывают, что Островский не сочинял песен, а пользовался готовыми, ходячими текстами, вообще отлично ему известными. И зачем Островский стал бы затруднять постановку своих пьес сочинением новых русских песен? Ведь для сочиненной песни нужно дать и музыку к ней, нужно затем предположить умение петь по нотам всех исполнителей, выступающих в соответствующих ролях. Притом, специально сочиненная песня уместна была бы в устах лишь такого лица, которое автор представляет поэтом. Приказчику Мите, которого Островский изображает именно таким стихотворцем-самоучкой, можно приписать сочиненную песню, но почему, например, Груша и Еремка в «Не так живи, как хочется» будут петь не народную песню, а искусственную — это непонятно.

Кроме того, до пьесы «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1862) Островский не обнаруживает вообще склонности к стихотворству.¹

¹ Для библиографов укажу несколько переводных стихотворений А. Н. Островского в издании «Сборник 50 романсов и песен Баха, Бетховена, Генделя, Глюка, Мендельсона... и других, с сохранением оригинальных текстов и с прибавлением русских переводов, сделанных гг. Фетом, Костомаровым, Майковым, Некрасовым, Островским, Плещеевым и другими» (изд. Юргенсона, М. Пенз. довол. 1 июня 1866 г.). Островскому принадлежат следующие переводы с немецкого: Зимняя песня (муз. Ф. Мендельсона-Бартольди) «Мой сын, зачем в дремучий лес спешить ты в час ночной?»... (№ 12, стр. 54); Путевая песня (Reiselied von H. Heine, муз. того же композитора) «Шумит опалю листвою холодная земля» (№ 18, стр. 78); Вечер (муз. Моцарта) «Сходит ночь и солнце погасает, месяц землю серебрит»... (№ 24, стр. 109); Колыбельная песня (Гимера, муз. Вебера) «Спи, мой сыночек, любимчик ты мой! Синие живчики, глазки закрой!» (№ 33, стр. 151). В собрании романсов Пушкинского Дома мне встретился также перевод из Гейне, сделанный Островским «Мы песнею крылатою»... (Шифр П. Д. — XXII).

II. Обращусь теперь к указанию текстов тех песен, которые просто не отысканы Г. Т. Синюхаевым в печатных источниках. Эти указания необходимы не только для точной и полной библиографии русской песни. Разыскивая происхождение песен, приведенных в пьесах Островского, мы попутно разрешим несколько более или менее значительных вопросов.

1) Мы увидим, что наш драматург пользовался общезвестными, распространенными в его время текстами песен и, таким образом, был точным наблюдателем и верным изобразителем типичного, характерного в окружающем его обществе, а не случайного и редкостного. 2) Мы уясним, откуда брал Островский русскую песню. 3) Определив источники значительного количества песен, темных по происхождению, придадим группировке их ясность, нередко отсутствующую у нашего исследователя, смешивающего народную песню с искусственной, неосторожно определяющего известные и неизвестные ему песни, как «жестокое романсы» и т. п.¹

После разысканий Г. Т. Синюхаева и моих, «редких» песен в пьесах Островского оказывается очень немного. Это 1) песня, на которую ссылается сваха Красавина «Никто души моей не знает, и чувств моих не могут описать» («Зачем пойдешь, то и найдешь», д. I, явл. 4); 2) народная песня которую напевает Корпелов в пьесе «Трудовой хлеб» (д. IV, явл. 8) «Пойду ли я по городу гулять, Пойду ли я по Бежецкому»; 3) стихи, которые «декламирует» (указание автора!) Митя в комедии «Бедность не порок» (д. I, явл. 3) «Что на свете престоко? — Престока есть любовь!».

Цитата Красавиной очевидно идет из малоизвестного романа «Напрасно я забыть ее стараюсь...», последняя строфа которого является в таком виде:

¹ См., напр., такое определение (ИОРЯС, стр. 50), относящееся к песне «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой?» Даже из неполного текста, приведенного у Островского, видно, что в этой песне нет ни сильной страсти, ни жестокого страдания. От этой пьесы веет бодростью, и сам певец исполняет ее, чтобы показать свое «геройство». Кетати, старший, повидимому первоначальный текст этой песни дают «Новейшие русские песни», М. 1839, стр. 7, № 2.

Ах нет, никто души моей не знает
И чувств моих не сможет оценить.
Счастлив, кто все на свете забывает...
Я не могу ее забыть!

(«Подарок любителям пения. Собрание песен, романсов, арий, куплетов». М. 1876, стр. 323. В песенниках встречается с 1859 г.). Для выяснения песни Корпелова я, к сожалению, не нашел вполне удовлетворительных данных. Происхождение стиллов, произносимых Митею, мне представляется неразъясненным. Песня «Что на свете престоком, престокая любовь...», с которой Г. Т. Синюхаев отождествляет «декламацию» Мити, не идет к данному месту и по тексту, и по содержанию. В 4 вариантах ее, приведенных у Соболевского (т. III, №№ 384—387), и в других (напр., у Славянской, «Сборник песен...» М. 1896, стр. 122, № 27) говорится о страдании *покинутой девушки*, что не соответствует положению Мити.¹

Дальше, не выделяя романсов, я одновременно буду говорить о песнях народных и о песнях искусственных, в порядке изложения Г. Т. Синюхаева.

Песня Разлюляева «Ах, бей в доску, Поминай Москву! Москве хочется жениться — Коломну взять» и т. д. («Бедность не порок», д. I, явл. 9) в первой своей части (6 строк) — веселые плясовые стихи о свадьбе городов. Кохановская в «Русской Беседе» (1860, I, стр. 114)

¹ Текучие плясовые припевки, в роде «Как гусара не любить» («Бедность не порок», д. I, явл. 6 и 9) прежде не записывались, а теперь, кажется, забылись, да и носители их, мастера русской пляски, которые могли бы сказать о себе: «я больно плясать горазд», как говорит Разлюляев (д. I, явл. 9), теперь вывелись. Во времена Островского их было много, и это заметно отразилось в его комедиях. Напомню Васю в «Горячем сердце», песенника, музыканта и плясуна, сваху Красавину, которая заканчивает комедию «За чем пойдешь, то и найдешь» словами, обращенными к Бальзамину «Ну, давай плясать! Становись!» и сама «становится в позу». Даже старик Оброшенов собирается *плясать* на свадьбе дочери («Шутники», д. IV, явл. 8). Из друзей Островского, кажется, «горазд был плясать» и мог «плясать без усталости» А. А. Григорьев (см. В. Княжнин, А. А. Григорьев, стр. 7). — Данные у Островского слова — из песни «А мы жили на горе». См. «Полный песенник...» М. 1880, ч. II, стр. 105; «Новый песенник», изд. И. Д. Сытина, М. 1915, стр. 83.

передает предание, что московские ночные сторожа в старину цели во время своего бодрствования такие песни о городах. Куплеты о женитьбе городов во всяком случае старого происхождения. Мы их знаем уже у Кириши Данилова «Когда Москва женилась, Казань поняла, понизовные города в приданые взяла: Иркутска, Якутска, Енисейский городок, а и Новгород был тысяцкий...» и т. д. (изд. 1901 г., стр. 181). У Соболевского (VII, № 103) конец песни «Ты, лытайко, пролытаешься» подобного содержания:

Питер женится,
Москва замуж идет,
Ярославский городок
Во приданое берет.
Ярославль город хлопочет,
В поезде ехать не хочет... (Ковровск. у. Влад. губ.).

Обрывки от таких песен находим и у Шейна:

Ах, бей в доску,
Поминай Москву! («Великорусс», № 124).

Стала Москва жениться —
В кривых сапогах,
В полуженных скобах. (Там же, № 100).

Вторая часть — шуточные припевки о цене хлебных растений тоже изредка встречается в песенных сборниках. Так, у Добровольского:

Припапонивай, нябось,
Пы сями гривян авёс,
А грячиха на рублю (IV, стр. 497).

Песня Разлюляева «Ах, возжи во Калуге, хомут во Тарусе...» («Бедность не порок», д. II, явл. 5) — тоже плясовая припевка. Параллель к ней дает «Новейший российский избранный песенник», СПб. 1819 г. Здесь песня под № 111 («Новая козацкая песня») «Выйду за ворота, где дуга, болота» имеет следующий шуточный конец:

Возьму я гитарочку, стану я играть,
Еще припевати: на сивке на бурке,
А все в Петербурхе;
Сани во Рязани, хомут на базаре;
Маленька лошадушка и та на площадушке,
А возжи во Троице, дуга на Олонце;
Шелковая плетка и та на гвоздочке.

Песня старика «Как уж наши молодцы хоть голы да удалы» («Бедность не порок», д. II, явл. 6) есть в нескольких вариантах у Соболевского (VI, №№ 556), Якушкина — 559). Песня эта «фабричная». Мнение о медвежатниках, как ее носителях (стр. 19), не оправдывается ни текстом Островского, ни другими.

Песня Любима Торцова в самом конце той же пьесы «У нас дело-то сделано, по рукам у нас ударено, быть сговору-девишнику» — конец старинной свадебной песни:

Кони вы, мои кони,
Кони вороные,
Сослужите мне службу,
Сослужите мне верную,
Завтра поране привезите ко мне,
Завтра по утру примчите ко мне
Мою суженую, мою ряженую,
Ту ли душу красну девицу,
Анисью Панкратьевну.
Как у нас дело-то сделано...

(«Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник»... 1808, стр. 478, № 409; Песенник 1819 г. ч. I, стр. 20, № 31).

Песня Петра «Удалая голова, не ходи мимо сада» («Не так живи, как хочется», д. I, явл. 6) одна из самых распространенных: у Соболевского она приводится во многих вариантах (V, №№ 374—386; впрочем, некоторые из них пропускают самое начало песни, данное у Островского; есть она и в песеннике 1808 г. № 317, и у М. Смир-

дина (Песни для русского народа, СПб. 1859, № 384). Везде последовательно находим «Веселая голова». Герой Островского, применяя песню к своему настроению, поет «Удалая голова». Заметим, что перед песней он говорит «Что во мне удали, так на десять человек хватит!».

Песня хмельного Васи «Востоскуйся, ты, моя сударушка» (там же, д. I, явл. 9) буквально совпадает с текстом, напечатанным у Вильбоа, № 16. Есть она и у Якушкина, на стр. 553 («Растоскуйся, ты моя, ты моя сударушка»... «Москва. Зап. А. А. Григорьев»); также у Филиппова (№ 23), слышавшего эту песню тоже в *Москве*.

Песня Груши (там же, д. II, явл. 6) «Мне не дорог твой подарок», как отдельная песня, конечно, нигде не напечатана. Это подходящий к действию отрывок из известной песни «По улице мостовой». Печатные тексты ее известны с начала XIX в. (Песенник 1808 г., № 324; Прач, 1815 г., № 37; Соболевский, IV, № 740—741, из песенников 1810 г. и 1819 г.; М. Смирдин, № 325; Лопатин, Народный песенник, стр. 16 и др.).

Правда, что в данных источниках стихи 3-й и 4-й отличаются от текста, показанного Островским; обычно, как например, в песеннике 1808 г. читаем:

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Стану так дружка любить.

Нельзя думать однако, что Островский сам изменил ходячий текст. В 80-х годах прошлого века я постоянно слышал данные слова этой песни в том именно виде, в каком дает их Островский. Очевидно, у нас, в Покровском у. Владимирской губ., ходил тот же «извод» песни, который использован автором драмы «Не так живи, как хочется». Мнение, что «песня эта общеизвестна, благодаря повсеместному исполнению ее капеллой покойного Д. А. Славянского» (ИОРЯС, стр. 27) возбуждает возражения: 1) песня была популярна издавна; 2) капелла Славянского выступает позднее той эпохи, когда написана данная пьеса;

3) «Сборник песен, исполняемых в народных концертах Д. А. Агреева-Славянского», М. 1896, — данной песни не дает!

Песенка Полины «Матушка-голубушка, солнышко мое» («Доходное место», д. IV, явл. 1) определяется как «известный романс Гурилева», который «имеется в Песеннике 1865 г., стр. 92» (ИОРЯС, стр. 29). Даю точную справку.¹ Это стихотворение Ниркомского, напечатанное в «Библиотеке для Чтения», 1837 г. (т. XXIX, стр. 51).

Для выяснения принципиальной стороны дела укажу на подобное, совершенно недостаточное и неточное определение в конце статьи: «Бесприданница» (1879). В пьесе нет ни одной песни, если не считать модного романса Глинки: «Не искушай меня без нужды...», который, впрочем, был известен еще Пушкину, судя по его надписи на карикатурном автопортрете» (ИОРЯС, стр. 63). Элегия Боратынского «Разуверение», написанная и напечатанная в 1821 г., конечно, была известна Пушкину; вероятно, известна была ему и музыка к ней, написанная Глинкою в 1825 г., но во всяком случае Пушкин здесь лицо постороннее, а Глинка не главное. Мы знаем много стихотворений, положенных на музыку двумя, тремя композиторами и более, поэтому музыкой никак нельзя точно определить стихотворное произведение. Например, то же «Разуверение» Боратынского было положено на музыку еще и В. Голицыным в 1828 г.; эта музыка была весьма популярна в свое время.²

Может быть, были и другие переложения. Какой напев пошел в ход, получил общее или значительное распространение — это более или менее известно лишь специалистам по части русской музыки. В применении же к пьесам Островского, при неимении точных указаний автора, разъяснить кое-что могли бы лишь театральные предания, идущие от самого него, или по крайней мере от постановок его времени. Вообще, мы здесь обращаемся в области весьма темной, и должны избегать необоснованных, произвольных решений. Даже там, где мы с точно-

¹ На основании статьи А. С. Якуб, Современные народные песенники, ИОРЯС, 1914, кн. 1, стр. 71.

² См. Е. А. Боратынский. Полное собрание сочинений, изд. АН. т. I, стр. 229.

стью знаем только одно музыкальное переложение какого либо стихотворения, мы не можем без специальной проверки утверждать, что в обращении идет именно оно. Издавна, как показывают наши песенники, у нас был обычай петь новую песню «на голос» какойнибудь известной старой, подходящей по складу и содержанию. Певцы пьес Островского в большинстве случаев не учились специально музыке, и могли очень свободно пользоваться последним шаблонным приемом исполнения русской песни. Нам также кажется очень странным заявление Г. Т. Сiniusхаева относительно песни Бородинки «Вспомни, вспомни, моя любезная, нашу прежнюю любовь» («Не в свои сани не садись», д. II, явл. 4), о которой говорится «Положенная на музыку еще Варламовым, она и до сих пор остается популярным народным романсом» (ИОРЯС, стр. 13). Варламов дал переложения многих русских народных песен, но народ, конечно, остался со старыми, традиционными напевами; он не переучился петь по Варламову и мало имел способов и возможности к такой музыкальной реформе.

Фраза Вышневецкого «С милым рай и в шалаше» («Доходное место», д. I, явл. 8), действительно, обратившийся в пословицу стих из песни казанского поэта и ученого Н. М. Ибрагимова «Вечерком красна девица на прудок за стадом шла» (вольный перевод с польского),¹ в которой 2-й куплет такой:

Не ищи меня, богатый,
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!..

Песня эта впервые напечатана в издании «Труды Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете», 1815. Дошла до нашего времени. См. напр. «1000 песен. Полный русский песенник». М. 1902 (тип. Сытина), ч. III, стр. 101.

«Вот на пути село большое» («Праздничный сон — до обеда», д. II, явл. 1) не народная песня, как показано Г. Т. Сiniusхаевым (ИОРЯС,

¹ Оригинал, с музыкой Липинского, есть между прочим в Сборнике Вацлава, 1833, стр. 240, № 45: «Nad wodą, w wieczornej porze, za gaskami chodziła».

стр. 31 и 65). Это стихотворение, начало которого часто пропускается в пении:

Гремит звонок и тройка мчится,
За нею пыль взвилась столбом,
Вечерний свет по малу тмится,
Безмолвье мертвое кругом.
Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел.
Его забилось ретивое
И потихоньку он запел...

(По указанию А. С. Якуб, стр. 71, впервые напечатано в альманахе Г. Педанова «Незабудочка», 1853, стр. 11. В песенниках — с 1855 г. Есть у Смирдина, № 393. С началом «Вот на пути» в песенниках — с 1854 г.).

Детская песенка Юши «Соболий салоп атласный, воротник суконный красный» (там же, д. III, явл. 4) напечатана в Сборнике ОРЯС, т. LXX, стр. 64 (Мещовский у. Калужской губ., запись А. И. Косогорова).

Песня «Никак невозможно без печали жить» («Воспитанница», д. I, явл. 2) напечатана у Якушкина на стр. 604; у Вильбоа под № 81; у Соболевского, V, №№ 83—86.

Песня Неглигентова «Я пойду, пойду косить во зеленый луг» (д. II, явл. 4) оказывается совсем не народной. 2-я строфа ее и следующие это ясно показывают:

Не влюбляйся ты
Сердце бедное,
Разшибешься ты,
Горемычное,
Как коса моя
Об горелый пенъ (Смирдин, № 133).

По указанию Трубицына,¹ автор ее — Корсак, напечатана она в «Подснежнике» на 1829 г., стр. 186. Музыка Глинки под названием «Коса», 1854 г., относится к этой песне.

¹ Трубицын, «О народной поэзии...» СПб. 1912, стр. 474. Относительно музыки см. «Отчет Публичной Библиотеки» за 1867 г., стр. 51.

Песня Кудряша и Варвары («Гроза», д. III, сц. II, явл. 3) «За рекою за быстрою мой Ваня гуляет» — тоже напечатана у Якушкина (стр. 580), по записи Т. И. Филиппова, сделанной в *Москве*. Есть она и в сборнике Филиппова («Уж ты воля»), № 12. На стр. 33 последняя песня Кудряша и Варвары «Гуляй, млада, до поры, до утренней до зари» напрасно сравнивается с песней: «Гуляй, гуляй, голова» (Соболевский, VII, № 95). У Островского — отрывок из песни «Как у наших у ворот». Варианты ее известны во многих песенниках (Песенник 1808 г., № 61; Соболевский, II, более близкие №№ 517 (Москва, Якушкин) и 523; Смирдин, № 387; Варенцов, Сборник песен Самарского края, стр. 115; Лопатин, стр. 224). Вариант Островского не совпадает буквально ни с одним из нами указанных. В нем молодая женщина отпущенная гулять до *вечерней* зари, как бы по лукавому недоразумению, гуляет до *утренней*. В других вариантах, это место не развито, иногда как будто скомкано. Этот случай убеждает нас, что Островский ознакомился с русскими песнями от лиц, знавших их в первоходных вариантах.

О песне Мерзлякова «Среди долины ровныя» (там же, д. I, явл. 1) мы должны говорить лишь для возражения относительно прилагаемого к ней выражения «народный романс на слова А. Ф. Мерзлякова» (ИОРЯС, стр. 33). И здесь, и на стр. 46, где песня «Пела, пела пташечка» определяется, как «народный романс на текст Дельвига», изложение основано на каком-то недоразумении. Неужели современный Мерзлякову и Дельвигу русский неграмотный народ мог сочинять музыку на их стихотворения? Н. А. Полевой свидетельствует нам, что песни Мерзлякова очаровывали современников благодаря *мелодиям Кашина и голосу Сандуновой* (Очерки русской литературы, ч. I, стр. 436). Подобное было и с Пушкиным, Дельвигом,¹ Жуковским. Композиторы: Титов, Алябьев, Варламов, Гурилев и др. давали для их текстов красивую, легкую музыку и таким путем проводили литературные произведения

¹ Песня Дельвига «Пела, пела пташечка» известна с музыкой М. Л. Яковлева, А. Г. Рубинштейна и Литандера. Другие его пьесы тоже положены на музыку композиторами: Алябьевым, Глинкою, Даргомыжским, Дютшем, Рупини. См. примечания В. Майкова к стихотворениям Дельвига в его «Сочинениях» (изд. журн. «Север», 1893, стр. 112—117).

в широкие, частью и неграмотные, массы общества. Через провинциальные города, через барские усадьбы, через солдат, рабочих, торговцев искусственная художественная песня проникла и в деревню, но знакома далеко не всем и даже не многим. Посмотрите, *кто поет романсы* в пьесах Островского! Разве *простонародье*?

Комедия «Старый друг лучше новых двух» начинается романсом, который поет Оленька, сидя за шитьем:

«Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна,
И сижу обнакивленно
Близ камина, у огня».

Г. Т. Синюхаев поясняет, что это «народная переработка» романса из оперы «Пепелина», известного по песенникам 1831 г. и 1833 г., автором которого был Б. М. Федоров. Дальше приводятся соответствующие строки произведения Федорова, близкие по смыслу к песне Оленьки, но очень далекие по языку. Справка эта оказывается неудачной. В песеннике 1849 г. (ч. I, стр. 75, № 165) находится текст вполне поясняющий отрывок Островского. Это — ария из оперы «Сандриллиона»:

«Я скромна, уединенна,
Целой день сижу одна,
И сижу обыкновенно
Пред камином у огня;
Место это для девицы
Неприлично хоть ничуть,
Потому меня сестрицы
Замарашкой все зовут...»

Читающий данное продолжение этой грустной песенки видит, что Оленька рекомендует себя как угнетенную нуждой труженицу-замарашку, и тогда ее песня получит для него ясный смысл.

Стихи в пьесе «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (карт. II, явл. 5), декламируемые Балзаминовым 1) «Льются слезы, дух мается», и 2) «Злой пастух» мы знаем в песеннике 1808 г.

(Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник». . . СПб. 1808, №№ 236 и 207). Старший текст для первого дает «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. VI, стр. 30; для второго — Собрание Новикова, 1780, ч. IV, стр. 40, № 36 и «Весельчак на досуге», 1797, II, № 283. Песенник 1818 г. (ч. I, стр. 39) дает первую пьесу с теми именно словами, которые приводит Бальзаминов «Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежной».

Для песни Щербака «Я на камушке сижу» («Воевода», д. II, сц. II, явл. 10) следует указать не отдаленный вариант Соболевского, а весьма близкий Якушкина, стр. 704, и Филиппова, № 37.

Если искать источников для объяснения причитания Олёны («Воевода» д. III, явл. 3), уронившей в воду фату во время мытья, то необходимо обратить внимание на песню, напечатанную у Соболевского (IV, № 643):

Девка, стоя на плоту,
Мыла шелкову фату.
Мыла, мыла, колотила,
Фату в воду уронила. . .

Песня скomorоха «Напала пороша на талую землю, По той по пороше что семеро саней, По семеро в санях». . . («Тушино», сц. 4) сопоставляется с 6 вариантами из Соболевского и одним из Шейна. Все эти песни совсем другого содержания и сюда не идут. Песня Островского описывает разбойничий или военный выезд. Она может быть объяснена лишь песнями, напечатанными у Соболевского в т. VI под №№ 442—447 и в собрании П. В. Киреевского, в. VII, стр. 19—21.

Песня приказчика Гаврилы: «Ни папаша, ни мамаша дома нету никого» («Горячее сердце», д. I, явл. 1) известна нам в нескольких вариантах. Один из старых дает песенник 1799 г., стр. 165:

По улице мостовой,
По дорожке мостовой (так!)
Идет гвардии сержант,
Хорошо больно убран.

Он назад и наперёд
Озирается идёт.
Не дошедши он окошка,
Черну шляпу скидавал,
Честь лапушке отдавал:
Здравствуй, лапушка моя,
Дома ль матушка твоя?
— Ни матушки, ни батюшки,
Дома нету никого,
Полезай, сержант, в окно.
Сержант руки протянул,
Лакей плеткою стегнул:
Дурно, дурно, дворянин,
По ночам ходишь один.
Не дворянска, сударь, честь
В окошечко ночью лезть. . .

(Дворянин предлагает лакеям рубль, — они не берут, хотят вести его на съезжую).

Вариант песенника 1805 г. (Всеобщий новоизбранный песенник, М. 1805, ч. II, стр. 32, № 22) весьма близок к этому. Второй стих у него иной «По дорожке по большой». У Шейна два варианта этой песни («Русские народные песни», М. 1870, стр. 216, хороводные и игровые песни, стр. 164 — плясовые. Начало «Следы ль, мои следы»). У Соболевского их много (IV, № 410, из песенника 1791 г., № 411 (Волог. губ.), № 412 (Костромск. губ.), № 413 (Пермск. губ.), № 414 (Костромск. губ.), № 415 (Новгор. губ.), № 416 (Арх. губ.), № 417 (Олон. губ.) и др.). Действующее лицо: барин, молодчик, бурлак, казак, офицер, солдат. Приглашение лезть в окно и неудача при этом — во всех вариантах. Конец иногда шутливо-благополучный, как напр. в записи 1850 г., сделанной в с. Азрапине Лукояновского у. (Архив Гос. Географического Общества, Нижегород. губ., № 96).

По травоньке муравой,
По дорожке столбовой

Шел фицерик молодой...
 Полезай, фицер, в окно.
 Фицер руку протянул,
 Солдат плетью стегонул:
 «Не приходится фицеру
 Ко девчонке в окно лезть:
 Прикалиток на то есть».
 Прикалиточек новѳй,
 Сделал батюшка родной
 Со защелкой золотой,
 Со веревкой шелковой.

Песня характеризуется здесь как «самая любимая».

Трудно выяснить, какой вариант имел в виду Островский? Действующее лицо у него не названо; отрывок слишком короток. Вероятно, в его время в Москве ходил вариант более близкий к старым песенникам, чем другие, провинциальные.

Песня Параша «Ах, ты воля, моя воля, воля дорогая» («Горячее сердце», д. II, явл. 1) есть у Вильбоа, № 19; также у Якушкина, стр. 580 (вариант *московский*, записанный Т. И. Филипповым) и в сборнике Филиппова («Уж, ты воля»), № 12. Её же песня «Провожу-то ли я дружка далекохонько» («Горячее сердце», д. III, явл. 6) — тоже напечатана у Вильбоа, № 15 (начало «Не бешуйте-ка вы, ветры буйные»), у Якушкина, стр. 553 (*Москва*, запись А. А. Григорьева) и у Филиппова, № 22.

Стихи: «У ворот стоит домик крошечка» («Бешеные деньги», д. V, явл. 3) в таблице (ИОРЯС, стр. 65) отнесены к народным песням, но это произведение малоизвестного поэта С. М. Любецкого, положенное на музыку Гурилевым. См. отдельное издание романа Гурилева: «Одинок стоит домик крошечка», также и собрание его романсов, № 60. Островский несколько изменил текст романа: переделал первую строчку¹ и за ней дал одну из последующих, а не вторую. — Заявление, что автором анонимных писем в стихах, приведенных в этой комедии,

¹ Одинок нельзя было сказать о домике, находящемся в большом городе.

«является, конечно, сам Островский» (ИОРЯС, стр. 50) я считаю ни на чем не основанным и, во всяком случае, слишком категорическим.

III. Желая сократить настоящую статью, я прекращаю все замечания на дальнейшие пьесы Островского; но считаю необходимым сделать некоторые общие заключения.

Наши справки показывают, что песни в пьесах Островского самым прямым образом идут из кружка близких к писателю любителей и знатоков народного пения, среди которых ярко выделяются А. А. Григорьев, Вильбоа, Т. И. Филиппов, П. И. Якушкин, Г. Т. Синюхаев мало оценил этот важнейший для изучения песни у Островского источник. Труды названных лиц дают большую часть того, что, по выражению Г. Т. Синюхаева, он «не нашел ни в одном сборнике».

Этот московский кружок знатоков и любителей русской народной песни совершенно совпадает с известным литературным кружком: «молодая редакция Москвитянина», образовавшимся в самом начале 50-х годов.¹ Самостоятельное положение, которое занимал Островский в этом кружке, видно и по песням в его пьесах. Обилие известных ему текстов, превосходные их варианты, мастерской выбор материала, нужного для художественной живописи, отчетливое знание условий употребления русской песни — все показывает, что Островский знакомился с песнями не из вторых рук. Видно непосредственное изучение русской песни от лучших певцов из народа, деревенского и городского;² несомненно исключительное внимание, любовь нашего драматурга к песне и чуткость к ее смыслу и красоте. Явно обнаруживается и редкая памятьливость писателя,

¹ Вл. Княжнин, А. А. Григорьев. Материалы для биографии, изд. Пушкинского Дома, стр. 384, 388.

² В кружке молодых сотрудников «Москвитянина» любимым певцом был, например, Михаил Ефремыч Соболев, приказчик винного погребка, ярославец родом, «владевший, что называется, серебряным голосом: высоким, звучным и чистым тенором, ловко и умело приготовленным к заунывным деревенским песням». К нему сходились приятели из кружка, когда погребок закрывался для обыкновенной публики. Бывал там и Островский. Особенно мастерски Соболев пел «Размолочки», «Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь», «Не белы снеги». (В. Княжнин, А. А. Григорьев, стр. XVII—XVIII, 220). Две первые песни, бывшие также лучшими в исполнении Филиппова, вошли и в пьесы нашего драматурга.

сказавшаяся также и в постоянном употреблении множества живых народных пословиц и выражений.

Факты показывают также ясно, что местом наблюдения была Москва.¹ Во времена Островского песня держалась еще во всех московских сословиях, кроме знати. Купцы, мещане, ремесленники, рабочие (особенно занятые сидачим трудом: портные, портнихи, сапожники), прислуга — были большие любители и нередко знатоки и мастера пения народных песен. Песня слышалась и в мастерских, и в трактирах, особенно же на пирах, на загородных гуляньях. Вот описание народного праздника 1 мая 1842 г. в Сокольниках: «Иные услаждались полковою музыкою и хорами цыган, другие слушали песельников, в числе которых замечательны хор слепых: человек одиннадцать в форменных, темнозеленых скюртуках, приведенные вожатым на назначенное место, становились в кружок и очень приятно пели романсы и патриотические песни, аккомпанируя голосу музыкальными инструментами». Автор этого описания замечает, что прежние загородные гулянья отличались народными хороводами. Теперь же «заметно, что правильное или искусственное пение с каждым годом вытесняет хоры, образуемые природою. . . Еще в купеческом состоянии можно встретить весьма немногих, которые бы, семейно заседа за столом, обремененным разными припасами и ярко вычищенными самоварами, окружали себя разнообразными хорами песельников и доморощенных музыкантов и веселились в простоте души и сердца» («Москвитянин», 1842, ч. III, стр. 219).

Впрочем, и без постороннего свидетельства, из самих произведений Островского видно, что песня была для среды и общества его времени обиходным бытовым явлением. Привычное средство выражения мысли и настроения, обычное выражение общения в среде купеческой, чиновничьей и мещанской, песня стояла тогда почти на степени языка, заме-

¹ Любопытна чисто московская редакция подблюдной песни «Сидит воробей на Беле городе». . . («Бедность не порок», д. II, явл. 5). Песня эта встречается редко и обыкновенно в другой редакции (у Добровольского, напр.: «Сидит варабей на тынининке»; см. «Смоленск. этн. сб.», IV, ст. 70—73) или с искажениями: на *перегородке* (Сахаров), на *Лиле* городе (Шейн, «Русск. нар. песни», стр. 376). Текст, сходный с данным у Островского дает лишь «Новая серия» песен Киреевского, М. 1911, № 1081 (Рязк. у., запись 1838 г.).

няла разговоры и речи. Песней выражали интимные личные состояния и отношения: любовь, досаду, горе и радость. Посредством песен ухаживали и изъясняли нежные чувства. Песню пели там, где теперь иногда сказали бы речь.

Песня была также торжественным заявлением начавшейся свадьбы и частью еще сопровождала ее угасающую обрядность. Любим Торцов не просто веселит компанию, запевая «У нас дело-то сделано», — он спешит вырванное у брата слово утвердить силою обряда, начав настоящей девичник. По принятому издавна в свадебных делах обычаю, «когда уже совсем сговорятся, то девушки начинают петь песни к тому приличные» (Песенник 1799 г., стр. 358).

Песенные тексты в пьесах Островского показывают еще и на свободное обращение с ними его героев. Это и должно быть так, потому что они хозяева, а не приказчики песни. Только поющие крестьяне передают текст песен во всей доступной им полноте и точности. Действующие лица Островского более или менее интеллигентны; предание и обряд не имеют над ними неограниченной власти. Они поют о себе и близких и, применительно к обстоятельствам, слегка изменяют установленный вид песни. Это — свидетельство жизненности песни в той среде, из которой взяты герои Островского. Поэтому небольшие несогласия данных в пьесах Островского песен с теми или другими известными нам печатными их источниками не должны служить основанием для отыскивания таких вариантов, которые совпадали бы с Островским буква в букву. Незначительные разночтения в его текстах нельзя также определять как следствие художественной переработки нашим драматургом народных песен. Причина небольшого разногласия текстов — подвижный источник существования: живая, устная песня.

IV. Я должен еще упомянуть, что статья Г. Т. Слюхоева, не дает всего материала об отношении Островского к песне. Многие почему-то совсем не принято на учет в его статье. Первое произведение Островского «Семейная картина» (1847 г.) начинается песней-романсом, которую поет Марья Антоновна «Черный цвет, мрачный цвет, ты мне мил всегда» (помещена с именем Ломакина у Смирдина, № 203). О ней в статье Г. Т. Слюхоева нет никакого упоминания.

Никак не «образцы декламации» (стр. 33) то, что *поэт* (указание автора) Кулигин в «Грозе» (1860) «Ночною темнотою покрылись небеса» (д. V, явл. 1). — Это «русская песня», чрезвычайно замечательная по происхождению и судьбе. Вольный перевод из Анакреона, данный Ломоносовым как пример «басни» в его «Риторике» (1747 г.) сделался популярной песней. В народе известен в своеобразных, далеко ушедших от первоначального текста переделках. См. Терещенко, «Быт русского народа», СПб., 1848, ч. II, стр. 393; «Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Слова записал Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов». СПб., 1899, стр. 207, № 14. Давно входит в русские песенники (см. напр., Собрание Новикова, 1781, ч. VI, стр. 102, № 114; Песенник 1808 г., № 119, с отметкой: «любовная»; Песенник Вавилова, 1810, стр. 75, с указанием автора и заметкой «по приятности слов и голоса в употреблении»; Смирдин, № 196, и др.).

Нет указания, что в комедии «Бешеные деньги» (1870) (д. IV, явл. 10) Кучумов поет «Лобзай меня! Твои лобзанья...» (Пушкин, «Подражание»; есть на этот текст музыка Глинки и Даргомыжского).

Не показана песня «Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица», которую поет Агния в пьесе «Не все коту масленица» (1871) (сц. II, явл. 1). (Я встречал указания на романс, так начинающийся, с музыкой Варламова. Более точных показаний не имею.)

В комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872) не показана песенка Елеси «Танцуй, Матвей, не жалея лаптей» (д. III, явл. 3), которая живет еще в современных «частушках»:

Пляши, Матвей,

Не жалея лаптей.

Лапти новы, други дома,

Третьи дедушка плетет.

(Е. Н. Елеонская, «Сборник великорусских частушек», М. 1914, № 3638, Владим. губ.). Несколько иначе у Симакова, стр. 615, № 3132. Как плясовая припевка, в «Смоленском этнографическом сборнике» Добровольского (ч. IV, стр. 484):

Танцуй, Матвей,
Не жалея лаптей!
Батька будить,
Лапти купить...

Там же в лавке-притоне Епишкина собравшиеся воры поют не указанную Синюхаевым удалую разбойничью песню «Хороша наша деревня» (д. IV, явл. 5). Варианты ее у Собола. VI, №№ 449, 450, 453; VII, № 344 (Вильбоа).

В произведении «Поздняя любовь» (1874) (д. IV, явл. 4) не отмечено, что влюбленный Доримедонт по рассеянности написал в документе «Кольцо души-девицы я в море уронил» («Песня» В. А. Жуковского, 1816). В песенниках часто, с 1827 г. до 1913 г.

Пропущено, что в комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877 г.) (д. II, явл. 8) Грознов поет «Если-б завтра да ненастье, того-б рада я была...» (Смирдин, № 304; Лопатин, Народный песенник. М. 1897, стр. 87, где указано, что «сочинение этой песни преданием приписывается актрисе Е. С. Сандуновой» (1772—1832). Переделанное начало этой песни вставлено в народную плясовую песню; см. Собола, VII, № 93).

Необыкновенная любовь Островского к песне и важное значение, которое он ей придавал для характеристики лиц и положений, сказывается в нескольких случаях, где он просто показывал, что «поется песня», не называя, какая именно. Так, в комедии «Не в свои сани не садись» Арина Федотовна «поет с чувством романс», неизвестно какой (д. II, явл. 2). В комедии «Горячее сердце», д. III, явл. 10, при сцене отъезда Хлынова с компанией, в тексте показано «*Песня. Отъезжают*».

V. Укажу еще несколько выражений и фраз в пьесах Островского, связанных с песнями. В комедии «В чужом пиру похмелье» А. Т. Бруков употребляет выражение «Спирю плясать» (д. I, явл. 4). Речь идет о пляске под припевку «Спиря, Спиря, Спиридон...» (Я слышал эту песенку в детстве в г. Киржаче Владим. губ.). Ср. у Соболевского (IV, № 714) плясовую песню:

Спирька коломенский,
Зипунишка коротенький...

В пьесе «Шутники» Шилохвостов иронически говорит про Гольцова «Вина не пьет, с воды пьян живет». Это стих из старой народной песни о муже-водопьянице (Прач, 1896, № 10), или из песни: «Я вечер млада во пиру была» (Песенник 1799 г., стр. 295; Песенник 1808 г., стр. 110, № 90; Соболевский, III, №№ 399—403). В комедии «Лес» Петр Восьмибратов говорит: «А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку...» (д. II, явл. 1). Приведенные в авторских кавычках слова — ходячее выражение из песни Нелединского-Мелецкого «Выду-ль я на реченьку». В пьесе «Последняя жертва» (д. V, явл. 6), приводится припев к венгерскому танцу «Чибиряк, чибиряк, чибирашечки. С голубыми ты глазами, моя душечка». Это — стихи из «Цыганской венгерки» А. А. Григорьева (1856). (См. «Стихотворения А. Григорьева», М., 1916, стр. 187). В комедии «Таланты и поклонники» есть выражение «За Уралом за рекой» (д. II, явл. 1). Это — начало известной песни:

За Уралом за рекой
Казаки гуляют,
И стрелю каленой
За реку пускают

(Смирдин, № 132. В песенниках — с 1844 г.).

В речах свахи Красавиной повторяются причеты свадебных обрядов, повидимому, живших еще в Москве в начале XIX в., в годы ее молодости. О потчивании и сделанном пути она привыкла говорить словами дружек «Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором» («Праздничный сон — до обеда», карт. I, явл. 4). «Ехала селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся» («Зачем пойдешь...», карт. III, явл. 9). См. подобные приговоры в «Великоруссе» Шейна, стр. 489, 654 и др., особенно стр. 700, 704 и 728. См. также у Максимова «Дружка» (первоначально «Библиотека для Чтения»,

1855, т. 129, кн. II). Дружка так приглашает сваху-хозяйку начать угощение:

Ну-ко, свахонька-страпухонька!
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Язык с приговором,
Голова с поклоном...

(«Собр. соч. С. В. Максимова», т. XIV, СПб. 1909, стр. 83). Ср. «Великорусе», стр. 704 «Ехать нам горами, долами, крутыми берегами, темными лесами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами... (Макар. у. Нижегород. губ.). Такие же свадебные причеты дружек заметно отразились и в «Снегурочке», в кликах бирючей (д. II, явл. 3).

Я заканчиваю, далеко не исчерпав не только всех фактов и мыслей, связанных с русской песней у Островского, но и моих заметок и наблюдений по этому вопросу. Тут много мелочей; много и больших трудностей. Нужны, например, очень продолжительные упорные разыскания, чтобы разобрать причудливую, изящную, пеструю ткань «Снегурочки», выделить в ней заимствование, подражание и самостоятельное художественное творчество. Нужно также внимательно изучить все редакции пьес Островского, указать изменения, бывшие в отношении песен, и объяснить их причины. Все это, впрочем, очень трудно сделать без изучения бумаг Островского: его рукописей, переписки и всех документов, относящихся к его литературной деятельности. Несомненно, что он держал обильный запас песен в своей памяти, но есть основания ожидать и некоторых рукописных источников.

В. Чернышев.

Летописное сказание о мести Ольги древлянам.

(По поводу статьи проф. А. Брюкнера).

Вышедший 20 лет тому назад, в 1908 г., труд А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» остается до сих пор мало изученным критически. Необыкновенное знакомство автора с летописными текстами, детальный анализ их, ряд новых построений и гипотез захватывают читателя. Подвергнуть все это критическому разбору может только тот, кто владеет материалом так же, как и автор этого замечательного исследования, и пройдет вместе с ним весь путь его исследовательской работы. Не говорю уже о необыкновенной вдумчивости и интуитивности А. А. Шахматова, которые невольно подчиняют себе. Общую полную оценку исследования придется поэтому ждать еще долго. Скорее возможно появление разборов отдельных глав или частей труда А. А. Шахматова. В этом отношении имеем уже ценное начало в статье В. М. Истрина «Замечания о начале русского летописания» (ИОРЯС, 1921, 1922). Автор ее останавливается на двух вопросах: 1) о так называемом «древнейшем своде», восстанавливаемом А. А. Шахматовым и относимом к 1037—1039 гг., 2) на вопросе о редакциях «Повести временных лет». Замечания по поводу этих частей исследования выдвигали и другие очень важные вопросы: о методе исследования, о возникновении и характере первоначального летописания на Руси. Все замечания В. М. Истрина сделаны с полным признанием заслуг А. А. Шахматова; из этих заслуг отмечено, напр., изумительное знание летописного материала и необыкновенное умение владеть им. По признанию В. М. Истрина, «работы Шахматова произвели эпоху в истории древне-русского летописания» и «если многие мысли, высказанные исследователем, не будут приняты в науке целиком, то во вся-

ком случае дадут толчок к пересмотру того или иного вопроса, в результате чего могут явиться новые взгляды и положения. Все это особенно приложимо к такому исследователю, как А. А. Шахматов, который в разработке древне-русского летописания займет одно из крупнейших мест». И замечания В. М. Истрина, иногда совсем противоположные выводам А. А. Шахматова, сделаны объективно и спокойным тоном, полным научного достоинства и соответствующим серьезности темы.

Совсем другим характером, излишней самоуверенностью, бьющим в глаза сознанием собственного превосходства и фельетонною развязностью отличаются замечания польского ученого А. Брюкнера в статье «Rozdział z Nestora» («Глава из Нестора»), помещенной в юбилейном томе «Записок наукового товариства імени Шевченка», CXLI—CXLIІІ, выпущенном в 1925 г. в ознаменование пятидесятилетия существования этого научного общества. Статья А. Брюкнера касается свидетельств русской летописи о смерти Игоря и мести Ольги древлянам и оспаривает выводы А. А. Шахматова, сделанные им из анализа этих свидетельств.

Ознакомление с содержанием статьи А. Брюкнера и мои замечания на нее составляют содержание настоящей статьи. Главнейшие положения ее я излагаю близко придерживаясь текста автора, хотя и с сокращениями.

Лиц, знавших А. А. Шахматова и ценящих его труды, не могут огорчать фельетонного тона выпады А. Брюкнера; они являются характерными лишь для лица, позволившего себе так высказаться.

Перехожу к изложению труда А. Брюкнера. Польский ученый отмечает общую известность «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» и указывает, что доктор Евг. Перфецкий в сочинении «Русские летописные своды и их взаимоотношения» (Братислава, 1922) исходит из труда А. А. Шахматова, как основы, и строит на нем дальнейшие исследования русских летописных сводов XII в. и XIII в. По мнению А. Брюкнера, однако, исследование А. А. Шахматова, «за исключением многих удачных деталей, в целом совершенно неудачно». «Я доказываю это», продолжает он, «в другом месте, где выясню методическую ошибку, которая привела на неправильный путь необычайно поспешного

ученого, впрочем не только на этот раз. Тут я останавлиюсь на одном примере гиперкритики и разыгравшейся фантазии, в которой могли бы позавидовать Шахматову старый Дюма и более молодой Сенкевич. Дело касается эпизода смерти Игоря и убийства сына Свенельда, а вместе с тем известий о Руси, сообщаемых Длугошем. На эти известия кратко обратил внимание Цейссберг, более обстоятельно, но не исчерпывающе, Семкович и Бестужев-Рюмин. По мнению Семковича, Длугош пользовался летописью, которую Семкович называет Перемышльскою, Шахматов — Галицкою, а Линниченко — южнорусскою, более полною, нежели Ипатская. По Шахматову, Длугош черпал русские известия из свода 1423 г. и из Галицкой летописи. Во всяком случае имя «Мискина» (вместо «Мала» русских летописей) и завещание Святослава (детям — жить мирно) заставляют нас, по мнению Шахматова, принять, или что в числе источников Длугоша для древнейшего периода были источники, нам неизвестные, или что неизвестные нам летописи были в числе источников Галицкой летописи, использованной Длугошем. Шахматов признает вероятным, что эта летопись представляла компиляцию обоих сводов («Начального свода» и «Повести временных лет» Нестора); в состав компиляции входили заимствования и из других источников. . . . Быть может, имя «Мискина» и завещание Святослава восходят, думает Шахматов, к одному из таких источников, древнейшему летописному своду (Разыскания, стр. 352—353).

Приведа из труда А. А. Шахматова эту цитату об имени «Мискина», А. Брюкнер уверенно говорит: «Я докажу, что это (т. е. появление у Длугоша имени «Мискина») ошибка и фантазия Длугоша, — ничего больше».

Соображения его таковы. Все русские летописные известия и Длугош вслед за ними, одинаково описывают столкновение Игоря с древланями; они прибавляют, что древлане, решаясь на борьбу с Игорем, совещались с князем своим Малом, которого Длугош называет «Мискина» (или в некоторых рукописях «Нискина»). По поводу этого последнего имени А. Брюкнер говорит: «Так как весь рассказ Длугоша дословно взят с сокращениями из более обширного русского, то следует приписать простой случайности единственное отличие, касающееся имени». Это имя

взял Длугош, по мнению А. Брюкнера, из другого места летописи, где говорится, что при малолетнем Святославе были кормилец Асмуд и воевода Свенельд, «тоже отец Мистишин». Почему произошло тут у Длугоша недоразумение с именем древланского князя, и почему он взял имя «Мискина» из того места летописи, где совсем не говорится о походе Игоря, — на эти вопросы А. Брюкнер не дает ответа и не приводит никаких доказательств. Это, однако, не мешает ему заявить следующее: «Изменение имени (Мала на Мискина) не имеет никакого значения, а собственно на нем Шахматов построил целый роман, ибо привлек сюда текст Новгородской летописи, а остальное высосал из своего пальца, как мы сейчас увидим».

Вслед за А. А. Шахматовым, Брюкнер приводит затем рассказ об отношениях Игоря к Свенельду из 1 Новгородской летописи: «Игорь же съѣдше в Киевѣ княжа и воюя на Древлань и на Угличѣ. И бѣ у него воевода именемъ Свѣндельдъ и примучи Угличѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣндельду. И не вдастся единѣ градъ, именемъ Пересѣчень, и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдаше Уличѣ по Дибѣру внизъ и посемъ преидоша межѣ Богъ и Дибѣстръ, и сѣдоша тамо; и дасть же дань Деревьскую Свѣндельду, и имаша по чернѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: «се даль еси единому мужевѣ много». Текст этот, по мнению А. Брюкнера, удивительно спутанный: упоминание об угличах — очевидная интерполяция, не имеющая оснований. Все это утверждает А. Брюкнер непререкаемым тоном и без всяких доказательств.

А. Брюкнер продолжает: «Что же сделал Шахматов из этого текста (не обратив внимания на явную ошибку Длугоша) с Мискиной. Он ухватился за этот поздний Новгородский пересказ и утверждает: Игорь уступил угличскую и древланскую дань Свенельду; поэтому, если, пообуждаемый дружиной, которая чувствовала себя обиженной, требует для себя и своих от древлан «полюдье», то обижает этим не древлан (им было все равно, кому платить дань), но прежде всего Свенельда: князь отнимал то, что дал ему, на что тот рассчитывал, чем кормил и одевал своих слуг-рабов (?) (swoich sług niewolników). За обиду отца Свенельда вступился сын Мстиша, и он то и убил Игоря, хотя Длугош ясно

называет Мискиной князя древлянского, врага Игоря. А этот Мстиша и есть сам Лют, которого убил Олег, внук Игорев, когда Лют из Киева вступил в древлянские леса. Ибо «Лют» не имя, а эпическое прозвище; песнь-былина воспевала «лютого Мстислава», который по одному преданию убил Игоря, а в другом играл роль страдательную, и сам пал от руки Олеговой. Лютый Мстислав — это стереотипная личность былины; и сына Владимира называли так. Как? — спросит удивленный читатель — значит, Ольга должна была мстить не Малу, а Свенельду и Мстише? А между тем все летописи говорят о мести Малу, а Свенельда помещают всегда на стороне Ольги и Святослава. Это все равно ничего не значит, ибо (по Шахматову) рассказы о четырех местах Ольги древлянам — вставки. И он в самом деле доказывает, что это искусственные, поздние распространения первоначального текста».

С своей стороны, А. Брюкнер предлагает другое объяснение. «Нестор (Др. лет. 1039 г.) знал несколько рассказов о мести Ольги. Он должен был выбрать один рассказ и отбросить остальные; но ему жаль было пожертвовать каким-либо из этих анекдотов, и он поместил их все, и вся его заслуга заключается в том, что он установил хронологию их и из разных рассказов об одном факте создал четыре факта. Подобным образом и Длугош из разных версий о поимке Володаря сделал две поимки». Кроме последней аналогии, А. Брюкнер по обыкновению не приводит никаких доказательств в подтверждение своего домысла, что русский летописец слил в один рассказ разные версии известий о мести Ольги.

Наш критик продолжает: «Шахматов весьма обстоятельно указал все неточности, противоречия, натяжки в рассказе Нестора о мести Ольги, но разъяснил их весьма ошибочно, потому что это не позднейшие вставки, а первоначальные домыслы Нестора. Достаточно остановиться на одном, наиболее показательном: Ольга убила 5.000 перепившихся древлян, а потом вернулась в Киев, чтобы собрать новые войска на уничтожение остальных. Это выдумал Нестор, чтобы только вставить и фапацию с Коростенем, это международное *fabliau*». «Выдумка Шахматова, что Игоря убил Мстиша Свенельдич, это только преддверие к самому одинаково фантастическому дворцу. Нестор говорит, что мать

Владимира Малуша и ее брат Добрыня были детьми Малка из Любеча. Этого Добрыню, дядю Владимира, отождествляют с Добрыней Никитичем былин». Доказательств, по мнению А. Брюкнера, этого отождествления нет, кроме совпадения имен и личности Владимира. Однако, богатырь северного эпоса влетел в эпос южный — и конец. Шахматов говорит, что Добрыня Никитич — это Добрыня Мистишин, и что в былинной традиции «отчество» Мистишин или ему подобное заменено более понятным «Никитич». Еще в 1864 г. Прозоровский допускал, что Малко Любчанин, отец Малуши и Добрыни, одно лицо с Малом, князем древлянским, названное Любчанином потому, что Ольга заключила его или поселила в Любече. Этим воспользовался Шахматов и на этой выдумке построил другую: так как мы из Длугоша знаем, что Мал Древлянский есть Мстиша, значит тот Малко есть Мстиша Свенельдович, и таким чудом Малко - Мстиша, убийца Игоря, стал дедом Владимира, внука Игоря. Однако, в Шахматове заговорило филологическое чувство: Малко Любчанин, отец Малуши и Добрыни, это только поправка первоначального Мал Кольчанин, потому что в поздних переделках летописей читается, что Ольга, опустошая древлянскую землю, подступила и под город Колец и приказала уничтожить этот город и убить князя Мала». «Об этом городе Колец — говорит А. Брюкнер — никто нигде не слышал. Шахматов отождествляет его с Клецком (будто бы из Колчск); но Клецк лежит в земле дреговичской, а не древлянской. Так погрязает он из фантазии в фантазию все далее скользящими шагами».

«Вопреки этим фантазиям» продолжает А. Брюкнер, останемся при Несторе. Малко из Любеча, Северянин, отец Малуши (имя дочери переделано из отцовского согласно (?) обычаю) и Добрыни, бывших на службе у Ольги, не имеет ничего общего с каким-то древлянским Малом, убийцей ее мужа, которого эта дикая норманка растерзала бы вместе с детьми, если бы только он существовал и попал в ее ручки. Увы, однако! для всяких фантазий — Прозоровского и Шахматова — не было никакого Мала, князя древлянского; его создала ошибка Нестора. Повторю тут известные вещи, о которых говорит Корф в статье в Журнале Мин. Нар. Просв., 1912 г. Традиция утверждала, что древляне, убивши мужа Ольги Игоря, сватали ее за своего собственного князя:

«поимем жену его Ольгу за князь свой Малъ», «пойде за князь за Малъ, бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску». Что случилось с этим князем Малом, Нестор молчит. И понятно: предание совсем не знало имени князя древлянского, потому что оно ему совсем ненужно было (?); первоначальное предание утверждало, что древляне делали предложение Ольге, чтобы ее легче уговорить: выйди ты за нашего князя за мал, т. е. не как наложница, а как венчанная (ślubna) жена, если употребить христианский термин. Известно, что это «мал» северного происхождения: по Västgotalag («Вестготская правда») супружество имело юридическую силу только тогда, если было заключено: meth mund ok meth maeli, т. е. с веном и с публичным торжественным сговором. От этого германского mal первая часть сложного слова в славянском małzena, т. е. невеста (жена), взятая за mal, торжественно повенчанная (poślubiona) перед целым родом (коленом, szecerem) за вено, не невольница или умычка, не наложница; она первенствует в доме, ее дети являются наследниками преимущественно перед другими. Слово małzena существует теперь только на западе — у поляков małżonek и т. д., и у чехов manžel и т. д.; но его одинаково знает и церковнославянский, и даже в таком прарусском (?) памятнике, как Вопросы Кирика. Однако такого употребления «мал» мы имеем только единственный наш пример, другого подобного старые тексты не знают. Это только вновь доказывает, как русская традиция верно сохранила слово, хотя его уже не понимала; однако, в силу этого непонимания Нестор заменил название брачного контракта именем князя, первоначально совсем неизвестного. Если бы, впрочем, кто-либо настаивал на том, что происхождение «мала» от mal — žona неверно, то и в таком случае гипотеза Прозоровского-Шахматова, что Мал и Малко одно лицо, останется произвольным вымыслом; как древлянин, даже сам князь, мог называться Мал, так и северянин мог называться Малко, а дочь — по отцу (?) Малуша».

«А что сказать об этом городе Колец, неизвестном в других текстах? Установлено, что с веками приобретаются новые названия и детали. Достаточно сравнить позднейшие тексты русских летописей XVI в. и XVII в. с текстами XIV в. и XV в., чтобы убедиться в этом. Итак,

Никоновская летопись гласит: «Малка же бѣ сестра Добрынь, и бѣ Добрыня дядя Володимиру, и бѣ рождение Володимиру в Будутине веси; тамо бо во гнѣвѣ отослала ее Олга, село бо бѣше ея тамо, и умираючи даде святей Богородици». Другой текст говорит ясно, что Ольга отдала село той церкви, которую построил ее внук. Шахматов игнорирует это, и по его словам, Малка-Малфредь погребена в церкви Десятинной Богородицы, и село Будутино Ольга подарила церкви. Село это неизвестно; указывают его в деревне Будник близ Пскова, где Владимир должен был родиться. Но скорее на Будник перенесено известие о Будутине. Будутин — имя старое, Будник — новое. Итак, Малка была христианка (однако, ее брат Добрыня ставил Перуна в Новгороде)».

Этим заканчиваются соображения А. Брюкнера по поводу исследования А. А. Шахматова об интересующем нас летописном сказании.

Перехожу к замечаниям по поводу статьи польского ученого. А. Брюкнер утверждает, что Длугош внес в свою хронику имя Niszkiņa вместо Мала по недоразумению, и что в русских летописях нет этого имени. Он ошибается. Имя Нискина упоминается в Густынской летописи под 945 г., в повествовании о мести Ольги. Оно известно в позднейших компиляциях. Так, в «Ядре российской истории» стоит здесь Нискина. Любопытны и домыслы русского книжника XVII в. (сохранившиеся в одной из рукописей Гос. Публ. Библ.): от Дыра — дыряне или древляне, от Синева — синевляне, от Трувора — трувляне или тморкане, от Олеха — олехняне, от Мыскина — мыскиняне. Все это указано А. А. Шахматовым (стр. 364). Итак, Длугош здесь не фантазировал, а следовал своим русским источникам.

Другой вопрос — о соотношении имени Мал и Мискина или Нишкина. Я не решаюсь с полной уверенностью ответить на этот вопрос, но приведу некоторые соображения. Текст Густынской летописи любопытен тем, что в нем Нискина — имя претендента на руку Ольги.

И у Длугоша Nyszkiņa является князем, который, по мнению древлян, мог примирить племена полян и древлян браком на Ольге. Как-то странно было бы, вообще, свататься к вдове убитого князя инициатору его убийства. Напомним три (а не два, как указывал А. Брюкнер) места у Длугоша, с упоминанием имени князя древлянского.

1) Dum enim populos, qui Drewlyanye vocabantur, Ruthenici generis, ducem proprium Niszkinam habentes, ad tributum fretus potentia cogeret. (Ибо когда он (Игорь) принуждал платить себе дань народы русского племени, которые назывались Древлане и имели собственного князя Нискину).

2) Qui missis ad suam relictam Olham nuntiis, quatenus ducem eorum Nyszkinam virum acciperet et principatus uniret summopere suadebant (Они, послав к оставшейся его супруге Ольге послов, настойчиво советовали ей выйти замуж за их князя Нискину и соединить оба государства).

3) Illa, muliebri dolo usa, primis et alteris Drewlyanorum nuntiis benigne appellatis et apud se retentis, Drewlyanos cum duce eorum Nyszkinam ad se venire, quasi conjugium sociatura et principatus unitura jubet. (Она, воспользовавшись женскою хитростью, после того, как благосклонно приняла первых и вторых послов древлан и удержала их у себя, приказывает древланам прийти к ней с своим князем Нискиной, как бы намереваясь согласиться на супружество и на соединение государств).

Это имя, судя по словарям древних славянских и русских имен М. Морошкина и Н. М. Тупикова, является в письменных памятниках уником. А. А. Шахматов указал на близкое по звукам имя в славянском переводе «Сказания об убиении св. Вячеслава, князя чешского»: «Убиша же в томъ градѣ с нимъ (Вячеславом) Мьстину единого».

Ничего нет удивительного в упоминании русскими летописями двух князей у древлан: Мала и Нискина. По летописи сами древлане указывали на своих князей, которые «распаши суть Деревьску землю». Существование туземных князей, рядом с князьями из династии Рюрика засвидетельствовано и договорами с греками: 1) в договоре Игоря 945 г. читаем: «Мы от рода Рускаго съли и госте . . . посланни от Игоря, великаго князя Рускаго и от всякаго княжя», 2) в договоре Олега: «Мы от рода Рускаго . . . иже посланы от Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ».

Густынская летопись сообщает одну любопытную деталь: «посла еще к древланамъ, да приготують меды и прочая, яже на браки, да

тамо пришедши плачуся прежде мужа своего, таже сотворихомъ бракъ со княземъ вашимъ. Извезоша медовъ много и прочая приговориша, яже на браки».

Мнение А. А. Шахматова («Разыскания», § 72, стр. 108 сл.), что рассказы о мести Ольги являются вставленными позднейшими сведочниками — подкреплено очень солидными доказательствами. Можно прибавить, что сведчик, внося эти рассказы в свой труд, снабдил некоторые детали рассказов своими замечаниями. Так, в Лаврентьевской летописи читаем: 1) «И погребень бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне». 2) «И послаша Древлане лучшии мужи, числомъ 20, в лоды к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лоды. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевскыя, и на Подольи не сѣдаху людье, но на Горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжъ быше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другой, идеже есть дворъ Демьстиковъ за святою Богородицею; надъ Горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень». Любопытно отметить, что это пояснение находится в Новгородской летописи, куда и вошло, конечно, из Киевской.

Обратимся к городу «Колец», который, по уверению А. Брюкнера, неизвестен на Руси. В поздних летописных компиляциях (рук. Синод. Библ. № 964, Гос. Публ. Библ. А. б. О. XVII, 72) сообщается: «А сама княгиня Ольга нача пленити Древланскую землю и попленивъ и прииде подъ градъ ихъ Колецъ и ста около его . . . и повелѣ княгиня Олга Колецъ градъ разорити и князя ихъ Мала повелѣ убити» (А. А. Шахматов, «Разыскания», стр. 375). Место это было известно еще Ф. А. Гилярову. Оно встречается и в Синописе по рукописи Ундольского: «и повелѣ княгиня Олга градъ Колецъ разорити, а князя Мала повелѣ убити». А. А. Шахматов отождествил Колец с Ключеском (Ключком) в Слуцком у. (Минской губ., т. е. в земле дреговичей). Думаю, что он ошибался. Колец можно найти именно в земле древлан, в б. Овручском у. Волынской губ. На большой отдельной карте Волынской губ. А. А. Ильина и на «Археологической карте Волынской губ.» В. Б. Антоновича обозначено Колоцко (т. е. село Колоцко), имевшее в начале XX в.

свыше 1.000 человек населения («Список населенных местностей Волынской губ. Житомир, 1906, стр. 166»). В «Списке населенных местностей Волынской губ.» оно называется «Колцкие». Недалеко от него «Колцкой Кривотин». По документам начала XVIII в. оно известно под именем Колцки или Колоцко. В «Историко-статистическом описании церквей и приходов Волынской епархии» Н. И. Теодоровича (Почаев, 1888, т. I, стр. 376) село это названо «Кольские». Село Колоцко находится на р. Кремне, впадающей в Жерев, приток Уши, текущей в Припять; расположено оно в 40 км на северозапад от Искорости (теперь Коростеня) и в 18 км на югозапад от Лугин. Основываясь на приведенном выше позднем летописном свидетельстве, можно предположить, что после сожжения Искоростеня Ольга могла двинуться на запад, чтобы уничтожить еще один оплот древлян, где находился князь Мал. Указания на движение Ольги вглубь Древланской земли находим и в первоначальной летописи: 1) «Ольга... послала ко граду (Искоростеню), глаголющи: «что хочете досѣдѣти, а вси гради предашася мнѣ и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя», 2) «И иде Вольга по Дервьѣстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставяющи уставы и уроки, и суть становища еѣ и ловища». Местоположение Колоцка позволяло снарядить посольство в Киев по речному пути, по рекам: Кремна, Жеров, Уш, Припять и Днепр.

Где было село Будутин (или Будотин), в которое была отослана Ольгой Малуша (Малка), сказать трудно. А. Брюкнер прав, считая имя этого села более древним, чем Будник около Пскова, а самое село рекомендуя искать не в Псковской земле. Что Будутин был в Киевской земле, ясно из того, что доходы с него были записаны церкви богородицы в Киеве. Быть может, это нынешнее село Водотый (или Водотин) на правом притоке Тетерева, Здвиже, выше Брусялова. Это большое село, центр волости, с населением около 2.000 жителей (в конце XIX в.). В 1415 г. Водотый принадлежал киевской митрополичьей кафедре.¹ (Л. Похилевич, Уезды Киевский и Радомысльский, Киев, 1887, стр. 191). В статье О. Андрияшева «Нарис історії колонізації

¹ Десятинная церковь, как известно, восстановлена была лишь в 1635 г.

Київської землі» (в сборнике «Київ та його околиця», 1926, стр. 75) село это названо «Водотин».¹

Перейдем к имени Малфреды. Ее смерть отнесена в летописи к 6508 г. или 1000 г., т. е. спустя 12 лет после крещения Руси. Малфредь принадлежала, по всей вероятности, к княжеской семье, которая, подчиняясь примеру Владимира, вся, без сомнения, приняла новую веру. Некоторые исследователи полагали, что под Малфредью следует разуметь одну из жен Владимира. А. А. Шахматов думает, что Малфредь была матерью Владимира, которая названа в летописи Малушей. Предположение вполне вероятное. Что касается села Будутина, то летописец знал о его принадлежности церкви богородицы. Повидимому, передача села Будутина в пользу этой церкви произошла уже после смерти Малуши-Малфреды. Приведенный выше летописный текст можно понять так, что село Будутин принадлежало Малуше («И бѣ роженіе Володимиру въ Будутинѣ веси, тамо бо во гнѣвѣ отослала ее Ольга, село бо бѣше ея (Малуши?) тамо, и умираючи даде (Малуша?) святѣй богородици»). Ольга, несомненно, была старше Малуши возрастом и умерла она раньше последней. Неясной являлась бы судьба Малуши в случае отнятия села у Малуши и передачи его церкви, если бы это осуществилось сейчас после смерти Ольги, да это и невозможно, так как церковь еще не существовала. Правда, текст позднего Архангелогородского летописца препятствует такому пониманию; в нем читаем: «и роженіе бысть Владимиру въ Будотинѣ селѣ, ту (бо) бѣ посла Ольга Малку во гнѣвѣ; село бо бѣ ея ту. Бѣ бо умирая Ольга отдать село то пресвятѣй богородици». Летописец знал о принадлежности села церкви и мог приписать эту передачу его самой Ольге. Во всяком случае, А. А. Шахматов, отождествляя Малушу с Малфредью, умершей в 1000 г., мог с полным основанием считать ее христианкой. Имя Малфредь встречалось не раз в княжеских русских семьях. Помимо указаний А. А. Шахматова встречаем, напр., Малфредь Юрьевну (Ипат. летоп., под 1168 г.). Оспаривая гипотезу А. А. Шахматова о Малфреды-Малуше, А. Брюкнер выдвигает вместо нее свою. Для обоснования ее он ссылается на

¹ Отметим реку Будычину, левый приток Тетерева в верхнем его течении

статью С. А. Корфа «Древлянский князь Мала» (ЖМНП, 1912, № 2), в которой сделана попытка объяснить имя древлянского князя Мала из вестготской формулы брака. Но он не нашел нужным указать на помещенную в том же журнале статью С. Н. Сыромятникова «Древлянский князь и варяжский вопрос», в которой соображения Корфа подвергнуты основательной критике. С. Н. Сыромятников приводит, между прочим, следующие соображения: 1) приняв мнение С. А. Корфа, придется допустить, что послы древлян говорили с Ольгой на древнесеверном языке и знали древнешведскую формулу брака; 2) придется допустить, что летописец, записывая чей-то рассказ о сватовстве древлян, не понял древнесеверного языка и древнешведское *maeli* — «сговор» принял за собственное имя древлянского князя; 3) у древлян формы брака с уплатой вена не было; 4) необходимо тогда предположить влияние скандинавского брака на брачный обряд полян, хотя скандинавских женщин в Киеве и в других русских городах почти не было, и скандинавам, жившим в Киеве и Новгороде, приходилось жениться на славянах, соблюдая их форму брака; 5) древляне, как славяне, не могли считать скандинавскую форму брака лучше и крепче своей; 6) выражение *maeli* летописец не мог передать словами «за Мала», и должен был передать словами «за Мъла», ибо древнешведское *ae* было долгим *e* и соответствовало славянскому долготному звуку *e* или *ъ*; 7) проф. Пинпинга, мнение которого о Мале повторил С. А. Корф, удивило повторение предлога «за князя, за Мала», но и теперь это повторение постоянно встречается в народном языке.

К этим соображениям С. Н. Сыромятникова можно прибавить немного. Повторение предлога является обычным в первоначальной русской летописи и в других памятниках. Напр.: «Рюрик же пожалова на Володимирича на Мьстислава» (Ипат. лето.); «На рѣць на Каялъ тьма свѣтъ покрыла» (Слово о полку Игореве).

Самое имя Мал известно не только у русских, но и у чехов (М. Морозкин, Славянский именослов, СПб., 1867, стр. 118). В «Словаре древнерусских личных имен» (стр. 241—243) Н. М. Тушикова мы встречаем имена: Маленькой, Малец, Малко, Малой, Мал, Малыш и др. Следовательно, личное имя Мал не стоит одиноко, но имеет ряд параллелей.

Этимология слова *małżena* является неясной, хотя А. Брюкнер опирается на нее, как на бесспорную. По поводу этого слова могу сказать следующее: 1) слова «мальжень», «мальженство» являются общеславянскими; они известны не только в языках западной славянской ветви: польском, чешском, сербо-лужицких, но и в церковнославянском, русском, хорватском; 2) следовательно, если согласиться с этимологией А. Брюкнера, то необходимо допустить влияние древневерхнемецкого языка на славянский в праславянскую эпоху; 3) самое влияние сказывается в странной форме: оно отражается только на первой части слова, вторая же остается чисто-славянской; 4) А. Брюкнер совершенно упускает из виду, что в слове *mael* конечное *l* — мягкое, тогда как в славянских языках, в том числе польском, оно твердое; 5) в старых церковнославянских (болгарских) текстах слово «мальжена» является переводом греческого *ἀνδρογύνα, συζυγία* = супружество = *vir et uxor*, 6) в этих же текстах, а также в древних русских «мальжена» — двойственное число. См. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «между малженома» *ἀναμέτος ἀνδρός και γυναιχός αὐτοῦ* (книга Числ, по списку XIV в., гл. XXX, 17), «добро есть тако и малженома» («Вопросы Кирика» XIII в.); в «Словаре» А. Х. Востокова: «мальженомъ котера» *ἡ τῶν ἀνδρογύνων μάχη*.

То же двойственное число чувствуется в глаголической рукописи XV в. (1488 г.): «*Razlučaje malžena z detmi*». Между тем, Гебауер, автор «*Slovníka staročeského*», полагает, что в чешском здесь единств. число женского рода, и понимает «мальжена» как *Ehefrau*, откуда впоследствии образовалось слово мужского рода «мальжен» (по аналогии: «вдовъ» из «вдова»).

Миклошич первый указал на происхождение этого слова от др.-в.-немецкого *mahal* (*mal*) = свадебный сговор; ему последовали Семкович, Анпель, А. Брюкнер.

Составители большого «Словаря польского языка» (*Słownik języka polskiego, uložony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedzwieckiego, Warszawa, 1902, Zeszyt 12, str. 867*) указывают такие гипотетические (первоначальные) формы этого слова: *mańżeństwo, małżeństwo*.

Статья А. Брюкнера полна отступлений, в которых автор делает докторальным тоном мимолетные замечания, большей частью мало основательные. Так, он утверждает (на стр. 4), что возникновение Киева следует относить не ранее как к VIII в. (вопреки археологическим находкам, о которых не упоминает), что Малуша получила имя от имени отца Малка «согласно обычаю» (какому?), упрекает чешского хрониста Козьму Пражского, что будто он мужское имя Любуши сделал женским. Доказательства в последнем случае такие: «всегда подобные существительные были мужского рода; ср. святоша на Руси, наноша, юноша и т. д. у чехов и поляков». А как же несомненно женские имена Малуша, Мякуша (см. у Н. М. Тупикова), или Груша, Даша и многие другие?

Недостаточно справедливо отнесся он и к русской летописи, к так называемому им «Нестору». То, что мы считаем очень ценным в летописи — приведение записей, иногда противоречивых, без всяких поправок, — кажется ему недостатком и даже ложью. Так, перебегая по обыкновению с одного предмета на другой, А. Брюкнер заговорил о свидетельствах русской летописи о Переяславле. «Нестор» записал известие о поединке русского богатыря с печенежским под 993 г. Наш строгий критик заявляет по этому поводу: «он мог это записать с таким же основанием под любым годом и приурочить к любому городу; но *«mendacem oportet esse memorem»*: забыл ведь Нестор, что Переяславль существовал еще тогда, когда печенегов совсем еще не было у Днепра, потому что этот город известен в истории еще при Олеге».

Тем не менее и сам А. Брюкнер должен был признать преимущества русских летописей перед другими славянскими. Несмотря на то, что русский летописец неосновательно, по мнению А. Брюкнера, устанавливал хронологию, вносил в летопись свои домыслы, тем не менее «вырастает, если это возможно, в наших глазах значение печерского монаха, патриота-аскета, и мы жалеем, что подобного писателя не выдвинули славяне Балканского полуострова, не имеющие ни одной собственной летописи, ни Польша, которая удовлетворялась поспешной венгерской работкой. Достойный памяти труд Длугоша явился слишком поздно, когда всякое предание перестало существовать, ибо так назы-

ваемая хроника Галла и Винкентия (первые три ее книги) — труды исключительно литературные, а не исторические. Длугоша отчасти (кроме чужих источников) спасали анналы, годовые записки, какие на Руси, кроме архиепископского Новгородского двора, быть может, совсем не велись». Опять встречаем заявление несправедливое, объясняемое неосведомленностью автора.

Далее А. Брюкнер продолжает: «Труды «Нестора» и «Галла» явились почти одновременно; но судьба их была неодинакова: «Галла» отодвинул совсем в тень мало достоверный, как исторический источник, Винкентий; «Нестор» же стал краеугольным камнем целого, широко развившегося русского летописания, хотя вследствие погрома южной Руси мы имеем только поздние его северные списки». Заканчивается статья словами: «даже на поле неправильных этимологий «Нестор» умеет выйти с честью, и следует жалеть другим славянам, особенно Балканским и полякам, что у них не было своего «Нестора». Пусть эта статья будет землякам Нестора в юбилейный год их работы приветом со стороны поляков».

Указав на ряд ошибок в объяснениях А. Брюкнера, я считаю необходимым отметить, что, не соглашаясь с его резкими и несправедливыми большей частью нападками на А. А. Шахматова, я не могу однако признать убедительными и выводы последнего о тождестве Мискины-Мьстиши-Малки. Имя Мьстиша только в первой своей, корневой, части совпадает с именем древлянского князя Мискины; но суффиксы в этих именах разные.

Это сопоставление, вообще, дает мало для понимания летописных текстов и сводов. Здесь А. А. Шахматов как бы отступил от принятого им пути критика текста, перейдя на другое поприще — критика-историка. Но, привлекая свидетельства Длугоша, он исходил из сравнения их с русскими летописными записями, т. е. шел правильным путем, а не подчинялся фантазиям Длугоша, в чем несправедливо упрекает его А. Брюкнер.

Не соглашаясь с некоторыми из выводов А. А. Шахматова, я все-таки должен не в первый раз повторить, что он был не только великий ученый, но и замечательный человек, общение с которым доставляло каждому много радостей. Он не останавливался на достигнутых однажды

результатах научной мысли, но шел всегда дальше, подвергая сам проверке раз высказанные положения и внимательно прислушиваясь к возражениям других. Слышались даже упреки, что он часто изменял свои мысли, делал новые выводы, противоречившие прежним. В этом, однако, одно из достоинств его замечательных изысканий.

А. Лященко.

К библиографии печатных трудов В. И. Григоровича.

В томе XIX, кн. 3 ИОРЯС Н. М. Петровский напечатал «Библиографический список печатных трудов Виктора Ивановича Григоровича» (был и отдельный оттиск, Петроград, 1915). Публикация эта, связанная по времени с датой столетия со дня рождения В. И. Григоровича, не рассматривалась автором, как исчерпывающая по своим данным (см. предисловие). Некоторые пропуски в «Списке» отмечены уже самим Н. М. Петровским в статье «Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям» (ЖМНП, 1915, № 10—12); для одесского периода жизни и деятельности Григоровича ряд добавлений и исправлений дан в «Собрании сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876)», вышедшем в 1916 г. под редакцией М. Г. Попруженко. Пользуемся теперь 50-летней годовщиной со дня смерти В. И. Григоровича (ум. 19 декабря 1876 г. ст. ст.) для того, чтобы отметить в печати замеченные нами пропуски и неясности в библиографических сводках Н. М. Петровского и М. Г. Попруженко. Замечания приводятся в порядке записей «Списка» Н. М. Петровского.

К № 2. Значительная по объему выдержка из «Программы преподавания теории словенских языков и литературы словен в ее главнейших эпохах, составленной магистром Казанского университета В. И. Григоровичем и утвержденной попечителем Округа», относящейся к 1842 г., приведена в статье И. И. Срезневского «Публичные чтения о славянах» (Денница, 1843, ч. 2, отд. 3, стр. 136—137).

К № 4. Принадлежность заметки об этимологии слова Hansa В. И. Григоровичу в «Деннице», ч. 3, год II, стр. 84, доказывается наличием в «Опыте изложения литературы словен в ее главнейших эпо-

хах», Казань, 1843, ч. I, стр. 41, — утверждения, «что у Лютиков первых, кажется, возникла мысль союза городов (Hansa юзь, узь)».

К № 6. Немецкий перевод «Изысканий о славянских апостолах» напечатан в т. 6 известного издания А. Егманна «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», Berlin, 1847, s. 352—368, под названием: «Aufschlüsse über die Apostel der Slaven; (sic) in der Europäischen Türkei gesammelt von Grigorowitsch».

К № 18. «Письма Стефана воеводы молдовахийского и Дорофея, архиепископа первой Иустинианы» еще при жизни В. И. Григоровича трижды были перепечатаны:

1) в издании «Български Книжици», 1858, № 9, IV: Документы за Българск-тж прьковнж историж, стр. 26—27; при заметке на стр. 28 инициалы А. П. З.; ссылки на публикацию В. И. Григоровича нет;

2) в издании «Гласник друштва србске словесности», 1855, свезка VII, 5: Прилози к историји србске и бугарске ерархије (Грађа за србску историју); дано «превод србски» на стр. 177—179;

3) привел текст этих писем и арх. Леонид в статье своей — «Архиепископия первой Юстинианы Охридская», см. Чтения в [И.] Общ. Ист. и Др. Росс. при М. У., 1866, кн. IV, отд. III, стр. 56—57, где указана и публикация, из которой заимствованы тексты. Н. М. Петровский обращает внимание читателей статьи «Путешествие В. И. Григоровича...» на то, что в тексте «Донесений» была опущенная при печатании «Очерка» фраза: «При этой рукописи была копия с писем воеводы молдавского Стефана и архиепископа первой Иустинианы» (ЖМНП, 1915, ноябрь, стр. 84). Копия эта присоединена Григоровичем к отрывку из сербского законника из Охриды (см. Виктор, № 27, л. 9—10; ср. еще мою публикацию «Рукописна збирка В. И. Григоровича», Праці Одеської Центральної Наукової Бібліотеки, Одесса, 1927, т. I, стр. 150).

К № 38. «Слово еже сказаха ѿ роуменга лѣта 607ъ» перепечатано в «Известиях Одесского Библиографического Общества», т. IV, стр. 246—247; был и отдельный оттиск, Одесса, 1915, под названием: «Речь проф. В. И. Григоровича на праздновании тысячелетия Руси

с примечаниями проф. Б. М. Лапунова и предисловием проф. И. А. Линиченка» (Слово, стр. 7—8).

Для Казанского периода вообще отметим дополнительно, что на страницах «Отчета о состоянии... Казанского университета» находятся указания, неиспользованные ни М. П. Петровским, ни Н. М. Петровским, на подготовлявшиеся В. И. Григоровичем к печати работы. Наиболее подробна запись отчета 1853/54 г., стр. 27: В. И. Григорович «занимался приведением в порядок материалов для сочинения «Летопись южно-славянской церкви» и обработал сочинение «О литературе болгар». В отчете за 1854/55 г., стр. 73, сообщается, что В. И. Григорович «приготовлял к изданию «Исследования о церкви у болгар и сербов»; в отчете за 1856/57 г., стр. 14, отмечено, что В. И. Григорович «приготовлял труд «О разрядах рукописей древне-славянского языка». В. И. Григорович, очевидно, в эту пору подготовлял докторскую диссертацию.¹

В связи с его болгарскими студиями стоит и составление В. И. Григоровичем рецензии на сочинение Попандопуло-Врето «La Bulgarie» (Отчет... Казанского университета, 1857/58 г. стр. 12; ср. Виктор, Собрание рукописей В. И. Григоровича, М. 1879, стр. 57), направленной в Академию Наук. Напомним, как заинтересовал Григоровича, например, Синодик царя Борила (см. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции, Казань, 1848, стр. 190—194). Точно также как и «Поменик царей, царяц и патриархов болгарских в Бояне» (Очерк, стр. 189). Григорович имел в виду материалы этого синодика, использовать для «особых рассуждений» — см. «Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета В. И. Григоровича» (ЖМНП, 1847, отд. IV, стр. 29).

Н. М. Петровский ничем не откликнулся на следующее сообщение ученика В. И. Григоровича, Авдея Соколова (Древняя и Новая Россия, 1877, II, № 5, стр. 78): «Во Временнике Московского Общества Истории и Древностей (не помню, за какой год), кажется в отделе смеси помещена история одного из афонских монастырей без обозначения имени автора. Эта история написана Григоровичем в бытность его на Афоне

¹ Оставшуюся неизданной.

и там оставлена». В изданиях Московского Общества Истории и Древностей единственно подходящую публикацию находим в «Чтениях» за 1846 г., кн. 4: здесь, в отделе смеси, стр. 11 напечатана «Краткая историческая записка о монастыре русском великомученика Пантелеймона, находящемся на Афонской горе». Издатель «Записки», В. Ундольский, сносками, приданными к первой странице «Записки», не оставляет сомнений в том, что автором ее является Порфирий Успенский: «Эта записка составлена в самом монастыре на Афоне одним русским ученым монахом и передана нам путешественником Григорием Шираевым». Успенский работал в то время в книгохранилищах Афона. Соколов, не имея под руками «Чтений», впал в легко объяснимую ошибку.

К № 41. Ошибочное сообщение проф. Маркевича о напечатании в «Херсонских Епархиальных Ведомостях» в 1864 г. «трех статей» усвоено и В. С. Иконниковым (см. Опыт русской историографии, т. I, стр. CLXXIX).

К № 42. В Центральной Научной Библиотеке Одессы¹ (под шифром 5/480), точно также, как и в Одесской Государственной Публичной Библиотеке² (под шифром I—462), имеются отдельные оттиски речи «Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X столетия», Одесса, 1866, пагинация без перевертки.

К № 43. В Ц. Н. Б. имеется (из библиотеки ученика В. И. Григоровича, проф. А. И. Смирнова) отдельный оттиск речи Григоровича, произнесенной 1 XII 1866 г., на Карамзинском празднестве в Новороссийском университете: 4 страницы без заглавия, на стр. 4-ой подпись «В. Григорович» и отметка «Одесса 1 декабря 1866 г.». Указания типографии нет. М. Г. Попруженко (точно также, как и Н. М. Петровский) знал эту речь лишь в газетных перепечатках (ср. ссылки у Межова, Русская Историческая Библиография, т. II, № 20075, № 20128).

К № 44. «Речь при гробе ординарного профессора русской словесности, академика Петра С. Билярского» представлена также и в отдель-

ном оттиске в Ц. Н. Б. Одессы (ш. 80/500), 8 стр. На стр. 8-ой: «Из Херсонских Епархиальных Ведомостей 1867 г.».

К № 45. «Слово, произнесенное в собрании московского купечества на обеде, данном 26 мая славянам», СПб. 1867, по сведениям М. Г. Попруженко не напечатанное, было известно составителю «Отчета Одесского Общества Истории и Древностей» за 1876 г., В. Н. Юргевичу, отметившему его в списке трудов Григоровича (Отчет, стр. 4).

К № 48. «Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище»... были напечатаны и отдельным оттиском; см. экземпляр Ц. Н. Б. г. Одессы (шифр 206a/171), 26 стр.; на стр. 26-ой: «Извлечено из циркуляра № 7-й 1869 года».

К № 49. Речь «На память о Борисе-Михаиле, праотце славянского просвещения» имела и отдельный оттиск (см. Ц. Н. Б. 71/457). Не отмечены в «Списке» также и ее болгарские переводы Славейкова в сборнике «Македония» (1870) и в издании «Пръводъ» за 1895 г., № 1—2 (под заглавием «За Бориса-Михаила, българскій отецъ на Славянското просвъщение»).

К № 52. Во всех научных книгохранилищах Одессы (Ц. Н. Б. 24/223; О. Г. П. Б. V—1250; Археол. Музей II—93) представлены отдельные оттиски статьи «Значение взаимности словянской в русском споре о старине и преобразованиях», Одесса, 1870, в типографии Ульриха и Шульда, без перевертки; есть отметка: «Из Записок [И.] Новороссийского Университета» (на заглавном листе).

К № 54. Пересказ «Записки об археологическом исследовании Херсона» находится в «Трудах II Археологического Съезда»; см. в дальнейшем addenda к № 79.

К № 60. Григорович читал в Одесском Обществе Истории и Древностей доклад на тему «Обзор путешествия, совершенного по берегам Азовского моря и реки Днестра» 5 ноября 1873 г., а не 1872 г., как это последнее ошибочно указано у Н. М. Петровского и М. Г. Попруженко (Собр. соч., стр. XXV); см. «Отчет Одесского Общества Истории и Древностей с 14 XI 1872 г. по 14 XI 1873 г.», стр. 7. Путешествие это было совершено в 1873 г. (см. «Записку антиквара»).

¹ Далее Ц. Н. Б.

² Далее О. Г. П. Б.

К № 62. Дата 1873 г. для «Записки об археологическом исследовании днестровского побережья» спорна. В письме к ректору, читанном в заседании совета Новороссийского университета 22 XI 1871 г., Григорович говорит о представлении им двух записок, относящихся к изучению южного края, имея в виду, по всей вероятности, записку об археологическом исследовании Херсона¹ (см. № 54) и, для параллели первой, «Записку об археологическом исследовании Днестровского побережья» (Собр. соч., стр. 185). Григорович тогда же просил о напечатании представленной им записки; так как записка под заглавием «По поводу. . .»² была уже напечатана в VI т. «Записок [И.] Новороссийского Университета», то представляется возможным утверждать, что речь шла о напечатании *второй* записки. Последняя, как это видно из ее текста, была предназначена для членов II Археологического Съезда, происходившего в Петербурге (Собр. соч., стр. 250; ср. стр. 296 — Григорович высказывает надежду на содействие его археологическим начинаниям со стороны Географического и Археологического обществ, находившихся в Петербурге). На II Съезде, открывшемся в начале декабря 1871 г., Григорович выступил с несколькими записками (Собр. соч., стр. 305 и 368), но в протоколах Съезда есть следы представления в печатном виде только записки об археологическом исследовании Корсуни, бывшей под руками у секретаря Съезда и пересказанной вкратце (см. addenda к № 79). Нам кажется, что Григорович не имел времени с 22 XI до начала декабря 1871 г., когда он уехал в Петербург, напечатать свою записку; удалось ему выполнить печатание этой записки, для типографского воспроизведения представлявшей некоторые трудности (снимки с надписей), по всей вероятности уже по возвращении в Одессу, в 1872 г. Приурочивать печатание ее к 1873 г., ко времени после весенней поездки 1873 г. по Приднестровью, нет особенных оснований: сведения, относящиеся к Приднестровью и приведенные в рассматриваемой публикации, собраны в значительной части еще до 1873 г. (Собр. соч., стр. 293, 322); данные ее расходятся с данными «Записки антиквара», основанной на более свежих наблюдениях и новых материалах (ср., напр.,

¹ Корсуня.

² О Корсуни.

сведения о рукописях Кицканского монастыря, Собр. соч., стр. 295 и 343). Для III Съезда была предназначена «Записка антиквара», записка же об исследовании днестровского побережья явилась запоздавшим отзвуком II Археологического Съезда. Быть может, материалы, вошедшие в «Записку об археологическом исследовании днестровского побережья», были в первый раз подготовлены к печати еще в 1864 г.; нам кажется, что М. П. Петровский именно в силу каких-нибудь личных сообщений Григоровича середины 60-х годов о готовящейся им работе датировал эту «Записку» 1864 годом («В. И. Григорович в Казани», стр. 64).

К № 64. Отнесение к 1875 г. статьи «Из записок антиквара о поездке его на южные побережья Днестра» является простым недо-
смотром (см. Собр. соч., стр. 307).

К № 68. В библиотеке А. А. Кочубинского, вошедшей в состав Ц. Н. Б. г. Одессы, нам удалось найти экземпляр «Славянской азбуки», оттиснутой В. И. Григоровичем литографическим путем (А. И. Маркевич сообщает, что у В. И. Григоровича имелся литографский станок, см. «Двадцатипятилетие. . . [И.] Новороссийского Университета», стр. 609; ср. Н. Н. Мурзакевич, Некролог В. И. Григоровича, Записки Од. Общ. Ист. и Древностей, XI, стр. 445). На листе писчего формата, с корректурными исправлениями — надпись рукой А. А. Кочубинского: «От В. И. Григоровича осенью 1876 года».

К № 70. Программа лекций по палеографии, читанных в Казанской Духовной Академии, перепечатана в сокращенном виде в «Истории Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы)» П. Знаменского, Казань, 1892, в. II, стр. 384—385.

К № 79. Относительно доклада Григоровича на II Археологическом Съезде о найденной в Симбирске рукописи XVII в. под заглавием: «Книга в тайном и сокровенном сокрытии мною пленником, в неволе писанная», необходимо указать, что в «Трудах II Археологического Съезда» под соответствующим заголовком мы имеем сокращенный пересказ «Записки об археологическом исследовании Херсона» (sic!); материалы же для доклада о найденной в Симбирске рукописи, ныне находящейся

в Ленинской (б. Румянцевской) Библиотеке, напечатаны в «Описании рукописей В. И. Григоровича» А. Викторова (М. 1879, стр. 37).

К № V. В отделе официальных бумаг. Текст адреса С. Петербургскому Археологическому Обществу от Совета Новороссийского Университета, выработанный Григоровичем, напечатан также и в «Трудах II Археологического Съезда», в. 2, стр. XLIII.

К № IX. В «Сборнике Археологического Института», 1878, кн. 1, отд. III, стр. 29, в журналах комиссии об устройстве архивов приведен исходивший от Григоровича документ, по тексту совпадающий отчасти с той запиской Григоровича, которая была читана в заседании совета Новороссийского университета 12 декабря 1874 г. и напечатана в «Собрании сочинений» на стр. 363—365.

Мы преднамеренно не увеличиваем списка официальных бумаг, приведенных на столбцах «Записок Новороссийского Университета» и исходивших от Григоровича. Из писем В. И. Григоровича официального характера укажем, в дополнение к «Списку», ответ В. И. Григоровича на обращение к нему историко-филологического факультета Московского университета (Русская Старина, 1879, т. 26, стр. 479—480).

Хотя в предисловии к «Списку» Н. М. Петровский и отмечает, что «литературные памятники, печатавшиеся по принадлежавшим Григоровичу рукописям, но не им самим, в список не включены», однако, в список есть основания внести два заговора, сообщенные в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», М. 1854, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 51. Григорович в «Записке антиквара» (Собр. соч., стр. 316) говорит об этой публикации, как исходившей от него непосредственно.

Менее мотивированным было бы включение в «Список» публикаций, сделанных на основании материалов Григоровича болгарским ученым Раковским (см. Собр. соч., стр. 185) и редактором «Ведомостей Бессарабской Области» Горе (Собр. соч., стр. 292).

Из неизданного Григоровичем курса церковно-славянского языка (заключавшего отдел истории славянской филологии) приведен А. И. Смирновым эксерит в рецензии на исследование Н. Засядкевича «Мелетий Смотрицкий, как филолог» (Русский Филологический Вестник,

1883, № 2, т. IX, стр. 361—362, — о грамматике Иустина Вишневого).

Для полноты указаний можно было бы еще добавить, что В. И. Григорович принимал участие, как член издательского комитета, в редактировании «Записок Одесского Общества Истории и Древностей», а именно, т. VIII (Отчет Од. Общ. Ист. и Др., 1868—1869 гг., стр. 6), т. IX (Отчет, 1872—1873 гг., стр. 8; 1874—1875 гг., стр. 4), т. X (Отчет, 1875—1876 гг., стр. 7).

Письма В. И. Григоровича, появившиеся в печати, будут описаны особо.

Ф. Петрунь.

Критика и библиография.

Dr. Karl Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs, Heidelberg, 1927.

Автор — ориенталист, хорошо знакомый с несколькими восточными языками и работающий в их области достаточно самостоятельно, имеет в виду живые слова европейских языков и мало увлекается археологиею. Тем не менее, им привлечен разнообразный лингвистический материал, о ценности которого мы можем судить только на основании его славянской части (по преимуществу, русской).

Первое, что обращает на себя наше внимание в Etymologisches Wörterbuch, это — возможность увеличить подбор русских слов восточного происхождения по крайней мере вдвое.

Автор воспользовался, как пособием, трудом Миклошича «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886», но почему-то не обратил своего внимания на другой труд того же Миклошича, очень близкий к его собственному труду «Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch und polnisch. Wien, 1884—1888—1890». По этой и по другим причинам у него отсутствует целый ряд таких слов несомненно восточного происхождения, как русские *вавилоны* (зигзаги), *вэйлок*, *штáра* — *шитра*, *канáв* — *канифáс* — *канáус* (ткань), *перкáль* (ткань), *саранчá*, *тарáнь* (род сельди), *тезик* (= таджик, житель Туркестана ариец), *ценíньмýй* (из синего китайского фарфора, синий), *шерть*, *шертовать* (присягать на коране), *шарáп*, *шашлык*. Есть *изюм*, *кннмíш*, *урюк*, но нет *сабзá* (сорт изюма); есть *мухóяр*, *обгáрь* (названия старинных тканей) и нет современного *чесучá* или *чесунчá* (китайская шелковая ткань); есть *бирюк* (волк), но нет *собáка*; есть *колáн*, но нет *саадáк*, *сагайдак* (лук); есть французские слова *пасча*, *пéри*, но нет русских *пашá*, *пéри*; есть итальянское *верáнда* и нет русского *верáнда*; есть польское *згива* и нет русского *шуба*, *шубка*; и т. д.

Автор обладает большою смелостью и не всегда в достаточной мере считается с звуковыми условиями. Поэтому значительное число русских слов несомненно не-восточного происхождения нашли себе в его труде место. Таковыми оказались даже русские *рубль*, *копéйка*, *полушка*, *косрина* (большой печеный хлеб), *тварог* — *твóрог*, *морóшка* (северная ягода), *лебеда* — *лободá*, *лохмóтье*, *сокол* — *сокóл*, *хохóл*, *шут*...

Книга написана сжато и издана прекрасно. 2235 словарных групп и 25 указателей размещены всего на 245 страницах обычного формата.

А. Соболевский.

Влад. Каренин. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Части I и II. Стр. 727, in 8°. Л. 1927 (изд. «Мысль»). Ц. 5 р.

В. В. Стасов (1824—1906), начиная с 50-х гг. прошлого века, играл такую видную роль в нашей культурно-общественной жизни, что его биография представляет интерес не только для выяснения его личности, но и для уразумения того общества, членом которого он был, той ереды, в которой он вращался, тех лиц, с которыми он соприкасался. В числе этих лиц были такие, имена которых говорят сами за себя. В приложенном к «Очерку» подробном указателе встречаются, напр., такие имена, упоминающиеся на многих страницах «Очерка», как Антокольский, Балакирев, Берлиоз, А. П. Бородин, Глазунов, Глинка, Даргомыжский, А. А. Иванов, Кондаков, М. А. Корф, Крамской, Лист, Мусоргский, Перов, Репин, Римский-Корсаков, Лев Толстой, И. С. Тургенев и пр. С каждым из этих лиц В. В. Стасов находился в тесном общении, так что его биография переплетается, до известной степени, с их биографией. Но биография самого В. В. Стасова должна представлять еще более глубокий интерес, если вспомнить его значение в истории нашей музыки, нашей живописи, скульптуры и архитектуры, нашей Публичной библиотеки, нашей археологии, нашего искусства, нашего просвещения вообще. В. В. Стасов так много и так плодотворно потрудился, что он должен был иметь своего биографа. И такой биограф нашелся, при чем он оказался как раз тем лицом, на которое указал сам В. В. Стасов, сказав, за несколько месяцев до своей смерти, своему будущему биографу: «Ты напишешь мою биографию».

В. В. Стасов не ошибся в выборе своего биографа. Последний изложил очень обстоятельно и тщательно жизнь и деятельность В. В. Стасова

на фоне окружавшей его действительности. Об одном биограф рассказывает более подробно, о другом — менее, в зависимости от имевшихся в его распоряжении материалов. Этими материалами служили, с одной стороны, сочинения В. В. Стасова, в том числе и отрывок написанной им автобиографии;¹ с другой — письма В. В. Стасова к разным лицам и воспоминания биографа о своем *герое*. Ибо для биографа В. В. Стасов является, несомненно, героем. И это не должно быть поставлено в вину биографу, хотя бы уже по одному тому, что в деятельности В. В. Стасова был, бесспорно, элемент героического, поскольку с героическим связывается представление об упорном труде, о непрестанной борьбе за свои идеалы, за свои идеи. Что В. В. Стасов был таким *идейным борцом*, в этом сомневаться не приходится и тому, кто с идеями В. В. Стасова не согласен, кто находит, что он в некоторых случаях заблуждался. Все это выяснится в будущем. Но уже в одном случае оказывается и теперь, что идеалы В. В. Стасова, подвергавшиеся резкой критике в свое время, оказались нашими современными идеалами. Сколько пришлось В. В. Стасову бороться за творчество Мусоргского. И что же? «Борис Годунов» и «Хованщина» за последние годы не сходят с репертуара. И этот пример далеко не единственный.

Итак, биограф отнесся к В. В. Стасову, как к герою. Это наложило отпечаток на всю биографию, но это же сослужило для книги свою службу: книга написана живо, увлекательно, любовно. Биограф сообщает много интересных, порою красочных данных, как для характеристики В. В. Стасова, так и всей окружавшей его действительности. Возможно, в книге найдутся те или иные мелкие неточности, несущественные пропуски, — не в них дело. Важно, что тот, кто вовсе не знал В. В. Стасова или мало знал его, познакомится по его биографии и с ним самим, и с теми лицами, о которых биография упоминает, и с той исторической обстановкою, на фоне которой приходилось действовать В. В. Стасову. Все же, кто близко знал его, должны будут сказать, что, читая его биографию, как она изложена Влад. Карениным, они живо представляли себе В. В. Стасова, и порою им казалось, что они видят его богатырскую фигуру, слышат его могучий голос. И в их сознании воскресал образ человека, который, упорно трудясь сам, своим примером умел

¹ Собрание сочинений В. В. Стасова, охватывающих 1847—1886 гг., было издано в трех больших томах в 1894 г. Дополнением к ним служит изданный в 1906 г. 4-й том («Искусство XIX в.»). Было бы желательно иметь собранными воедино сочинения В. В. Стасова за 1887—1906 гг. Пусть многие из них, как и многие из сочинений, в четырех томах изданные, имеют теперь лишь историческое значение; все же они важны для истории того двадцатилетия, к которому относятся.

внедрять бодрость в других; который, не зная сам, что такое человеческая слабость, возмущался тем, кто, как он выражался, говорил «вдовым голосом»; который, поставив себе определенную цель, неуклонно стремился достигнуть ее, сколько бы препятствий и людской злобы ни стояло пред ним на пути; который, подвергаясь, как он говорил, «ругательствам и в стихах и в прозе» был преисполнен благоволения к людям.

С. Жебелев.

Adolf Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen in sprach- und kulturgeschichtlicher Beleuchtung. Göteborg. 1927. 8°. Pp. XX + 4^{2/3} + 574 (Göteborgs Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-samhälles Handlingar. Fjärde följden, Band 31, № 4).

Новый капитальный труд по истории древнейших германо-славянских культурно-языковых отношений можно приветствовать самым живейшим образом. В самом деле эта проблема, несмотря на более чем столетнюю свою давность, до сих пор не могла считаться разрешенной с достаточной полнотой и обстоятельностью. Большой частью на эту тему встречались отдельные статьи, часто достаточно мелочные, а между тем чувствовалась настоятельная потребность в освещении накопленного материала с разных сторон, так же как и использование разрозненных результатов, добытых различными путями. Книга шведского ученого (ныне профессора славянской филологии в Дерпте) отвечает этой назревшей потребности и построена на основе привлечения обширного лингвистического и этнологического материала. Автор обнаруживает огромную эрудицию, как в области своей основной специальности — славистики, — так и чистой германистики, затрагивая и самостоятельно разрешая отдельные острые вопросы последней. По всем этим причинам, труд его одинаково интересен и для слависта, и для германиста.

Книга состоит из трех частей. В первой автор дает историю проблемы и делает из этого обзора соответствующие методологические выводы, а затем рассматривает самые предпосылки ранних славяно-германских взаимоотношений, попутно привлекая для сравнения и сопоставления и данные германо-финских и германо-балтийских отношений. Вторая часть, наиболее обширная (стр. 175—457), посвящена обзор-

нию самого материала, привлекаемого к рассмотрению и анализу, начиная с племенных и географических названий и последовательно пересматривая все виды культурной жизни, где сказалось или могло сказаться германское воздействие на славян в древнейшие периоды их истории. Третья часть посвящена систематической сводке лингвистических соотношений заимствованных элементов с их источниками, при чем автор видит в этом особо важный момент своей работы, так как эта сводка позволяет ему опираться на известную закономерность наблюдаемых фактов и соответствующей интерпретации данных. Подробно составленный указатель слов, занимающий более двадцати последних страниц, заканчивает книгу.

Пересмотр мнений, высказанных по вопросу о германских элементах в славянских языках, начиная со знаменитого спора Добровского с Копитаром, подводит автора к основным методологическим предпосылкам, которыми надлежит руководствоваться, предпринимая задуманный труд. Автор излагает критически взгляды Шафарика, Лотнера, Миклошича, Маценауэра, Клуге, Уленбека, Хирта, Корбута, Брюкнера, Лёве, Пейскера, Янко, Брауна, Бартоли, Бернекера и особенно подробно Младенова и делает из всего этого обзора совершенно правильное заключение о слабости всех прежних попыток решения вопроса, вытекающей из преувеличенной оценки чисто лингвистических аргументов. Сам автор настаивает на необходимости привлечения и исторических, и этнологических моментов для правильной оценки языкового материала. Следует заметить, что иногда в своем обзоре автор слишком подробно останавливается на таких трудах, которые по своей несамостоятельности не внесли ничего нового в разрешение проблемы (напр., Лотнер или Корбут). С другой стороны, Брюкнер цитируется только по рецензии Ягича на его книгу «*Cywilizacja i język*» 1901 г., в то время, как надлежало бы использовать более поздний и специальный обзор, сделанный Брюкнером в статье «*Wpływ kultur obcych*» в *Encyklopedia Polska*, t. IV, cz. 2, od. 5 (под заглавием *Początki kultury słowian*), 1912 г.

Справедливо отмечая общий недостаток предшествующих работ в том, что в них «*die Beweisfähigkeit der sprachlichen Methode in allzu hohem Grade überschätzt worden ist*» (S. 70), сам автор на наш взгляд слишком переоценивает и другую сторону, утверждая «*kein Lehnwort ohne hinreichende kulturelle Grund*» (S. 78). Ведь заимствования могут идти и при иных условиях. Не говоря уже о книжном влиянии, о роли моды и подражания языку иных общественных групп, необходимо считаться и с фактами языкового смешения, при котором чрезвычайно трудно, а иногда просто невозможно установить причину заимствования того или иного

слова. Я вполне согласен с автором, что для периода изучаемых им взаимоотношений культурно-исторические условия были главными определяющими, и вовсе не намереваюсь оспаривать здесь справедливость указаний на необходимость учета их в первую очередь, наравне с чисто лингвистическими аргументами. Но необходимо всетаки отметить и другие возможности в изложении принципиальных методологических соображений, иначе можно заслужить упрек в чрезмерной односторонности понимания такого сложного процесса, как языковое заимствование.

Вторая глава I части посвящена выяснению вопроса, при каких обстоятельствах, где и когда именно могли славяне прийти в соприкосновение с германцами. Автор прежде всего решительно отвергает возможность говорить о взаимоотношениях славян с германцами (вернее, прегерманцами) до эпохи общегерманского передвижения: для подобных предположений у нас нет никаких положительных языковых данных. Далее, так же решительно отвергается возможность предполагать воздействие на славян со стороны бастарнов, что допускал Браун, так как нет никаких данных, свидетельствующих о нахождении бастарнов на территории, занятой славянами. Этот аргумент автора стоит в тесной связи с его взглядами на исконную прародину славян. Прибегая к старому доводу Ростафинского об отсутствии у славян названий для бука, лиственницы, ели (Таппе) и тиса, сам Стендер-Петерсен полагает прародину славян к востоку от линии Мемель, Неман, Зап. Буг, в области, обнимающей Пинские болота и систему Днепра; на востоке славяне занимали левые притоки Днепра, на юг доходили до степей, а на северовосток и север до бассейна Оки и системы Двины. Таким образом Зап. Буг, Галиция и Карпаты не входили в первоначальные места поселения славян, и следовательно исключена возможность соприкосновений с германцами в этих именно пределах, где ранее всего обнаружались бастарны и скиры. К северу от славян, на запад от среднего Немана и на восток до пределов Калужской губ. (галинды) сидели балтийцы, а еще севернее до берегов Финского залива занимали территорию финны. Что касается германцев, то они занимали побережье Балтийского моря не только к западу от Вислы, где позже являются восточно-германские племена вандалов, бургундов, ругиев и т. д., но и на восток, где именно позже выделились готы. Отсюда объясняет Стендер-Петерсен и германо-финские, и германо-славянские отношения, приходя в общем к совершенно правильному выводу, что последние начались еще тогда, когда германцы представляли собой более компактное целое в языковом отношении.

В этих построениях Стендер-Петерсен следует за выводами германских археологов, принимающих заселение восточной Германии с севера,

из Скандинавии. В отношении же рижского побережья на заселении его такими же колонизационными волнами, шедшими со шведских берегов, настаивал уже Карстен в своей работе «Germanisch-finnische Lehnwortstudien» в 1915 г. и позже (ср. хотя бы его «Germanerna», 1925). Того же мнения держится и Стендер-Петерсен, в доказательство анализируя предание о переселении готов у Иордана, при чем центром, где позже сформировались готы, считает область возле Куришгафа и течения Прегеля. Отсюда именно отделились позже и пошли сначала на запад племена гепидов, отсюда же много веков спустя начали продвигаться к югу готы, притом не по течению Вислы, как думают обычно и на что нет никаких указаний, а прямо через Полесье. Таким образом, первое воздействие германцев на славян имело место, когда германцы находились на территории, первоначально занятой финнами, на которых они оказали свое влияние очень рано, как это доказал Карстен в своей работе. Сравнительно малое количество древних германизмов у балтийцев, притом часто в славянизированной форме, показывает наоборот, что балтийцы находились первоначально вне сферы непосредственного соприкосновения с германцами. Славяне так же испытали первое воздействие со стороны германцев, когда последние составляли единое целое, до выделения отдельных языковых единиц. Уже позднее, когда готы выделились, как этническая и затем политическая единица, т. е. когда они прошли на юг России, они оказали вторичное воздействие на славян, которое принесло с собой и элементы греко-римской культуры, к тому времени усвоенной готами. В результате можно утверждать, что «die Lehnbeziehungen der Slaven zu diesen Germanen (d. h. ost-germanischen Stämmen im Gebiete des jetzigen, links des Memel-Niemen befindlichen Ostpreussens) vielleicht schon einige Jahrhunderte vor unserer Zeitrechnung, spätestens aber um Chr. Geb. begonnen haben müssen» (S. 178). Эпоху собственно гото-славянских отношений Стендер-Петерсен определяет в период времени от 200—350 гг. н. э.

Я считаю совершенно справедливым основное, только что приведенное, положение шведского лингвиста и держусь той же точки зрения, исходя из чисто лингвистических критериев. В самом деле, правильность звуковых соответствий одного определенного порядка в группе слов, которую мы должны считать древнейшими заимствованиями, отличает ее от иных германизмов, являющихся в славянских языках с иными звуковыми соотношениями. Стендер-Петерсен дает подобную сводку в последней части своего труда, и к ней мы еще подойдем. Мне представляется весьма существенным тот факт, что некоторые черты звуковой стороны германских элементов, заимствованных славянами в древнейшем периоде,

не могут быть приурочены к тому или иному германскому языку, но обнаруживают более древнюю форму. Так, в частности, надлежит предполагать в германских элементах сохранение конечных кратких гласных (т. е. формы типа *kuningaz, *hlaibaz, *beudaz), сохранение конечных долгот (*bardō, *bokō), дифтонгов ai, au, eu, отсутствие явления так наз. a-Umlaut (ср. слав. *xъlmъ из *hulmaz).¹ Но принимая положение Стендер-Петерсена о древности первых соприкосновений славян с германцами, мне всетаки не представляется окончательно убедительным его географическое размещение праславян и прагерманцев. В самом деле, если славяне сидели на притоках Днепра, а севернее их в восточной Виленщине находились балтийцы, то странным представляется малое воздействие на них германцев, шедших с севера через финнов. Кроме того, по моему мнению, доводы Стендер-Петерсена не опровергают того, по моему мнению, доводы Стендер-Петерсена не опровергают окончательно положения Нидерле, что славяне доходили до Вислы и окончательно положения Нидерле, что славяне доходили до Вислы и здесь именно соприкасались с германцами (см. его «Manuel de l'anti-quité slave», v. I, 1923). Я считаю, что Нидерле прав, относя заимствование слова 'бук' (*bukъ) к раннему периоду, а именно это служит для него аргументом, что заимствование вошло в славянский обиход где-либо в областях около Вислы. Во всяком случае в таких вопросах, как определение прародинны славян, чрезвычайно трудно устанавливать точные географические границы. Поэтому и утверждение Стендер-Петерсена, что славяне сначала не заходили далее Зап. Буга и ни в коем случае не могли быть около Вислы, является слишком категоричным и не доказуемым с помощью имеющихся у нас в распоряжении аргументов.

Переходим теперь к рассмотрению самого материала, которому посвящена вся вторая часть. Сначала Стендер-Петерсен дает обзор древнейшего слоя заимствований, сопровождая свое изложение в каждом случае обстоятельным анализом не только внешнего вида слов, но и их значений в связи с культурно-историческими данными. В большинстве случаев полагаю справедливым отнесение слов к этому именно периоду. Однако, кое-где можно указать на недостаточность данных, особенно там, где звуковые критерии не соответствуют в полной мере таковым в иных случаях. Так, прежде всего в названиях народов очень трудно принять германское происхождение самого названия 'славяне', так же, как имя 'обринь' объяснить перенесением на аваров древнего заимствования германского *abrg, известного только из готского слова abrgs 'сильный, страшный, громадный' и не имеющего себе соответствия в других германских языках. Даже на первый взгляд очень заманчивое тол-

¹ Последнее вопреки нижеприводимым соображениям Стендер-Петерсена.

кование старорусского 'хиновскъ', как ведущего начало от прагерманского *hūpa 'великан, дикарь' (ср. днп. hūp, свн. hūne и т. д.) едва ли можно допустить, имея в виду слишком позднее появление слова, притом в одном русском языке. Очень сомнительным представляется и отнесение прасл. *volxъ (из *walxaz) к этому периоду, не столько по соображениям фонетики, сколько по чисто семантическим. Ведь, если принять во внимание значение славянского *volxъ, как обозначения представителя романского этнического мира, то семантизм слова указывает на столь же определенное значение и в германском источнике. А таковым в данном случае мог быть какой-либо из западно-германских языков, где это значение утвердилось с тех пор, как западные германцы столкнулись с романизованными кельтами в пределах старой Римской империи, иначе говоря, слово пришло к славянам много позднее. Поэтому, мне кажется более вероятным его заимствование где-нибудь на почве Германии, когда славяне осели там после ухода восточно-германских племен. Можно предполагать, что оно сперва воспринято было западными славянами, от которых с готовым значением перешло далее на восток, где и было применено к романским соседям, румынам.

Новым являются у Стендер-Петерсена истолкования слав. 'людь, людье', как германизмов, а также объяснение 'краль' не из заимствования имени Карла Великого, как это обычно принято думать, но из прагерм. *karlaz (днп. karl, днсл. karl и т. д.). Относительно первого слова, для Стендер-Петерсена критерием являются не звуковые соотношения, но семантические, и потому довольно трудно утверждать окончательно германское происхождение слова равно, как и оспаривать его. В отношении происхождения слав. *koryъ хотелось бы очень согласиться с мнением Стендер-Петерсена: действительно, и ранее высказывались сомнения о столь позднем происхождении заимствования, как VIII—IX вв., и эти сомнения Стендер-Петерсен еще более подтверждает своей аргументацией на стр. 208—213. Единственное, но вместе с тем и очень существенное затруднение возникает здесь в отношении значения: герм. *karlaz означало просто 'свободный, полноправный член племени', позже оно приобрело уже смысл социально-низшего элемента и появление славянского значения остается совсем трудно объяснимым. Сомнительным германизмом даже в даваемой Стендер-Петерсеном связи является слав. *voldo, *volsti, и уж вовсе нет надобности связывать слав. *voldyka с первичным причастием *voldy, яко бы получившим значение существительного по типу герм. *waldandaz с позднейшим присоединением суффикса -ka. Это объяснение носит искусственный характер и не вызывается данными истории суффикса на славянской почве.

В следующей категории заимствований, относящихся к вооружению, не могу согласиться с германским происхождением слав. *тъсь, ввиду полного несоответствия его в звуковом отношении с герм. *mēkjaz. Те попытки, которые делает Стендер-Петерсен (стр. 507) о возможности допустить в прагерманском кроме *mēkja — еще формы *mekja, *mikja лишены достаточных оснований. Сам Стендер-Петерсен признает, что «der Slavist kann jedenfalls ein тьсь, тьсь nicht aus *mēkja ableiten», и тем самым опровергает свое построение на стр. 220—222. Не могу также отнести к древним заимствованиям и слав. *brъnja. Если слово было давно известно германцам, то самый предмет вооружения получил у них распространение не ранее половины первого тысячелетия нашей эры. До этого времени археологические находки его крайне редки, а к славянам, которые еще в VI в. его не знали (судя по описанию Прокопия), он мог проникнуть только позже. По той же самой причине и слав. *šelmъ затруднительно отнести к ранним заимствованиям: если слово первоначально означало у германцев 'кожаный или меховой головной убор', то к славянам оно пришло в новом своем значении металлического защитительного вооружения, что опять таки не могло случиться ранее VI в., когда предмет входит в употребление у самих германцев. Отнесение слова к первому периоду на основании звуковых критериев (смягчение x в š перед e в слав. из герм. *helmaz) не обязательно, поскольку процесс мог быть присущ языку и гораздо позже.

В категории слов, относящихся к домостроению, я не решаюсь только *istъba признать древним, поскольку оно всетаки довольно загадочно своим i-. Притом из прагерм. *stubō в эту пору мы вправе ожидать *i/stъby, ср. *bordy из *bardō. Недоказанным является и германское происхождение слов *kovъ и *kotъ, для объяснения которых надо допускать уже появление o из u на германской почве, для чего нет данных, как увидим ниже. В общем, дополняя и остающийся бесспорным комплекс слов этой категории словами следующей, относящейся к устройству двора (*tynъ, *gordъ), получаем картину значительного воздействия германской архитектуры на славянское жилище. Не вполне можно согласиться с отнесением слов *хъlтъ, *bergъ, *pergunъ и весьма спорного *вогъ к области типов селищ (Siedelungswesen). Относительно слова *вогъ у нас собственно нет возможности безусловно принять его германское происхождение, так как здесь может быть и исконное родство. Все же остальные указывают скорее на новую терминологию для обозначения разного рода возвышенностей. В связи с этим возникает невольный вопрос, не указывает ли это на

встречу славян с германцами при продвижении в более гористые местности верхнего Повислинья.

В области домашнего оборудования Стендер-Петерсен с полным основанием присоединяет к числу германизмов слав. *selme (стслав. шлѣма 'trabs'). Но для признания германского происхождения слав. *selme слишком мало данных в самих германских языках, так как предполагаемое герм. *masta (ср. нем. Mast) слишком далеко по значению, и трудно предположить, чтобы понятие дерева, перекинутого для перехода через ручей или тонкое место, послужило основой для славянского слова с его многообразным значением. В условиях жизни древних славян оно скорее должно быть признано исконным. Так же мало данных для отнесения к раннему периоду и слов *bъdъль, *bъса; еще меньше для специально западно-слав. *pobozeŭ. Здесь, прежде всего, затруднения являются в отношении самих германских источников в отнесении слов к столь раннему времени. Так для *bъdъль мы знаем только западно-германские параллели, и трудно опровергнуть их происхождение из латинских источников; для истолкования *bъса приходится создавать гипотетическое «urostgermanisches» *bukjō^a, при чем самое значение родственных германских образований очень отдаленное; относительно *pobozeŭ скорее всего надо принимать тоже западно-германское происхождение по тем же причинам, что и *bъdъль.

В остающихся категориях заимствований некоторые слова, по моему мнению, также относятся к следующему периоду. Так *gobъgъ, *gobina, *dъlgъ, *lixva скорее можно отнести к нему, поскольку самые источники этих слов представлены только готским языком и неизвестны другим германцам, отчасти эти же слова неполно представлены в славянских языках. Совсем нельзя согласиться с отнесением слова *myto к этому раннему времени: предполагаемое герм. mōta с ō на славянской почве должно было дать форму с ѓ, и Стендер-Петерсен должен допускать вторичный переход этого ѓ в у, как в словах *хузъ, *тунъ, для чего у нас нет других доказательств. Славянское слово, очевидно, восходит к германской форме с ѓ, которую мы имеем в основе немецкого Maut из свн. mūte, днн. *mūta (по упоминаемому в документе 827 г. латинизованному mutum). Мне думается, что и славянское слово пришло поздно при тех же условиях, при которых оно появилось и у западных германцев от готов, о чем см. у Kluge в PBB, Bd. 35, S. 127 ff.

В результате со всеми сделанными оговорками остается несомненным основной слой древнейших германизмов, усвоенных славянами при первом их соприкосновении с германцами, которое могло иметь место или

в условиях, принимаемых Стендер-Петерсеном, или же в нескольких иных, если мы допускаем встречу германцев со славянами около Вислы, но во всяком случае не позже, а раньше начала нашей эры. Следующий момент соприкосновения, оказавший также значительное воздействие на славян, принадлежит ко времени обоснования готов около Черного моря. Этот момент надлежит рассматривать, как особенно важный в культурном отношении, потому что чрез готов славяне усвоили некоторые элементы и греко-римской культуры. В эту пору, как справедливо думает Стендер-Петерсен, славяне получили от готов ряд новых названий народов и географических местностей, предметов животного и растительного мира, культуру виноградарства и виноделия, некоторые термины из области торговых отношений и, наконец, первые христианские понятия. Я оставляю в стороне доказательство германского происхождения названий Дуная у славян. В этом вопросе все достаточно гипотетично и неопределенно. Зато весьма вероятным кажется происхождение старослав. названия 'румьскъ' (от незасвидетельствованного *Rumъ) из готского прилагательного *rumisks (ср. Rūma, Rūmōneis), равно как и слово *cēsagъ из готск. *kaisāreis. Нет никаких возражений против отнесения к готскому источнику и названий животных и растений (как напр. *osъль, *velъbōdъ, *оръ, может быть и *львъ, *smoкy), и вообще весь этот отдел за немногими исключениями достаточно обоснован. В других областях культурного воздействия готов на славян сомнительным является отнесение сюда слав. *рѣнегъ, для которого Стендер-Петерсену приходится строить даже иную этимологию, чем обычно принято. Сомнение вызывается именно тем, что самая монета, обозначавшаяся этим именем, появляется у германцев поздно, в VII—VIII вв. По этим же причинам трудно отнести к готскому источнику и слав. *mosegъ, мало распространенное у славян и тоже неизвестное у готов. Наконец, едва ли можно возводить слав. *pōdъ (> русск. пудъ) к готск. pund. Если опираться на финское и эстонск. punta, pund, то здесь скорее можно предполагать заимствование из немецкого; самое установление слав. *pōdъ основано только на существовании слова в русском языке, откуда оно перешло во все остальные славянские языки. Фонетические критерии, может быть, и достаточны, но положительного утверждать здесь ничего нельзя.

В нескольких случаях я не могу согласиться с отнесением остальных рассмотренных Стендер-Петерсеном слов именно к готскому периоду. Так, напр., в отношении слав. *котъль и *dъska основные соответствия даны в западно-германских языках. То же самое приходится сказать и про происхождение названия *plugъ: у готов слово не засвидетельство-

вано, и по всем вероятностям оно пришло от западных германцев через западных же славян и на юг, ср. усвоение очевидно западно-германского наименования *grēdīl, известного у англо-саксов (grindil) и немцев (двн. grintil). Еще более сложным представляется вопрос о проникновении христианства к славянам через готов. Если иметь в виду, что готы первые сообщили своим западно-германским сородичам некоторые христианские представления, как показал Клуге в вышеприведенной статье в PBB Bd. 35; что среди немецких слов готского происхождения этой именно категории мы имеем такие, как taufen, Kirche, Pfaffe, Heide, затем, весьма вероятно, и Krist, Teufel, Engel, Pfinztag, Samstag, Hölle, то можно предполагать аналогичное проникновение от готов этих терминов и к славянам. Стендер-Петерсен признает именно таковыми *krъstъ, *krъstiti, *srъky, *ropъ, *sotona, *postъ, *sobota, *sobota, в других случаях отмечает сходное семантическое развитие (напр. gonozitelj = nasjands). Но если а priori нельзя возражать против такой возможности, все же ее трудно приурочить к периоду, поставленному Стендер-Петерсену, т. е. в рамках до 376 г. Ведь распространение арианства у готов только что началось в это время, и, как известно, Вульфилла со своими последователями принужден был удалиться за Дунай, спасаясь от религиозных преследований своих соотечественников-язычников. Правда, Стендер-Петерсен ссылается на принятие остготами христианства в половине IV в., допуская, что они именно были его проводниками у славян. Но как бы то ни было, одни лингвистические аргументы, допускающие притом возможность иных объяснений (в частности греческих источников славянских слов), не могут разрешить вопрос, и необходимо с этой новой точки зрения пересмотреть его всесторонне, привлекая более обширный материал по самой истории христианства у славян.

Последняя глава второй части книги посвящена доказательству готского происхождения славянских терминов *bukъ и *buku. Должен сказать, что здесь я решительно расхожусь со Стендер-Петерсеном. Он считает, что славяне получили от готов сначала слово *buku из *bōka со значением 'буква', и объясняет это усвоением славянами рунического письма, употребление которого подтверждается, по его мнению, все тем же свидетельством Храбра о «чрътахъ и рѣзахъ» и некоторыми сходными (?) названиями букв славянского и готского алфавитов. Уже после этого славяне усвоили слово *bukъ из гот. *bōks, но уже не от готов на юге, а от тех их сородичей, которых славяне застали в восточной Германии, где вообще они впервые познакомились с деревом, т. е. не ранее конца IV в. Это положение вытекает у Стендер-

Петерсена из его представлений о прародине славян и местах первого их соприкосновения с германцами, а затем из лингвистического аргумента, что герм. $\bar{o}$, заимствованное в словах первого периода, дало у славян y (и это только на основе одного, как мы видели, сомнительного *myto). На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот: слово *bukъ было усвоено славянами в первом раннем периоде и потому сохранило старое значение, которое было позже утрачено у германцев в результате применения его для обозначения дощечек из бука, на которых писались рунические знаки, а затем еще позже для совокупности этих дощечек или таблиц с письменными знаками. У тех же германцев другое слово того же корня *bōkō стало после этого обозначать самое дерево (ср. двн. buohha). У готов это последнее слово, действительно, приобрело значение 'письмо, писанное', и возможно предполагать его проникновение к славянам даже вне зависимости от появления у них рунического письма. Но если это так, то для объяснения *bukъ надо допускать более раннее его появление у славян, с чем согласуется и наличие его у литовцев, опять же со старым значением букowego дерева, в форме bukas.

Последняя часть труда Стендер-Петерсена дает сводку чисто лингвистических данных, в смысле установления соответствий между германскими (прагерманскими и специфически готскими) исходными фактами фонетики и морфологии и их славянскими отражениями. Сводка дана ясная и убедительная, подтверждающая в основном правильность установленных черт и в то же время отмечающая различия в передаче тех или иных звуков германской речи в языке славян в разные периоды заимствования. Тем более странным представляется допущение одинаковой передачи германских $\bar{o}$ и $\bar{u}$ в первом периоде посредством слав. y , для чего единственным является слово *myto, а все остальные случаи выражения $\bar{o}$ чрез u неизбежно относятся ко второму периоду (так *bukъ, *buku, *plugъ и др.). На этом же основании Стендер-Петерсен отвергает германское происхождение слав. *duma, *dumati, справедливо полагая, что о заимствовании этого слова можно говорить только в пределах древнего периода, чего он не может допустить по только что установленному критерию. Нам кажется, что слово относится к тому же кругу понятий, что и *kъnegъ, *koglъ и т. д. и принадлежит к ранним германизмам в славянской речи. Для этого периода именно надо допускать соответствия германским $\bar{o}$, $\bar{u}$ славянских u , y , поскольку сам Стендер-Петерсен считает возможным принять развитие герм. $\bar{o}$ в $\bar{a}$ на славянской почве. По тем же причинам отсутствия правильности соответствий, я не решаюсь признать германизмом и вышеупомянутое

*мьсь, имея в виду параллельное развитие $\bar{e}$ в $\bar{e}$ у славян в этот период; ср. *lĕkъ из *lĕka. Отпадает также и установление передачи готского *in* через $\bar{e}$ в слове *rĕnĕgъ, как данное ad hoc и не подтвержденное ничем; ср. обычное $\bar{e}$ из *in* в *kъnĕgъ, *koldegъ, *ceta и т. п. Тенденция к построению новых фонетических законов сказывается у Стендер-Петерсена и в отношении некоторых предполагаемых германских источников. Я уже указывал на случаи объяснения слав. *kotъ и *koba из герм. *kuta и *kubōⁿ путем допущения гораздо более раннего перехода *u* в *o* перед *a* следующего слога в прагерманском, чем это принято думать. Для этого никаких других данных нет, и наоборот слав. *xъlъmъ из *hulmaz показывает отсутствие в этом случае того же явления.

Я закончу на этом свои замечания, которые возникли при чтении в высшей степени содержательной и богатой материалом книги Стендер-Петерсена. Если стремление пересмотреть хронологию германских элементов в славянской речи иногда увлекало автора в сторону гипотетических или мало обоснованных построений, то все же основная цель его труда достигнута. Славяно-германские отношения надо признать начавшимися до славяно-готских в собственном смысле слова. И лингвистические, и историко-культурные соображения позволяют говорить об этом вполне определенно. Если в деталях при подобных изысканиях каждый исследователь может давать разные объяснения, заслуга Стендер-Петерсена заключается еще в том, что он требует правильного методологического подхода к разрешению проблемы и в значительном большинстве случаев сам от него не отступает, чем и создается особая убедительность его положений. Можно сказать, что Стендер-Петерсен является слишком категоричным в строгости приурочения тех или иных звуковых изменений к одному определенному моменту, так как мы знаем, что известные тенденции в языке могут действовать долгое время. Так, напр., признание слов *šelmъ и *volxъ древними на основе изменений *x* в $\bar{s}$ в первом случае и сохранения *x* во втором не кажется безусловно доказанным, так как изменение *x* в $\bar{s}$ перед *e* могло совершиться и много позже, равно и *x* в конце слов сохранялось у западных германцев всегда. Позволю себе указать еще на один недостаток в такой обстоятельной работе, который хотелось бы восполнить. Автор вовсе не поставил проблемы о возможности воздействия германцев на славян на почве Германии, когда славяне начали заселять ее восточную часть с конца III в. К этому именно моменту относятся некоторые слова, которые Стендер-Петерсен признает заимствованными в иных условиях, на что я обращал внимание выше. Не приняв во внимание этой возмож-

ности и ограничив свою работу периодом только гото-славянских отношений, Стендер-Петерсен не затронул также некоторого количества общеславянских германизмов, оставив читателя в неизвестности, не признает ли он их таковыми или просто считает выходящими за хронологические пределы, поставленные в работе. В столь тщательной и богатой по содержанию книге хотелось бы видеть и ответ на вопрос, надлежит ли считать германизмами такие элементы, как слав. *verdъ, *glupъ, *ranу, *stopa, *stĕrkъ, *xolkъ или *qbor? Быть может, можно надеяться, что почтенный автор даст еще ответ на поставленный вопрос, располагая всем материалом, которого в таком объеме и с такой полнотой еще никто до него не представлял в решении сложной и потому особенно привлекательной проблемы.

М. Сергиевский.

Українська Академія Наук. Збірник Історично-Філологічного Відділу № 75. Проф. Павло Смірнов. Валзький шлях і стародавні Русі (Нариси з руської історії VI—IX вв.). У Києві. 1928. Ціна 3 карб. Стор. 228.

Интерес к изучению начальной истории Руси захватывает все больший круг ученых: к числу таковых нужно теперь отнести и автора названной книги, доселе специализировавшегося на изучении городов Московского царства. Автор — убежденный норманист; он понимает шаткость позиций норманистов (стр. 154—156 и др.) и потому старается найти для норманизма опору в истолковании эпохи более древней, чем IX в., где больше простора для гипотез и меньше ударов от ученой критики. Сущность нового гипотетического построения начальной истории Руси П. П. Смирнова сводится к следующему. Еще в VI в. между средней Волгой и Окой, где было потом ядро Московского государства, поселились скандинавы в большом количестве; около VIII в. они здесь организовали «каганат Руси», который в 20—30-х гг. IX в. разрушили угры. После этого, часть верхушки Руси эмигрировала в Скандинавию, а масса оставшихся скандинавов, в смешении со славянами, камскими болгарями и финнами, образовали три «карликовых» государства. В 862 г., а может быть, и около 840 г. (стр. 154—155) племена Восточной Европы вызвали бежавших эмигрантов из Скандинавии и орга-

низовали Новгородское и Киевское княжества, в результате чего уже в X в. сформировалась единая славяно-русская народность, государственные образования коей, и в первую очередь Киевская Русь, — продолжение скандинавского «каганата» VIII—IX вв.

Для обоснования этой гипотезы автор усиленно пользуется показаниями арабских источников, стараясь согласовать их с исландскими сагами, русскими летописями и археологическими данными. К сожалению, при привлечении большого количества источников автор не успел ознакомиться со всей нужной литературой, и потому у него большие пробелы как раз в области новой научной литературы: обходятся молчанием гипотезы и выводы А. А. Шахматова (хотя иногда он и цитируется); совсем без внимания оставлены работы Н. Я. Марра, В. А. Брика и др. Что касается летописей, то автор старается отстоять верность летописных показаний как раз той поры — до IX в., — относительно которой он нашел бы много ценных замечаний у А. А. Шахматова; даже показания Иоакимовской летописи и истории Татищева о Гостомысле и т. п. автор принимает за исторические факты (стр. 154, 158 и др.). Такое же доверие уделяется и данным саг (стр. 61 и сл.).

Что касается основных положений гипотетического построения П. П. Смирнова, то в них много неясного, противоречивого и бездоказательного: так, напр., не сделано критического анализа всех древних свидетельств о «Россе» и «Русе» и не доказано, почему тут нужно разуметь именно скандинавов; не выяснено, почему автор верит в раннее появление и большое количество скандинавов в Восточной Европе, хотя археология дает нам сведения лишь о небольшой группе находящихся здесь скандинавских курганов и более позднего времени IX—X вв.; не выяснено, почему скандинавы организовались именно в «каганат»; не обоснован факт разрушения каганата Руси уграми около 820—830 гг., когда он ясно чувствуется в памятниках XI в. и вспоминается в конце XII в.; даже с известием Бертинских анналов 839 г. автор как следует не сумел согласовать этого факта (стр. 149 и др.). Стараясь, и без достаточных оснований, представить известия арабов о трех племенах Руси, как хронологически следующий этап в истории ее после разрушения каганата, автор не выяснил, сколько времени существовали эти «племена», или, по его терминологии, три «карликовых державы», каково их отношение к Киевской Руси — к княжествам Новгородскому, Киевскому и другим, основанным, по мнению автора, 20 лет спустя после разрушения каганата (стр. 154, 156, 213 и др.) и объединившимся в «одну русскую державу» (стр. 180 и др.). То ли «царства» эти существовали вне славянской Руси («Берави» и «Артания»), то ли

в какой-то невыясненной с нею связи («Славия»); неясно, почему этот, по мнению автора, случайный и кратковременный момент триединства Руси арабы так подчеркивают; не сделано попытки сколько-нибудь обосновать и выяснить, как это сильный экономически и культурно, многочисленный в Восточной Европе (стр. 35, 126, 131, 220 и др.) народ скандинавов в X в. вдруг потерял свой язык и превратился в «славяно-русскую» народность или «великорусов»; почему так быстро и незаметно это сделалось и почему автор относит образование «великорусов» к X в. и т. д. Автор много поработал, много собрал материала, но мало разобрался во всем этом сложном материале, так что при чтении его работы все время встают вопросы и недоумения, которых автор не удовлетворяет. Даже в первом и основном вопросе у автора недоумение: читатель не поймет, пишет ли он о «единой русской народности» или о «великорусах» (стр. 6; 195, 223, 228 и др.), дает ли он введение в историю России или Великороссии. По нашему, в данной работе скорее всего можно найти значительный материал по истории Восточной Европы вообще, а вопросы русской истории сюда притянуты довольно неуклюже.

Владимир Пархоменко.

Книжные новости в области славяноведения, русского языка и литературы

(по поступившим в редакцию изданиям).

Wollman Frank. Slovesnost slovanů. «Vesmír» Praha. 1928. 8°. 264.
Jirásek Josef. Rusko a my. Studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. «Vesmír». Praha. 1929. 8°. 367.

Обе книги являются продолжением предпринятого издательством «Vesmír» труда «Slované. Kulturní obraz slovanského světa» под общей редакцией проф. Милоша Веймардта (ср. ИРЯС, I, 605).

Труд проф. Вольмана дает популярный сжатый очерк славянских литератур, расположенных по эпохам и направлениям. Перед читателем проходят литературы всех славянских народов, начиная от зарождения их в старославянской письменности и кончая литературами украинской и белорусской. Охарактеризованы и новейшие русские писатели из народа. Все это дает возможность сравнительного изучения славянских литератур. В конце книги приложена подробная библиография и указатель. В типографском отношении издание образцовое.

Книга д-ра *Ираска* посвящена уяснению возникновения и развития чешско-словенско-русских связей и сношений с начала XIX столетия до 1867 г. После многочисленных работ по данному вопросу *В. А. Францева* (из которых главнейшая «Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII в. и первой половины XIX в.». Варшава, 1902) рассматриваемая книга является одним из обстоятельнейших сочинений, старающихся всесторонне охватить и уяснить взаимные интересы чехов и русских, особенно при зарождении у нас научного славяноведения. Книга эта своевременно вышла к столетнему юбилею со дня смерти Иосифа Добровского, которому в ней уделено подходящее место. Роль русских славянофилов и влияния выдающихся чешских ученых (напр., И. Добровского, В. Ганки, П. Шафарика, Палацкого и др.) на русское славяноведение нашли здесь рельефное отражение. Не обобщены и политические связи. В выносках дается обстоятельная библиография, а в конце книги указатель. С внешней стороны издание образцовое.

Врхлицкий Ярослав. Избранные стихи. Перевод с чешского К. Д. Бальмонта. Несколько вступительных слов о Я. Врхлицком Яна Рокиты. Прага. 1928 (16^о. 98).

В опрятно напечатанной книжке с портретом, к 75-летию со дня рождения ныне покойного великого чешского поэта, дан сборник его лучших произведений. Перевод исполнен стихом с одушевлением и искусством, близким к оригиналу. Вступительная статья Я. Рокиты дает краткую, но меткую характеристику творчества Врхлицкого.

Hujer O. и Fraenkel E. Bibliographie des Jahres 1926. Baltisch-Slavisch (отд. отт. из Indogermanisches Jahrbuch, XII, 1928, стр. 254—313).

Славянский отдел очень внимательно представлен О. Гуйером, причём большинство работ даже реферировано: указаны главные выводы.

Записки аддезу гуманитарных наук. Книга 2. Працы класы філэ-лёгіі. Т. І. Пад агульнай рэдакцыяй старшыні аддзелу, правадзейнага члена С. Некрашэвіча. Менск. 1928. 8^о. VII + 390.

Некоторые статьи настоящего издания, присланные в редакцию в отдельных отисках, были названы в I т. ИРЯС. Здесь отметим следующие.

С. Некрашэвіч. Мова кнігі Касьяна Рымляніна Ераміты, (86—114). Здесь идет речь о языке рукописи Белорусского Государственного Музея в Минске: «Книга Преподобного Шца нашего Касьяна Римлянина Еремиты: ѿ сставѣ манастирски» 1641 г. Рукопись исследована очень внимательно. Дано 4 снимка и разобрана графика. Главные особенности языка отмечены со знанием дела; вследствие этого известные черты старого белорусского языка в значительной степени дополняются новыми данными. Рукопись переписана в Кутенском монастыре лицами, несомненно, из юговосточной белорусской

области, вследствие чего в ней изредка попадаются украинизмы: *щобъ* на задней обложке, ср. 86 стр. Зап., мена *e* из *ъ* с *и* (свидительство, свидомы, добродителю, взлетити 94), где конечно не может быть речи об ассимиляции: ст.-слав. съвѣдѣтельство; смещение *ы* и *и* и наоборот 95. Фактических недосмотров в работе мало: не думаю, чтобы в рукописи над *ш* безразлично употреблялись *ш* и *щ*, *ч* и *щ*, *ъ* и *ь* (ср. 88, 95, 104 стр. Зап.), смешаны греч. *ч* и *щ* 88. В *коло* ср. 95 не «звннкненьне *о*», а особое образование без *о*; *л* вм. *ль* 98 — старинная особенность письма во многих памятниках; в *оз* вм. *въ* нет отпадения *в* (ср. Белорусы, II, 1, стр. 423, и РФВ, т. XVII, 215). В склонениях по недосмотру в нескольких случаях названы основы на *-й* вм. *й* 101.

Е. Раманаў. Гаворкі Магілёўскае губерні (121—146) с приложением схематической карты. Здесь в белорусском переводе и переписке примеров на современную белорусскую орфографию напечатана статья покойного Е. Р. Романова, написанная на русском языке для 10 вып. «Белорусского сборника», принадлежащего Академии Наук СССР. Против перевода возражать конечно не приходится; не знаю только, правильно ли поступила редакция тем, что «выпраўленьні толькі ўнесены ў некаторыя хібныя формулёўкі»: лучше было бы этого не делать и вообще не изменять работы покойного автора. Статья Е. Р. Романова очень ценна для белорусского языковедения. Выбирая диалектологические данные из его сборников, часто можно было предполагать недосмотры, типографские погрешности и неточности; районы распространения разных черт обрисовывались довольно туманно, теперь же сам автор говорит с большою подробностью и обстоятельностью о различных разных могилевских говорах в фонетике, морфологии и даже в словаре. Конечно, с 1886 г., когда вышли в Киеве его 1 и 2 вып. «Белорусского сборника» прошло уже больше 40 лет и многое в живой речи могло измениться; но теперь есть полная возможность проверить наблюдения Е. Р. Романова и очень точно занести в диалектологический атлас белорусского языка. Подобные черты, часто очень редкие, как показали наблюдения Петкевича и Мошинского, имеют значительное распространение и в белорусском Полесье. Есть они и в Западной, закордонной Белоруссии.

П. Растаргуеў. Да характарыстыкі беларускіх гаворак (189—219). Материалом для этой статьи послужили ответы на программы Моск. Диалектологической Комиссии. Исполнены ответы 11 программ. Кое-какие сведения взяты из устных ответов студентов 1 МГУ. Достоинство напечатанных ответов на программы то, что они приводятся без исправления орфографии (кроме опущения *ъ* и замены *ъ* через *е*). Исправление чисто фонетическое может быть сделано только на местах. Тут приводятся данные: 1) из с. Шкельтова Двинского уезда, 2) из сел Гудова и Росухи и некоторых деревень Мглинского уезда, 3) из нескольких деревень Городецкой волости Минского уезда, 4) из с. Шещиц Горепского у. Могилевской губ., 5) из д. Татарки Оршанского у., 6) из с. Лисичина Сенненского у. Могилевской губ., 7) из с. Гавриленки Климовицкого у. Могилевской губ., 8) из м. Лоева Речицкого у., 9) из г. Гродны (Гародні), 10) из с. Вяляшкович Витебского у., 11) из с. Альберович Борисовского у., 12) из с. Жовнец Клиновского у. Брянской губ., 13) из сел Анохова, Хоробичи, Высокого и др., Почепского у. Брянской губ., 14) из с. Рылович Новозыбковского у. Брянской губ. Не все ответы отличаются одинаковыми достоинствами, однако и по ним можно судить о территории распространения тех или других белорусских особенностей.

Л. Булахоўскі. Аб перасоўванні націску на склады перад слабымі канчатковымі рэдукаванымі (230—234). Стат'я касаецца пытання аб перадвжненні ударэння на слоги, стоячыя перад канчымі слабымі рэдукаванымі. Матэрыял прыводзіцца глывным абразам абшчэславянскі, но не забыты і некотарыя чысто беларусскія асабннстн (напр., берагбх, гарабх, бакбх, зладзбх, каманбх).

Г. Ільініскі. Блр. нетра = рас. «болото, трасина, дебри» (235). Слово «нетра», прадполагаюшчае «нётро» вполне соотвстует греч. νῆτρον от корня *пѣ-т.

М. Коген. Этымалёгічныя нататкі (236—241). Даюцца этымалогіі слоў *скаба, скула, шмура, жохаць, гас, асноба, туд* (страх), *булдыр, віхаць* і *тнуць*. К сожаленію стат'я аччнь плоху каррктывана.

Я. Станкевіч. Дыспаляталізацыя *l* у беларускай мове (242—246). Речь ідет аб атврдзенні *л* перад суффіксам в настайчае врэмя, пасле утраты *ь*, начынаюшымся с тврдого согласного (пальцы, самахвалство, круцёлка), явлениі, атмеченном сто лет тому назад ещч П.И. Шафариком в его *Slovanski Narodopis*. Автор аччнь жожалет о том, что эта черта не введена в беларусскую грамматику (замечу — над которой смеются сами беларусы). Что касаецца старинных беларусских памятникон (стр. 243), то там, как и вообще в др.-русских памятниках XIV в. и следуюшчх веков, мягкое *л* обозначает редко, так что мало знакомому со старинными рукописями лицу мнимое атврдзеніе *л* можно встретить аччнь аччнь, даже в Лаврентьевском списке летописи Суздальского происхождения.

В. Перетц. Адшуканні і нагляданні ў беларускай народнай творчасці (247—264). В стат'е прыводятца ценные указания, касаюшчыся народнай беларусской поэзии, хронологии некоторых песен, связи их с старинными произведениями XVII—XVIII вв.

Известия на народния этнографски музей въ София. Година VII, книжка I—IV. София. 1927. 8°. 313.

К аччнь ценному изданию со снимками, иногда в несколько красок, и рисунками, дан подробный указатель ко всем семи томам: Показалець I—VII.

Karcevski Serge, Docteur ès lettres. Système du verbe Russe. Essai de linguistique synchronique. Prague. 1927. 8°. 167.

Ценная работа Карцевского по русскому глаголу собственно предназначена для иностранцев, изучающих русский язык. Но и русский исследователь найдет в ней для себя богатое и обильное поучение: в ней прекрасно подобрана литература предмета, явившаяся у нас и за границей, и умело сгруппирован фактический материал, больше впрочем из русского литературного языка. Что касаецца взглядов Карцевского на то или другое явление русского глагола, то об этом говорить, конечно, не в маленькой библиографической заметке.

Клейнборт Л. М. Молодая Белоруссия. Очерк современной белорусской литературы. 1905—1928 гг. Минск. 1928. 8°. 508.

В 1922 г. выпуская в «Белорусах» (III, вып. 3) художественную литературу на народном языке, я отметил (стр. VIII), что свое обозрение я довел

только до 1921 г., что в работе имелось в виду главным образом зарегистрировать поэтический материал с целью ознакомления с ним читателя; критическая же оценка этого материала с художественной стороны; выяснение условий творчества того или другого автора, качества его таланта; отражения в рассматриваемых произведениях окружающей нас действительности и мечтаний о будущем — только отчасти входило в мои задачи. Все это должны были сделать последующие историки литературы и культуры белорусской. Несколько дальше продвинуто дело в моем немецком издании «Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur» (Berlin und Leipzig, 1926), но все это сделано в сжатой форме. Разбираемая книга в значительной степени удовлетворяет намеченным пожеланиям. Так обзор литературы в ней доведен до 1928 г., т. е. до наших дней. Много места уделено направлениям и литературным белорусским деятелям послереволюционного периода, чего я почти не касался. Клейнборт большой знаток русских писателей, вышедших из народа, вообще из пролетариата; поэтому в его «Молодой Белоруссии» творчество местно-белорусское везде сравнивается и сопоставляется с великорусским. Он не столько стремится познакомить читателя с произведениями того или другого белорусского писателя, сколько дает углубленную картину тех условий, при которых развивалась литературная деятельность этих писателей. Молодая белорусская критика, разбирая больше произведения живых писателей, легко впадала в преувеличения; этого нет у опытного ценителя народных писателей Клейнборта, у которого вообще дается справедливая оценка; осторожность в характеристиках особенно применима к начинающим лицам, к писателям «третьего призыва». К некоторым недостаткам работы можно отнести следующее. Книга предназначена для великорусского, украинского и вообще читателя из славян, который еще не знаком с белорусскими писателями. Знакомясь с их произведениями лишь в самых общих чертах, обыкновенно даже без указания их, читатель не будет знать, что ему следует прочесть, что изучить; вследствие этого, образ того или другого писателя не выступит рельефно, создается только известное настроение. Далее, хотелось бы встретить больше художественной оценки, что Клейнборту, как знающему белорусский язык, и хорошо знакомому с приемами литературной критики, не трудно было бы сделать. Подобные разборы и указания были бы очень полезны для начинающих писателей и их белорусских критиков. Но вообще следует сказать, что рассматриваемая книга очень приятное явление в области изучения белорусской литературы.

Курило О. Матэрыялы до украінської діалектології та фольклористики. У Київї. 1928. 8°. 135 (из трудов Постоянной диалектологической комиссии УАН).

В настоящей работе даны записи народной речи из разных мест, больше Западной Украины, сделанные опытным лицом в разное время, но проверенные перед опубликованием их. Все внимание обращено на точную передачу звуков и ударений; речь молодого поколения не смешивается с произношением стариков. К диалектологическим материалам отнесены и словарные записи из разных мест, обыкновенно иллюстрируемые массой ценных в разных отношениях примеров. Записям предпосылаются сведения о тех лицах, от которых они сделаны,

и обыкновенно даются краткие характеристики произношения тех или других звуков и их передачи в печати. Среди записей имеется и много ценного фольклорного материала (сказки, заговоры, причитания и т. п.).

Миртов А. В. Качество предупредительного гласного, как типовой признак Донских говоров. Ростов на Дону. 1928. Отд. отт. из «Сборника ст. по вопросам культуры».

Обстоятельно исследованы разные случаи замены безударных гласных непосредственным наблюдениям автора и других лиц. Присоединена даже карта распространения тех или других черт.

Pietkiewicz Czesław. Polesie Rzeczyckie. Materjały etnograficzne. Część I. Kultura materjalna. Z 291 rysunkami w tekście. Kraków. 1928 (№ 7. Prace komisji etnograficznej Polskiej Akademji umiejętności). 8°. VI + 319.

Книга посвящена части того же Полесья, какое описывает в своем труде и К. Мошинский (ср. *Slavia*, VII) и вышла она под редакцией последнего. В своем предисловии (IV) он пишет: «Polesie Rzeczyckie» является единственным в своем роде документом. Оно дает точный образ деревенской культуры Речицкого Полесья между 1863 г. и 1888 г., воспроизведенный интеллигентом, который вел деревенский образ жизни и при том отличался необычайной памятью, воспроизводящей окружающую жизнь с фотографической точностью. Чтение книги Петкевича показывает, что эта оценка вполне справедлива. Читатель знакомится: 1) с собиранием диких плодов, их употреблением и сохранением, 2) с охотой, 3) с пчеловодством, 4) с животноводством, 5) с земледелием, 6) с приготовлением пищи, 7) с заготовкой дерева и дров, 8) с производством деревянной посуды, 9) колес и телег, 10) с постройками жилищ, 11) с выделкой волокна, 12) с кожевным делом, 13) с кузнечеством, слесарством и под., 14) с путями сообщения. Все перечисленные отделы описаны наглядно и подробно с массой рисунков. Нам особенно интересуют во всех перечисленных отделах название предметов и действий чисто белорусскими словами. Довольно точная передача их польской орфографией дает нам ценный материал для белорусской грамматики и особенно словаря. Приведу примеры. Для фонетики: отсутствие ожидаемого перехода *e* (из основн. *e* и *o*), стоящего под ударением после мягкого согласного перед твердым и на конце слова в *o*: *mieszék* 3 стр., *swajé*, *miesce* 9, *rużzé* 17, *iszczé* 84, 86, *mied* 127, *piechajjé* 171, *kryłcé* 233; переход редуцированного *e* перед согласным, бывшим мягким, в *i* (*iszczé*) или даже совершенное его исчезновение: остался только *j*: *tut jaszczé da jaszczé* 9, *niszczémno* 115; пропуск редуцированного гласного *e* или *a* в выражении: *glasca twajjéj matry* 10 (ниже правильно: *twajjéj máciery* ib.); пропуск целого слога в *tré jci* = *trébajci* 81; усиленное произношение согласных *s* и *r* в речи, производимой с особым возбуждением: *passsierrú* 51; замена иностранного *f* посредством *kw*: *kwásła* 98; *kwáska* (фаска, ушатики) 184. В морфологии и синтаксисе: *pierszyje żniwá* 84, *aréchi* и *areché* 7, *usiákaho kumatjáj* 9, *idzi sabie kudy*

cho cz 84; *takaja nieduzaja szto i részeta chmielu nie padnimú* 3, *oś pryszóů ja na swajé szczaśliwaje miéсце da zir tudy siudý, až siedzić hryb* 9, *haroch paspiéů, chwalic ciebie Hóspadzi* 82.

Изображая материальную культуру, рассматриваемая книга дает массу ценного словарного материала, напр. (привожу несколько слов из тех, каких не имеется в «Беларуска-расійскім слоўніку» Бойкова и Некрашевича (М. 1926), *starczak* 1, *chwaszcz* 2, *kuziúmka* 4, *łúzańcy* 8, *czuó świet* 25, *tyżdzień* (вм. обычного *tydzień*) 84, *zamórki* 87, *adósy* 89, *biczéjka* 89, *łapczyz* (акция) *padskóczyů* 110, *jómka* 120 (*czapilá*), *kiczka* (сосновый пенек) 148, *szczyk* (верхушка дерева) 148, *jára* (*czeczótka* особый сорт березы) 149, *abiérdzina* (смолистая сосна) 153, 154, 155, *prearjny* 158, *burczálka* 159, *namarážni* ib., *niéleń* 161, *uszúly* ib., *wanczósy* 163, *bez abziólu* 163, *łazbiéń* 166, *máza* 166, 171, *irty* (лыжи) 168, *kaczátka* 171, *zatórycz* ib., *nabóicz* ib., *spusk* (инструмент) ib., *szýleha* ib., *łúcznik* ib., *bańtúcha* ib., *asnásé* 172, *ssýpka* (ушат) 178, *szczań* 178, *razrzé* (кадка) 180, *jászczyk* (*dzień*), 184, *apléń* (воз без колес) 187, *hirtowáńnie* 209, *kapýlle* (часть воза) 211, *wiázzie* ib., *plúsznia* ib., *kórchwa* ib., *ahałóbla* 213, *uszniák* 230, *prýstajka* (= hanak, kryłcé) 233, *sólammie* (отверстие печи) 234, *czéluści* ib., *piekóůka* (kominak) ib., *sztandar* (столб) 235, *uszniaki* 235, *czakúcha* 247, 252 (*daubniá*), *dórznik* 249, *wiészniczy* (ворота) 258, *páždzirki* (у льна) 266, *zhrébnaja saróczka* 266 и т. д.

Sbornik I. Sjezdu slovanských geografiů a ethnografiů v Praze 1924. Praha. 1926. 8° большое. 472.

Для читателей ИРЯС интересны доклады на разных славянских языках в секции Va и b по антропологии и этнографии в обширном смысле слова, стр. 245—390.

Пиотуховіч М. М. Нарысы гісторыі беларускай літаратуры. Частка першая. Агляд літаратурна-ідеалёгічных плыняў XIX і пачатку XX в. Менск. 1928. 8°. 211.

В предисловии к своей работе проф. Белорусского Государственного университета М. Н. Пиотухович пишет: «нам хацелася-б асьвятліць у агульных рысах найбольш паважныя моманты ў развіцьці новай беларускай літаратуры, даць шэраг наасобных нарысаў, эпіюдаў, прысьвечаных творчасці найбольш выдатных беларускіх пісьменьнікаў, пры чым у гэтай творчасці мы імкнуліся ў першую чаргу абхапіць галоўнае, істотнае». . . Рассматривая его книгу, мы видим, что автор, действительно, останавливается главным образом на выдающихся литературных явлениях, на существенном. Все это он мог найти уже в имеющихся работах по художественной белорусской литературе, напр., у нас в «Белорусах» (т. III, вып. 3), у М. Горещко и отчасти у других. Вопросы эти он рассматривал раньше в отдельных статьях. Материал, таким образом, был дан в значительной степени критически проверенный. Но проф. Пиотухович не ограничился тем, что было до него сделано. Он под собранный белорусский материал подвел марксистскую основу. Во введении ко всей работе и в оценке творчества отдельных писателей и их литературных трудов, он стремится стать на социально-экономическую почву. Книга делится на эпохи: I. Крепостного

хозяйства. Тут рассматриваются произведения, представляющие а) пародию на классицизм — «Энеида на изнанку» и «Тарас на Парнасе», б) отражающие романтическое увлечение народностью — Рыпинский, Барщевский и Чечот, в) проникнутые духом сентиментализма — Дуний-Марцинкевич; II. Эпоха упадка крепостничества и реформы — Дуний-Марцинкевич в драматических произведениях, Богусевич, Неслуховский; III. Первая революция 1905—1906 гг. в Белоруссии — Пашкевич-Кейрис, Левицкий, Прушинский. Ко всему этому присоединен еще живший в это время поэт чистого искусства М. Богданович. При оценке всех произведений автор больше держится формально-художественных основ. Отличительной особенностью данной книги, составляющей ее преимущество, является сравнение белорусских литературных произведений с подобными же у других народов и прежде всего у русских, поляков, не говоря уже о соответствующих течениях в европейских литературах. Все это помогает автору научно разобраться в белорусском материале. Вообще же проф. Пиотухович обыкновенно рассматривает произведение того или другого писателя само по себе со стороны содержания (сюжет, тема, психологическая мотивировка), со стороны формы (стиль, ритм, композиция), привлекает идеологию писателя и все это делает в связи с его биографией и средой, в которой ему приходилось действовать.

Резанов В. И. Драма українська. 1. Старовинний театр український. Випуск п'ятий. Драматизовані легенди агіографічні. У Кліві. 1928. 8°. 294.

Настоящий выпуск содержит в себе текст трех произведений: А. Драма про Олексія чоловіка Божого; Б. «Комедія на Успеніє Богородиці», Дмитра Тупталенка; В. «Declamatio de S. Catharinae genio» І. Левицького, Дашкевича, Ів. Новицького и др. Текстам предпослано обстоятельное введение, дающее литературу предмета, местами переходящее в исследование. Особенно это следует сказать про первое произведение.

Сборник «Русская речь». Под редакцией проф. Л. В. Щербы. Новая серия. III. Ленинград. 1928. 8°. 95.

Это интересное издание содержит в себе следующие статьи: Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи. Автор правильно настаивает на том, что следует изучать не только орфоэпию — написание слов, но и орфоэпию — правильное произношение их, точнее принятое литературное произношение, в данном случае — московского образованного общества. Конечно, это приближает к изучению языка. Теперь особенно нужно правильное произношение не только со сцены в театре, но особенно с ораторской трибуны, в школе, с кафедры, когда состав слушателей стал очень разнообразен, не отличающий подчас диалектических черт речи от общепринятых литературных и даже от орфографических. Не знаю, не увлекся ли даже сам автор орфоэпией, допуская произношение — *иша* (хвѣлишся) вм. — *са* (стр. 16), так как здесь обыкновенно слышится долгое *ѣ* вследствие уподобления шипящего следующему свистящему,

вдобавок такому же твердому. В статье приводится и разбирается и литература предмета.

В. В. Виноградов. О слове «ахиня» в русском литературном языке. Рассмотрев случаи употребления этого слова у писателей и в русской народной речи, а также объяснения его, ставящие в связь с *а́хня*, или с офенским языком, автор правильно ищет для него основы в русском языке, знающем слова «хинь», «хинить», «ахинить» хулить, охаять и под. Суффикс *-ѣя* все же указывает на школьно-книжное происхождение этого слова, хотя и на русской основе. Прибавлю сюда еще параллели из белорусского языка: «ахніўць», «ахніаць» — одевать, закрывать, укрывать, но существительного «ахиня» нет, хотя суффикс *-ѣя* изредка встречается (рацѣя). Какой корень этого слова? Перед *и* мог выпасть губной *б* (белорусск. *гінуць* при *пагібаць*, общерусск. *конь* из *кобнь — *кобыла*), тогда корень предполагается *хыб-*, какой имеем в белор. «*хіба*» опшибка, «*хібець*» находиться в запустении; тогда «ахиня» будет значить — опшибка, пустяки.

Интересные сведения сообщаются и в статьях Л. А. Булаховского, Из жизни омонимов; Б. А. Ларина, О лингвистическом изучении города и Г. Винокура, Глагол или имя?

Следует пожелать, чтобы подобные ценные сборники выходили почаще.

Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker. Herausgegeben von Franz Spina und Gerhard Gesemann in Prag. Verlag von Walter de Gruyter & Co., Berlin, Leipzig, Prag. № 1—2. 1929. Lexikon-Oktav. 152.

Новый журнал по славяноведению имеет в виду в популярной форме изображение культурной жизни всех славянских народов. Первый № начинается статьей о русской архитектуре; далее следуют работы о польской литературной критике; затем идут статьи, касающиеся чешской, сербской, болгарской культуры, — о славянской музыке; о славянском языкознании в Советской Украине; некролог чешского философа — Ладислава Климы. Большой отдел посвящен обозрению славянской — восточнославянской (русской, украинской и белорусской), польской, чехословацкой, югославянской литературы по предметам гуманитарного цикла (философия, искусство, словесность, письменность, языкознание и т. д.), написанному известными учеными. Наконец, приложена обширная библиография из тех же областей. С большим интересом читаются заметки и по культурной хронике славян.

Сосенко Ксенофонт. Культурно-історична постать староукраїнських свят Різдва і Щедрого Вечера. Львів. 1928. 8°. IX + 349 + 12.

Изданная «накладом автора» книга содержит в себе много интересного материала — чисто этнографического, фольклорного, по истории религии и даже лингвистического; но пользоваться приводимыми автором данными нужно с большою осторожностью. Он считает украинцев автохтонами на своей земле (стр. 11: «все те свідчить про постійне перебування Староукраїнців на українських землях в преісторичних часах на кілька тисячів літ перед нашою ерою») и поэтому

все обряды рождественские и относящиеся к щедрым вечерам он относит к глубочайшей древности, к первобытным временам палеолита и вообще к первым ступеням зарождения человеческой культуры. Филологические толкования очень свободны. Из приводимых автором данных могут быть сделаны совсем другие заключения. Мало приведено сравнительного общерусского и вообще славянского материала. То же следует сказать и относительно литературы предмета. Но вообще в руках опытного этнографа при фольклорных изучениях книга может быть очень полезной.

Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. I. Менск. 1928. 8^о. 280 + 45 таблиц снимков.

Книга рассматривает памятники искусства на территории современной этнографической Белоруссии. Тут и памятники, добытые при раскопках курганов, и церковная архитектура XI—XII столетий больше из северовосточной Белоруссии (Полоцк, Витебск, Смоленск), и замки западной Белоруссии XIII—XVI ст. времен литовского, отчасти польского владычества, и готические сооружения XV—XVI столетий, проникшие с Запада. Изложение сопровождается обильной литературой предмета, часто выписками из нее. Снимки имеются и в тексте исследования и часто повторяются в приложениях. На территории Белоруссии в предметах искусства видны влияния восточное, византийское, др.-русское, литовское, польское и западно-европейское. В следующих томах, вероятно, будет речь о чисто белорусских особенностях.

Е. Карский.

В редакцию поступили книги и брошюры:

Адзінец А. і Юрашкевіч І. Агульныя нататкі аб мове Тураўшчыны (8^о. Из журнала «Наш Край», 1928, № 8—9; стр. 71—81).

Адрианова-Перетц В. П. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. (Отд. отт. из «Русский театр», 16^о. С 7 по 63 стр.). Академическая типография 1728—1928. Ленинград. 1928. 8^о. 108.

Белий А. Мисли о прикуцьау диалекатского материала. Отд. отт. из «Жужнословенски Филолог», VI, стр. 1—10.

Его же. О употреби времена у српскохрватском језику. Отд. отт. оттуда же. VI, стр. 102—132.

Его же. О синтаксичком индикативу и «релативу». Отд. отт. из «Symbol. grammatic. in honorem Johannis Rozwadowski», II, 48—55.

Богатырев П. К вопросу об этнологической географии (отд. отт. из Slavia, VII).

Богородицкий В. А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. 8^о. 11 стр. Изложение сравнительно с русским вокализмом.

Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Ленгр. 1929. 8^о. X + 164 (Сборник РЯС, I, вып. 2).

Věstník královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná. Ročník 1927. V Praze, 1928. 8^о, 75 + 156 + 66 + 139 + 32 + 22.

Výroční zpráva Král. české společnosti nauk za rok 1927. V Praze, 1928. 8^о. 50.

Вишневский Б. Н. Эволюция человека (новое в палеоантропологии). 1928. 8^о. 88.

Воўк-Левановіч О. В. Аб прынцыпах і методах укладання Гістарычнага Слоўніка Беларускае мовы. 8^о. 19.

Horpe Vladimír. Úvod do intuitivní a kontemplativní filosofie. Brno. 1928. 8^о. 399.

Данилов В. До історії «Малоросійських П'єсенъ» М. А. Максимовича (из України, кн. 4, стр. 23—33).

Dobiache-Rojdestvensky O. Un manuscrit de Bede a Leningrad. Отд. отт. из «Speculum», Volume III, № 3, July 1928, стр. 314—321 + 3 табл. снимков.

Dostál E. Příspěvky k dějinám českého iluminátorského umění na sklonku XIV. století. Brno. 1928. 8^о. 175 + 16 снимков с миниатюр.

Дурново Н. Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка (отд. отт. из «Жужнословенски Филолог», VI, стр. 11—64).

Durnovo N. Der Schwund von Endvokalen im Russischen (Zeitschrift, V, 17—36).

Етнографічний вісник, кн. 7. У Києві. 1928. 8^о. 250.

Замоцін І. І. Чарговыя задачы вывучэння беларускае літаратуры. Отд. отт. из Зап. ГН., кн. 2, стр. 265—275.

Его же (и А. А. Гайворовского). Спроба ўкладання анкет для збірання крытычна-біографічных матар'ялаў на гісторыі беларускай літаратуры. 8^о. 8.

Запіскі адзелу гуманітарных навук. Книга 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва. Т. I, сшытак 1. Менск. 1928. 8^о. 212.

Запіскі адзелу гуманітарных навук. Книга 3. Працы класы гісторыі. Т. II. Менск. 1928. 8^о. 495.

Zelénin D. Prof. Dr. Ein erotischer Ritus in den Opferungen der altaischen Türken. 4^о. (Отд. отт. из Internationales Archiv für Ethnographie. Leiden. XXIX, Heft IV—VI, 83—98). К статье приложено два листа снимков.

Кагаров Е. Форми та елементи народноі обрядовости У Києві. 1928. 8^о. 39 (Отд. отт. из «Первісне громадянство», I, 1928).

Статья очень ценна по своей богатой библиографии.

Его же. Відділ еволюції та типології культури при Музеї антропології та етнографії АН СССР в Ленінграді (Отд. отт. оттуда же, стр. 138—145).

Его же. Завдання та методи етнографії. У Києві. 1928. 8^о. 44. (Укр. А. Н. Збірник I.—Ф. в. № 79).

Его же. Sur la signification du terme μύδος. 8^о. 4 (отд. отт.).

Его же. Ein Hühnerfest der Frauen in Russland. 8^о. 7 (отд. отт. из Hessische Blättern f. Volkskunde, XXVII).

Камінський В. Нариси звичаєвого права України. У Києві. 1928. 8^о. 45.

Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города. 1—8. 8^о. Отд. отт.

Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Ленгр. 1928. 8^о. 175.

- Лоя Я. В. Против субъективного идеализма в языковедении. 80. Отд. отт. из «Языковедение», стр. 141—217.
- Лукьяненко А. М. Русский язык как предмет преподавания в тюрко-татарских школах. Симферополь. 1928. 80. 55.
- Его же. Речь человека в представлении современной науки языковедения. Симферополь. 1928. 80. 24. Из «Известий Крымск. Пед. Инст.», т. II.
- Его же. Очерк научной и педагогической деятельности проф. Е. В. Петухова к моменту ее сорокалетия (1887—1927). Отд. отт. из Сборника Педагогического института.
- Мадуев А. С. К диалектологии Саратовской губ. Говоры северо-западного сектора Сердобского уезда. Саратов. 1928. 80. Отд. отт. из «Ученых Зап.» Педагогич. фак., VI вып. III, стр. 347—360.
- Македонски прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ. Година IV, кн. 3. София. 1928. 80. 202.
- Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой Лампы». М. — Л. 1928. 80. 53. Из сборника «Декабристы и их время», I.
- Назаревський О. А. До студій над давньою українською повістю. У Києві, 1928. (Отд. отт. из XVIII т. «Записок» ІФВ УАН, стр. 10).
- Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Науковий щорічник за редакцією Катерини Грушевської. 1927, вип. 1—3. 80. 240. То же, 1928. Вып. 1. 80. 187.
- Peretz V. Luther Arthur. Geschichte der russischen Literatur. Разбор. (Отд. отт. из Zeitschrift f. Sl. Phil., V, 1/2, стр. 254—274).
- Пермский краеведческий сборник. Вып. IV. Издание «Кружка по изучению Северного края при Пермском университете». Пермь. 1928. 80. 280.
- Піотуховіч М. Апаваданьне «У Палескай глушы», як новы этап Беларускай мастацкай прозы. Менск. 1925. 80. Из «Наук. Зб. ІВК», стр. 31—38.
- Его же. Ля вытокаў лірыкі Янкі Купалы. М. 1927. 80. Из «Прац БДУ» № 16, 19 стр.
- Его же. Поэтычнае сьветаадчуваньне ў творчасці Якуба Коласа. Оттуда же. 80. 11.
- Его же. Звычай і песьні беларускага селяніна ў іх гаспадарчай аснове. М. 1928. 80. 30. Из «Полымя» № 3.
- Его же. Францышак Багушэвіч, як ідэолёг беларускага адраджэньня і як мастак. Из «Прац БДУ». 80, стр. 19—34.
- Его же. Ядвігін Ш. Из «Зап. Гум. Н. ІВК», т. I, стр. 276—290.
- Его же. Творчасць Цішкі Гартнага. 80. 16.
- Пічэта У. І. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватна-уласніцкіх землях к часу выданьня Літоўскага Статуту 1529 г. Менск. 1928. 80. (Отд. отт. из «Записок А.Г.Н.», II т., кн. 3, стр. 378—431).
- Побут. Періодичний орган Всеукраїнського етнографічного товариства. Київ. 1928. I, ч. 1, 2 и 3.
- Polivka J. Poznámky o stylistice ruských pohádek (из книги: Slovanské pohádky, стр. 24—29).
- Праці комісії для вивчення звичаєвого права України. За редакцією проф. А. Е. Кристера. Вип. 2. У Києві. 1928. 80. 447.
- Револуція и культура. № 13. 1928. Москва. 80. 80.
- Revue des études slaves. Tome huitième, fascicules 1 et 2. Paris. 1928. 80. 170.

- Ржигга В. Из истории повести. Отд. отт. из «Известий Тверского Педагогического Института», вып. IV, 1928 г., стр. 97—117.
- Рогозин С. Об изменении звуков и органов речи в их взаимной зависимости. Ульяновск. 1929. 80. 69 + 14.
- Статья представляет ответ рецензентам и Об изменении звуков и органов речи в их взаимной зависимости. К последней статье еще имеется дополнение.
- Rostohar M. Studie z vývojové Psychologie. Díl I. Brno. 1928. 80. 118 + 39 + XLIII (таблиц снимков).
- Ruch słowiański. Miesięcznik poświęcony życiu i kulturze słowian. Lwów. 1928 (№ 2).
- Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. XX. 1907—1927. Участники семинария — своему руководителю. Ленгр. 1929 (80. 58 + портрет).
- Скафтымов А. Чернышевский и Жорж Санд. Саратов. 1928. 23 (из сборника «Н. Г. Чернышевский»).
- Его же. Неизданная повесть Н. Г. Чернышевского «Отблески сияния» среди его сибирской беллетристики. С. 1928. 80. 28 (оттуда же).
- Его же. К «Мелким рассказам» Чернышевского. С. 1928. 80. 36.
- Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Vydovají O. Najer a M. Murko Ročník VII. Sešit 1 i 2. Praha. 1928. 80. 448.
- Словарь русского языка, составленный постоянной Словарной комиссией АН СССР. Пятого тома вып. третий. Лексичек-Лисичий. Ленгр. 1928. стр. 481—640.
- Степович А. О. проф. Целый ряд отдельных оттисков: Сотя річниця історії слав'янського письменства (80. Зап. І.-Ф.В. УАН, XVI, 110—145); З перших років «Земських собраний» на Лівобережжі (ib., XIII—XIV, 185—189); До діяльності «Временной комиссии по прекращению обязательных отношений крестьян к помещикам в Югозападном крае». (S. 1. et a. 80, стр. 332—341); Ярослав Врхлицкий и русская литература (id. 80. 137—142); Ізда королів (до записів В. Г. Ляскороньского «Русальчин Великдень на Чернігівщині») (id. 80. 227—236). Отзвыы о книгах: Jan Máchal, Slovanské Literatury; Slovanský Přehled 1925 и 1927: Людвик Куба, Stení o Lužici; В. Кляіч, Knjižarstvo u hrvata и др.; Сборникъ на Българската Академия на наукитѣ, кн. XXI, и др. изд. (Зап. УАН, XVI).
- Thomson A. Die Nominativendung d. bestimmten Adjektiva und lautlich. Verwandtes in d. Slavischen Sprachen (Zeitschrift, V, 110—124).
- Францев В. А. М. П. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX ст. Прага. 1928. 80. 16.
- Его же. Руско-турската освободителна война (1877—1878) и чешского общество (отд. отт. из «Славянски Гласъ», 1928, № 1—2), 80. 10.
- Fünfundzwanzig Jahre Slavistik an der deutschen Universität in Prag (1903—1928). Prag. 1928. 40. 32.
- Zeitschrift für slavische Philologie, herausgegeben von Dr. Max Vasmer. Band V, Doppelheft 1/2. 1928. 80. 302.
- Черняев П. Н. Из истории Кавказоведения. I. Язык и культура Кавказа в свете научных изысканий П. К. Услара. II. Кавказский фольклор по исследованиям Л. Г. Лопатинского (из «Вопросы Культуры»). 80. Стр. 5—42.
- Чистяков В. Ф. и Крамаренко Б. К. Опыт приложения статистического метода к языковедению. Вып. 1. Краснодар. 1929. 80. 59 + приложения.

Шлюбскі Ал. Этнографічная дзейнасць Дабравольскага. Менск. 1928. 80. 10 стр.

Его же. Набойка. М. 1928. 80. 6 + 101 табл. снимков.

Его же. Матар'ялы да вывучэння фольклёру і мовы Віцебшчыны. Ч. II. Менск. 1928. 80. 265.

Ščerba L. Notes sur la transcription phonétique à l'occasion des propositions de la conférence de Copenhague de 1925 (отд. отт. из «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», XXIX, Paris, 1928. 80. 23).

Юшков С. В. Устав кн. Всеволода (отд. отт., стр. 405—424).

ПОПРАВКА.

На стр. 525—535 некоторых экземпляров I тома, по досадному недоразумению, происшедшему не по вине редакции, автором статьи: «Проект дипломатической депеши по поводу греческих дел, составленный Ф. И. Тютчевым в 1833 году», названа Е. П. Казанович, ходатайствовавшая перед ОРЯС о напечатании этой статьи, вм. *Ф. И. Тютчева*, внука составителя депеши.
